

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

**ВНУТРЕННЯЯ
ПОЛИТИКА
ЦАРИЗМА**

17-811
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
Труды, выпуск 8

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА

(СЕРЕДИНА XVI -
НАЧАЛО XX в.)

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД
1 9 6 7

Редакционная коллегия:

Н. Е. НОСОВ (отв. редактор), Б. В. АНАНЬИЧ,
С. Н. ВАЛК, Р. Ш. ГАНЕЛИН

*Организационная работа
и техническая подготовка рукописи к печати
выполнена Л. Н. Семеновой.*

289089

Центральная научная
Е. ЕЛЧЕНКА
Академия наук Киргизской ССР

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий выпуск трудов Ленинградского отделения Института истории АН СССР посвящен ряду важных вопросов внутренней политики царизма на всем протяжении его существования.

История внутренней политики принадлежит к числу проблем отечественной истории, сравнительно мало изучавшихся в последние годы. Между тем едва ли нуждается в доказательстве тот факт, что исследование различных сторон внутривластной деятельности царизма имеет большое значение для понимания как истории развития русского государства, господствующих и угнетенных классов в России, так и эволюции самого института самодержавия. Именно в зеркале внутренней политики нашли прежде всего свое отражение те изменения, которые претерпевал русский абсолютизм с момента зарождения до Февральской революции 1917 г., эволюционируя, по определению В. И. Ленина, в направлении «к буржуазной монархии».¹

Попытка осветить сколько-нибудь полно и систематически внутреннюю политику царизма за столь длительный период времени в издании подобного типа и объема была бы заведомо несостоятельной. Поэтому в сборнике исследуются только некоторые стороны и эпизоды этой политики. Вошедшие в сборник статьи посвящены преимущественно таким сюжетам, при освещении которых выявляются, как правило, общенациональные закономерности развития царизма и его политики.

Статьи сборника подразделяются как бы на три группы. В первой из них рассматриваются проблемы становления сословно-представительных учреждений в России, укрепления централизованной власти и формирования абсолютизма в XVI—XVII вв., а также некоторые аспекты крестьянской и рабочей политики правительства в эпоху абсолютизма.

Сборник открывается статьей Н. Е. Носова, посвященной начальному этапу становления сословно-представительных учреждений в России — изучению знаменитого собора «примирения» 1549 г. и подготовке земских реформ Ивана Грозного. В статье исследуются истоки русского абсолютизма, его классовая сущ-

¹ В. И. Ленин, ПСС, т. 20, стр. 121.

ность. Тема статьи Р. Г. Скрынникова — опричнина, период утверждения самодержавно-крепостнических устоев абсолютизма. Основной предмет исследования — итоги внутренней политики царизма в 60—70-х годах XVI в. Статьи носят в известной мере проблемно-дискуссионный характер, в частности авторы по-разному решают вопрос о роли боярства в политическом развитии России XVI в. По-разному оценивается ими и сам процесс становления в России самодержавно-крепостнического строя, его значение для судеб страны «в новый период русской истории». Правительственная политика и холопом и крестьянском вопросах в конце XVI—начале XVII в. рассматривается в статьях В. М. Палолха и В. И. Корощко. Статья Л. Н. Семенович посвящена малозученным вопросам внутренней политики периода уже сформировавшегося абсолютизма. В ней исследуется отношение правительства к рабочему люду в Петербурге.

Ко второй группе относятся статьи по истории самодержавия в период развития и утверждения капиталистического способа производства. В них рассматриваются вопросы, связанные с подготовкой и проведением царским правительством буржуазных реформ XIX в. Это статьи Л. Е. Шенюлева, посвященная политике царизма в области акционерного учредительства, а также исследование В. Г. Чернухи об институте мировых посредников.

Наконец, последняя группа статей посвящена разложению и гибели самодержавия. Это статьи Ю. В. Соловьева «Правительство и политика укрепления классовых позиций дворянства в конце XIX века», Б. В. Апаньича «Финансовый кризис царизма в 1905—1906 гг.», Р. Ш. Ганелина «Политика царизма и американский капитал во время первой мировой войны (конец 1915—начало 1916 г.)», В. С. Дикина «К вопросу о „заговоре царизма“ накануне Февральской революции».

В этом разделе изучается экономический и политический кризис самодержавия, взаимоотношения царизма с буржуазией и дворянством, соотношение сил между царизмом и буржуазией в период первой русской революции и накануне крушения самодержавия в 1917 г.

Редакция понимает, что многие вопросы и проблемы, рассматриваемые в настоящем сборнике, еще спорны, дискуссионны, а иногда и требуют дополнительных изысканий, но именно поэтому обсуждение их в научной печати представляется полезным и своевременным.

И. В. НОСОВ

СОБОР «ПРИМИРЕНИЯ» 1549 ГОДА И ВОПРОСЫ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ

(на перенутье к земским реформам)

Так уж сложилось, что XVI век стал переломным этапом в истории России. Именно тогда решался вопрос, по какому пути пойдет Россия: по пути подновления феодализма «изданием» крепостничества или по пути буржуазного развития, пути для того времени более прогрессивному, а главное менее пагубному для крестьянства. Конечно, Россия XV—XVI вв. отнюдь не была передовой европейской страной (двухсотлетнее татарское иго сделало свое дело), но все же в ней как раз в этот период, вплоть до середины XVI в., наблюдается в целом такой интенсивный экономический подъем, который (при определенных благоприятных условиях) мог бы явиться началом весьма серьезных сдвигов во всех сферах ее жизни, сдвигов буржуазного, перенее предбуржуазного, свойства. Симптомами этого уже давали о себе знать еще в конце XV в., особенно на посадах и в черносопных районах страны. И если в России в результате «ивановой опричнины» и «великой крестьянской порухи» конца XVI в. все-таки победило крепостничество (в сфере социальной и не только крестьянской) и самодержавие (в сфере политической), то это отнюдь не результат их прогрессивности в условиях русской действительности XVI в. и отнюдь не доказательство того, что русский народ не мог пойти по другому пути. Но зато это та основная, «объективная» причина, которая всегда придавала всем сословно-представительным учреждениям феодальной России — а без них даже Иван Грозный не мог обойтись — половичатый и незавершенный характер, характер придатка самодержавия, а не силы, ему противостоящей. Это, конечно, не особенность одной России, но в России для этого были свои исторически опосредствования.

Отсюда, наконец, и то на первый взгляд странное переплетение «земских» и «приказных» начал в жизни русского общества XVI в., которое нашло свое выражение не только в деятельности местного земского самоуправления, но и в деятельности московских Земских соборов и Боярской думы — этих, пожалуй, наибо-

лее сложных и противоречивых политических институтов российской феодальной монархии XVI столетия.

И последнее. Борьба за политическую централизацию в России протекла в ожесточенной классовой борьбе, достигшей особой остроты именно в XVI в. И главным в этой борьбе был вопрос о власти. Но это отнюдь не означает, что наиболее последовательными носителями идей национального и государственного единства России были сторонники самодержавия. Такая позиция ведет к идеализации самодержавия как якобы наиболее прогрессивного строя для России XVI в. и упрощению понимания самого процесса становления Русского централизованного государства, его движущих сил. Вряд ли правильно также и изображение московского боярства XVI в., представляющего в своем лице крупную земельную знать, обязательно как принципиального противника централизации — носителя политического регресса. На самом деле позиция боярства была и сложнее и далеко не так отлична от позиций дворянства, с которым его связывало общее стремление к обеспечению своего классового господства над широкими слоями крестьянства и посадских людей. А что значительная часть боярства (как иногда и дворянства) под предлогом защиты «старинных обычаев» выступала против усиления самодержавия, то из этого еще не следует, что боярство вообще стремилось к реставрации порядков феодальной раздробленности (ведь и царь Иван, вводя опричнину, порядился в тогу яркого поборника удельной старины), которые были уже отброшены самой жизнью и восстановление которых в новых экономических условиях не сулило для московских бояр никаких особых выгод. Иначе говоря, боярство боролось (и то не всегда и далеко не все) не вообще против всякой централизации, а за такую централизацию, которая более соответствовала бы его социальным и политическим интересам в новом государственном порядке, и главным условием этого ставило ограничение самодержавия Боярской думой — палатой лордов, казалось бы, зарождавшегося в XVI в. русского парламента. Это отнюдь не означает, что боярство было «демократичнее» дворянства, но объективно, в силу своего экономического положения как сословия крупных земельных собственников, оно было менее заинтересовано и в массовом захвате черносошных земель и в государственном закреплении крестьянства, чем мелкое и среднепоместное дворянство, а следовательно, и менее нуждалось в укреплении военно-бюрократического самодержавного строя. В этом отношении его интересы иногда даже могли совпадать с интересами верхов посада, упорно добивавшихся создания более благоприятных условий (по условиям крепостнического порядка) для развития своей торговой и промышленной деятельности. И еще надо подумать, было ли насильственное разрушение (в угоду поместной системе) крупного боярского вотчинного землевладения, начатое на новго-

родских землях еще Иваном III и доведенное до апогея Иваном Грозным в годы опричнины, экономически и политически положительным фактором для истории России. Может быть, и этот столь распространенный в историографии «тезис» следует пересмотреть. Ведь никто и никогда еще не доказал, что в крупных феодальных вотчинах XV—XVI вв. были худшие условия для развития мелкопоместного крестьянского хозяйства, чем на поместных землях (уже одна хозяйственная деятельность крупных русских монастырей — тому явное противопоказание). Не следует ли и об этом подумать? Что же касается почти полного исчезновения к началу XVII в., во всяком случае в центральных районах страны, свободного черносошного крестьянского землевладения, столь беспощадно и поразительно быстро поглощенного поместной системой (вот тут-то и заслужило самодержавие доверие дворянства!), то его пагубные последствия для всего последующего развития России уже давно известны.

* * *

Еще В. О. Ключевский, специально изучавший земские соборы XVI в., обратил внимание на то, что «земские соборы возникли у нас в одно время и в связи с местными реформами царя Ивана».¹ И это действительно так. Все нарастающая волна городских волнений 40-х годов XVI в. (в Новгороде, Пскове, Великом Устюге и ряде других мест) и особенно «великий» московский мятеж 1547 г. — страшный финал десятилетия боярских распри, народного угнетения и произвола — со всей остротой поставили вопрос о необходимости коренной перестройки существующей системы управления.²

Это касалось в первую очередь органов местной власти как звеньев государственного аппарата, которые не только обеспечи-

¹ В. О. Ключевский. Курс русской истории. Соч., т. II, М.—Л., 1957, стр. 390—391.

² И. И. Смирнов. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI века. М.—Л., 1958, стр. 121—138; А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного. М., 1960, стр. 279—315. — В указанных исследованиях дается подробная характеристика классовой борьбы в стране в середине XVI в. и ее влияния на реформы 50-х годов. Особое внимание оба автора уделяют изучению причин и характера московского восстания 1547 г. В этом отношении их исследования являются в известном смысле итовыми в изучении данного вопроса в советской историографии, хотя авторы стоят, как мы увидим ниже, далеко не на одинаковых позициях в отношении оценки политических результатов этого крупнейшего городского восстания XVI в. Хотелось, наконец, отметить и специальный очерк С. О. Шмидта «Московское восстание 1547 года», в ближайшем время выходящий в очередном томе «Трудов ЛОИИ», посвященном истории крестьянства и борьбы классов в России. В своем новом исследовании, с которым мы, благодаря любезности автора, имели возможность ознакомиться в рукописи, С. О. Шмидт делает дальнейший шаг в сторону раскрытия социальных корней этого восстания, его ярко выраженного антифеодального характера.

вали подчинение местных обществ правительству, но и непосредственно связывали их в единый государственный организм. Но как раз это и требовало, чтобы местное управление было построено на иных политических принципах, отличных от личного вассалитета и вотчинно-приказных начал и институтов периода феодальной раздробленности, принципах, соответствующих и новой классовой структуре общества и новым потребностям становящегося Русского централизованного государства. Этими новыми принципами и стали земское самоуправление и сословное представительство, начало утверждения которых в местном управлении было положено еще губной реформой. Именно они и должны были обеспечить участие в местном управлении не только уездного дворянства, но и все более поднимающих голову представителей посадов и крестьянских миров (черных волостей) в лице их «лучших людей» — городских и сельских богачей, уже не желавших мириться со своим полным политическим бесправием. А это-то и пугало правительство, так как всегда могло быть стимулом к общим антифеодальным выступлениям крестьянских и посадских масс. Но вопреки мнению В. О. Ключевского, сословно-представительная система управления в России отнюдь не была декларирована правительством сверху в поисках «ответственных исполнителей от общества»,³ а, наоборот, зародилась в недрах самого этого общества и именно им была навязана правительству. Иначе говоря, она была порождена новым соотношением классовых сил в стране, которое сложилось на рубеже XV и XVI столетий и которое отражало выход на политическую арену страны двух новых социальных сил — дворянства и горожан.

По-видимому, уже осенью 1547 г., вскоре после подавления московского восстания, правительство предприняло какие-то шаги к смягчению обстановки в стране (во всяком случае обещания давались).⁴ Но практически оно приступает к проведению реформ лишь в 1549 г., после знаменитых февральских совещаний в Москве.

По сообщению летописи, 27 февраля 1549 г. в «царских полатах» состоялось специальное заседание Боярской думы с участием митрополита Макария со «всем освященным собором», а также дворецких и казначеев, на котором Иван IV выступил с программной речью («февральской декларацией», как ее обычно именуют в литературе), в которой обвинял бояр в том, что «до его царского возраста от них и от их людей детям боярским и христьяном чинились силы и продажи и обиды великие в землях и в холопех и в иных во многих делах», и потребовал под угрозой опал и казней, чтобы «они бы вперед так не чинили». В ответ на это бояре «били челом» дарю, чтобы он их простил — «сердца

³ В. О. Ключевский. Курс русской истории, стр. 383—391.

⁴ С. О. Шмидт. Соборы середины XVI века. История СССР, 1960, № 4, стр. 72—74.

на них не дерьжал и опалы им не учинил некоторые»; так как они «хотят» служить ему так же, «как служили и добра хотели» его отцу и деду, а которые «дети боярские и христьяне на них и на их людей учнут бити челом о каких делах ни буди, государь бы их пожаловал, давал им и их людям с теми детьми боярскими и со христьяны суд». Ходатайства бояр были удовлетворены, и царь, прося их «вперед так не чинить», говорил им «умилне» и пожаловал всех «с великим благочестием и усердием».

В тот же день Иван IV выступил с примирительной речью в другом, более широком собрании. «Да и воеводам и княжатам и боярским детям и дворяном болшим, — как сообщает летопись, — то же говорил; и пожаловал их, наказал всех с благочестием умилне». А на другой день, т. е. 28 февраля, «царь и великий князь Иван со отцем своим Макарьем митрополитом и з бояры уложил, что во всех городех Московские земли наместником детей боярских не судити ни в чем, опричь душегубства и татьбы и разбоя с политчим; да и грамоты свои жаловальные о том во все городы детям боярским послал».⁵

Таково дошедшее до нас летописное известие о февральских событиях 1549 г. Из него видно, что основным политическим вопросом, волновавшим в это время правительство, вопросом, ради которого и было созвано столь представительное собрание различных чинов, был вопрос об отношениях между правящей верхушкой московского общества в лице боярства и широкими слоями местного населения — уездным дворянством (детьми боярскими) и «христьянством», под которым имелось в виду тяглое население, крестьяне и посадские люди — «городские мужики», как зачастую прямо называют их источники того времени. Они отнюдь не выдвигаются официальным царским историографом (ведь именно в роли его выступал московский летописец) на первый план при описании, казалось бы, столь необычных для современников событий 1549 г., но как бы незримо присутствуют при этой отнюдь, наверное, не столь «умилной» в действительности картине примирения царя с боярами. «Народ безмолствовал» (по крайней мере по летописцу), но, видимо, слишком уж многозначительным было это молчание, если так спешили бояре и царь прийти к политическому согласию с широкими слоями столичных и провинциальных детей боярских. Во всяком случае уже сам факт, что Иван IV был вынужден в правительственной декларации поставить крестьян в один ряд с детьми боярскими.

⁵ С. О. Шмидт. Продолжение хронографа редакции 1512 года. Исторический архив, т. VII, М.—Л., 1951, стр. 295—296; ср.: ПСРЛ, т. XXII, ч. I, стр. 528—529. — Правда, в тексте продолжения к хронографу, опубликованном С. О. Шмидтом, «уложение» датировано 29 февраля, но этого не могло быть, так как 1549 г. был невисокосный. Поэтому мы принимаем дату 28 февраля, которая стоит в списке продолжения к хронографу, помещенном в Полном собрании русских летописей.

и признать справедливость их «великих обид» на бояр «в землях и в холопах, и в иных во многих делах», говорит и об остроте классовой борьбы на местах и о том влиянии, какое оказывали требования крестьян и посадских людей на правительство.

Второй вывод, который следует сделать из данного известия, заключается в том, что перед нами отнюдь не обычное заседание Боярской думы и отнюдь не обычное собрание воевод, дворян и детей боярских, а какое-то особое собрание, проходившее как бы двухпалатно и весьма напоминающее по своему составу Земский собор. Что же касается хода этого Собора, то даже из летописного текста (явно сглаживающего возникшее на нем серьезное политическое столкновение между царем и боярами и явно обелющего позицию молодого царя как якобы инициатора всеобщего примирения) видно, что проходил он далеко не гладко. Царь обвинял бояр, грозил опалами, казнями, бояре каялись, обещали «служить верно», как, по их уверениям, они всегда служили его отцу и деду, но упорно настаивали, чтобы впредь все жалобы на них со стороны местного населения обязательно рассматривались по суду. И это был скорее встречный ультиматум, чем капитуляция.

Во всяком случае позиция боярства настолько смутила царя, что он сразу же смягчил тон и «бояр своих» «пожаловал с великим благочестием и усердием», сняв с них все вины. Если же учесть, что вслед за этим, но уже в другой аудитории он столь же «умильно» «то же говорил» дворянам и детям боярским, то позиция царя и его ближайшего окружения будет выглядеть отнюдь не столь последовательной, как пытается ее изобразить летописец.

Иван IV с его обоюдными речами скорее напоминает человека, как бы вертящегося между двух огней и пытающегося всеми силами снять с себя вину за происходящие события, найдя какие-либо общие компромиссные решения, чем политика, уже располагающего поддержкой широких слоев господствующего класса и имеющего возможность проводить самостоятельную, заранее выработанную антибоярскую политическую программу. Принятие Боярской думой 28 февраля уложения (указа) об освобождении детей боярских от наместничьего суда — единственного постановления Собора 1549 г., зафиксированного летописью, — является лучшим тому доказательством.

Это было решение явно компромиссное, обоюднорыгодное и для бояр и для детей боярских, а отнюдь не антибоярское, как его часто истолковывают в литературе.⁶ Во-первых, оно не было особой новостью, а лишь узаконивало в общегосударственном масштабе сложившуюся практику освобождения местных феодалов (и в том числе дворян и детей боярских) от наместничьего

⁶ Такая точка зрения развивается, например, И. И. Смирновым в его монографии «Очерки политической истории Русского государства

суда,⁷ а во-вторых (и это главное), оно укрепляло общесословные права и привилегии класса феодалов в целом, в чем были заинтересованы и бояре, и дети боярские. Нельзя забывать, что наместникам и волостями были не только князья и бояре, но и представители высшего дворянства (во всяком случае дворовые дети боярские имели право на кормления и широко им пользовались).⁸ И вполне естественно, что их интересы как местных землевладельцев (вотчинников или помещиков) превалировали над их интересами как кормленщиков, временно управляющих тем или иным городом или волостью. Мы уже не говорим о том, что изъятием дел о детях боярских из юрисдикции наместничьего суда правительство устраняло тот постоянный источник конфликтов между феодалами и местными органами власти, который в обстановке обострения классовой борьбы в стране был в равной степени нежелателен для обеих сторон — и бояр, и дворян.

Но исчерпывались ли практически результаты февральских совещаний 1549 г. только принятием уложения о неподсудности наместникам детей боярских? Не явились ли февральские совещания началом каких-то более широких реформ, и в том числе земской реформы — отмены кормлений и введения на местах земского самоуправления?

Для ответа на этот или, вернее, на эти вопросы необходимо остановиться на двух важнейших источниках, содержащих почти единственные дополнительные сведения об этих событиях, а именно на материалах Стоглава и известии хрущевской Степенной книги о знаменитом «примирении» двадцатилетнего царя с народом.

Наиболее надежными, хотя и весьма сложными для понимания, являются материалы Стоглава. С них мы и начнем.

В известной речи Ивана Грозного на Стоглавом соборе 1551 г. (фигурирующей в тексте Стоглава под названием — «царь вдаст на соборе нияя писания»), вслед за напоминанием о деяниях цер-

30—50-х годов XVI века» (стр. 289—293, 312—313, 344—345). Несколько смягчает ее, но по существу, хотя и с оговорками, присоединяется к ней и Б. А. Романов в своих комментариях к Судебнику 1550 г. (в кн.: Судебники XV—XVI веков. М.—Л., 1952, стр. 255—264).

⁷ См. список жалованных грамот светским феодалам XV—XVI вв., изданный С. Б. Веселовским в приложении к его исследованию «К вопросу о происхождении вотчинного режима» (М., 1926, стр. 113—118). Общю соображениями С. Б. Веселовского о широком распространении к середине XVI в. указанных судебных привилегий детей боярских и о значении указа 28 февраля 1549 г. как превращающего эти частные привилегии в «общее право» на всей территории страны приводятся в его монографии «Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси» (М.—Л., 1947, стр. 130—131).

⁸ Подробные данные о социальном положении наместников, волостелей и иных кормленщиков в середине XVI в. приводятся в нашей статье «Боярская книга 1556 года. (К вопросу о происхождении четвертчиков)» (В кн.: Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII веков. М.—Л., 1960, стр. 213—215 и сл.).

ковного Собора 1549 г. «о новых чудотворцах», он прямо говорит: «Преосвященный Макарий митрополит всея Руси, и архиепископы, и епископы, и весь освященный Собор, в преидущее лето был есмь вам челом и с бояры своими о своем согрешении, а бояре, тако же и вы, нас в наших винах благословили и простили, а аз по вашему прощению и благословению и бояр своих в прежних винах во всех пожаловал и простил, да им же заповедал со всеми христианы царствия своего и в предних всяких делех помиритися на срок, и бояре мои и вси приказные люди и кормленщики со всеми землями помирились во всяких делех. Да благословился есмь у вас тогда же Судебник исправить по старине и утвердити, чтоб был суд праведен всякие дела непоколебимо во веки. И по вашему благословению Судебник исправил и великия заповеди написал, чтобы то было прямо и брежно — суд бы был праведен и беспосульно во всяких делех.

Да аз же устроил по всем землям моего государства старосты и целовальники, и соцкие, и пятидесяцкие по всем градом и пригородком, и по волостем, и по погостам, и у детей боярских, и уставные грамоты под сей Судебник подписал пред вами, и уставные грамоты прочтите и разсудите, чтобы было дело наше по бозе в род и род и по вашему благословению неподвижно, аще достойно сие дело на святем соборе утвердив и вечное благословение получив и подписати на Судебники и на уставной грамоте, которой в казне быти».⁹

В литературе уже высказывалось мнение, что под упоминаемом в речи всеобщем примирении «в преидущее лето» имелся в виду февральские события 1549 г.¹⁰ Одним из последних об этом писал Б. А. Романов, который, отмечая по существу тождество описания подобного «примирения» и в летописи и Стоглаве, считает, что нельзя относиться к хронологическому истолкованию известия Стоглава столь педантично, как это делают многие исследователи, и обязательно отсчитывать от января—февраля 1551 г. (времени заседаний Стоглавого собора) год, т. е. утверждать, что так называемый собор «примирения», упоминаемый

⁹ Стоглав. Изд. Д. Е. Кожанчикова, СПб., 1863, стр. 38—39 (курсив наш. — Н. Н.).

¹⁰ С. Ф. Платонов. Иван Грозный. Пгр., 1923, стр. 61—62; Е. Максимович. Целевико-земский собор 1549 г. Зап. Русск. научн. инст. в Белграде, вып. 9, 1933, стр. 1—4; С. В. Бахрушин. Иван Грозный. М., 1945, стр. 21. — Характеристика дореволюционной буржуазной историографии о соборе «примирения», датирующей его в основном 1550 г. (по данным Стоглава и Степенной книги, так как продолжение хронографа 1512 г., содержащее известие о событиях 27—28 февраля 1549 г., было введено в научный оборот С. Ф. Платоновым лишь в 1920 г.) или вообще отрицавшей факт его существования (П. Г. Васенко и С. Ф. Платонов в своих дореволюционных работах), дается в исследовании С. О. Шмидта «Соборы середины XVI века» (стр. 67—69; см. также: Л. В. Черепнин. Земские соборы и утверждение абсолютизма в России. В кн.: Абсолютизм в России. XVII—XVIII вв. М., 1964, стр. 92—96).

царем, мог проходить не ранее конца 1549—начала 1550 г. и, следовательно, аналогичные политические события происходили дважды — в феврале 1549 и в конце 1549—1550 гг.

По мнению Б. А. Романова, необходимость такого толкования отпадет, если признать, что речи царя, как и его вопросы на Стоглавом соборе, готовились заранее, всего вероятнее в июле—августе 1550 г. — после завершения работы над Судебником и принятия его в июне Боярской думой. При такой датировке, указывает Б. А. Романов, «„преидущее лето“ будет означать 7057 г., т. е. и февраль 1549 г., а раздвоившееся в наших источниках (в летописи и в речи царя в Стоглаве) прощено-покаянно-примирительное неповторимое выступление царя Ивана можно будет отнести к 27—28 февраля 1549 г.»¹¹

Собор «примирения» был один и состоялся он в феврале 1549 г., считает также М. Н. Тихомиров, хотя он не касается хронологических наблюдений Б. А. Романова и исходит из иных доказательств. М. Н. Тихомиров обращает внимание на явное тождество показаний об этих событиях, продолжения хронографа 1512 г., Стоглава и Степенной книги, хотя в последней, как он признает, они и подверглись весьма сильной интерполяции, связанной, видимо, с восхвалением роли Алексея Адашева как инициатора всеобщего примирения.¹²

Подобной датировки в отношении интересующего нас собора или собрания «в преидущее лето» по существу придерживается и И. И. Смирнов, считая, что работа над новым Судебником началась сразу же после февральских совещаний 1549 г. и именно с принятия закона 28 февраля о неподсудности детей боярских (Судебник, ст. 64), и как раз о решении исправить Судебник, принятом «в преидущее лето», напоминает царь Иван в своей речи на Стоглавом соборе.¹³ Правда, говоря о точке зрения И. И. Смирнова, надо иметь в виду, что, по его мнению, земского примирения как такового вообще не было, а февральское собрание 1549 г. (И. И. Смирнов называет его именно собранием, а не собором) носило не примирительно-компромиссный, а сугубо продворянский, антибоярский характер.¹⁴

¹¹ Б. А. Романов. Комментарий к Судебнику 1550 г. В кн.: Судебники XV—XVI веков. М.—Л., 1952, стр. 188—191.

¹² М. Н. Тихомиров. Сословно-представительные учреждения (Земские соборы) в России XVI века. Вопросы истории, 1958, № 5, стр. 4—9. По его мнению, в 1550 г. был другой Земский собор — М. Н. Тихомиров называет «собором» царское совещание во время похода на Казань во Владимире (в январе) о местничестве. Но это было военное, а не земское собрание.

¹³ И. И. Смирнов. Очерки... стр. 310—312; ср. стр. 296—300.

¹⁴ «Событием, о котором вспоминает Иван IV в своей речи на Стоглавом соборе, — пишет И. И. Смирнов, — был не легендарный „собор 1550 года“, а речь Ивана IV 27 февраля 1549 г. и связанные с ней меры. Но отсюда следует, что и истолкование формулы о „примирении“ должно строиться на основе тех материалов, которые характеризуют мероприятия

Другой точки зрения придерживается В. Ф. Ржига, С. Б. Веселовский, С. В. Юшков, датирующие «собор примирения» 1550 г.¹⁵ Что касается С. О. Шмидта и А. А. Зимина — последних исследователей, специально и, казалось бы, наиболее подробно изучавших этот вопрос, то они полагают, что «собор примирения» был не один и интересующие нас источники (летопись и Стоглав) говорят о разных соборах.

«Следует отказаться от привычной мысли будто бы Стоглавскому собору предшествовал только один „собор примирения“, — пишет С. О. Шмидт, — таких собраний было три — в 1547, в 1549 и в 1550 гг., и различные источники упоминают о различных собраниях».¹⁶

Первое собрание такого рода состоялось, по мнению С. О. Шмидта, после пожара и восстания в июне 1547 г. и «сводилось оно в основном лишь к „покаянию“ москвичей, напуганных „великим пожаром“».¹⁷ Но сведений о Соборе 1547 г. в источниках не сохранилось. В продолжении к хронографу 1512 г., как считает С. О. Шмидт, сообщается уже о втором «соборе примирения», состоявшемся в феврале 1549 г., в речи же царя Ивана на Стоглавом соборе 1551 г. говорится о третьем «соборе примирения», проходившем «предущее лето» по отношению к году созыва Стоглавого собора, т. е. в 7058 г. Такой собор, как полагает С. О. Шмидт, был созван в июне—июле 1550 г. и на нем-то и был утверждён новый царский Судебник, а также рассмотрены

правительства Ивана IV в феврале 1549 г.» И делает вывод: «В действительности формула „примирения“ представляла собой лишь идеологическую оболочку, прикрывающую реальную классовую сущность политики правительства Ивана IV как политики активной защиты интересов дворян-помещиков, политики столь же решительной борьбы против „великих родов“ феодальной знати» (И. И. Смирнов. Очерки..., стр. 298—299).

¹⁵ В. Ф. Ржига. Опыты по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек как публицист. ТОДРЛ, т. I, Л., 1934, стр. 78—79; С. Б. Веселовский. Феодальное землевладение в северо-восточной Руси, стр. 92; Ю. В. Юшков. К вопросу о сословно-представительной монархии в России. Советское государство и право, 1950, № 10, стр. 43.

¹⁶ С. О. Шмидт. Соборы середины XVI века, стр. 73. — К этой точке зрения по существу присоединяется и Л. В. Черопнин, отмечая, что С. О. Шмидту принадлежит «письма удачная попытка» разобраться в «сложном и запутанном» вопросе о соборах середины XVI в. (Л. В. Черопнин. Земские соборы и утверждение абсолютизма в России. Абсолютизм в России. XVII—XVIII вв. М., 1964, стр. 94—96).

¹⁷ С. О. Шмидт. Соборы середины XVI века, стр. 73. — Вообще предположение С. О. Шмидта о существовании «собора примирения» или иного подобного собрания в 1547 г. представляется нам крайне гипотетичным. Оно опирается по существу лишь на морально-этические сентенции летописей и самого царя Ивана (в речи на Стоглаве) о всеобщем «великом» страхе и покаянии, наступившем после пожара 1547 г. — сентенции, говорящей лишь об смятении и панике, дарившей в это время в московских правящих кругах и особенно среди ближайшего окружения молодого царя Ивана. Найти же какие-либо, хотя бы косвенные, сведения или указания о созыве в 1547 г. в Москве представительного собрания типа Земского собора С. О. Шмидту не удалось (там же, стр. 72—73).

так называемые дополнительные «царские вопросы», по мнению автора, ошибочно отнесенным И. Н. Ждановым, а вслед за ним и почти всеми другими исследователями к материалам Стоглавого собора.¹⁸

А. А. Зимин ничего не говорит о трех «соборах примирения», но и он считает, что февральское собрание или Собор 1549 г., о котором говорится в продолжении к хронографу 1512 г., и Собор в «предущее лето», о котором вспоминает Иван IV в своей речи на Стоглаве, разные соборы. «С построением Б. А. Романова, — пишет А. А. Зимин, — согласиться очень трудно уже потому, что речь Ивана Грозного все-таки была произнесена на Стоглаве, а не полугодом раньше, и „предущее лето“ неумолимо ведет нас к 1550 г. и, возможно, даже к февралю месяцу, когда были составлены так называемые „царские вопросы“».¹⁹

Но высказав предположение, что собор в «предущее лето» «ведет нас» к 1550 г. и, вероятно, к февралю, А. А. Зимин в то же время (в противовес только что сказанному) присоединяется к точке зрения С. О. Шмидта о том, что интересующий нас собор состоялся в июне—июле 1550 г. «С. О. Шмидт, — пишет по этому поводу А. А. Зимин, — предположил, что в июне—июле 1550 г. состоялось заседание нового Земского собора. На этом соборе, вероятно, в присутствии многочисленных служилых людей, вернувшихся из казанского похода, были приняты решения об отмене местничества, составлен Судебник, решено было испоместить тысячников, а также учреждено стрелецкое войско. Если не считать трудного для понимания текста Стоглава, остальные соображения С. О. Шмидта вполне убедительны».²⁰ Из данных положений (признание возможности созыва в 1550 г. двух соборов, да еще с разрывом между ними всего в три месяца!) трудно понять, куда же все-таки А. А. Зимин относит Собор в «предущее лето» — к февралю (как понял его точку зрения сам С. О. Шмидт)²¹ или к июню—июлю 1550 г.?

Из всех перечисленных мнений нам представляется наиболее убедительной точка зрения тех авторов, которые относят слова речи царя Ивана на Стоглаве о примирении в «предущее лето» к февральским событиям 1549 г., когда и состоялся, по нашему мнению, первый и единственный «собор примирения», и именно собор «примирения» — не только в переносном, но и прямом смысле этого слова.

¹⁸ С. О. Шмидт. Соборы середины XVI века, стр. 77—78. — О дополнительных «царских вопросах» см. ниже — стр. 16—24.

¹⁹ Речь идет о тех же дополнительных «царских вопросах», которые А. А. Зимин также считает ошибочно включенными в материалы Стоглава, но в отличие от С. О. Шмидта датирует их не июнем—июлем 1550 г., а февралем этого года (А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного, стр. 349—350; ср. стр. 337—341).

²⁰ А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного, стр. 349—350.

²¹ С. О. Шмидт. Соборы середины XVI века, стр. 79—80.

Нам кажется, что помимо вышеприведенных аргументов (мы имеем в виду текстологические и хронологические наблюдения Б. А. Романова), в пользу подобной трактовки вопроса о соборе «примирения» говорят следующие соображения.

Главное из них — это наличие так называемых дополнительных «царских вопросов», адресованных Иваном будто бы Стоглавскому собору 1551 г., но относимых С. О. Шмидтом и А. А. Зимним (считающих, что приобщение их к материалам Стоглава просто источниковедческая ошибка) к 1550 г. — А. А. Зимним к февралю, а С. О. Шмидтом — к июню—июлю, и поэтому якобы говорящих, во всяком случае с их точки зрения, о проведении «собора примирения» именно в эти сроки. С нашей же точки зрения (как это ни парадоксально), все наоборот — как раз наличие этих вопросов (и в первую очередь признание, что они были составлены значительно раньше Стоглавого собора и, видимо, для иных целей) и говорит о том, что под собором «примирения» имелся в виду именно февральский Собор 1549 г. Но разберемся в этом подробнее.

Дополнительные «царские вопросы», как известно, были обнаружены И. Н. Ждановым в сборнике игумена Волоколамского монастыря Ефимия Туркова — ближайшего ученика и сподвижника такого, казалось бы, активного участника Стоглавого собора, как новгородский архиепископ Феодосий, который, после того как был оставлен в мае 1551 г. с новгородской кафедры и попал в немилость, доживал свои дни именно в Волоколамском монастыре (умер в 1563 г.).²²

В сборнике Ефимия Туркова, наряду с различными документами духовного происхождения (грамотами и посланиями Феодосия, митрополитов Ионы и Макария, а также Иосифа Волоцкого, Нила Сорского и др.) включены, как писал И. Н. Жданов, и «материалы, относящиеся к Стоглавскому собору», а именно: «1) Речь царя Ивана Васильевича к отцам собора, ту самую речь, которая помещена в IV-й главе Стоглава, 2) так называемые первые царские вопросы, которые в Стоглаве занимают V-ю главу, и 3) продолжение этих вопросов (так, во всяком случае, полагает И. Н. Жданов, именуя их «дополнительными царскими вопросами», а отсюда и сам Стоглавый собор 1551 г. «столько же церковным, сколько и земским собором», поскольку эти вопросы носят в отличие от первых сугубо гражданский характер, — И. Н.), не внесенное в Стоглав».²³ Эти дополнительные царские вопросы

²² Весьма интересные материалы о политических взглядах архиепископа Феодосия — ярого иосифлянина и одного из противников иона Сильвестра — приводятся в исследовании А. А. Зимина «И. С. Пересветов и его современники» (М., 1958, стр. 46, 47, 53, 54, 72—75, 80—85, 92, 96, 100, 101, 104).

²³ И. Н. Жданов. Материалы для истории Стоглавого собора. Соч., т. I, СПб., 1904, стр. 175.

помещены в рукописи непосредственно после вопроса, обозначенного в Стоглаве как 37-й, и начинаются со слов: *«Говорити перед государем, и перед митрополитом, и перед владыки, и перед всеми бояры, дьяку, как было [при] великом князе Иване Васильевиче, при деде, и при отце моем, при великом князе Василье Ивановиче, всякие законы, тако бы и ныне устроить по святым правилом и по праотеческим законам, и на чем святители, и царь и все приговорим и уложим, кое бы было о бозе твердо и неподвижно в веки»*.²⁴

Вопросов было двенадцать.

1) *О местничестве*, со ссылкой на приговор об ограничении местнических споров, принятый Боярской думой («положил есмь совет своими бояры») перед казанским походом (царь выехал из Москвы 24 ноября 1549 г.) и подтвержденный потом во Владимире (царь был здесь с 3 декабря по 7 января) и в Нижнем Новгороде (с 18 по 23 января), но который во время похода и после весьма нарушается («всякой размещничается на всякой посылке и на всяком деле») и от этого «в тех местах всякому делу помешка бывает», и «как вперед тому делу быть без вражды и без кручины, и полюбовно, чтобы воишскому делу в том некоторые споны не было, а мне бы о том кручины не было» (какая удивительная забота о всеобщем благе!).

2) *Об упорядочивании распределения вотчин, поместий, кормлений и «всяких приказов»*, начиная от дьяков и кончая городничими (т. е. городскими приказчиками), поскольку «ныне», после Василия III и Елены Глинской «до возраста царьского», с материальным обеспечением служилых людей полный развал: одни утратили отцовские поместья, «а ино и голоден», учет же — фикция («в меру дано натолько по книгам, а сметить, ино вдвое, а игде и больше»). Не следует ли и тут поправить дело, «приговоря», «поверстати по достоинству безгрешно» — «у кого лишек» отобрать, а «недостаточного пожаловати»? (И тут, как мы видим, всем сестрам по серьгам. Всех надо приустроить!).

3) *О «внове починеных» монастырских, княжеских и боярских слободах*, из-за которых, «где бивали старые, извечные слободы, государская подать и земская тягль изгибла» — «вперед как тому быти»? Царем предлагалось «ныне учинити» такой же указ, «каков был указ слободам» в «дедовых и батьковых» «уставных книгах», иначе говоря, при Иване III и Василии III, когда, как известно, действительно был принят ряд распоряжений (к сожалению, до нас не дошедших, и о содержании их можно судить лишь по косвенным данным в актовом материале и писцовых книгах), направленных на ограничение роста и привилегий городских владельческих слобод. Этого особенно добивались черные

²⁴ Там же, стр. 176 (в этой и последующих цитатах из дополнительных «царских вопросов» курсив наш. — И. Н.)

посадские люди, и, пожалуй, это был чуть ли не центральный вопрос всей «городовой политики» почти всего XVI в. Бесспорна и его антицерковная направленность, поскольку именно монастыри являлись в этот период основными владельцами «белых» посадских слобод и дворов.

4) *О закрытии по городам, пригородам и волостям корчем* («за неже от корчем хрестьяном великая беда чинитца и душам погибель»), а «ныне», чтобы доходы помещиков и кормленщиков не страдали, ведь корчмы им «даны из стари» (и обижать их унаси боже!), ввести в их пользу новый налог — «с тех земель бражное уложити».

5) *О ликвидации дорожных мытов*, которые вроде как в наказание («ради вины») «установлены со всякого человека, и с торгов и не с торгов». Сохранить мыт лишь на государственной границе — в «порубежных местах от чужих земель». Но зато вместо мыта «с товару пошлину прибавить у тамги». Мера, явно направленная на облегчение условий для развития торговли, в чем также в первую очередь были заинтересованы посады и черные крестьяне.

6) *Об ограничении перевозных и мостовых пошлин*, которые следовало «только... по указу имать», как и «явки» с проезжих по городам. Тамгу же брать только с тех, кто «где торгует», и только это «достойно». Как мы видим, и тут предусматривались явные облегчения для торговых людей, всех больше страдавших от подобного рода княжеских пошлинников, да и не только княжеских. (Как видно из приводимого ниже восьмого царского вопроса, владение «перевозами» и «мостами» было одной из распространенных видов вотчинной собственности светских и духовных феодалов, но, конечно, не мелких).

7) *Об укреплении пограничных «застав» по литовским, немецким и татарским рубежам*, в целях бережения («добре надобети беречи») явки и мыта и осмотра «беглых людей и заповедных товаров». И тут вряд ли проиграли бы русские купцы, поскольку данное постановление охраняло бы не только государственные интересы, но и их торговую монополию от иностранной конкуренции (уж очень явно выдает это упоминание о «заповедных товарах» — не русские торговые люди их обычно провозили через границу, не в их огород и камешек).

8) *Об «устроении» «вотчинных книг»* для учета всех вотчинных земель и владений (включая «ряды», «перевозы», «мосты» и «дворы», где бы они не находились) — «хто купит или продаст, или по душе отдаст, или променит, или племяннику отдаст, и то записать в книгах в меру». Тогда «нихто» никого «не обидит», да никому «прибавить не уметь же». Это, конечно, для всеобщего блага (уж как о нем печется теперь царь — только бы кого не обидеть!), а для государства (и это уже более ощутимо и практично) будет «ведомо», «за кем сколько прибудет и убудет, и по вотчине

и службы знать». Опять, как мы видим, миротворчество, но со скрытым уколom против духовных стяжателей, ведь не случайно, что понятие «вотчины» социально раскрыто лишь в отношении одной категории — «и церковная земля», хотя имелась в виду, конечно, все категории вотчинных земель и оговаривать, казалось бы, было нечего (но не так, видимо, думали составители царских вопросов — они-то знали, куда и в чьи руки переходят светские вотчины). Обращает на себя внимание и упоминание о «рядах» (т. е. торговых рядах) и дворах, под которыми, конечно, имелась в виду посадские дворы (отдельные деревенские дворы, как правило, не покупались и не менялись, да и по душе не отдавались), а отсюда следует прямая связь предлагаемых мер с требованием (вопрос третий) ограничения роста новых владельческих слобод. Иначе говоря, оба этих вопроса имеют не только ограничительный в отношении земельных церковных приобретений характер (да их так прямо и повяло иосифлянское окружение митрополита Макария, сделав их чуть ли не главным вопросом работы Стоглавого собора), но и в известной мере пропосадский характер — защиту посадков и великокняжеских слобод от покушения на их дворы и земли феодалов, и в первую очередь опять той же церкви (основного конкурента черных людей в их торговой и промысловой деятельности).

9) *О раздаче поместий* только и строго «в меру», «что в книгах стоит и в жаловальной грамоте слово в слово». Но главное (и в этом основной смысл правительственной рекомендации) служилый человек должен и обязан хозяйствовать в своем поместье. Ведь что он «на своей земле не примыслит» — «прибудет у него пашни, ино будет перелогу и лишне земле, а все будет вместе» (т. е. в рамках отведенного ему поместья) — и «то все божье да ево». А если же по своей вине «запустошит» («от себя ему пришло»), то тогда его ожидала «царская опала» и никаких «тяжб» «ни с кем вперед». Иначе говоря, подобный помещик не мог рассчитывать ни на какие поправки и судебные разбирательства — если ты разорил поместье, то жди только царской кары. Как мы видим, правительственное мнение сформулировано настолько императивно, что вряд ли можно сомневаться в том, насколько массовый характер носило подобное «запустошивание» помещиками розданных им земель и крестьян (ведь земли же не без них раздавались). Вряд ли это можно охарактеризовать как «крестьянолюбие» (ведь о крестьянах тут даже не упоминается), но в то же время нельзя не видеть здесь явного стремления правительства остановить сопутствующее развитию поместной системы прогрессирующее разорение земель, а следовательно, и населяющего их владельческого крестьянства. Таким образом, и эта мера, как мы видим, была шире, чем просто охрана крепостнических интересов поместного дворянства (и отнюдь не опричная политика наследница этого правительственного «благоразумия»!).

10) «О вдовых боярынях». Как быть с земельным обеспечением вдов и детей умерших или погибших служилых людей? Вопрос был острый и каверзный. Поместная система явно сталкивалась здесь с жизнью, грозя разрушить или исконный феодальный принцип службы с земли (и земли по службе), или саму феодальную семью — пустить вдову и детей умершего служилого человека по миру. Приходилось выбирать. Шаг в сторону превращения поместья в наследственную собственность служилого человека еще сделан не был, но закрепить часть поместья за вдовами «на прожиток» пришлось. Правда, усиленно рекомендовалось «молодым боярыням» во избежание греха (а вдруг «на грех дерзнет»), а главное ради государственных интересов выходить снова замуж (и какая выгода — поместья старого мужа тогда полностью перейдут к новому, а семье и государству благо!). Но вот если будет «пустотная боярыня старая» (и без детей, и без племянников, которые могли бы с ее земли служить и ее «кормить», а замуж уже поздно), то тогда возможно, конечно, ее «устроить в монастырь», но только без поместья — «поместье на государя» (и никаких вкладов по душе!). Да, видимо, уж очень волновал правительство вопрос о потенциальной возможности перекачивания и этим путем поместных земель в лоно церкви, коли и тут оно не обошлось без особой оговорки.

11) О надзоре и бережении нагайских «гостей» и послов — чтобы с обеих сторон (и со стороны татар, а равно и «наших» людей) не было «никогого лиха». Надо помнить, что «всякое лихо от наших задор чинится: наши над ними поуродуют, и они вдесятеро беду доспеют». Опять, как мы видим, дела торговые — охрана важной и выгодной для России торговли с Ногайской ордой. Но это вообще, в перспективе, а применительно к 1550—1551 гг. постановка вопроса имела, видимо, более конкретную политическую цель — избежать нового обострения отношений с Ордой, что в условиях назревания новой казанской войны, да еще при союзе Казани с Крымом, было особенно опасно для московского правительства. Политическая злободневность вопроса явно из него выпирает. Да и нельзя не поставить его в связь с русско-ногайскими переговорами 1550 г. о совместной борьбе против Турции и Крыма.

12) О всеобщей переписи земель. Царь сообщает, что он «приговорил есмь писцов послати во всю свою землю писать и сметити». Описанию подлежали все без исключения земли: великого князя (т. е. дворцовые), митрополичьи, владык, монастырские, церковные, княжеские, боярские, вотчинные, поместные, черные, оброчные, а также «земецкие земли всякие», иначе говоря, земли своеземцев. Подлежали описанию и «всякие угодыя», включая реки, озера, пруды, оброчные ловли, колы, сежи, борти, перевесы, мыты, мосты, перевозы, рядки, торговща, дворы, огороды и т. д. Таким образом, речь шла по су-

ществу о первой общегосударственной единой переписи всех земель, равной которой по масштабам Русское государство еще не знало. Цель переписи — выяснить, «что кому дано (по «жаловальным грамотам», — П. Н.), тот тем и владеет», «чтобы вперед тяжа не была о водах и о землях». Все же выявленные при описании земельные излишки («а утяжют кого черес шесмо лишком») должны были конфискованы на царя.

Это — суть описания всех земель и угодий в целях проверки владельческих прав на них и выяснения: «того ради кто чего попросит», «чем кого пожаловати», «хто чем нуже», «хто с чего служит» и что «будет... и жилие, и пустое». Цели, как мы видим, вполне ясные, но и тут изложены не без миротворческой сентенции — стремления удовлетворить и пожаловать просящих и выяснить, кто в чем пуждается и обеспокоен ли он землей для службы. Видимо, даже в этом, казалось бы, столь общепорядковом вопросе (описании всех земель без исключения) правительство не могло не обойтись без «умильных» разъяснений, что все это нужно лишь для общего блага всего населения, а отнюдь не для каких особых целей, преследуемых царем. Но если уже так боялись, чтобы лица, к которым были адресованы вопросы, не заподозрили правительство в каких-то иных намерениях, то, всего вероятнее, какие-то причины для этого были. Слишком уж были грандиозны задуманные планы, а последствия — возможность передела и конфискации на великого князя земель, якобы неправильно приобретенных (а поди докажи, где правда!), отнюдь, не так уже ясны для широких кругов землевладельцев.

Во всяком случае даже при явно проступающих в вопросах антицерковных тенденциях (речь идет, конечно, только о церковных землях) подобное «генеральное межевание» могло бы быть нежелательно отнюдь не только для одних «отцов духовных». Хотя всего вероятнее, что и тут имелось в виду в первую очередь ущемить их интересы.

Таково содержание так называемых дополнительных «царских вопросов». Вряд ли следует специально доказывать, что в своей совокупности они представляли очень широкую программу реформ, направленную на укрепление социально-политических основ Русского централизованного государства. И главным в этой программе были земельная проблема, а именно — изыскание резервов и упорядочивание дела обеспечения служилых людей землей (и в равной степени как вотчинами, так и поместьями, поскольку и с тех и с других вводилась обязательная служба), а также коренная реорганизация системы косвенного обложения (ликвидация перевозных и мытных пошлин и упорядочивание сбора тамги) в плане создания более благоприятных условий для развития внутренней и внешней торговли как одного из важнейших условий подъема экономики страны. А если к этому прибав-

вить стремление правительства приостановить наступление вотчинного привилегированного землевладения на посадки (вопрос о новых слободах), то последняя тенденция выступает перед нами еще более отчетливо. Именно эти два комплекса вопросов, очерчивающих как бы два основных аспекта правительственной политики — один, направленный в защиту интересов широких слоев служилых людей, а другой, идущий навстречу требованиям торговых и посадских людей, а может быть, и черных волостей (кстати, симптоматично, что никаких открыто антикрестьянских крепостнических мотивов в вопросах не видно, а сказать, например, о крестьянских переходах как причине запустения, казалось бы, и повод был), и должны были, по мнению составителей этого широкого проекта, обеспечить ликвидацию последствий той общей «порухи», которая господствовала в стране со времени Василия III.

Не говорится в проекте лишь о судебной реформе. Но это и понятно, ведь аудитория, перед которой дьяк должен был огласить царскую речь, прекрасно знала, что подготовлен (или по крайней мере уже готовится) новый царский Судебник, который и будет целиком посвящен делам управления и суда. И уже во всяком случае текст дополнительных «царских вопросов» составлен так, что не исключает, а, наоборот, предусматривает принятие (наряду с перечисляемыми в них реформами) нового законодательства по «всяким» делам — определения, вполне покрывающего и Судебник. Трудно иначе истолковать, как отмечал еще С. О. Шмидт, слова царской приамбулы к вопросам о необходимости введения нового уложения «*всяких законов*», которые надо «*ныне устроить по святым правилам и праотеческим законам*» и которые мы «*все*» (царь, митрополит, владыки и «*всеи бояры*», — Н. Н.) «*приговорим и уложим*», чтобы «*было о бозе твердо и неподвижно в веки*»²⁵ (ведь именно в подобных же словах представлял царь Иван Судебник 1550 г. к утверждению на Стоглавом соборе).²⁶

И еще одна черта, которая не только связывает обе эти царские речи между собой, но и подчеркивает прямую преемственность дополнительных вопросов от решений февральского Собора 1549 г. Мы имеем в виду ярко выраженный примирительный характер этих вопросов. И что особенно показательно — это отсутствие в них, даже по сравнению с «умпильной» царской речью на Соборе 1549 г., антибоярских тенденций. Наоборот, сам факт, что этот двенадцатиглавый проект начинается с вопроса о мест-

²⁵ И. Н. Ждаков. Материалы..., стр. 175 (курсив наш, — Н. Н.); ср.: С. О. Шмидт. Соборы середины XVI века, стр. 77.

²⁶ «Да благословиши есмь у вас тогда же Судебник исправити по старине и утвердити, — говорил царь на Стоглаве, вспоминая собор «примирения» в предыдущее лето, — чтоб был суд праведен всякие дела непоколебимо во веки» (Стоглав, стр. 39; курсив наш, — Н. Н.).

ничество и говорит о вреде и «порухе» от него для военного дела особо подчеркнуто и нарочито и в то же время не позволяет себе никаких прямых выпадов против бояр (как это делает позднее Иван Грозный в своих «эпистолиях» Андрею Курбскому), а изображает все дело лишь как очень огорчающее царя нарушение общей полюбовной договоренности («и всем бояром тот был приговор люб»), является лучшим доказательством того, что правительство отнюдь не собиралось придавать приговору о местничестве антибоярский характер. Ведь не случайно же царь подчеркивал, что старый приговор о местничестве надо соблюдать (если он правилен) или изменить (если он ошибочен), но *решить это должны сами бояре* (и ничего им он навязывать не собирается) — «*о сем посоветуйте все вкупе и уложите, как вперд тому делу быть без вражды и без кручины и полюбовно*». Конечно, тут много демагогии, но демагогии, прикрывающей не давление царя на бояр, а, наоборот, его желание любой ценой покончить дело миром, а главное сразу же заручиться поддержкой боярства (привлечь его на свою сторону) при решении других вопросов, за судьбу которых правительство имело основания значительно более опасаться. Именно поэтому вопрос о местничестве и стоит первым в проекте, хотя этим отнюдь не определяется его действительное место в составе реформ, предлагаемых царем на совместное обсуждение бояр и духовенства. Земельные и тяглые дела были, конечно, политически и социально важнее для выработки нового правительственного курса, да и затрагивали они интересы значительно более широких кругов феодалов.

Лояльность царя в отношении бояр сказывается и в устранении в его вопросах противопоставления их дворянам и посадским людям. Предлагаемые же царем ограничительные меры в отношении вотчинного земледелия, особенно его льготно-тяглого положения, направлены своим острием главным образом против церковного землевладения. Но именно этого и добивалось большинство боярства, стремившегося решить земельный вопрос путем секуляризации церковных земель, размер которых настолько быстро увеличивался, что к середине XVI в. составлял уже почти одну треть всего владельческого земельного фонда. Это был старый и большой вопрос, вопрос, от того или иного решения которого в значительной степени зависело, сохранит ли само боярство свои земли или будет вынуждено поступиться ими в пользу поднимающегося поместного дворянства. И не случайно (скажем, забегая вперед) именно эта антицерковная тенденция и сейчас явилась одним из главных камней преткновения на пути реализации новой царской программы.

Таким образом, у нас есть все основания рассматривать изложенный выше проект реформ как конкретное, практическое развитие именно тех политических и социальных принципов, которые были заложены на Соборе 1549 г. и исходной базой которых

был политический компромисс между боярством и самодержавием.

Теперь мы вплотную подходим к наиболее сложной задаче данной темы — выяснению, когда и для каких целей была разработана эта программа реформ. По существу это и будет ответом на поставленный выше вопрос — о каком же соборе примирения в «предидущее лето» говорил царь в своей знаменитой речи на Стоглавом соборе 1551 г.?

Мы солидарны с С. О. Шмидтом и А. А. Зиминим в том, что дополнительные «царские вопросы» были составлены не для Стоглавого собора, а предназначались для иного собрания, которое должно было ему предшествовать. Представляются нам в основном убедительными и их аргументы в пользу этой точки зрения.

Таких главных аргументов у С. О. Шмидта и А. А. Зимина два. Первый — указание на то, что в дополнительных «царских вопросах» говорится о монастырских слободах (третий вопрос), в то время как (согласно гл. 98 Стоглава) этот вопрос был уже решен в сентябре 1550 г. во время совещания царя с митрополитом. Следовательно, дополнительные вопросы были составлены до сентября 1550 г. Второй — указание на то, что в дополнительных вопросах речь идет лишь о приговоре о местничестве 1549 г., принятом в ноябре этого года в канун казанского похода, но не упоминается о подобном же приговоре от июля 1550 г. А отсюда, значит, надо датировать составление вопросов временем до принятия нового приговора о местничестве. По С. О. Шмидту это июнь — начало июля 1550 г., по А. А. Зимину — февраль 1549 г.²⁷

Дело в том, что А. А. Зимин считает, что вопрос об охране погайских послов и купцов, в том виде как он фигурирует в проекте, не мог быть составлен позже 12 апреля 1550 г. (время отъезда из Москвы погайского посольства, жившего в ней почти год и домогавшегося от московского правительства поддержки в борьбе с Крымом), а главное, что слова царя в вопросе о местничестве — «и отселе куды кого с кем посылаю без мест ... вся-

²⁷ С. О. Шмидт. 1) Правительственная деятельность А. Ф. Адамова. Уч. зап. МГУ, вып. 167, стр. 28; 2) Соборы середины XVI века, стр. 77—80; А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного, стр. 336—338; ср. стр. 342—345, 376—377. — Впервые на противоречие, с его точки зрения, гл. 98 Стоглава и «царского вопроса» о слободах указал еще в 1904 г. Н. Кононов (см. его статью: Как смотреть на отрывок Стоглава, на который обратил внимание И. Н. Жданов и который говорит не только о дерковных предметах, но и о земских делах. Богословский сборник, 1904, апрель, стр. 697—699). Он и высказал тогда предположение, что дополнительные вопросы относятся не к Стоглаву, а к другому, ему предшествующему собранию. Весьма вероятным предположением считал точку зрения Н. Кононова и такой крупный исследователь Стоглава, как Д. Стефанович, который также полагал, что «вопросы» могли быть рассмотрены до открытия Стоглавого собора — между мартом и сентябрем 1550 г., иначе говоря, после

кому делу помещика бывает» — следует, по его мнению, истолковывать как прямое свидетельство («по тексту получается»), «что во время написания проекта царь находился под Казанью».²⁸

Сперва несколько слов о последних соображениях А. А. Зимина. Они наиболее спорны в общей концепции А. А. Зимина и уже, как известно, вызвали серьезные возражения со стороны И. И. Смирнова и С. О. Шмидта. И. И. Смирнов обратил внимание на текстологическую неправомерность подобного временного истолкования царского вопроса о местничестве,²⁹ а С. О. Шмидт показал, что обстановка, сложившаяся в русских полках под Казанью в январе—феврале 1549 г. (бедственное положение войск, вызванное как тяжелыми природными условиями — «мразная зима», а потом «дожди великие и мокрота немерная», так и военными неудачами), мало подходила для работы над проектами преобразований.³⁰ Не было под Казанью и митрополита Макария с его духовным санкритом (собором),

возвращения царя Ивана из Казанского похода (он вернулся в марте), но до сентябрьского приговора царя с митрополитом о слободах (Д. Стефанович. О Стоглаве. Его происхождение, редакции и состав. СПб., 1909, стр. 55).

²⁸ А. А. Зимин. 1) Реформы Ивана Грозного, стр. 336; ср.: 2) К истории военных реформ 50-х годов XVI в. Исторические записки, т. 55, стр. 346.

²⁹ «Не может быть принят, — пишет И. И. Смирнов, — вывод А. А. Зимина, будто бы „по тексту получается, что во время написания проекта царь находился под Казанью“. Зимин принял за указание на факт составления „царских вопросов“ во время нахождения Ивана IV под Казанью содержащиеся в тексте „вопросов“ слова царя: „И отселе куды кого с кем посылаю...“ и т. д., поняв слово „отселе“ (отсюда) в смысле: из-под Казани. Однако контекст, в котором находится данное место, исключает возможность такого его толкования, ибо о „посылках“ из-под Казани во время нахождения там Ивана IV в цитированном месте „царских вопросов“ говорилось как раз перед словами „и отселе“, причем говорится как о вещи, имевшей место в прошлом. Соответственно этому и грамматически фраза о нахождении Ивана IV под Казанью построена в прошедшем времени („И как приехали к Казани, и с кем кого ни пошлют“ и т. д.). Фраза же — „и отселе куды кого с кем посылаю без мест по тому приговору“ — построена в настоящем времени и, таким образом, противопоставляет это настоящее время прошлому времени, к которому относится и время нахождения Ивана IV под Казанью (февраль 1550 г.). Таким образом, из текста „царских вопросов“ никак не следует, что они были составлены во время Казанского похода 1549—1550 гг., и, напротив, видно, что они были составлены после этого похода. Впрочем, весь характер „царских вопросов“ свидетельствует о том, что они — не экстренный запрос царя, направленный из-под Казани в Москву, а тщательно разработанный документ, рассчитанный на оглашение этих вопросов „перед государем, и перед митрополитом, и перед владыки, и перед всеми бояры“ (И. И. Смирнов. Очерки..., стр. 487). С. О. Шмидт солидарен с подобным текстологическим истолкованием данного текста, но делает оговорку, что все же правильное переводить слово «отселе» не как «отсюда» (по И. И. Смирнову), а как «с этих пор» (С. О. Шмидт. Соборы середины XVI века, стр. 79).

³⁰ С. О. Шмидт. Соборы середины XVI века, стр. 79.

а именно им наряду с боярами адресуются царские вопросы.³¹ Следовательно, предположение А. А. Зимина имеет силу лишь в том случае, если допустить, что вопросы составлялись и обсуждались под Казанью без митрополита и духовенства (и, значит, это был не Земский собор) или они просто были заготовлены впрок и обсуждались после возвращения царя в Москву (но тогда в какое время и на каком земском собрании?). Все это требует и разъяснений и иных доказательств.

Что касается указания А. А. Зимина на то, что вопрос об охране ногайских купцов и послов должен был быть составлен обязательно до отъезда ногайского посольства из Москвы 12 апреля 1550 г. (иначе якобы он терлет свое значение), то это тоже не обязательно. Переговоры с Ногайской ордой весной 1550 г. кончились безрезультатно — союза против Крыма и Турции не было заключено. Москва еще пыталась избежать открытого столкновения с Крымом из-за Казани. Значительно более подходящим временем для выдвижения вопроса о необходимости нормализации отношений с нагайцами было лето 1550 г., когда стало ясно, что уже не удастся избежать военного столкновения с Крымом (а 18 июля крымский хан действительно подошел к Оке) и когда уже само московское правительство (а не ногайцы, как было весной) делают шаги в сторону примирения с Ордой.

Другое дело, что совершенно исключена возможность постановки подобного вопроса, явно дружественного в отношении Ногайской орды, зимой 1550/51 г. во время работы Стоглавого собора (на это, правда, С. О. Шмидт и А. А. Зимин не обратили внимания). Исключена потому, что 26 декабря 1550 г. (как раз за 5 дней до получения новгородским митрополитом Феодосием вызова в Москву на Собор)³² ногайские мурзы, как сообщает летопись, «пришли войною... со многими людьми на Менцерьские места и на Старую Резань», но были наголову разбиты посланными им навстречу московскими полками.³³ Мир же с ногайцами был заключен, по их просьбе (в Москву «писали о мире»), только весной 1551 г., уже после завершения в конце февраля работы Собора. Во всяком случае, сообщения о предложениях ногайцев о мире занесено в летопись лишь после записи от 17 марта 1551 г. о рождении у царя дочери Марии. Совершенно ясно поэтому, что ставить царю вопрос о «бережении» ногайских послов и купцов в январе—феврале 1551 г., когда военные действия против Ногайской орды были в разгаре, было бы просто дико. И уже одно это говорит о том, что дополнительные «царские вопросы» не оглашались на Стоглавом соборе, да и готовились отнюдь не в самый канун его.

³¹ Там же, стр. 80.

³² Д. Стефанович. О Стоглаве, стр. 84.

³³ ПСРЛ, т. XIII (первая половина), стр. 161—162.

Но вернемся к *главным* аргументам С. О. Шмидта и А. А. Зимина против отнесения дополнительных вопросов к Стоглавому собору.

Во-первых, так называемый *вопрос о слободах*.

15 сентября 1550 г., как сообщает об этом Стоглав (гл. 98), состоялось то известное совещание царя с митрополитом, на котором Макарий сделал попытку приостановить распространение ранее («преж сего») принятых решений об упразднении иммунитетных привилегий духовенства в отношении «новых» городских слобод и на слободы «старые». Имелись в виду «приговор» царя с освященным собором, что «слободом всем новым тянути с городскихми людьми во всякое тягло и в судом», и «царский приговор» об возвращении на посад всех посадских людей, вышедших в новые слободы после письма. Поскольку оба эти приговора уже фигурируют в новом Судебнике и как раз в расширительном толковании: первый — в ст. 43 («тарханных впред не давати никому; а старые тарханные грамоты поимати у всех»), а второй — в ст. 91 («а торговым людем городским в монастырех в городских дворах не жити, а которые торговые люди учнут жити на монастырех и тех с монастырью сводити»), то, безусловно, они были приняты до Судебника (т. е. до июня 1550 г.) и не в период окончательного утверждения его текста, а раньше, когда правительство еще только развертывало свое наступление против столь разросшихся в период боярского правления земельных владений и политических прерогатив церкви. Была ли это весна 1550 г. или был еще 1549 г., сказать трудно, но больше похоже последнее, так как именно летом 1549 г. (4 июля) выдана Иваном IV известная дмитровская таможенная грамота, из которой явствует, что как раз в это время правительство проводит в жизнь царский указ по ликвидации монастырского иммунитета в отношении таможенных пошлин, который Б. А. Романов вполне обоснованно рассматривает «как прецедент в отношении к ст. 43 Судебника 1550 г. — об отмене тарханных грамот». Точная дата принятия этого указа или приговора (тоже, возможно, принятого царем с участием освященного собора) неизвестна, но «если бы, — по мнению Б. А. Романова, — эта дата пришлось на первую половину 1549 г. (во всяком случае ранее 4 июля), то мы имели бы второй пример (наряду с «вопчими» жалованными грамотами детям боярским от 28 февраля 1549 г.) „подготовительной“ к Судебнику указной деятельности правительства, так называемой избранной рады».³⁴ Естественно поэтому, что к весне 1549 г. наиболее вероятно приурочить и третье подобное им подготовительное мероприятие к Судебнику и как раз к ст. 43 — ликвидацию монастырских тарханов в отношении

³⁴ Б. А. Романов. Комментарий к Судебнику 1550 г., стр. 192.

новых слобод, а следовательно, считать их всех как бы результатом (прямым или косвенным) февральского Собора 1549 г.

Какова была роль духовенства на Соборе 1549 г., сказать трудно, но факт остается фактом, что итог начатых на нем подготовительных работ по составлению Судебника был далеко не благоприятным для церкви, судебно-податные привилегии которой подверглись серьезному ограничению. Если же к этому прибавить трактовку в Судебнике вопроса о вотчинном землевладении, точнее о праве родового выкупа вотчин (ст. 85), направленную отнюдь не против княжат и бояр, а в защиту вотчинного землевладения (и крупного, и мелкого) от «стороннего человека» (по терминологии Судебника) или «чужих рук» (по меткому выражению Б. А. Романова) в лице владык и монастырей, развернувших еще с конца XV в. столь «безудержный и бесконтрольный» «панор» на земли всего светского сектора вотчинного землевладения, безотносительно к калибрам и общественному положению его представителей вплоть до детей боярских и даже „всяких людей“, ³⁵ то угроза, нависшая в это время над церковью, станет еще более ясной». И не этим ли объясняется, что Судебник был утвержден в июне 1550 г. Боярской думой без участия духовенства (во всяком случае, в отличие от преамбулы приговора о местничестве от июля 1550 г., оно не упоминается в заголовке Судебника), явно не сочувствующего (если не сказать больше) его антицерковным «мирским» тенденциям? И, наконец, не объясняется ли этим сопротивлением большинства духовенства и особенно его высшей иерархии новому политическому курсу стремление различных московских политических группировок перенести окончательное решение этого вопроса на какое-то иное представительное собрание? Одни, видимо, надеялись достигнуть этим большего, другие — отстоять свои позиции. Если это так, то тогда вполне понятно и обоснованно, почему царь (а вернее, его ближайшее окружение), несмотря на принятие нового Судебника Боярской думой, вынужден был все же вынести его на последующее утверждение Стоглавого собора.

Что же касается замечания И. И. Смирнова о том, что С. О. Шмидт и А. А. Зимин ошибаются, утверждая, что вопрос о слободах был уже решен еще сентябрьским приговором 1550 г., то это отнюдь не значит, как он полагает, что царский вопрос о новых слободах (а следовательно, и весь царский проект реформ) должен быть обязательно составлен после сентября 1550 г. ³⁶

По нашему мнению, сличение ст. 85 Судебника с гл. 98 Стоглава лишь подтверждает (о чем мы уже указывали выше), что

³⁵ Б. А. Романов. 1) Комментарий к Судебнику 1550 г., стр. 297—319; ср.: 2) К вопросу о земельной политике Избранной рады. Исторические записки, т. 38, М., 1951.

³⁶ И. И. Смирнов. Очерки..., стр. 486.

еще осенью 1550 г. в правительствующих кругах шло обсуждение этих вопросов. Во всяком случае в гл. 98 Стоглава ничего не сообщается о том, что при разговоре царя с митрополитом 15 сентября о положении владычных и монастырских слобод этот вопрос был окончательно решен или, наоборот, вновь поставлен, да и вообще вряд ли сентябрьский «приговор» был оформлен в особый закон (он им стал, и то условно, лишь после включения этого разговора в гл. 98 Стоглава), а речь шла лишь о попытке митрополита по-своему (в отличие от местных властей — наместников и волостелей) истолковать ранее принятые царские приговоры по этим вопросам. И уже тем более речь шла только о владычных и монастырских слободах, в то время как в «царских вопросах» проблема ставится шире, радикальнее и применительно как к монастырским, так и к княжеским и боярским слободам. «Да у монастырей, и у князей, и у бояр слободы вновь починены, — гласил «царский вопрос», — а где бывали старые, извечные слободы, государская подать и земская тяглы изгибла, и вперед как тому быти? И взарите в дедови и в батькови в уставные книги, каков был указ слободам, ино бы так и ныне учинити». То же, что в данном случае, как и в остальных «царских вопросах», не упоминается новый Судебник, то это вполне понятно, поскольку он сам должен был еще утверждаться, и было бы по меньшей мере странно, если бы Иван IV, говоря о существующих в стране беспорядках, ссылаясь на новое, еще окончательно не утвержденное законодательство.

Сложнее обстоит дело с рассмотрением второго аргумента, выдвигаемого А. А. Зиминим и С. О. Шмидтом в пользу своей точки зрения, — вопроса о местничестве.

Но сперва несколько слов об истории этого знаменитого приговора в его летописной интерпретации.

В Казанский поход, как сообщает летопись, Иван IV (вместе с войском) выступил из Москвы 24 ноября 1549 г. 3 декабря он был уже во Владимире, где в присутствии специально вызванных туда митрополита с «своим собором» состоялось какое-то особое войсковое собрание «бояр и воевод и князей и всех людей воинства царева», участвующих в походе, на котором Макарий выступил с «поучением» против местничества, призвав прекратить на время похода всякие «розни» и делать «государево земское дело» «не яростною мыслию друг на друга взирая, а любовию». О подобных же мероприятиях против местничества, принятых (по царскому запросу) в Нижнем Новгороде, куда царь прибыл 18 января, летописи, правда, ничего не сообщают. Но судя даже только по летописному рассказу о владимирских событиях, вряд ли можно сомневаться в правдоподобности царской версии (в вопросах) о принятии приговора о местничестве Боярской думой перед самым Казанским походом (когда «нарежался есмь х Казани»), т. е. в ноябре—декабре 1549 г., тем более

что в одной из частных разрядных книг XVI в., опубликованной Свиныным, сохранился и сам текст этого приговора, датруемый декабрем 1549 г. и содержащий даже дьячьи скрепы. Приговор регламентировал местнические отношения между воеводами основных полков (Большого, Передового, Правой илевой руки и Сторожевого полков). Правда, по данным официальной Разрядной книги 1556 г., по существу тот же приговор (но в несколько иной редакции) был вынесен в июле 1550 г. и именно тогда записан в нее. Этот же приговор (правда, в краткой и нескольковольной передаче) повторен и в числе дополнительных статей к Судебнику 1550 г., в некоторых списках. Естественно поэтому, что возникает вопрос, сколько же было «приговоров» о местничестве: если два (от ноября—декабря 1549 г. и от июля 1550 г.), то почему они почти тождественны и почему все-таки их два, а если приговор был только один, то когда он был принят — в ноябре или декабре 1549 г. или в июле 1550 г.? Историография отвечает на эти вопросы по-разному. Ряд исследователей считает, что приговор был один, но одни относят его к июлю 1550 г. (например, П. Н. Милоков), а другие — к ноябрю—декабрю 1549 г. (например, И. И. Смирнов). Третья же группа исследователей (например, А. А. Зимин, С. О. Шмидт, В. И. Буганов) полагает, что в источниках идет речь о двух различных, хотя и близких по содержанию приговорах: от декабря 1549 г. и июля 1550 г.

Наиболее развернутая аргументация в пользу той и другой точек зрения проведена А. А. Зиминим и И. И. Смирновым и суть ее — сравнение дошедших до нас разрядных списков приговоров о местничестве 1549 и 1550 гг., причем А. А. Зимин делает из этого вывод о наличии двух различных приговоров,³⁷ а И. И. Смирнов, наоборот, о наличии всего одного приговора

³⁷ «В соответствии с правительственными планами военных реформ, — пишет А. А. Зимин, — в июле 1550 г. был издан новый приговор о местничестве, подтвердивший и конкретизировавший постановление 1549 г. о местнических делах» («впрочем, приговор стремился не отменить, а лишь урегулировать местнические счеты»). И далее: «Достоверность декабрьского приговора 1549 г. лучше всего характеризуется наличием в его тексте дьячьих помет. Оба приговора имеют как общие черты, так и существенные различия, объясняющиеся дальнейшей выработкой норм, ограничивающих местничество. В приговоре 1550 г. в отличие от приговора 1549 г. более тщательно регламентируется местническое отношение воевод. Если в первом устанавливалось, что второй воевода Большого полка должен быть „без мест“ по отношению ко всем другим воеводам, то во втором устанавливалось, что он должен быть „без мест“ лишь по отношению к большому воеводе Правой руки. В приговоре 1550 г. специально оговаривалось, что воеводы всех полков: считались „меньше“ большого воеводы Большого полка, так как ранее в этом полку просто вводилось звание большого воеводы. Воеводы левой руки отныне считались „не меньше“ первых воевод Передового и Сторожевого полков». Таким образом, делает вывод А. А. Зимин, поскольку «оба памятника имеют... существенные различия, касающиеся местнического положения

1549 г., воспроизведенного в «Государеве разряде» 1556 г. (в отличие от разрядной книги, опубликованной Свиныным) под 1550 г., и объясняя имеющиеся между ними различия просто «дефектностью» списка Свинына. В доказательство этого И. И. Смирнов и проводит подробное текстологическое сличение приговоров в редакции «Государева разряда» 1556 г. и разрядной книги Свинына.

Попытаемся и мы более внимательно остановиться на каждом из этих приговоров.

Приговор о местничестве 1549 г. (так же, как и приговор 1550 г.) состоит из двух частей, как бы двух самостоятельных царских указов, принятых на основании соответствующих решений Боярской думы и записанных в разряд («в наряд служебный»). Первый указ регламентировал местнические отношения воевод различных полков между собой, а второй — между воеводами и служащими под их начальством князьями, «большими» дворянами и детьми боярскими. Применительно к этим указам (как бы подчеркивая тем самым их известную самостоятельность) в тексте приговора дважды значится, что каждый из них в отдельности царь «в наряд в служебный велел написать».

Конкретное же соотношение между собой текстов приговора о местничестве от декабря 1549 г. (по так называемой разрядной книге Свинына) и подобного же приговора от июля 1550 г. (по «Государевому разряду» 1556 г.) выглядит следующим образом.

Приговор 1549 г. начинается с указания на то, что в декабре царь Иван «приговорил» с митрополитом Макарием, братьями своими — князьями Юрием и Владимиром Старицким и «своими бояры», да «в наряд служебный велел написать... где как быти на цареве и великова князя службе боярам и воеводам». Сравнивая эту вводную часть текстов приговоров 1549 и 1550 гг., И. И. Смирнов делает вывод, что «вводная часть (ст. 1)» «полностью совпадает в обоих списках».³⁸ Правда, тут же оговаривается, что «различие» на самом деле все-таки имеется, хотя и «единственное» — «в списке официальной Разрядной книги отсутствуют слова „дьяком своим Ивану Елизарову с товарищи веле руки свои приложить“, имеющиеся в списке Свинына».

воевод», приговор 1549 г., по списку Свинына, «не может быть простым сокращением разрядного текста», включенного в «Государев разряд» 1556 г. (А. А. Зимин. Реформы Ивана Грозного, стр. 342—344).

³⁸ Разбивка текста приговоров 1549 и 1550 гг. на статьи произведена самим И. И. Смирновым, причем за основу взят приговор 1550 г. и применительно к нему (включая даже перестановку текста в приговоре 1549 г., например ст. 6) производится «постоянное сопоставление» их текстов в целях доказательства, что список Свинына «дефектен» — отдельных статей вообще нет и ряд статей, имеющих более краткую редакцию, якобы искусственно оборван. Нам представляется более правильным сличать списки приговоров в том виде, как они дошли до нас в действительности.

И даже более — в его тексте (приговора 1549 г., — *И. П.*) сохранились скрепы дьяков: Ивана Елизарова, Никиты Фушикова, Андрея Васильева и Угрима Львова, отсутствующие в списке официальной Разрядной книги.³⁹ Но как раз это «единственное различие» и показательно: значит, «полного совпадения» текста приговоров никак нет, а, наоборот, наличествует существенное доказательство в пользу того, что «список» приговора о местничестве 1549 г. в разрядной книге Свинына, как полагал еще Н. П. Лихачев, «представляет точную копию с оригинала»,⁴⁰ а именно это отрицает И. И. Смирнов.

Не подтверждает точку зрения И. И. Смирнова и последующее сличение текстов «приговоров» 1549 и 1550 гг. Так, первая часть приговора 1549 г., посвященная регламентации местнических отношений между воеводами различных полков, устанавливает: «В Большом полку быти большому воеводе, а кто будет в Большом полку другой воевода и тому другому воеводе ни до одного полку до больших и до других воевод дела нет и щету, быти ему без мест. А Правой руки воеводам больше быти Левые руки воевод, а Передовому полку и Сторожевому полку воеводам (до) Правые руки воевод дела и щету нет, быти им в тех полках без мест для царя и великого князя дела». Таким образом, приговор 1549 г., констатируя положение большого воеводы Большого полка как старшего над всеми полковыми воеводами (т. е. командующего армией) и находящегося вне всяких местнических отношений, определяет положение второго воеводы Большого полка, тоже как находящегося «без мест» в отношении всех воевод других полков. Далее устанавливается, что воеводе полка Правой руки быть больше воеводлевой руки, а воеводам Передового и Сторожевого полков «щету нет» до воевод Правой руки — «быти им в тех полках без мест для царя и великого князя дела». Последнее указание явно говорит о том, что приговор 1549 г. имел первоначально строго конкретное назначение — ограничить местничество не вообще, а «для царя и великого князя дела», т. е. на время предстоящего похода на Казань. Отсюда и необходимость его дальнейшего переутверждения в июле 1550 г. и превращения уже в постоянно действующий закон, ведь не случайно он понимался позднее чуть ли не как дополненная статья Судебника 1550 г., хотя официально он в таком качестве не числился.

Но переутверждение приговора в 1550 г. не было простым его переизданием, а сопровождалось внесением в него ряда новых моментов. Это и понятно, если учесть, что приговор 1549 г. не только не привел к урегулированию местнических распри в армии, а, наоборот, явился стимулом к их резкому обострению.

Именно поэтому, вынося новый приговор, правительство попыталось, с одной стороны, более точно регламентировать местничество в армии (и, как мы видели, только в армии), а во-вторых, смягчить постановление приговора, вызывающие наиболее острые споры. Так, констатируемое приговором 1549 г. положение о старшинстве большого (первого) воеводы Большого полка получило в приговоре 1550 г. свое раскрытие путем прямого указания, что первые воеводы Передового, Правой илевой руки и Сторожевого полков меньше первого воеводы Большого полка. В то же время постановление о внеместническом положении второго воеводы Большого полка в отношении всех воевод других полков получило ограничение. Отмечается лишь, что первый воевода Правой руки равен («без мест») второму воеводе Большого полка. Ограничивается и положение приговора 1549 г. о равенстве воевод Передового и Сторожевого полков и полка Правой руки. По приговору 1550 г. оно распространяется лишь на первых воевод Передового и Сторожевого полков, которым «быти Правой руки не меньше». Наконец, конкретно регламентируется и положение воевод полкалевой руки — они должны быть «не меньше» первых воевод Передового и Сторожевого полков, но второй («другой») воеводалевой руки должен быть меньше второго воеводы Правой руки.

Вряд ли можно допустить, что такая строго продуманная (и логически связанная) система редактирования и дополнения приговора 1549 г., осуществленная при его переутверждении в 1550 г., является «результатом» простой «дефектности» списка Свинына. Это вынужден признать и сам И. И. Смирнов, который хотя и делает общий вывод о том, что «различия между „приговорами“ 1549 и 1550 гг., являются простыми дефектами текста приговора в списке Свинына», но при конкретном текстологическом их сличении (в явном противоречии со своим же собственным итоговым заключением) отмечает, что «несколько большая общность формулировок» (а мы уже видели, что не только «общность», но и их логическая направленность), отличающая список Свинына от текста официальной Разрядной книги, «или результат позднейшей редакционной работы над первоначальным текстом, или указание на известную дефектность списка на этот раз официальной Разрядной книги».⁴¹ Естественно, что подобного рода конкретные наблюдения отнюдь не подкрепляют общие выводы И. И. Смирнова о дефектности именно списка Свинына и о наличии всего одного приговора о местничестве 1549 г.

Но менее наглядные результаты дает сличение второй части приговоров 1549 и 1550 гг., определяющей отношения воевод с находящимися под их командованием князьями, большими

³⁹ И. И. Смирнов. Очерки..., стр. 493.

⁴⁰ Н. П. Лихачев. Разрядные дьяки XVI века. СПб., 1888, стр. 235.

⁴¹ И. И. Смирнов. Очерки..., стр. 493—494. (курсив наш, — *И. П.*)

дворянами и детьми боярскими и сформулированный в обоих приговорах в следующем виде: «А князем и дворяном большим и детям боярским на царе великого князя службе с бояри и с воеводами и с лехкими воеводы царева и великова князя дела для быти без мест» (цитируем по списку Свишнина). Во исполнение этого общего категорического предписания царь и «велел писати» в 1549 г. «в наряд служебный» два распоряжения: во-первых, если «детем боярским и дворянам большим лучитца на царе и великого князя службе быти с воеводами не по их отечеству и в том их отечеству наружи некоторые нету» и, во-вторых, «а которые дворяне большие будут с воеводами где на службе не по своему отечеству, а вперед где лучитца их тех дворян, кому быти большим, самим быти в воеводах с теми же воеводами, с которыми они были, и с теми воеводами тогда дать щет по их отечеству».

Какие же изменения претерпели эти распоряжения в 1550 г. Первое — никаких, и было лишь еще раз повторено, второе — весьма значительное. Последнее будет особенно заметно, если непосредственно сопоставить его текст 1549 и 1550 гг.

Приговор декабря 1549 г.
(по Разрядной книге Свишнина)

А которые дворяне большие будут с воеводами где на службе не по своему отечеству, а вперед где лучитца из тех дворян, кому быти большим, самим быти в воеводах с теми же воеводами, с которыми они были, и с теми воеводами тогда дать щет по их отечеству.⁴²

Приговор июля 1550 г.
(по «Государеву разряду» 1556 г.)

А которые дворяне большие ныне будут с меньшими воеводами где на царе и великого князя службе не по своему отечеству, а вперед из них лучитца, кому из тех дворян больших, самим быти в воеводах с теми же воеводами вместе, с которыми они были, или и лучитца где быти на какове посылке — и с теми им воеводами, с которыми они бывали, щет дати тогда, и быти им тогда в воеводах по своему отечеству; а наперед того, зотя и бывали с которыми воеводами с меньшими на службе, и тем дворяном с теми воеводами в счете в своем отечестве поруки нет по государеву и цареви и великого князя приговору.⁴³

Как мы видим, смысл проведенной в 1550 г. переработки соответствующего постановления приговора 1549 г. заключался в разъяснении как поступать «ныне» (т. е. в июле 1550 г.) в подобных случаях. Уже само введение в текст приговора 1550 г. временного местоимения «ныне» исключает возможность истолкования его, как простую западавшую запись ранее принятого

⁴² Отечественные записки, ч. XXVIII, 1826, стр. 427—428.

⁴³ ДРК, стр. 142—143 (курсивом нами выделены все новые в смысловом значении исправления и дополнения в тексте приговора 1550 г. по сравнению с приговором 1549 г., — Н. Н.).

приговора. Именно то, что ранее принятое постановление о местничестве породило столько кривотолков и раздоров (о чем мы уже знаем из царских вопросов), и вызвало необходимость снова, «ныне», т. е. в июле 1550 г., его подтвердить, по подтвердить в новой, более развернутой и уточненной редакции. Уточнялось, во-первых, что постановление касалось взаимоотношений больших дворян лишь с «меньшими воеводами» (а не вообще «воеводами», как можно было толковать приговор 1549 г.); во-вторых, оно распространялось не только на службу в полках, но и на иные ратные «посылки»; в-третьих, гарантировать на будущее не только право «больших» дворян получать с этими воеводами «щет по их отечеству», но и «быти» «в воеводах по своему отечеству». Что же касается службы «наперед того», т. е. по приговору 1549 г., то «хотя и бывали (большие дворяне, — Н. Н.), с которыми воеводами меньшими на службе», то специально подтвердилось, что «тем дворяном с теми воеводами в счете в своем отечестве поруки нет по государеву и цареви и великого князя приговору». Нельзя оценить этих разъяснений иначе, как попытку правительства успокоить и княжат, и «большое» дворянство (видимо, по-прежнему сомневающихся в надежности «наперед того» принятых постановлений), заверив их, что положения приговора 1549 г. будут соблюдаться и «ныне», но с учетом сделанных поправок, более строго регламентирующих его действия и более надежно защищающих отнюдь не колеблемые им права московской аристократии.

Если же учесть, что по этой же линии идут и другие отличия, имеющиеся в приговоре 1550 г., по сравнению с приговором 1549 г., и внесенные в него «ныне», то нельзя не прийти к заключению, что правительство шло скорее по пути смягчения известного радикализма приговора 1549 г. в отношении ограничения местничества в действующей армии, чем наоборот.

Таким образом, мы видим, что на самом деле был не один, а два приговора о местничестве. Первый, принятый в ноябре—декабре 1549 г. и, возможно, рассматривавшийся среди боярства лишь как временная, чрезвычайная мера на период Казанской войны (отсюда и попытка его игнорировать), и второй — его подтверждающий и уточняющий, а главное превращающий в постоянно действующий закон, принятый Боярской думой по специальному царскому запросу в июле 1550 г. Что же касается того, что в официальной Разрядной книге 1556 г. записан только один июльский приговор, то это вполне понятно — зачем было сохранять в книге (составленной уже задним числом и включающей в себя лишь действующие постановления) текст старого приговора. Он просто был из нее исключен при записи новой, утвержденной его редакцией. В разрядных книгах частного происхождения, составлявшихся не только по «Государеву разряду» 1556 г., но и с привлечением самих старых разрядных записей,

это могло быть и не соблюдено, тем более что оба приговора датированы одним годом — 7058. Их составители, наоборот, могли оставить первый приговор, а исключить второй, как его повторяющий (видимо, это и имело место при составлении разрядной книги Свинына, тем более что в руках ее составителей имелся приговор 1549 г. с дьячьими подписями).

Но если это так, то тогда мы действительно имеем еще одно существенное доказательство в пользу того, что дополнительные «царские вопросы» были составлены до июля 1550 г. Таким сроком, всего вероятнее, надо считать период с марта по июль 1550 г., время после возвращения царя из Казани и до принятия в июле приговора о местничестве (по до отъезда царя 20 июля из Москвы). Скорее всего они были составлены одновременно с Судебником в июне 1550 г.

Так же считает и С. О. Шмидт. Но, по его мнению, указанный проект реформ был не только составлен в это время, но и обсужден на состоявшемся летом 1550 г. «третьем соборе примирения». Нам же кажется, как мы уже отмечали, что именно собора или иного подобного рода собрания в это время и не удалось собрать. Не удалось собрать как раз потому, что и в Судебнике и в проекте реформ было слишком много острых, спорных вопросов, вызывавших весьма неодобрительное отношение к ним в определенных правительственных кругах. Особенно это касалось высшей церковной иерархии, явно не желавшей идти на уступки в вопросе об ограничении церковного землевладения и церковных привилегий (пресловутый вопрос о слободах). Поэтому-то Судебник и был утвержден Боярской думой (без участия митрополита и владык), но не введен в действие. Остальные же вопросы, тоже, возможно, были оглашены и предварительно рассмотрены на Боярской думе, но также еще не были, как правило, облечены в конкретные правительственные решения. Исключение было сделано лишь по вопросу о подтверждении и уточнении старого приговора о местничестве, что ввиду начала войны с Крымом и Казанью (18 июля крымский хан уже подошел к русским южным рубежам) не допускало отлагательств. Этот новый приговор и был принят Боярской думой уже с участием митрополита (тут церковь была на стороне царя). Окончательное же рассмотрение остальных реформ было перенесено на осень. Именно с этого времени (после июля) и развернулась практически подготовка к предстоящему Стоглавому собору, который должен был решить если не все, то большинство из указанных вопросов. Тогда же (в августе—сентябре) были составлены и проекты знаменитых царских речей с упоминанием о соборе «примирения» «в преддущее лето», которые и были оглашены Иваном на Стоглаве. Что касается дополнительных «царских вопросов», столь созвучных этим речам (явно в одном ключе они были составлены), то они, всего вероятнее, в силу

изменившихся обстоятельств на соборе не оглашались, хотя и были хорошо известны его участникам. Поэтому-то они и находились в руках у новгородского архиепископа Феодосия, а Епифанием Турским были приобщены к материалам Стоглава.

Но не противоречит ли наше столь категорическое утверждение, что собор «примирения» был только один и был именно в феврале 1549 г., известию хрущевской Степенной книги о подобном же соборе «примирения», состоявшемся якобы в 1550 г.? (До этого мы специально умалчивали об этом важнейшем, по не менее сложном источнике). Нам думается, что не только не противоречит, но, наоборот, помогает понять происхождение и характер этого в свое время столь шумевшего летописного сообщения.

Как известно, знаменитая вставка о соборе «примирения» 1550 г., сохранившаяся в одной из рукописей Степенной книги, принадлежавшей Хрущеву, представляет собой красочный рассказ о созыве в Москве, когда царь «бысть в возрасте 20 году», из-за «насилия сильных и от неправд» Земского собора «из городов всякого чину» людей, чтобы «установити крамолы, и неправды разорити и вражду утолити». Перед собравшимися в одно из воскресений выступает царь и произносит на Лобном месте покаянную речь с обвинением «бояр и вельмож» в злоупотреблении властью во время его малолетства и призывом к примирению, «оставя друг другу вражды и тяготы свои». В конце речи царь поручает Алексею Адашеву принимать «челобитные» от всех «бедных и обидимых, и пазирати их с рассмотрением», «избраши судей праведных от бояр и от вельмож».

Еще С. Ф. Платонов (первый обративший внимание на то, что это известие представляет собой вставку в текст Степенной книги) указывал на его чрезвычайное сходство и идейно и стилистически с рассмотренной выше речью царя на Стоглавом соборе 1551 г. и на этом основании пришел к выводу о его позднейшей интерполяции. Подделка была сделана, по мнению С. Ф. Платонова, в целях возвеличивания рода Колтовских, которым в XVII в. принадлежала рукопись, и близкого им рода Адашевых, причем ее автор использовал для этого речь царя на Стоглаве, добавив в нее некоторые сведения из переписки царя с Курбским. Выводы С. Ф. Платонова были приняты многими исследователями. Но еще В. О. Ключевский, отдавая должное наблюдениям С. Ф. Платонова, продолжал утверждать, что «каково бы ни было происхождение соборной царской речи, трудно заподозрить само событие».⁴⁴ Основным доказательством в пользу этого В. О. Ключевский считает упоминание царем на Стоглаве о своем с боярами покаянии перед собором «в преддущее лето».

⁴⁴ В. О. Ключевский. Курс русской истории, стр. 375—376; ср. стр. 197. Текст «вставки» в хрущевскую Степенную книгу цитируем по изданию — СГГД, ч. II, № 37, стр. 45—46 (ср. рукопись — ЦГАДА, ф. 181, № 26, лл. 1027—1029).

Опубликование в 1921 г. продолжения хронографа 1512 г., содержащего известие о февральских событиях 1549 г., подтвердило мнение В. О. Ключевского, что подобный собор в действительности все-таки был, но был не в 1550 г., а в 1549 г. Изменил свою точку зрения и сам С. Ф. Платонов (кстати, первый введший в научный оборот известие хронографа), считая теперь, что как раз «событие 27 февраля 1549 г. послужило поводом к составлению легенды о Земском соборе 1547 или 1550 года, когда будто бы царь на площади торжественно говорил всему народу покаянную речь и обещал ему правосудие».⁴⁵ По мнению С. Ф. Платонова, как раз об этом Грозный напоминал в своей речи на Стоглавом соборе.

И, действительно, достаточно сличить сообщение хронографа 1512 г. о февральских событиях 1549 г. и рассказ хрущевской Степенной книги о царском выступлении на Лобном месте (произнесенной якобы в 20-й год его правления), как будет ясно, что в основе того и другого известия лежат одни и те же события, а именно Собор 1549 г., и только об этом одном соборе «примирения» говорится в царской речи на Стоглаве.

Так, в хронографе, Степенной книге и Стоглаве по существу сообщается об одном и том же: на особом представительном собрании состоялось примирение между царем и боярами, с одной стороны, и боярами «со всеми христианами» — с другой. Главным вопросом обсуждения был вопрос о ликвидации самовольства и злоупотреблений властью бояр-управителей (всех категорий, и в первую очередь бояр-наместников) в период малолетства царя и примирения их с местным населением. Общий итог — примирение «на срок» между боярами и населением и решение о «справедном» суде по всем челобитьям. Что же до различий, то они касались лишь перечня конкретных мероприятий по обеспечению этого «справедного суда». Хронограф говорит об особом царском суде между боярами, детьми боярскими и крестьянами по челобитьям местного населения на бояр-управителей. Степенная книга повторяет то же, но в более пространной форме и с конкретизацией — указанием, что прием и рассмотрение челобитных поручено Алексею Адашеву, в Стоглаве же лишь констатируется общее примирение бояр, приказных людей и кормленщиков «со всеми землями» «во всяких делах». Кроме этого, хронограф сообщает о принятии особого указа о неподсудности детей боярских наместникам, о чем Степенная книга не говорит, но зато Стоглав сообщает о принятии решения об исправлении Судебника, в состав которого, как мы уже отмечали, и вошел данный указ. Иначе говоря, различия касаются лишь конкретных мероприятий по выполнению общего решения о примирении и установлении «справедного суда», упорно повторяемого каждым из наших источников, причем сведения этих источников отнюдь не противоречат

⁴⁵ С. Ф. Платонов. Иван Грозный, стр. 61—62.

друг другу, а, наоборот, дополняют, так как принятие указа о неподсудности детей боярских непосредственно связано с решением о составлении нового Судебника, а решение об особом порядке рассмотрения челобитей местного населения на бояр непосредственно в царском суде — с решением о создании «челобитного приказа» во главе с А. Адашевым. И поэтому у нас, как нам кажется, нет никаких оснований doubts, а тем более трюить это событие только потому, что о нем говорят разные источники.⁴⁶ Что же касается указания автора вставки в хрущевскую Степенную книгу, что эта речь была произнесена молодым царем «в день недельный», то ближайшию к 27—28 февраля 1549 г. воскресенья были 24 февраля и 3 марта (год был не високосный). Почему же не предположить, что как раз 3 марта и было (вернее, могло быть) днем выступления царя на Красной площади. Во всяком случае, судя по содержанию царской речи и особенно по ее сопоставлению с сообщением продолжения хронографа 1512 г. о кремлевских собраниях 27 и 28 февраля 1549 г., она могла быть произнесена лишь после них в целях сообщить москвичам, специально собравшимся для этой цели на Красной площади и, видимо, отнюдь не пассивно реагирующим на работу заседавшего в царских палатах Собора, о принятых решениях. Если это так, то тогда становится более понятно, почему эта речь по сравнению с известием хронографа о царских речах перед боярами и детьми боярскими в Кремле носит более демагогический, широковокальный характер, почему в ней ничего не говорится о конкретном решении по урегулированию взаимоотношений между боярами и дворянами (не та была аудитория!), но зато особо выделяется вопрос об обязательстве царя справедливо рассматривать все челобитья о «неправдах» и «хищениях», надзирать за рассмотрением которых поручается Алексею Адашеву. Для собравшейся на Красной площади толпы, состоявшей, видимо, в основном из посадских людей, именно это было главным. Его надо было успокоить, а отнюдь не рассказывать ей о конкретных законодательных мерах, а тем более проектах, которые были предметом рассмотрения Земского собора 1549 г.

Думается, что есть и другие данные, подтверждающие правдоподобность именно этих хронологических рамок для работы Собора 1549 г.

16 февраля в Москве были завершены весьма важные переговоры между польско-литовским посольством и московским пра-

⁴⁶ И уж никак мы не можем согласиться, как и М. Н. Тихомиров и С. О. Шмидт, с мнением В. Н. Автократова, что «все» сведения хрущевской Степенной книги о царском покаянии на Красной площади «противоречат действительному положению вещей в XVI в.» (В. Н. Автократов. «Речь Ивана Грозного 1550 года» как политический памфлет конца XVII века. ТОДРЛ, т. XI, стр. 260—278; ср. М. Н. Тихомиров, указ. исслед., стр. 5—7; С. О. Шмидт, Соборы середины XVI века, стр. 80—81).

вительством, закончившиеся заключением перемирия на пять лет (послы находились в Москве с 19 января), и очень вероятно, что как раз после отъезда послов и проходили интересующие нас московские соборные заседания, закончившиеся в начале марта. Показательно также, что 10 марта 1549 г. симоновский архимандрит Трифон был назначен архиепископом в Суздаль, а 17 марта троцкий игумен Никандр архиепископом в Ростов (выборы архиепископов обычно проходили на церковных соборах). И мы присоединяемся к С. О. Шмидту, который, приводя эти данные, полагает, что именно «этот церковный собор и был вторым церковным собором по канонизации новых чудотворцев, и М. А. Дьяконов правильно сближал „собор примирения“ с церковным собором 7057 года, месяц созыва которого не указан в источниках».⁴⁷ Но сближая эти соборы, мы не хотим сказать, что это был единый церковно-земский собор, а лишь думаем, что мартовский церковный собор проходил сразу же после февральского Земского собора 1549 г. и находившиеся в это время в Москве церковные иерархи принимали участие и в том, и в другом. Таким образом, оба собора представляют собой как бы единый комплекс мероприятий московского правительства, направленных на стабилизацию внутреннего положения в стране. Очень возможно поэтому, что мартовский церковный Собор 1549 г. рассматривал далеко не только сугубо церковные вопросы, но и, например, вопрос об отмене тарханов. В этом свете упоминавшаяся выше царская грамота от 4 июня 1549 г. в Дмитров о ликвидации таможенных привилегий почти всех монастырей, кроме четырех крупнейших, выданная на основе какого-то не дошедшего до нас общего постановления по этим делам («ныне» царь «все свои грамоты жаловальные тарханные... в таможенных пошлинах и в померных порудил»), еще больше привязывается к февральско-мартовским светско-церковным собраниям 1549 г., как собраниям принявшим или одобрявшим принятие царем издаваемых в ней ограничительных мероприятий в отношении церковных податных привилегий.

Но как сочетать подобную трактовку вопроса о Соборе «примирения» 1549 г. (как соборе, положившем начало разработке нового Судебника и изложенной выше программы реформ) с недавно обнаруженной А. И. Копаневым припиской В. Н. Татищева на принадлежащей ему рукописи второй части Львовской летописи об утверждении нового Судебника на специально собранном для этого Земском соборе. Приписка сделана против текста, относящегося к 1544 г., и гласит: «Да, видя же князь великий, что и в судах неправды и грабления, оставя предков уложения судят по своей воли, и для того велел князь великий собрать от городов добрых людей по человеку, да и к тому бояр, окольных чин и

дворецких велел сидети и судебник со старых уложений делати, его же зделав, все крестным целованием утвердили, что держати в правду».⁴⁸

А. И. Копанев, считая это известие вполне надежным и полагая, что речь может идти лишь о Судебнике 1550 г., приходит на основании его к следующему заключению. Во-первых, что «Судебник 1550 г. был выработан на Земском соборе при участии представителей от городов, Боярской думы и других чинов государственного централизованного управления». Во-вторых, «указанная приписка Татищева в какой-то мере подтверждает сообщение хрущевской Степенной книги о речи 20-летнего царя (т. е. в 1550 г.) с Лобного места перед собранными из городов представителями „всякого чину“, приведенное еще Н. М. Карамзиным, но поставленное под сомнение С. Ф. Платоновым». Но в то же время А. И. Копанев сразу же делает оговорку, что он «не решает» «сейчас вопроса о достоверности показаний хрущевской Степенной книги», а считает необходимым лишь «отметить», что и в хрущевской Степенной книге, и в татищевской приписке «сообщается о факте созыва в 1550 г. представителей городов, т. е. провинциального дворянства, в Москву» и «если по Хрущевской книге собравшиеся прослушали речь царя о непорядках в Русском государстве, то по тексту приписки Татищева они принимают участие в выработке судебника — важнейшей реформе 50-х годов XVI в.». Поэтому, по мнению А. И. Копанева, «нельзя не поставить в связь указание приписки Татищева о Земском соборе, выработавшем Судебник 1550 г., и с речью царя на Стоглавом соборе 1551 г. В ней царь говорил о имевшем место каком-то важном совещании „в преидущее лето“ (т. е. 1550 г.), на которых, между прочим, и был возбужден вопрос о исправлении Судебника. В осуществление решений этого совещания и был собран Земский собор 1550 г., о котором говорится в приписке Татищева на полях Львовской летописи». «Следовательно, — делает вывод А. И. Копанев, — фактическое содержание приписки Татищева не противоречит данным других источников», тот же факт, что в приписке Иван Грозный назван не царем, а великим князем, а сама «приписка помещена параллельно с текстом летописи за 1544 г.» — объясняется просто тем, что Татищев, когда работал над рукописью Львовской летописи, еще не знал о Судебнике 1550 г., обнаруженном им лишь в 1734 г., и «дословно повторил свой источник, сообщавший об издании судебника, не исправляя его».⁴⁹

Таково мнение А. И. Копанева. Несмотря на оговорки, он, как мы видим, решительно настаивал на том, что именно в 1550 г. был специальный Земский собор, собранный Иваном IV для вы-

⁴⁸ БАН, ОР, № 16.12.12, л. 154.

⁴⁹ А. И. Копанев. Об одной рукописи, принадлежавшей В. Н. Татищеву. Тр. БАН, т. II, М.—Л., 1955, стр. 236—237.

⁴⁷ С. О. Шмидт. Соборы середины XVI века, стр. 74 и сл.

работки и утверждения нового Судебника и именно этот сбор и имеют в виду хрущевская Степенная книга и Стоглав.

Еще более категорическую позицию в отношении оценки приписки Татищева занимает С. О. Шмидт, утверждающий, что в ней речь идет как раз об июльском Земском соборе 1550 г., утвердившем Судебник «вслед» за принятием его Боярской думой. Возможным же источником татищевской приписки С. О. Шмидт считает один из летописцев XVIII в., указанный ему Т. Г. Липкиной, или его протограф, который почти дословно включает в свой текст под тем же 1544 г. данное известие (т. е. приписку Татищева).⁵⁰ То же, что известие об утверждении Судебника на Земском соборе помещено вслед за описанием боярских бесчинств и убийства князя Андрея Шуйского в декабре 1543 г., объясняется С. О. Шмидтом тем, что составитель этого летописца XVIII в. или его протографа, иначе говоря, «составитель позднейшей летописи, имевший под руками какие-то письменные источники или использовавший устные предания, рассматривал Судебник 1550 г. прежде всего в плане ограничения центральной властью боярского произвола и потому считал его издание непосредственным следствием событий конца 1543 г.»⁵¹

Но все дело в том, что в данном случае произошло досадное недоразумение. Летописец XVIII в., который имеет в виду С. О. Шмидт, представляет собой на самом деле беловую рукопись, сделанную для Татищева как раз с найденного А. И. Копаневым экземпляра второй части Львовской летописи, с внесением имевшейся на последней редакторских поправок и дополнений Татищева уже непосредственно в текст. Как известно, это была типичная для Татищева форма подготовки исходных материалов для его «Истории Российской». Еще А. Востоков, давший в своем описании рукописей Румянцевского собрания подробную характеристику этого летописца XVIII в., предположил, что «по некоторым приметам» можно думать, что эта летопись «принадлежала Татищеву и должна была войти в продолжение Истории его, которое в печатном IV томе доведено только до 1462 г.»⁵² А. Востоков исходил при этом из следующих соображений. Рукопись имеет заголовок: «Летописец начало царства царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руссии от отца его преставления великого князя Василия Ивановича всеа Руссии. Списан Макарием митрополитом всеа Руссии». Написана рукопись новым письмом XVIII в. на 212 листах и по своему содержанию, кроме некоторых незначительных разночтений, пропусков и «пополнений», соответствует Львовской летописи и точно на том же месте оканчивается. Но на каком основании и почему

⁵⁰ ГБЛ, РО, Румянц. собр., № 257, л. 46 об.

⁵¹ С. О. Шмидт. Соборы середины XVI века, стр. 76—77.

⁵² Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея, составленное Александром Востоковым. СПб., 1842, № CCLVII, стр. 362—363.

ее «сочинителем» или «списателем» назван митрополит Макарий, неизвестно. В то же время в предызвещении к I тому своей «Истории» Татищев говорит: «Макарий митрополит описал жизнь царя Иоанна II и Грозного первые 26 лет, как порядочно по годам, так с достаточными обстоятельствы». Указанный же летописец XVIII в. точно заключает эти в себе 26 лет правления Ивана Грозного. Кроме этого, внешнее оформление текста (вынос на поля названия каждого примечательного происшествия или имени) соответствует оформлению «Истории» Татищева, наконец, и «язык летописателя в некоторых местах переделан и заменен новыми выражениями». Что же касается того, что Иван Грозный в страничных надписях назван Иваном IV, хотя в предызвещении Татищева он обозначен V, то это, по мнению А. Востокова, было связано с тем, что в IV томе своей «Истории» Татищев называет Иваном IV сына великого князя Ивана Васильевича, родившегося в 1455 г., и, следовательно, по новой татищевской системе обозначения (принятой позднее, после написания предызвещения) Иван Грозный должен был быть уже назван Иваном V. Наконец, даже правописание — употребление в летописце букв «сч» вместо «щ», как отмечает А. Востоков, типично татищевское.

Это было предположение А. Востокова. Но после обнаружения А. И. Копаневым экземпляра второй части Львовской летописи с редакционной правкой и дополнениями Татищева это становится совершенно очевидным. Произведенное нами сличение обеих рукописей показывает их почти полное тождество с той лишь существенной разницей, что вся та правка, которую внес Татищев в рукопись, хранящуюся в ВАН, в рукописи Румянцевского собрания внесена непосредственно в текст и, кроме этого, в некоторых случаях, касающихся преимущественно внешнего оформления текста, рукою Татищева внесены незначительные дополнительные исправления. Иначе говоря, перед нами беловик рукописи, посвященной первым 26 годам правления Ивана Грозного, которую Татищев готовил в качестве основы для продолжения своей «Истории» уже применительно к XVI в.

А отсюда вывод, что соотношение между этими двумя татищевскими летописцами обратно тому, какое предполагал С. О. Шмидт, а во-вторых, и это главное — указанный им летописец XVIII в. ни в коей мере не может служить доказательством достоверности приписки Татищева к Львовской летописи о Земском соборе, утвердившем Судебник.

Нам думается, что к анализу приписки Татищева на полях Львовской летописи о созыве специального Земского собора для утверждения Судебника следовало бы подойти с несколько иных позиций.

Во-первых, о датировке. Если на имеющемся в руках Татищева известии о Земском соборе не было даты и он даже счел возможным отнести это к 1544 г., поставив его в связь с ликви-

дацией боярского правления, то почему мы обязательно и безоговорочно должны датировать его 1550 г. только на основании того, что новый царский Судебник был принят Боярской думой в июне этого года. Ведь в приписке Татищева говорится не только о завершении, но и о начале работы над новым Судебником, о том, что «добрые люди» от городов, а также бояре, окольные и дворецкие были «собранны» великим князем, чтобы «сидети и судебник со старых уложений делати» и лишь потом, «его... зделав, все крестным целованием утвердили». А составление нового Судебника началось как раз по решениям Собора 1549 г. (и очень возможно, что это была и одна из главных причин его созыва), во всяком случае, именно на нем был принят специальный закон о неподсудности наместникам детей боярских, вошедший в Судебник 1550 г., а также поставлен общий вопрос о прекращении «великих обид и продаж», чинимых боярами «детем боярским к крестьяном» «в землях и в холопах и в иных во многих делех», и об обеспечении на будущее справедливого царского суда. Но как раз об этом и идет речь в приписке Татищева. Та же причина: «в судех неправда и грабления» и судья, т. е. бояре, «оставя предков уложения судят по своей воли», и та же по существу аудитория: по Татищеву — бояре, окольные, дворецкие, а также «от городов добрые люди», а по продолжению к хронографу 1542 г. — все первые три категории, плюс казначей (без участия которого вообще, кстати, переальна выработка нового Судебника), а также воеводы, княжата, дети боярские и большие дворяне, которые, как известно, и выступали в качестве как раз «добрых людей» от городов на Земском соборе 1566 г. И трудно допустить, что на предшествующих ему соборах представительство было иное, так как представители третьего сословия (купцы и посадские люди) даже на Соборе 1566 г. были представлены отнюдь не по родовому принципу. Кроме этого, хронограф упоминает об участии в собрании «освященного собора», неотъемлемой части всякого Земского собора XVI—XVII вв. Татищев же об этом ничего не говорит. Поэтому мы считаем, что известие, приведенное Татищевым, касается Земского собора 1549 г., выделившего, видимо, специальную правительственную (думскую) комиссию, с участием представителей от городов (но без духовенства), которая и работала по составлению нового Судебника, закончив свою работу к лету 1550 г. и представив его в Боярскую думу. Что же касается сообщения Татищева, что после своего составления Судебник был утвержден «крестным целованием», то это слишком общее указание, из которого отнюдь не обязательно делать вывод, что Судебник был утвержден именно Земским собором, а не той же комиссией или просто Боярской думой. Во всяком случае сам факт, что Судебник в июне 1550 г. был принят Боярской думой, а потом представлен на утверждение Стоглавого собора, состоявшегося в январе—феврале 1551 г., и только после

этого вошел в действие, исключает возможность проведения какого-то специального Земского собора между июнем 1550—февралем 1551 г., на котором был утвержден Судебник. Не мог состояться подобный собор и до рассмотрения Судебника Боярской думой.

Что касается предположения А. И. Кошанева о том, что приписка Татищева в какой-то мере «подтверждает» сообщение хрущевской Степенной книги о Соборе 1550 г., то оно верно лишь в том смысле, что эти оба известия, по всей видимости, восходят к каким-то общим источникам, не имеющим точной датировки и поэтому породивших хронологическую путаницу: в приписке Татищева — отнесение одного и того же собора к 1544 г., а в хрущевской Степенной книге — к 20-му году правления царя Ивана, хотя на самом деле речь шла о событиях 1549 г.

Итак, проведенный нами выше разбор показаний источников о «соборах примирения» дает нам основания сделать вывод о том, что такой собор был всего один и происходил он не в 1550 г., а в феврале—марте 1549 г. и именно этот собор в «предущее лето» имел в виду Иван Грозный в своей речи на Стоглавом соборе и именно по решению этого собора был составлен новый царский Судебник, а по «всем землям» устроены старосты, целовальники, соцкие и пятидесяцкие, о чем царь и подписал «уставные грамоты под сей судебник», представив все вместе на утверждение Стоглавого собора. Иначе говоря, февральско-мартовский Земский собор 1549 г. положил начало введению на местах органов земского самоуправления.

* * *

Теперь мы подходим ко второй, более специальной теме нашего очерка — анализу решения вопросов местного управления в Судебнике 1550 г. Дело в том, что в отличие от всех других проектов и реформ, вызванных февральским Собором 1549 г., а также возникших позднее, но именно в связи с намеченным им новым политическим курсом на компромисс трех, казалось бы, отнюдь не столь уж лояльных друг другу общественных сил — боярства, дворянства и посадских людей, наиболее быстро была практически реализована реформа в области управления и суда — создан и утвержден новый Судебник. И поэтому у исследователя есть редкая возможность проверить на практике (в данном случае мы имеем в виду законодательную практику), как конкретно претворялся в жизнь новый политический курс при решении вопросов местного управления и суда. Не ошибаемся ли мы, что и тут явно преобладали отмеченные выше компромиссные черты?

Утвержденная Стоглавом «уставная грамота», «которой в казне бити», до нас не дошла. Но общее представление о ее содержании и составе в значительной степени можно реконструировать

на основании Судебника 1550 г., поскольку она была «подписана» «под него» и, следовательно, по идее ее составителей, должна была соответствовать правовым нормам в их применении к организации местного управления.

Вообще надо отметить, что вопросам управления и суда, и особенно вопросам организации контроля правительства за деятельностью местных органов власти в лице наместников и волостелей, в Судебнике 1550 г. уделено особенно большое внимание, причем, как заметил еще И. И. Смирнов, «именно в этой части Судебника 1550 г. содержится наибольшее количество новых статей по сравнению с Судебником 1497 г., равно как из статей Судебника 1497 г., вошедших в состав Судебника 1550 г., наибольшей переработке, изменениям и дополнениям подверглись статьи об управлении и суде».⁵³ Все это еще раз говорит о том, что вопросы управления, а именно о них и шла речь на Соборе «примирения» 1549 г., были не только центральными, но и наиболее острыми, первоочередными вопросами нового правительственного курса.

Но в то же время, возможно, именно остротой и значительностью этих вопросов объясняется то, что решались они в Судебнике 1550 г. отнюдь не всегда радикально, а наоборот, в большинстве случаев компромиссно, охраняя интересы местного населения, особенно дворянства, но не линая покровительства и кормленщиков.

Основу местного управления, по Судебнику 1550 г., по-прежнему еще составляет наместничье управление, базирующееся на системе кормлений. Концентрируется в руках наместников и волостей и местный суд, как по уголовным, так и гражданским делам.

Характеристика наместничьего суда дается в Судебнике 1550 г. в ст. 62—75. Эти статьи образуют, как отмечал еще Б. А. Романов, как бы особое «уложение о наместничьем суде».⁵⁴

В основе этого «уложения» лежит «указ наместникам о суде городским», объединяющий ст. 37—45 Судебника 1497 г.⁵⁵ Составители Судебника 1550 г. не только переработали, но и значительно расширили эти постановления, включив в него ряд совершенно новых статей (63, 68—70, 72 и 73).

Весьма широкий состав «уложения» о наместничьем суде Судебника 1550 г. наглядно виден уже из оглавления к нему,

⁵³ И. И. Смирнов. Очерки... стр. 320.

⁵⁴ Б. А. Романов. Комментарий к Судебнику 1550 г., стр. 251, 279.

⁵⁵ По мнению Л. В. Черепнина, «все названные статьи (к которым автор присоединяет также ст. 64, 65 и 67; — И. И.), возможно, представляли собой когда-то самостоятельный памятник, посвященный вопросам организации наместничьего суда, который впоследствии вошел в состав Судебника 1497 г.» (Л. В. Черепнин. 1) Комментарий к Судебнику 1497 г. В кн.: Судебники XV—XVI веков. М.—Л., 1952, стр. 77; ср.: 2) Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2. М., 1951, стр. 359—367, 376—379).

составленного его переписчиком XVI в. для удобства применения в судебной практике и поэтому в известной мере показывающего оценку его значимости современниками.

62. О наместниках, за которыми кормленна з боярским судом.
63. О боярском суде.
64. Как судити наместникам детей боярских.
65. Что имати наместнику от правы грамоты пошлин.
66. О наместниках и о волостелех, за которыми кормленна без боярского суда.
67. О наместничих тиуных, как им давати правы грамоты.
68. О старостах и целовальниках, в которых волостех наперед того старост и целовальников не было, кому в суде сидети, и ныне в тех волостех старост и целовальников учинити.
69. О наместничих и о волостелиных о судных о докладных списках.
70. Кого наместничих и волостелины люди учнут давати на поруку и по ком поруки не будет.
71. Наместником и волостелем и их тиуном тати и душегубца и всякого лихого человека без доклада ни продати, ни казнити, ни отпустити.
72. Наместником и волостелем судити всяких людей, обыскивая по их животом.
73. Кто скажет, что у него взят чужей живот.
74. На котором городе два наместника или на волосте два волостеля.
75. Кто пошлет пристава по наместника или по волостеля и по их людей».⁵⁶

К этой единой группе статей, рассматривающих различные стороны наместничьего управления, по существу тематически примыкают и ст. 22—24, все новые и посвященные столь зловонному и столь остро обсуждавшемуся на февральском Соборе 1549 г. вопросу, как вопрос о судебных исках местного населения к наместникам и процедуре их разбирательства,⁵⁷ а также ст. 60, устанавливающая нормы и процедуру наместничьего суда по «лихим делам» и касающаяся их взаимоотношений с губными старостами, в ведении которых находились дела о «ведомых» разбойниках и татях. Наконец, сюда же следует отнести и ст. 95—96, рассматривающие вопрос о питании лошадей наместниками, волостелями и их пошлинниками.⁵⁸

⁵⁶ Судебники XV—XVI веков. М.—Л., 1952, стр. 139.

⁵⁷ 22. Которые люди учнут искати на наместниках или на волостелех или на их людех по жалобницам, и наместники и волостели за своих людей не за всех учнут отвечати.

23. Которых людей те исцы учнут приписывати в ыски к наместничим или к волостелиным людям городских или волостных людей.

24. Которые люди иногородцы учнут бити челом на наместников или на волостелей о обидах». (Судебники XV—XVI веков, стр. 136).

⁵⁸ Эти статьи вместе со ст. 94 составляют как бы особый устав о правах питания лошадей, применительно как для Москвы и Московского уезда (ст. 94), так и для провинциальных городов и волостей (ст. 95—96):

94. Кто купит лошадь на Москве или в Московском уезде.

95. Кто куит лошадь или менит в городе или волосте, где наместник или волостель.

96. О лошадях домарощенных и непродажных». (Судебники XV—XVI веков, стр. 140).

В своей совокупности все эти постановления дают довольно полную картину судебно-административных функций наместников по новому Судебнику. Весьма отчетливо выявляют они и то новое, что вносит Судебник 1550 г., по сравнению с Судебником 1497 г., в систему организации и деятельности наместничьего суда.

Лейтмотивом всей переработки норм Судебника 1497 г. о наместничьем суде, осуществленной в Судебнике 1550 г., был вопрос о роли и месте в этом суде земского представительства в лице старост и лучших людей, иначе говоря вопрос о взаимных обязанностях, правах и ответственности наместников, земских представителей и населения как перед друг другом, так и перед правительством. И все это было подчинено главной цели — нормализации отношений между кормленщиками и местным населением.

Институт земского представительства в наместничьем суде, начавший входить в практику с середины XV в., был узаконен еще Судебником 1497 г., предписывающим «без дворского, и без старосты и без лутчих людей суда наместником и волостелем не судити» (ст. 38), но и после него, как показывают те же правые грамоты, присутствие на наместничьем суде «судных мужей» далеко не было постоянным и повсеместным явлением в практике местного управления.⁵⁹ Поэтому в Судебнике 1550 г. эти же постановления сформулированы не только значительно более категорически, но и присутствующие на суде «лучшие люди» прямо обозначены, как целовальники, т. е. присяжные заседатели.⁶⁰ А превращение «лучших людей» в судебных целовальников как выборного института, ответственного и перед своими выборщиками и правительством за добросовестное выполнение своих обязанностей, было отнюдь не мало важным явлением в становлении на местах новой системы управления. Ведь нельзя забывать, что и в губных органах именно губные целовальники являлись связующим звеном между губными старостами, как представителями местного дворянства, и пророкими слоями крестьянства и посадских людей, выбирающих их и несущих за них ответственность. Это повторяется и сейчас, хотя фигура наместника-кормленщика была явно иного происхождения, чем губные старосты, и окруженные ее подобными земскими помощниками и в то же время кон-

⁵⁹ Л. В. Черепнин. Комментарии к Судебнику 1497 г., стр. 78.

⁶⁰ В Судебнике 1497 г. термин «целовальники» встречается всего один раз (в ст. 12) и служит не для обозначения целовальников как «судных мужей» при наместнике или волостеле, а обозначает просто выборных представителей местного крестьянского населения, подтверждающих на присяге правильность своих показаний о том, что то или иное лицо является татем. Даже если это были уже какие-то выборные земские лица (мирские ответственные представители), то во всяком случае они не являлись еще специальной категорией судебных целовальников. Таких целовальников Судебник 1497 г. еще не знает.

тролерами вело отнюдь не к укреплению положения кормленщиков, а, наоборот, способствовало обострению взаимоотношений между ними и местным населением. Но на первых порах правительство явно этого не понимало и надеялось путем строжайшей регламентации их взаимных обязанностей и прав достигнуть как раз обратного.

В чем же состояла суть этой новой правительственной регламентации наместничьего суда?

Во-первых, «уложение» о наместничьем суде Судебника 1550 г. устанавливает в общегосударственном масштабе единый размер наместничьих судебных пошлин. Так, если по Судебнику 1497 г. (ст. 38) размер пошлин определяется уставными наместничьими грамотами, выданными тому или иному городу или волости, и, следовательно, таксация их может быть различной применительно к различным кормлениям,⁶¹ то теперь в 1550 г. Судебник уже сам в ст. 62 устанавливает единую таксацию наместничьих судебных пошлин, отсылая к «уставной грамоте» лишь при определении пошлин доводчика, да и то с оговоркой, что «где не будет грамоты», «ему имати в городе хоженного по четыре денги, а езд на версту по денги, а на правду в городе или в волосте вдвое». Значительно более тщательно, чем в Судебнике 1497 г., регламентируются Судебником 1550 г. и наместничьи пошлины от судебных поединков.⁶²

⁶¹ «А имати ему (наместнику или волостелю, — Н. Н.) с суда, оже доищется ищца своего, и ему имати на виноватом противень по грамотам, то ему и с тиуном; а не будет где грамоты, и ему имати противу исцева. А не доищется ищца своего, а будет виноват ищца, и ему имати на ищца с рубля по два алтына, а тиуну его с рубля по осми денег. А будет дело выше рубля или ниже, ино имати на ищца по тому ж расчету. А доводчику имати хоженое и езд и правда по грамоте. А досудятца до поля да помирятся, и ему имати по грамоте. А побьются на поля, и ему (наместнику или волостелю, — Н. Н.) имати вина и противень по грамоте. А где нет грамоты, а помирятся, и ему имати противень в полы исцева, то ему и с тиуном. А побьются на поля в заемном деле, или в бою, и ему имати противень против исцева. А побьются на поля в пожере, или в душегубстве, или в разбое, или в татбе, ино на убитом исцово доправити, а сам убитой в казни и в продажи наместнику, то ему и с тиуном» (Судебник 1497 г., ст. 38; курсив наш, — Н. Н.).

⁶² «А имати наместником от суда пошлин: доищется ищца своего в заемном деле или в бою или в лас, и ему имати на виноватом с рубля по гривне, то ему и с тиуном; а не доищется ищца своего, а будет ищца виноват, и ему имати на ищца с рубля по тому ж, а будет дело выше рубля или ниже, ино имати на ищца или на ответчик(е) по тому ж расчету. А доводчику его имати хоженое и езд и правда по уставной грамоте; а где не будет грамоты, и ему имати в городе хоженного по четыре денги, а езд на версту по денге, а на правду в городе или в волости вдвое. А досудятца до поля, да, став у поля, помирятся, и ему имати с рубли по гривне ж, то ему и с тиуном, да полевых пошлин полтротьяцать алтын (явное поощрение примирения, если учесть, что, по Судебнику 1497 г., наместник в подобных случаях «мал» на себя пошлину в пол-иска иста, — Н. Н.). А побьютца на поле, ино на убитом взяти полевых пош-

Во-вторых, правительство проводит в Судебнике 1550 г. постановление об обязательном протоколировании всех судебных дел, проходящих через наместничий суд. Дело должно было подписываться всеми присутствующими на суде (наместниками, старостами и целовальниками) и тщательно храниться: подлинники — у наместников, а копии — у старост и целовальников. Прямо называется и цель этого хранения — «спору для».

И действительно, вопрос о возможном «споре», конфликте между наместниками и местным населением был главным, наиболее беспокоящим правительство, предметом дополнений «уложения» о наместничьем суде в Судебнике 1550 г. Не случайно ему посвящены пять из семи новых статей, включенных в «уложение», а именно ст. 68—70 и 72—73.

Весьма показательно и само содержание этих статей, представляющих собой довольно цельную систему специальных мер по охране местного населения от возможных злоупотреблений со стороны наместников и их людей.

В первую очередь были приняты меры к запрещению любого наместничьего суда без присяжных. Даже категорическое провозглашение этого общего правила в ст. 62 было признано недостаточным (видимо, случаи невыполнения на практике соответствующих постановлений Судебника 1497 г. явно маячили и перед носом законодателями). Вводится специальная статья (68), прямо предусматривающая случай, когда наместнику «дан в кормление город с волостями, или ему даны в кормление волости», а в тех «волостех наперед сего старост и целовальников не было». И еще раз (кашу маслом не испортишь!) разъясняется, что «ныне в тех во всех волостех быти старостам и целовальником». Но и этого составителям Судебника 1550 г. показалось мало, и они дважды в той же статье повторяют свое предписание, разъясняя, во-первых, что «в суде быти у наместников и у волостелей и у их тиунов тех волостей старостам и целовальникам», но отнюдь не из любой волости, а обязательно из той, «ис которые волости хто ищет или отвечает», да судные дела пишет отнюдь не любой земский дьяк, а обязательно земский дьяк «тое же волости», а во-вторых, что участие в местном суде старост и целовальников обязательно не только для наместников, волостелей и их тиунов, «за которыми кормления з боярским судом» (что имели в виду ст. 38 Судебника 1497 г. и ст. 62 Судебника 1550 г.), но и те,

или полтора рубля, а доспеку не имати. А побьютца на поле в пожого, или в душегубстве, или в разбое, или в татбе, а убьют ответчика, ино ча убитом испсо доправити, а сам убитой в казни и в продажи наместнику и его тиуну. А убьют на поле ищю в пожого, или в душегубстве, или в разбое, или в татбе, и наместнику на нем имати с его иску четвертая пошлина по подполтине с рубля, то ему и с тиуном, да полевых пошлин полтора рубля, а доспеку не имати» (Судебник 1550 г., ст. 62; курсив наш. — Н. И.).

«за которыми кормления без боярского суда», т. е. те, которые не имели права суда по крупным гражданским и уголовным делам. Последнее разъяснение дает основания полагать, что до этого мелкие гражданские и уголовные дела, даже в тех городах и волостях, где уже были старосты и целовальники, рассматривались, как правило, без их участия. Поэтому-то кормленщики «без боярского суда», имеющие право рассматривать лишь эти дела, и были освобождены от присутствия на их суде старост и целовальников. Теперь же даже в мелких судебных делах кормленщики ставятся под контроль местных выборных представителей, которые не только судят с ними вместе, но и строго следят, чтобы «посула в суде наместником и волостелем и их тиуном не имати», как завершает свои императивные поучения составитель ст. 68.

Но конституировав в ст. 68 состав наместничьего суда для тех волостей, где «наперед сего» не было старост и целовальников, составитель Судебника 1550 г. уже в ст. 69 сразу же переключает свое внимание на рассмотрение вопроса о «споре» между кормленщиком и населением если истец или ответчик «оболжнвет» «судной список» наместничьего или волостелина суда или суда их тиуна. Иначе говоря, имелся в виду как раз тот случай, предвидя который («спору для») и вводится в ст. 62 обязательное протоколирование и хранение судебных дел.

Как же предписывала ст. 69 рассматривать эти дела? В первую очередь необходимо было вызвать для выяснения («на правду») дворского, старосту и целовальников, «которые у того дела сидели», с заверенной наместником копией судебного дела. И если «судные мужи» подтвердят, что «суд таков был», подписи будут достоверные, а подлинник и его копия тождественны («сойдутся слово в слово»), то «тот виноват, кто список лживил», если же, наоборот, «скажут судные мужи, что суд был, да не таков», а подписи у списка не их и сам судебный список «не слово в слово», то «по тому списку исцев иск взяти на судье, а пеню судье сверх того, что государь укажет». Но возможен и третий случай — расхождение между самими «судными мужами»: «скажет дворский, и судные мужи, и старосты, и целовальники, которые грамоте умеют, что суд был таков, а те судные мужи, которые грамоте не умеют, с нами порознятца, скажут, что был суд, да не таков», и окажется, что они правы — «тот противень с судными списками не слово в слово», то тогда «виноват судья и судные мужи, которые по списку такали» (поддакивали судье, что список якобы подлинный), почему и взять на них иски истцов, «а пеню сверх того, что государь укажет». Если же во всех этих случаях истец или ответчик «оболжавший список», не явится по вызову на суд в срок, то тогда «обвинити» его самого.

Не менее беспокоил составителей Судебника 1550 г. и вопрос о предотвращении возможности произвола со стороны наместников и волостелей при производстве арестов и дачи на поруки

местных жителей. Именно этому и посвящена отдельная новая статья — ст. 70. Согласно статье, наместники и волостели не могли теперь дать кого-либо на поруки ни до, ни после суда без предварительной явки этих людей в городе — городовым приказчикам, дворскому, старосте и целовальникам, а в волости — старостам и целовальникам, «которые у наместников и у волостелей и у их тиунов в суде сидят» (кстати, последнее дает основание полагать, что и городовые приказчики как представители местного дворянства «сидели» по городам в наместничьем суде).⁶³

«А кого, — гласит статья, — наместничьи или волостелина люди не явя приказщиком, да дворскому, да старосте и целовальником, к себе сведут, да у себя его скуют, и кто тем людем род и племя придут на наместничих или на волостелинах людей к приказщиком, да к дворскому, и к старосте, и к целовальником о том бити челом и являти, и приказщиком, и дворскому, и старосте, и целовальником у-наместничих и у волостелиных людей тех людей выматит; и кого у наместничих и у волостелиных людей вымут скована, а им не явлена, ино на наместниче или на волостелине человеке взяти того человека безчестье, посмотри по человеку; а чего тот на наместниче или на волостелине человеке възщет, и тот иск взяти на нем вдвое».

Как мы видим, ст. 70 ставила наместников и волостелей, по существу под прямой и очень жесткий контроль со стороны земских властей: городовых приказчиков как представителей уездного дворянства, института уже превращающегося к 50-м годам XVI в. из приказного в выборный от дворянства, а также дворских как представителей посадских людей и крестьян. И именно все эти представители различных сословий выступают в статье как защитники интересов местного населения, нарушение прав которого влечет за собой столь неприятные последствия для кормленщиков в виде штрафа за бесчинства и обязанности возместить пострадавшему его иск в двойном размере.

Явно более антинаместничий характер, чем ст. 43 Судебника 1497 г., носит и переработанная с нее ст. 71, касающаяся расправы кормленщиков над татями, душегубцами и вообще «всяким лихим человеком». И в данном случае законодателя беспокоит вопрос не о том, чтобы еще раз подтвердить права и обязанности наместников, волостелей или великокняжеских, боярских и детей боярских тиунов⁶⁴ (этот вопрос считался, видимо, уже решенным в ст. 60 и не нуждающимся в дополнительном разъяснении), а чтобы не дать возможности этим кормленщикам, не имеющим права на «боярский суд», «всякого лихо человека без

⁶³ Н. Е. Носов. Очерки по истории местного управления Русского государства в первой половине XVI века. М.—Л., 1957, стр. 194—196.

⁶⁴ По смыслу статьи, в ней (хотя это и не оговорено специально), как и в ст. 43 Судебника 1497 г., речь идет о мелких кормленщиках — «без боярского суда», а ими обычно были не бояре, а дети боярские.

докладу не продати, ни казнити, ни отпустити». В противном случае судьбе угрожало взыскание с него в двойном размере исцовых исков, а «в государеве пене» тюрьма «до царева государева указа». Думается, что и на этот раз главной причиной столь суровых мер против наместников и волостелей была житейская практика, дающая многочисленные примеры злоупотреблений кормленщиков, «корысти ради», предоставленной им властью, что особенно сильно восстаивало против них местное население. А именно это особенно беспокоило правительство, поставившего своей целью добиться новым Судебником как раз обратного — примирения.

Но отнюдь не во всех случаях законодатели были столь суровы к кормленщикам. И это понятно, если считать примирение кормленщиков с населением главной целью составителей «уложения» о наместничьем суде Судебника 1550 г., как и прилагаемой к нему «уставной грамоты». Во всяком случае, именно в духе обоюдодовынужденного компромисса звучат ст. 72—73: о имущественной ответственности населения по суду и о ложных исках. А это был один из наиболее острых вопросов местной жизни и управления того времени.

Ст. 72 устанавливала, что по городам наместники посадских людей судят и чинят над ними управу, «обыскивая по их животоу и по промыслу и по розмету: сколько рублей кто цареву и великому князю подать дает». Для этого городскими старостами, соцкими и пятидесятскими составляются специальные «розметные книги», одна из копий с которых за их и земского дьяка подписями посылается в Москву к тем боярам, дворецким, назначаемым и дьякам, «у кого будут которые города в приказе», а другая передается ими старостам и целовальникам, «которые у наместников в суде сидят» (последнее, кстати, еще раз подчеркивает необходимость строго отделять этих «судных мужей» от обычных земских старост и целовальников). По этим «розметным книгам» и следовало проверять, чтобы истцы не предъявляли в суд иски выше реальной стоимости своего имущества. В противном случае их иски аннулировались, а за их «вину» с них надлежало взыскать «пошлины» по Судебнику, «а в цареве государеве пене велети дати на поруку, да прислати к Москве к государю». Особо предупреждались посадские люди о недопустимости предъявления завышенных исков к наместникам и их людям, явление, видимо, особенно распространяющееся в это время.

По иному осуществляется подобный же контроль в волости. И тут волостели обязаны строго следить, чтобы иски не превышали «живота» челобитчика, но специальных «розметных книг» для этого не составлялось, а в случае жалоб ответчиков на завышенные иски (выше стоимости имущества истцов) проводился обыск. Для проведения обыска волостели посылали, выбирая из тех же волостей, лучших людей и одного-двух целовальников,

которые и выясняли: было ли у истца «живота его столко, на колко ищет». Если обвинение подтверждалось, то истца следовало обвинить, взять с него пошщины, «а в государеве пене, в ябедничестве, дати его на поруку да прислати с обыскным списком к Москве».

Что же касается ст. 73, то она представляет собой простой юридический казус к ст. 72, а именно обращает внимание на необходимость выяснения в обысках: не является ли истец владельцем не только своего, но и чужого имущества, и если да, то как последнее к нему попало. Видимо, за этим стояло подозрение — не был ли истец-ябедник подставным лицом каких-то третьих лиц.

Таково содержание обеих статей. И на этот раз мы видим, что главным вопросом, волновавшим авторов нового Судебника, был вопрос о пресечении «неправедного суда», порождаемого истцами-ябедниками и их предполагаемыми покровителями из числа судей или иных лиц, но решался этот вопрос более благоприятно для наместников и волостелей, чем в предыдущих случаях, поскольку хотя выявление и надзор за подобными злоупотреблениями и возлагался на «судных мужей» (через «розметные книги» и обыски), но окончательная расправа с ябедниками переносилась на московскую почву, куда их следовало посылать «в цареве государеве пене», сюда же отсылались и копии с городских «розметных книг», а население грозно предупреждалось, что если «которого году старосты и целовальники розметных книг к Москве не пришлют, и в том году на наместника суда не дати». Все это, по мнению составителей, и должно было пресекать и ябедничество, и несправедливые жалобы на наместников. Но думается, что на практике подобная централизация вряд ли была особо плодотворна, а зачастую и реально осуществима, особенно в отдаленных от Москвы районах. Порождала она и возможность злоупотреблений со стороны московских приказных дельцов, владеющих теперь непосредственно таким реестром городских «животов», как «розметные книги».

Заканчивают «уложение» о наместничьем суде ст. 74 и 75. Первая регламентирует судебные пошлины при существовании в одном городе или волости двух кормленщиков, а вторая — правила вызова самих кормленщиков или их людей по жалобам на них в Москву на суд. Обе статьи переработаны с соответствующих постановлений Судебника 1497 г.

Ст. 74, повторяя постановления ст. 65 Судебника 1497 г., что «на котором городе будут два наместника или на волосте два волостеля, а суд у них не в розделе, и им имати пошщины по списку обема за одного наместника, а тиуном их за одного тиуна, и оне себе делят по половинам», вводит новый наказ, а как быть, если «которые города и волости поделены, а случитца им суд волчей». Тогда, разъясняет судебник, надо им брать одну пошщину и делить между собой пополам. А если они

от этого отступят и какие-либо два кормленщика «возмут ... с одново дела пошщину вдвое, и уличат их в том», то с них «те пошщины велети взяти втрое».

Значительно более радикально переработана в ст. 75 лежащая в ее основе ст. 45 Судебника 1497 г., обязывавшая наместников и волостелей, независимо от того, были ли они боярами или детьми боярскими, а также их людей, являться по вызовам в московский суд — «к сроку отселения или «к сроку в свое место им иски со стороны местного населения или «к сроку в свое место к ответу посылати», иначе говоря, отвечать по суду за совершенные ими в период нахождения на кормлениях «продажи» и «обиды» местному населению. Обычай не новый и упоминаемый еще Двинской уставной грамотой 1397 г., Белозерской 1488 г.⁶⁵ В XVI в. он начинает более строго регламентироваться, но отнюдь не в сторону расширения прав населения о привлечении к суду наместников, а, наоборот, по линии ограничения «сроков» явки наместников в суд. Теперь они обязаны ездить в Москву лишь в те сроки, какие предоставлены населению по уставным грамотам для вызовов через пристава в великокняжеский суд, как правило, не чаще одного-двух раз в год. Так, например, в Онежской уставной грамоте 1536 г. прямо указывается, что «кому будет онежаном волостным людем и становым от наместника, и от его тиуна, и от доводчика, и от иных от наместничьих людей, и от иных от наших людей от сторонних, какова гибель, в спле и в продаже, и в потраве, и в иных обидных делах, чем их кто изобидит: и они на тех сами срок наметывают, да срок им чинят стати передо мною перед великим князем по крещенье Христово в той же день». Такой же срок был установлен по уставной грамоте и для иных дел, рассматриваемых в великокняжеском суде.⁶⁶

⁶⁵ Так, в Двинской уставной грамоте 1397 г., по которой «в Двинской земле» «мой (великого князя, — И. И.) наместник ходят», прямо указывается, что «приставом моим, великого князя, в Двинскую землю не въезди, всему управу чинят мой наместник. А над кем учинит продажу сильно, а ударят ми на них челом, и мне, князю великому, велети наместнику стати пред собою на срок; а не станет, ино на того грамота безсудная и пристав мой доправит». Не менее определенно говорится об этом и в Белозерской уставной грамоте 1488 г. — «а кому боудет белозерцом горожаном, и становым людем, и волостным обида от наместников и от волостелей, и от тиунов, и от доводчиков, и они сами сроки наметывают на наместников, и на волостелей, и на их людей» (АСЭИ, т. III, №№ 7, 22). Как мы видим, даже в период расцвета великокняжеской системы наместничьего управления XIV—XV вв. право населения судиться с наместниками в московском суде из-за «продаж» и «обид», учиненных им, отнюдь не рассматривалось как что-то новое, необычное, а тем более противоречащее существованию этой системы. Поэтому довольно странно звучит заключение Л. В. Черепнина, который сам же констатировал прямую связь уставных наместничьих грамот со ст. 45 Судебника 1497 г., что «постановление ст. 45 явилось первым шагом на пути к отмене кормлений» (Л. В. Черепнин и др. Комментарий к Судебнику 1497 г., стр. 81).

⁶⁶ ААЭ, т. I, № 181.

Но в годы боярского правления в связи с общим обострением политической и социальной борьбы на местах и особенно злоупотреблениями бояр-управителей, о чем прямо и столь горячо говорится на февральско-мартовском Соборе 1549 г., этот обычай превращается в один из наиболее острых вопросов политической жизни — форму открытого гражданского протеста местного населения кормленщикам. Неудивительно поэтому, что и составители Судебника 1550 г. обратили на него максимум внимания, хотя и заняли при этом крайне осторожную и отнюдь не новаторскую позицию.

В первую очередь разъяснен вопрос об ответственности наместников за неявку в суд, явления, по всей видимости, ставшего в 40-х годах XVI в. особенно широко распространенным и вызывающим наибольшее недовольство самых различных слоев населения. Подтверждалось правило, фигурирующее еще в той же Двинской уставной грамоте 1387 г., что в случае неявки наместников на суд в установленные сроки, на них будет выдана истцу «грамота безсудная и пристав мой (великого князя, — *И. Н.*) доправит», т. е. взыщет с них иск и судебные пошлины. Составители Судебника лишь вносят в это «очень старое» правило некоторые уточнения, а именно: если, как гласит статья, «не приедут сами (наместники и волостели, — *И. Н.*) к ответу, а в свое место отпочати не пришлют после срока за сто верст в седьмой день («а из дальних городов расчитати по верстам по тому ж розчету», — *И. Н.*), и тех обвинити и исковы иски по жалобникам и поделщиков езд на тех доправити, да отдати иск ищеам». Поэтому мы думаем, что вряд ли правильно считать, как полагают И. И. Смирнов и Б. А. Романов, что Судебник 1550 г. «устанавливает» в этом отношении что-то новое, исходя только из того, что в ст. 45 Судебника 1497 г. не упоминается о санкциях против наместников в случае их неявки на суд.⁶⁷ На самом деле такие санкции само собой подразумевались на практике и раньше и не только потому, что о них прямо упоминает Белозерская уставная грамота 1488 г., но и потому, что сам факт предоставления населению права судиться с наместниками уже предполагал (в потенции), что в случае неявки одной из сторон на суд истцу будет выдана «безсудная грамота». Это было обычное правило всякого суда того времени. Другое дело, что в сложившихся в середине XVI в. крайне острых, конфликтных отношениях между кормленщиками и населением составители Судебника 1550 г. в отличие от своих предшественников нашли необходимым особо повторить это правило, а также особо обратить внимание на то, что оно должно сочетаться с необходимостью и строгого соблюдения судебных сроков ответчиком и правильного их уста-

⁶⁷ И. И. Смирнов. Очерки... стр. 323—326; Б. А. Романов. Комментарий к Судебнику 1550 г., стр. 277—282.

новления судьей и приставом в зависимости от расстояния, которое надо проехать кормленщику из своего города в Москву. Иначе говоря, в указанной части статьи речь шла не о «установлении» (т. е. введении) гарантий истцам (ранее не применявшихся), а лишь о подтверждении и дополнительной регламентации старого «поиснатавшегося» порядка. И только в этом смысле можно согласиться с Б. А. Романовым, что «практически самое важное в ст. 75 — это гарантии истцам из числа управляемых, что ни при каких условиях суд по иску не будет отставлен или отложен ухищрением ответчика», — «и в этой сфере ждать в ст. 75 каких-либо послаблений и льгот кормленщикам — исторически исключено».⁶⁸

Но льготы кормленщикам все-таки были сделаны и не только «в сфере дел уголовных и преступлений служебных», постановления по которым ст. 75 Б. А. Романов рассматривает (в отличие от И. И. Смирнова) как, «пожалуй, и льготу для наместников»,⁶⁹ но и в отношении частных исков населения к наместникам и волостелям в целом.

Во всяком случае трудно по-другому оценить специальное разъяснение ст. 75 вопроса о «сроке» явки наместников в суд, гласящее, что «срочных по приставным на наместников и на волостелей и на их тиунов не наметывати», поскольку приставов «з записями» на них можно посылать только по «ведомым разбойным делам» и делам административным — «приказным», «в которых делех велит государь дати запись». В остальных же случаях приставов «з записью» по наместников, волостелей и их тиунов «давати» лишь при условии — «велети им чинити срок, как съедет з жалования, oprич тех записей, которую запись велят дати бояре, приговоря вместе; а одному боярину и дяку пристава з записью не дати» (курсив наш, — *И. Н.*).

Запрещение давать на наместников «срочные» приставные грамоты, т. е. вызывать их в московский суд к заранее определенному судьей, по просьбе истцов, сроку, было безусловно значительной уступкой кормленщикам, независимо от того, какими конкретно причинами оно было вызвано — защитой их интересов (что менее вероятно в данной ситуации) или стремлением правительства избежать дезорганизации местного управления (что более вероятно) из-за участвовавших поездок кормленщиков в Москву в любое время и по любому частному иску, что из дальних мест вообще было почти невозможно. Во всяком случае, в конце XV в. население данным правом пользовалось достаточно широко: «А кому боудет белозерцом горожаном, и становым людем, и волостным обида от наместников и от волостелей, и от тиунов, и от доводчиков, — читаем мы в той же Белозерской

⁶⁸ Б. А. Романов. Комментарий к Судебнику 1550 г., стр. 281.

⁶⁹ Там же, стр. 282.

Уставной грамоте 1488 г., — и они сами сроки наметывают на наместников, и на волостелей и на их людей» (курсив наш, — Н. Н.). Вряд ли такие обычаи существовали только на Белоозере. Если же это так, то ликвидация их правительством — отнюдь не расширение прав населения.

Новым в ст. 75 скорее была узакониваемая ею практика вызова кормленщиков на суд по приставам «з записью», т. е. с приводом или дачей на поруки. Эта практика, как мы видим, фиксируется статьей дважды и каждый раз в весьма категорической форме: сперва как право посылки приставов «з записями» по наместников и волостелей в разбойных и приказных делах, «в которых делах велит государь дати запись», а потом как право посылки приставов «з записями» и по иным делам, но с установлением срока явки наместников на суд после их съезда «з жалования», кроме случаев, когда «запись велит дати бояре, приговоря вместе», и оговоркой, что одному боярину и дьяку «пристава з записью не дати». Если первое разъяснение (о делах разбойных и приказных) вряд ли требует особых пояснений, то второе не вполне ясно. Во-первых, что это за дела, при которых по приговору бояр можно посылать к наместникам приставов «з записями» и до съезда их «з жалования», иначе говоря, в любое время, а во-вторых, касается ли оговорка того, что «з записями» нельзя посылать одному боярину и дьяку всех подобных посылок или только дел, по которым наместники вызывались в суд во время службы (до съезда «з жалования»)? Комментарий ст. 75 отвечает на этот вопрос по-разному.

М. Ф. Владимирский-Буданов считает, что в отличие от разбойных и приказных дел, по которым наместники вызывались в суд распоряжением великого князя, в данном случае имелся в виду дела «тоже уголовные, но вчиняемые по частному иску», и «такую запись для привода наместника по жалобе частного истца может выдать только Боярская дума...», а не один какой-либо приказ.⁷⁰ И. И. Смирнов не согласен с М. Ф. Владимирским-Будановым и полагает, что в первом и втором случаях имелась в виду одна и та же категория дел — дела разбойные и приказные. Что же касается того, что в первом случае приставные даются по повелению великого князя, а во втором — боярскому приговору, то, по мнению И. И. Смирнова, это лишь «две последовательные стадии» установленного самим же Судебником «прохождения в высших государственных органах вновь издаваемых законов», по формуле — «с государева доклада и во всех бояр приговору». Поэтому разбойные и приказные дела и следовало, как он считает, разбирать «немедленно», по остальным же наместники привлекались к ответственности уже после оконча-

⁷⁰ М. Ф. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права, вып. II, Киев, 1915, стр. 163.

ния службы.⁷¹ К мнению И. И. Смирнова присоединяется Б. А. Романов, хотя с оговоркой, что «ниоткуда не видно, чтобы срок явки для наместников (по разбойным и приказным делам, — Н. Н.) „чинился приставам“ „немедленно“: здесь все зависело от того, как „велит государь“ и „приговорят“ вместе „бояре“».⁷²

Мы считаем, что более правильную позицию занимает все-таки М. Ф. Владимирский-Буданов, хотя и его комментарий требует существенных уточнений.

Дело в том, что предложенное И. И. Смирновым (и принятое последующими исследователями) отождествление разбойных и приказных дел, по которым кормленщики и их люди вызывались «з записями» на суд по повелению великого князя, с делами, по которым «з записями» вызывают бояре, «приговоря вместе», представляется нам неубедительным.

Трудно допустить, чтобы при срочных вызовах в Москву по разбойным и приказным делам наместников, волостелей и великого князя тиунов и даже доводчиков и иных «их людей» (а именно все эти категории специально перечисляются в ст. 75) каждый такой вызов, вернее решение о нем должно было приниматься так же, как предусмотрено Судебником 1550 г. принятием новых законов, а именно «с государева доклада и со всех бояр приговору». Это было вряд ли возможно уже в силу одного того, что даже крупных кормлений насчитывалось в то время несколько сотен, а разбойные и приказные дела были явлением отнюдь не единичным, и не могла же Боярская дума только и делать, что заседать «о кормлениях», а главное слишком уж это было бы «почетно» для кормленщиков, основную массу которых составляли отнюдь не бояре (решения о вызове которых в суд, может быть, и были прерогативой только Боярской думы), а служилые люди самых различных калибров, чтобы они могли быть вызваны в суд, да еще по делам уголовным и служебным только по решению Боярской думы. И уж тем более неправдоподобно распространение такой льготы на тиунов и доводчиков, являвшихся не кем иным, как простыми послужильцами и холопами кормленщиков. А именно так, казалось бы, следует толковать ст. 75, если последовательно проводить точку зрения И. И. Смирнова, поскольку в статье никаких разграничений между наместниками и волостелями и их людьми не проводится.

Наконец, зачем же составителю одной и той же статьи потребовалось пользоваться различными определениями (или частями формулировок — в первом случае ее начальной частью, а во втором — конечной, как полагает И. И. Смирнов) для обозначения одного и того же правительственного акта — оформления сроч-

⁷¹ И. И. Смирнов. Очерки..., стр. 324—325.

⁷² Б. А. Романов. Комментарий к Судебнику 1550 г., стр. 279—281.

ного вызова кормленщика в суд. Не проще ли это объяснить тем, что это были различные акты, а следовательно, и различные судебные инстанции, их издающие и осуществляющие.

Ведь нельзя забывать, что и «ведомые» разбойные и приказные дела (должностные преступления) были делами как бы особого порядка, решавшимися не на состязательном процессе в боярском суде, а путем розыска (следственного процесса), осуществлявшегося обычно от имени великого князя тем приказом, кому та или иная отрасль управления была поручена. Да и сами дела возникали тут в большинстве случаев не по частным искам. Другое дело обычные уголовные (не о «ведомых лихих людях») и особенно гражданские дела, возбуждаемые частными лицами. Верховной судебной палатой в этих делах и была Боярская дума, из состава которой и выделялись специальные боярские комиссии из нескольких бояр и дьяков, которые рассматривали наиболее крупные дела; более мелкие дела решались по поручению великого князя одним боярином или дьяком.

Эти два вида московского суда и различает (а не смешивает) ст. 75: первый — административный (следственный), на который наместники и волостели вызывались великокняжескими указами, посылаемыми соответствующими приказами, и второй — обычный уголовный или гражданский по частным искам (состязательный), вызов на который наместников и волостей во время службы производился лишь по решению самой Боярской думы, но это категорически запрещалось делать одному боярину или дьяку.

Однако это отнюдь не означает, как это истолковывают И. И. Смирнов и Б. А. Романов, что, вообще, даже после съезда «з жалованье», наместники, волостели и их люди не могли быть вызваны в суд по распоряжению одного боярина и дьяка, возглавляющих тот или иной приказ или судящих по поручению великого князя их дело. Если бы это было так, то тогда теряет всякий смысл имеющееся в статье логическое и смысловое противопоставление вызовов кормленщиков «з записями» на суд после службы (разрешаемых) и во время службы (запрещаемых, кроме случаев, когда «приговорит вместе» бояре). Иначе говоря, зачем составителям ст. 75 понадобилось делать оговорку «опричь» и выделять право на вызовы, при условии, что решение об этом принято боярами вместе, а одновременно утверждать, что каждый вызов, по любому делу и в любое время, может производиться только при коллегиальном решении об этом бояр, а не может быть сделан одним боярином и дьяком. При чем же тогда «опричь», если исключение — общее правило?!

Во всяком случае выдача приставных на кормленщиков иногда и до их съезда с кормлений производилась не обязательно только по «ведомым» разбойным и приказным делам и только по особому повелению великого князя, но и в условиях обычного боярского суда, что наглядно показывает та же ст. 24 Судебника

1550 г., определяющая порядок суда в случае исков к наместникам и волостелям иногородцев.

В статье прямо указывается: «А которые люди иногородцы учнут бити челом на наместников или на волостей о обидных делех, как те наместники или волостели, едучи на жалованье, и на жалованье жывучи, или едучи з жалованья, кого чем избобидят, и тем людем иногородцом приставов на наместников и по волостей и по их людей и до съезду з жалованья давати, а велети тем наместником и волостелем присылати в свое место к ответу людей своих. А которые иногородцы не учнут о тех своих обидных делех бити челом на наместников и на волостей и на их людей до году, и тем людем тогды приставов и суда на наместников и на волостей и на их людей не давати».

Как мы видим, в ст. 24 ничего не говорится о том, что наместники не могут быть вызваны на суд по челобитьям иногородцев во время нахождения на службе, а, наоборот, прямо предписывают, чтобы «тем людем иногородцом» приставов на наместников «давати» и «до съезду з жалованья». Может быть, это и был как раз один из тех случаев, о которых говорит ст. 75, относя их к компетенции Боярской думы или иной судебной боярской коллегии. Ведь, согласно ст. 7, к боярину, дворецкому, казначею или дьяку предлагалось чинить суд и управу, если к нему «придет жалобщик его приказу», а в случаях, рассматриваемых ст. 24, это было, как правило, невозможно осуществить, поскольку кормленщик тянул судом по одному городу, а следовательно, и одному приказу, а истец-иногородец был приписанным к другому. Получался как бы «сместный суд», который должен был осуществляться не одним боярином или дьяком, а всеми заинтересованными боярами коллегиально, «приговоря вместе», как определяет подобную процедуру ст. 75. Другое дело, что ст. 24 не только разрешает (по образцу ст. 75), а «велит» наместникам, «до съезда з жалованья» «посылати в свое место к ответу людей своих», что вряд ли можно оценить иначе, как рекомендацию наместникам во время службы не ездить в Москву. И второе — это ограничение годичным сроком права иногородцев подавать челобитья на наместников и волостей. Похоже, что годичный срок подачи жалоб на наместников отсчитывался с момента их съезда «з жалованья» и применялся не только в отношении иногородцев.

Таким образом, рассмотрение ст. 75, не только тематически, но идейно как бы завершающей собой «уложение» о наместничьем суде Судебника 1550 г., дает наглядный пример компромиссного решения вопроса о «справедном суде» и «управе» между боярством и населением, вопроса, который по существу являлся краеугольным камнем всей деятельности Земского собора 1549 г. и который, согласно хрущевской Степенной книги, получил столь необычное для того времени разрешение в создании особого Челобитного приказа во главе с А. Адашевым для приема и разбора

прошений и жалоб царю от населения. По существу и ст. 24 и особенно ст. 75 являются прямым циркуляром для деятельности этого нового учреждения. А это в свою очередь дает нам, еще одно доказательство в пользу уже ранее высказанной точки зрения, что именно собором 1549 г. было принято решение о составлении нового Судебника, одно из центральных мест в котором должно было занять «уложение» о наместничьем суде, основу которого и составляют ст. 62—75. Ведь не случайно как раз в составе этого «уложения» мы находим в виде ст. 64 единственное дошедшее до нас постановление Собора 1549 г., а именно постановление о неподсудности наместникам детей боярских, записанное в нем в виде формулы: «А детей боярских судити наместником по всем городом по нынешним царевым и государевым жаловальным вотчим грамотам», т. е. грамотам, которые, после принятия на Соборе 29 февраля 1549 г. «уложения», «что во всех городех Московские земли наместником детей боярских не судити ни в чем, опричь душегубства и татьбы и разбоя с поличным», были «посланы» «во все городы детям боярским».⁷³

ВМЕСТО ВЫВОДОВ

Рассмотрение постановлений Судебника 1550 г. по вопросам местного управления показывает, таким образом, что основной целью, которую преследовали его составители, было стремление путем взаимных уступок и бережения во всем «правительственного интереса» (об этом составители Судебника неслись особенно усердно) урегулировать отношения между кормленщиками и широкими слоями местного населения — посадскими людьми и волостными крестьянами. Что касается взаимоотношений кормленщиков с местным дворянством, то этот вопрос был уже решен на февральском Соборе 1549 г., и Судебник 1550 г. лишь подтверждает принятое на нем «уложение» об освобождении детей боярских от наместничьего суда, «опричь душегубства и татьбы и разбоя с поличным», констатируя в ст. 64, что «детей боярских судити наместником по всем городом по нынешним (т. е. разосланным во исполнение решений Собора 1549 г., — Н. Н.) царевым государевым жаловальным вотчим грамотам».

Но вряд ли подобное царское благодеяние могло успокаивающе подействовать на черных посадских и волостных мужиков, кото-

⁷³ С. О. Шмидт. Продолжение хронографа редакции 1512 года, стр. 296. — Подробный анализ ст. 64, а также выяснение ее происхождения дается Н. И. Смирновым и Б. А. Романовым (см.: Н. И. Смирнов. Очерки..., стр. 397—352; Б. А. Романов. Комментарий к Судебнику 1550 г., стр. 255—264). — «Ст. 64 Судебника 1550 г., — отмечает Н. И. Смирнов, — является одной из центральных по своему значению статей, ибо в ней выражена политическая линия Судебника 1550 г. в отношении дворянства, помещиков» (там же, стр. 337). Такой же точки зрения придерживается и Б. А. Романов.

рые уже на примере губной реформы знали, к чему ведет усиление позиций дворянства в местном управлении. Ведь как-никак, а именно дворяне были наиболее активными сторонниками опомещивания черных крестьянских земель, а следовательно, и противниками предоставления волостным мирам широкой политической самостоятельности. А отсюда, естественно, что чем сильнее укрепляло свои позиции дворянство, тем настойчивее добивалась политических привилегий посадская и волостная верхушка («лучшие и средние люди»), рассматривая их как законное и столь необходимое им в новых экономических и политических условиях средство защиты своих классовых интересов. И главным первоочередным требованием этих сельских и городских богачей, а как раз они-то реально и хозяйничали во всех мирских делах на посадах и волостях, было земское самоуправление: право самим собирать налоги и «творить суд и управу» на местах (исконное политическое требование третьего сословия во всех феодальных монархиях эпохи первоначального накопления).

Обещания «праведного» царского суда между крестьянами и кормленщиками, столь «умильно» и неожиданно возжеланного боярами и столь милостиво провозглашенного царем на Соборе 1549 г. (надо же было хотя бы выиграть время), естественно не решали вопроса. Да и вообще, как очень скоро показала практика, создание в Москве особого челобитного ведомства во главе с Алексеем Адашевым, призванного, как заверял царь, охранять население от любых злоупотреблений бояр-управителей, не столько сдерживало, сколько стимулировало (вопреки замыслам его инициаторов) борьбу посадских и волостных миров против кормленщиков.⁷⁴ А ведь именно они в конечном счете представляли интересы феодалов на посадах и в черных волостях. То же, что этой борьбе придавался по Судебнику 1550 г., казалось бы, «законный» характер, делало ее даже более социально опасной для феодалов — тут уж не объявишь «черных мужиков» просто смутьянами и нарушителями общественного порядка.

Поэтому-то, как ни опасалось правительство земской реформы (все могло быть, когда «черные мужики» сами начнут решать

⁷⁴ Во всяком случае, как прямо указывают дошедшие до нас земские уставные грамоты 1555—1556 гг., одной из главных причин повсеместной отмены кормлений был непомерный рост, именно в последующие после Судебника годы (и, безусловно, под его прямым влиянием), взаимных судебных исков и тяжб между наместниками и крестьянами. И именно от этого, как отмечают те же грамоты, во всем государстве чинятся «убытки великие», «продажи» и «разорение», а великому князю от этих «великих челобитей» «докука беспрестанная», а посадам и волостям запустение (Земская уставная грамота посадским людям Соли-Переяславской от 11 августа 1555 г. В кн.: Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. М., 1909, стр. 113—114. Ср.: Земские уставные грамоты переяславским рыбакам от 15 августа 1555 г. и крестьянам Усоецких и Заецких волостей Устюжского уезда от 15 октября того же года. Там же, стр. 116—117, 120—121).

свои земские дела), оно было вынуждено одновременно пойти (и это тоже было закреплено в Судебнике) на хотя бы частичное предоставление посадкам и волостям земского самоуправления, попытаться путем привлечения земских представителей к местному управлению упрочить авторитет и влияние правительственных органов на широкие слои местных тяглых обществ, а главное погасить рост открытой антифеодальной борьбы на местах. Правда, как показывает Судебник 1550 г., первоначально речь шла отнюдь не об отмене вообще наместничьего управления, а лишь о повсеместном введении при наместниках и волостелях института выборных судебных старост и целовальников, обязанных участвовать в их суде в качестве присяжных судебных заседателей — блюстителей интересов посадских и волостных миров. Да и делалось все это правительством отнюдь не бескорыстно, а в целях (и это главное) подъема тяглоспособности местного населения («государева прибытка ради») и возложения на сами черные миры охраны общественного порядка на местах.

Но на подобных полумерах правительство молодого царя не смогло остановиться (слишком, видимо, острой и непрочной была политическая обстановка в стране) и уже на Стоглавом соборе 1551 г. (всего через полгода после принятия Судебника Боярской думой), наряду с утверждением нового Судебника, который, как мы видели, и закрепил все эти постановления, по предложению царя, принимаются в дополнение к нему («под судейник») еще специальные «уставные грамоты» по вопросам организации земского самоуправления. Эти «уставные грамоты», если верить царской соборной речи, были подготовлены правительством, так же как и сам Судебник, во исполнение рекомендаций февральского Собора 1549 г. (когда «в преидущее лето» бояре, приказные люди и кормленщики «со всеми землями помирились во всяких делех») и закрепляли устройство (царь заверял, что теперь-то он все уже «устроил») «по всем градом и пригородком, и по волостем, и по погостом и у детей боярских» старост, целовальников, соцких и пятидесятских.⁷⁵ Образец подобной «уставной грамоты, которой в казне быти», царь и предлагал, «на святем соборе утвердив и

⁷⁵ Что касается упоминания в вышеприведенном контексте царской соборной речи детей боярских — будто бы старосты «устроены» и у них и это тоже закреплено в уставных грамотах, то маловероятно, что имелись в виду, как это полагают в комментариях к Судебнику 1555 г. И. И. Смирнов и Б. А. Романов, царские «вопчие» грамоты, разосланные уездным детям боярским об освобождении их от наместничьего суда согласно соборному приговору от 29 февраля 1549 г. (Б. А. Романов. Комментарий к Судебнику 1550 г., стр. 185—187). Ведь никаких старост эти грамоты не учреждали. Более похоже, что речь шла просто о губных старостах, которые в районах поместьи-вотчинного землевладения выбирались по волостям именно из детей боярских, а как раз новый Судебник окончательно санкционировал повсеместность губных учреждений (возможно, что к нему были подписаны и образцы губных грамот, о которых упоминает ст. 64).

вечное благословение получив», «подписать» вместе с новым Судебником.

Собор, как явствует из Стоглава, ссылающегося на эту «уставную грамоту», наряду с новым Судебником, как на уже принятый закон, выполнил царское предложение. Судебник и уставная грамота были утверждены. Отныне «князем и бояром, и дворецким, и по градом наместником и всем мирским судиям», в числе которых прямо называются и «земские старосты, которым велено в суде быти», было предписано, как гласит Стоглав, «судить» и «управу чинить» в сместных делах (т. е. делах между монастырскими слугами и крестьянами, и детьми боярскими, и посадскими людьми, и «всяческими черными людьми») вместе с церковными судьями «по Судебнику и по царской уставной грамоте и по соборному уложению», да и по ним же («цареву Судебнику и уставной грамоте») иметь пошлины на виновных.⁷⁶ Совершенно ясно, что по подобным же двум взаимодополняющим узаконениям должен был осуществляться теперь и обычный (не сместный) мирской суд на местах по всем городам и волостям.

Но значение указанной «уставной грамоты» на практике, видимо, далеко выходило за рамки простого дополнения к новому Судебнику. Дело в том, что, как показывает изучение дошедших до нас земских уставных грамот 50-х годов XVI в., выданных отдельным посадкам и волостям (сама «уставная грамота, которой в казне быти», пока, к сожалению, не найдена), и их сопоставление с актовым материалом, именно на Соборе 1551 г. — и явно вопреки первоначальным замыслам правительства о справедливом распределении поместий, кормлений и «всяких приказов» между всеми служилыми людьми, а отнюдь не об упразднении кормлений (второй вопрос царского летнего проекта реформ) — было принято общее решение о переводе посадок и волостей на откуп, иначе говоря, о начале проведения земской реформы, но не сразу, а постепенно и сперва применительно лишь к тем посадкам и черным волостям, которые были к этому, с точки зрения правительства, наиболее приспособлены, а главное — наиболее активно этого добивались. И самое любопытное, что как раз правовой основой для такого решения, видимо, и являлась подписанная под Судебник «уставная грамота», постановления которой были, всего вероятнее, так сформулированы, что могли быть использованы одновременно и как *уставная грамота наместничьего управления*, контролируемого и дополненного новыми земскими органами (выборными старостами и целовальниками), и как *уставная земская грамота* в случае передачи казной тех или иных посадок и волостей на откуп (поэтому-то она и хранилась именно в казне). Во всяком случае, земские уставные грамоты 1555—1556 гг. (несмотря на то что они были приняты во исполнение уже вто-

⁷⁶ Стоглав, главы 67 и 68.

Собор «примирения» 1549 г. был, с нашей точки зрения, тем исходным политическим событием в жизни России XVI в., которое предопределило начало земской реформы, а следовательно, и превращение самого Русского государства в сословно-представительную феодальную монархию, призванную, казалось бы, удовлетворять интересы отнюдь не только поднимающегося помещного дворянства. Россия была на перепутье.

даваемым на откуп посадам и волостям (не могла же она сама на себя ссылаться). Что касается правовых норм, вводимых этими двумя земскими грамотами 1552 г., то они, действительно, в полной мере «подписаны» под новый Судебник. Но это уже предмет особого разговора.

Р. Г. СКРЫШНИКОВ

САМОДЕРЖАВИЕ И ОПРИЧНИНА

(Некоторые итоги политического развития России
в период опричнины)

Опричнина была важным этапом в процессе становления самодержавия в России в XVI в. Не случайно некоторые исследователи начинали историю русского самодержавия с опричнины. Чтобы определить подлинное влияние опричной политики на историческое развитие русской монархии и изменение ее форм, необходимо детально изучить предпосылки опричнины, существо и значение ее основных мероприятий.

Вопрос о значении опричнины вызвал длительные споры в исторической литературе. В самые последние годы были опубликованы монографии С. Б. Веселовского и А. А. Зимина, которые продвинули вперед исследование важнейших проблем опричнины.¹ Но споры о значении опричнины и ее влияние на политическое развитие России далеки от своего завершения по сей день.

По мнению А. А. Зимина, «основной смысл опричных преобразований сводился к завершающему удару, который был нанесен последним оплотам удельной раздробленности».² Носителями удельной раздробленности А. А. Зимин считает те социальные силы, которые более всего пострадали от опричного террора. «Во времени введения опричнины, — пишет А. А. Зимин, — наиболее мощными форпостами удельной децентрализации в России были Старицкое княжество, Великий Новгород и церковь».³

Заметим, что всероссийская церковь на протяжении многих веков служила мощным орудием в руках великокняжеской и царской власти. Она деятельно помогала князьям в объединении русских земель, проповедовала теорию божественного происхождения власти московских самодержцев и т. д. Недоразумения и

¹ С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины. М., 1963; А. А. Зимин. Опричнина Ивана Грозного. М., 1964.

² А. А. Зимин. Опричнина..., стр. 477.

³ А. А. Зимин. О политических предпосылках возникновения русского абсолютизма. В кн.: Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М., 1964, стр. 41.

раздоры между светскими и духовными властями, случавшиеся иногда, имели, как правило, не общие, а частные причины. Нередко они были простым отзвуком борьбы, происходившей в среде правящего боярства, с которым руководители церкви были связаны прочными нитями. Считать церковь форпостом удельной децентрализации едва ли возможно. Любопытно, что опричная ломка вовсе не коснулась основы могущества феодальной церкви, ее земельных богатств.

Великий Новгород был включен в состав Русского государства окончательно и бесповоротно почти за столетие до опричнины. Ни в одной другой земле мероприятия, призванные гарантировать объединение, не проводились с такой последовательностью, как в Новгороде. Именно здесь Москва произвела невиданную массовую экспроприацию всех местных феодальных землевладельцев (крупных бояр, купцов и житых людей), а на их место водворила московских дворян-помещиков. В XVI в. московские порядки прочно утвердились в Новгороде. Москва постоянно назначала и сменяла всю приказную и церковную администрацию Новгородской земли, распоряжалась всем фондом новгородских поместных земель и т. д. Пресловутый новгородский сепаратизм был побочным продуктом острых социальных противоречий в Новгороде, следствием недовольства низов против обременительных царских податей, угнетения со стороны московских помещиков и московской администрации. Новгород весьма сильно пострадал от опричного террора, но назвать его оплотом удельной децентрализации едва ли возможно.

Старицкое удельное княжество было живым пережитком порядков феодальной раздробленности в XVI в., но считать его самым «мощным форпостом» удельной децентрализации нет оснований. Во-первых, наряду со Старицким уделом на Руси было не менее десятка крупных удельных княжеств. Правда, А. А. Зимин полагает, что эти остатки «удельной обособленности не представляли никакой опасности для самодержавной власти».⁴ Но согласиться с этим нельзя. Во-вторых, наряду с удельными князьями существовала могущественная боярская аристократия, потомки местных удельных династий.

А. А. Зимин не может игнорировать многочисленных антикняжеских и антибоярских репрессий опричнины, но каждый раз он выводит их на степень случайных фактов, объясняя мелкими служебными провинностями бояр и т. д.⁵ «...ни о каком разгроме „боярства“ в XVI веке, — утверждает он, — не может идти и речи».⁶ Монархия не имела особых причин для гонений против боярства: «...последние работы по истории... политической

борьбы в XVI веке показывают, что нельзя усмотреть децентрализаторские тенденции, стремление воскресить времена феодальной раздробленности ни у одной из групп княжеско-боярской знати. Речь может идти лишь о борьбе за различные пути централизации государства...».⁷

В своей концепции опричнины А. А. Зимин пытается примирить две взаимоисключающие точки зрения. Следуя за С. Б. Веселовским, он утверждает, что опричнина не имела антикняжеской и антибоярской направленности. В то же время он доказывает, что опричнина покончила с остатками феодальной раздробленности на Руси, носителями которой были будто бы все-российская церковь, дворяне и население Новгорода, а не княжеская и удельно-боярская знать в целом. Остается необъяснимым, каким образом могущественная боярская аристократия превратилась в XVI в. в поборницу московской централизации.

Период опричнины был важным этапом в процессе длительного исторического развития от феодальной раздробленности к абсолютной монархии.

В конце XV—первой четверти XVI в. процесс объединения русских земель в рамках единого централизованного государства завершился. Но порядки и традиции феодальной раздробленности, господствовавшие на протяжении трех-четырех столетий, не исчезли бесследно и продолжали оказывать воздействие на политическую историю Руси в течение всего XVI в. Живым носителем традиций феодальной раздробленности (в той мере, в которой эти традиции еще сохранились) была могущественная боярская аристократия. Правящее московское боярство не представляло собой единой и однородной массы. В его сложной иерархии запечатлелась вся история объединения русских земель. Три высшие ступени московской иерархии занимали последовательно удельные князья, титулованная княжеская знать и нетитулованное старомосковское боярство.

Старомосковские бояре (Челяднины, Захарьины, Морозовы, Плещеевы, Бутурлипы и т. д.) владели обширными землями на территории собственно Московского княжества в Московском, Коломенском, Костромском и Переяславском уездах, издавна служили московским великим князьям и составляли наиболее прочную политическую опору поднимающейся монархии. Негода старомосковская знать безраздельно господствовала в думе и при дворе московских государей. Затем она уступила первенство более знатым княжеским фамилиям, но и тогда продолжала прочно удерживать в своих руках важнейшие отрасли приказного аппарата управления государством, включая Конюшенный приказ и Казну, а также Большой дворец и областные дворцы.

⁴ См.: А. А. Зимин и др. Опричнина..., стр. 362—363.

⁵ Там же, стр. 97—99, 109, 156—157.

⁶ А. А. Зимин и др. О политических предпосылках..., стр. 20.

⁷ Там же, стр. 23.

По мере присоединения к Москве независимых княжеств северо-восточной Руси на службу к московским князьям перешла многочисленная титулованная знать, члены местных княжеских династий. Они не могли забыть своего бывшего величия и были полны зависти к правящей московской династии. В их среде постоянно жило недовольство самодержавными пополюзованиями московских государей и были сильны традиции феодальной раздробленности. К середине XVI в. высшая титулованная знать занимала прочные позиции в Боярской думе и армии. В виде особой привилегии некоторые княжеские фамилии проходили службу при дворе по особым княжеским спискам⁸ (см. таблицу⁹).

Князья	По дворовым спискам 50-х годов		В составе Боярской думы	
	по княжескому списку	всего	болше	окольные
Суздальские	3	14	5	—
Ростовские	18	55	3	—
Ярославские	83	160	3	3
Стародубские	15	36	2	1
Оболенские	56	68	7	—
Итого	175	333	20	4

Совершенно особое положение в среде высшей титулованной знати занимали многочисленные и влиятельные князья Ростово-Суздальские, Ярославские и Стародубские, происходившие от единого корня и сидевшие крупными гнездами на территории некогда принадлежавших им княжеств. К середине XVI в. землевладение младших потомков удельных княжеских династий Владимиро-Суздальской земли подверглось значительному дроблению. Наиболее крупные земельные богатства сохранили в своих руках старшие Суздальские князья. Они происходили из старших отраслей владимирской великокняжеской династии и не уступали

⁸ По своему положению и связям Оболенские мало чем отличались от Ростово-Суздальских князей. Измельчавшие потомки Чернигово-Северских князей, они давно утратили свои уделы и перешли на службу к московским государям. Помимо Оболенских, только князья Мосальские проходили службу при дворе по особым княжеским спискам, но по своему влиянию они далеко уступали названным княжеским фамилиям.

⁹ Таблица составлена на основании Тысячной книги 1550 г. и Дворовой тетради 1552 г. (далее: ТКДТ). В таблице учтены данные, приведенные в статье Н. Е. Носова «Боярская книга 1556 г.» (в кн.: Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII вв. М.—Л., 1960, стр. 215).

Отметим, что сведения Дворовой тетради о назначениях в Боярскую думу не отличаются полнотой.

в значности московским великим князьям.¹⁰ Годы боярского правления (конец 30-х—начало 40-х годов XVI в.) наглядно показали, что для неокрепшей феодальной монархии политические претензии суздальской знати представляли наибольшую опасность.

Княжеская и старомосковская нетитулованная знать, постоянно борющаяся за политическое преобладание, составляла наиболее многочисленные и влиятельные прослойки правящего боярства. Третьим компонентом была удельная аристократия.

Удельные князья занимали самую верхнюю ступень московской иерархии, но влияние их на политическую структуру Руси XVI в. не следует преувеличивать. Процесс централизации государства беспощадно уничтожил древние удельные княжения северо-восточной Руси. Почти все уделы, сохранившиеся до времени Грозного, образовались в конце XV—начале XVI в. и были сравнительно молодыми княжествами. Крупнейшими уделами владели, во-первых, члены правящей московской династии, родственники царя (князья Старшские, Угличские) и, во-вторых, иноземная знать, главным образом литовского происхождения (князья Бельские, Мстиславские, Воротыньские, Одоевские, Трубецкие и т. д.). Литовская аристократия стала переходить на московскую службу после того, как Русское государство добилось первых крупных успехов в войне с Литвой и присоединило Северские земли. Князья Воротыньские, Одоевские и Трубецкие сохранили старинные родовые владения на территории Чернигово-Северского княжества, но их вотчины, за исключением Воротыньского удела, подверглись сильному дроблению. Крупные литовские магнаты — князья Бельские и Мстиславские получили удельные княжества из рук московского правительства и в значительной мере зависели от него. Удельная знать литовского происхождения основательно потеснила суздальскую знать, заняв первые места в Боярской думе и на военной службе. При дворе удельные владыки служили до получения боярского чина по особому списку «служилых князей». В силу немногочисленности и отсутствия политических связей, которыми располагали потомки местных владимиро-суздальских династий, соперничавшие с ними удель-

¹⁰ Старшие потомки владимирской великокняжеской династии писались в родословцах князьями Суздальскими и Новгородскими. Некоторые из них были служилыми князьями в Новгороде еще в XIV—XV вв. Последним служилым князем независимого Новгорода был князь В. В. Гребенка-Шуйский, неудачно руководивший военными действиями против московских воевод. (См.: Родословная книга князей и дворян Российских, ч. I. М., 1787, стр. 67—69, 71; ПСРЛ, т. XXV, стр. 290, 318—319). Князь Шуйский дважды воспользовался ослаблением монархии для захвата власти: впервые — в годы боярского правления в конце 30-х годов и вторично — в период «смуты» в начале XVII в., когда князь В. И. Шуйский занял московский престол. В длительном соперничестве между княжеской знатью и старомосковскими боярами победили последние. На смену царю Шуйскому пришла династия бояр Романовых-Захарьиных.

ные князья постоянно тяготели к союзу со старомосковской знатью.

Неокрепшая монархия была вынуждена постоянно лавировать между различными группировками правящего боярства. Громадному влиянию суздальской знати правящая династия могла противопоставить поддержку старомосковского боярства и отчасти удельных князей. В то же время влиянию боярской аристократии в целом она противопоставляла поддержку дворянства и купеческой верхушки. Конечно, между титулованной и старомосковской знатью, между боярской прослойкой и верхами дворянства не было твердых перегородок: старомосковские и княжеские фамилии были связаны сложным клубком родственных отношений и, кроме того, наиболее глубокие социальные требования и интересы были общими для всего феодального сословия. Последнее обстоятельство неизбежно ослабляло действие указанной выше тенденции. Тем не менее раздоры между различными группами и прослойками правящей боярской аристократии достигали иногда, например в годы опричнины, очень большой остроты. Влияние подобных раздоров на политическое развитие страны, хотя и было ограничено определенными рамками, в целом было значительным, особенно в переломные моменты. Сами же рамки политической истории XVI в. были установлены в ходе длительного исторического развития, причем решающую роль в их возникновении сыграли классовые противоречия и социально-экономическое развитие страны в целом.

С падением Избранной рады сравнительно быстро распалась та широкая коалиция сил в Боярской думе, которая служила опорой правительства Сильвестра-Адашева и определяла характер его политики. Наибольшие выгоды из переворота извлекла для себя боярская фамилия Захарьиных. В начале 60-х годов был образован регентский совет, который должен был управлять страной в случае кончины царя. В состав его вошли удельный князь И. Ф. Мстиславский, бояре Захарьины (Д. Р. Юрьев, В. М. Юрьев, И. П. Яковлев), Ф. И. Умной-Колычев, думные дворяне князь А. П. Телятевский и П. И. Горенский и думный дьяк А. Васильев.¹¹ Из пятерых бояр-регентов трое принадлежали к роду Захарьиных, а четвертый (Колычев) был их однородцем. Формально главой регентского совета стал князь И. Ф. Мстиславский, но удельные князья играли в новой правительственной комбинации второстепенную роль. Захарьины не допустили в регентский совет ни своих давних противников Старицких, ни главу Боярской думы князя И. Д. Бельского, ни Воротыньских. Устранение из ближней думы наиболее влиятельных удельных князей вызвало резкое недовольство удельной знати. Образование удель-

¹¹ Бояре-регенты принесли присягу наследнику, а также скрепили подписями специальную записку, служившую приложением к царской духовной (СГГД, ч. I, № 174, стр. 474—475).

ной фронды стало важнейшим фактором политической истории начала 60-х годов.

Приход к власти Захарьиных ознаменовал собой поражение титулованной (суздальской и прочей) знати. Глава клана суздальских князей прославленный воевода князь А. Б. Горбатый был отстранен от дел. Главный единомышленник Сильвестра князь Д. И. Курлятев получил отставку, а затем был насильственно заточен в монастырь. Подобные меры вызвали резкий протест со стороны титулованной знати, не мирившейся с тем, что «молодые люди» Захарьины «истеснили» великие и знатные княжеские фамилии. Их протесками один из самых авторитетных членов ближней думы М. Я. Морозов был назначен в Смоленск и пробыл в почетной ссылке четыре года.¹² Захарьины не допустили в регентский совет бывшего члена ближней думы И. В. Большого Шереметева и т. д.

По существу, Захарьины оказались в начале 60-х годов в еще большей изоляции, нежели в период династического кризиса в начале 50-х годов.

Одним из первых практических мероприятий правительства Захарьиных было издание нового уложения о княжеских вотчинах 15 января 1562 г. Князатам запрещалось продавать и менять свои старинные вотчины. Казенной собственностью объявлялись все выморочные княжеские вотчины, а также «великие вотчины», перешедшие во владение наследников по женской линии. Даже ближайшие родственники (братья и племянники, исключая сыновей) могли наследовать старинные княжеские вотчины лишь при наличии специального разрешения правительства.

Уложение предусматривало частичный или полный пересмотр всех сделок на княжеские вотчины, заключенных после смерти Василия III.

Земельное законодательство начала 60-х годов весьма точно отразило взаимоотношения различных группировок правящего боярства в тот период. Единственной категорией крупнейшего привилегированного вотчинного землевладения, не затронутой никакими ограничениями, оказалось землевладение нетитулованной старомосковской знати. Действие Уложения распространялось на родовое землевладение Ростово-Суздальских, Ярославских, Стародубовских и прочих княжат, а также владения удельных князей Воротыньских, Одоевских и Трубецких.¹³

Земельное законодательство и некоторые другие мероприятия нового правительства вызвали резкий протест в Боярской думе и углубили раздор между монархией и верхами феодальной аристократии. Следствием этого раздора была опала на виднейших

¹² Разрядная книга 1375—1605 гг. ГПБ, Эрмитажное собр., д. 390, лл. 279, 283, 300 об. (далее: Разряды); Послания Ивана Грозного. Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. М.—Л., 1951, стр. 536.

¹³ АИ, т. I, № 154, стр. 268.

удельных князей В. М. Глинского, главу думы И. Д. Бельского, М. И. Воротынского и А. И. Воротынского в 1561—1562 гг. После Полоцкого похода правительство Захарьиных расправилось со своими давними соперниками Старицкими и добилось заточения в монастырь самого деятельного члена удельной фронды княгини Ефросиньи Старицкой.

Монархия сравнительно легко справилась с выступлением удельной фронды, но она столкнулась с чрезвычайно трудной ситуацией, когда попыталась сокрушить оппозицию в Боярской думе, объединившую могущественную суздальскую знать, часть старомосковского боярства и остатки продворянского кружка Адашевых.

Жестокая казнь околышного Д. Ф. Адашева и его родни (1563 г.), опала боярина князя А. М. Курбского (в том же году), убийство без суда и следствия бояр князей М. П. Репнина и Ю. И. Кашина Оболенских, опала и гибель боярина князя Д. И. Хилкова-Стародубского, заключение в тюрьму боярина И. В. Большого Шереметева и казнь его брата боярина Н. В. Шереметева (в 1564 г.) знаменовали собой открытый разрыв между правительством и Боярской думой.

Наметившийся поворот к террору вызвал глубокие разногласия в правительстве Захарьиных и обнаружил наличие в нем разнородных течений. Стремления Грозного к насильственному подавлению боярской оппозиции нашли энергичную поддержку со стороны немногочисленного кружка, группировавшегося вокруг боярина А. Д. Басманова. Для характеристики личности этого последнего существенное значение имеют два момента. Во-первых, Басманов происходил из знатного старомосковского рода Плещеевых и его отец служил постельничим у Василия III.¹⁴ Во-вторых, он был одним из самых выдающихся воевод в царствование Грозного.¹⁵

Противники царя хорошо понимали роль и значение Басманова в новом правительстве. На другой день после бегства в Ляту Курбский обрушился на Басманова с яростными нападениями, требуя его немедленного удаления из правительства: «... и видех ныне сигклита, — писал он, — ... иже днесь шепчет во уши ложная царю и льет кровь кристьянскую, яко воду и

¹⁴ Родословная книга, ч. I, стр. 299; Разряды, л. 16 об.; Сб. РИО, СПб., 1910, т. 129, стр. 40.

¹⁵ Под Казанью Басманов отбил атаку татар на позиции Большого полка воеводы М. И. Воротынского и возглавил штурмующие колонны в районе Царских ворот (ПСРЛ, т. XIII, стр. 212—217). В знаменитой битве с татарами под Судьбищами он спас русскую армию от полного поражения (там же, стр. 257; История о великом князе Московском. Сочинения князя Курбского. РИВ, т. XXXI, СПб., 1914, стр. 223—224). Спустя три года Басманов занял сильную ливонскую крепость Нарву, что послужило поворотным моментом в ходе конфликта, приведшего к Ливонской войне (ПСРЛ, т. XIII, стр. 327).

выгубил уже сильных во Израили, ... не пригоже у тебя быти таковым потоковником, о царь!»¹⁶

Устами Курбского боярская оппозиция смогла, наконец, открыто провозгласить свою политическую программу.¹⁷ Ответом на его выступление явилось знаменитое послание Грозного, центральным моментом которого был вопрос о взаимоотношении монархии и боярской знати. «... Росийское самодержьство, — писал царь, — значаля сами владеют своими государьства, а не бояре и не вельможи».¹⁸

Основной смысл эпистолики Грозного состоял в обосновании политики неограниченных репрессий против княжеско-боярской оппозиции.¹⁹ Вся его аргументация в конечном счете сводится к тезису о «великой» боярской измене. Боярскому «своеволию» царь противопоставляет тезис о неограниченном своеволии монарха, власть которого утверждена богом и не может быть ограничена в пользу знати.

Выступление Курбского не было гласом вопиющего в пустыне. Вскоре после его бегства из России митрополит и члены Боярской думы выступили с решительным протестом против убийства без суда и следствия знатного воеводы князя Д. Ф. Овчины-Оболенского.²⁰ Верноподданническое ходатайство митрополита и бояр внешне мало напоминало гневные филиппики Курбского. Но суть требований была одна и та же: прекращение террора против верхов боярской аристократии.

Выступление эмигранта Курбского, неповиновение церковного руководства и объединение оппозиционных сил внутри страны произвели на царя ошеломляющее впечатление. В письме к Курбскому Иван утверждал, будто ему непокорны, «безогласны» только друзья беглого боярина. На поверку «безогласными» оказались и митрополит и Боярская дума и некоторые члены правительства. Горделивые декларации царя относительно вольного «Росийского самодержьства» и права монарха казнить своих холопов-подданных обнаружили свою несостоятельность.

В условиях, когда столкновение монархии с могущественной аристократией достигло критического момента и любое новое осложнение грозило вырвать из рук правительства контроль за положением дел, царь не решился наказать инициаторов антиправительственного выступления и на время полностью прекратил всякие репрессии. Одновременно, в глубокой тайне власти готовились ввести в стране чрезвычайное положение.

¹⁶ Послания Ивана Грозного, стр. 536.

¹⁷ Подробнее см.: Р. Г. Скрынников. Курбский и его письма в Псково-Печерский монастырь. ТОДРЛ, т. XVIII, М.—Л., 1962, стр. 99—116.

¹⁸ Послания Ивана Грозного, стр. 14—15.

¹⁹ Там же, стр. 13, 44.

²⁰ А. Шлихтинг. Новое известие о России в царствование Грозного. Л., 1934, стр. 16—17.

Монархия никогда не могла бы расправиться с могущественной аристократической оппозицией без поддержки со стороны дворянства. Приобрести такую поддержку можно было двумя путями. Первый из них состоял в расширении сословных прав дворянства, расширении его представительства в органах управления и осуществлении широкой программы дворянских реформ. Но правительство Грозного, чуждое идеям дворянских реформ, избрало другой путь. Вместо организации дворянского сословия в целом оно учредило привилегированную дворянскую охрану, опричнину.

К середине 60-х годов правительство Захарьиных, каким оно сложилось в начале десятилетия, полностью распалось. Признанный глава этого правительства дворецкий Д. Р. Юрьев умер. Видный член регентского совета боярин И. П. Яковлев-Захарьин впал в немилость и подвергся кратковременному аресту. Другой член этого совета князь П. И. Горенский пытался бежать в Литву, но был схвачен на рубеже. Распад правительства Захарьиных развязал руки «крайним» элементам в лице А. Д. Басманова и его единомышленников. Но они не обладали необходимым авторитетом и властью, чтобы ввести в стране чрезвычайное положение вопреки воле Боярской думы и церковного руководства. Между тем дума и митрополит осуждали любые попытки возобновления террора. Тогда царь объявил об отречении от престола и таким путем вырвал у «совета крупных феодалов» и сословий согласие на предоставление ему чрезвычайных полномочий и новые репрессии против боярской оппозиции.²¹

Указ об опричнине (февраль 1565 г.) предусматривал образование в государстве «опричнины», организованной по типу удельного княжества и находившейся в личном владении царя. Опричнина имела «особный» двор, войско, финансы и обширную территорию. По существу она стала своеобразным государством в государстве, или точнее государством над государством. Опричное правительство было облечено исключительно широкими полицейскими функциями, которые позволяли ему контролировать всю земщину. В то же время в опричнине царь освободился от традиционной опеки со стороны Боярской думы и князей церкви. Репрессии опричнины должны были доставить монархии перевес над политическими притязаниями могущественной феодальной аристократии, а заодно покончить с дворянской фрондой.

Репрессии и земельные экспроприации опричнины служили главным средством разрешения возникшего конфликта. Исследование земельной политики опричного правительства имеет, пожалуй, наиболее важное значение для понимания целей и содер-

жания опричнины в целом. С. Ф. Платонов приписывал опричнине «систематическую ломку», разгром крупного княжеско-вотчинного землевладения. Он исходил при этом из предположения, что в опричнину были зачислены основные центры княжеского землевладения.²² С. Б. Веселовский показал несостоятельность этой концепции и установил, что в опричнину вошли по преимуществу уезды с развитым помещичьим землевладением.²³ С. Б. Веселовский первым проанализировал данные о ссылке княжат и дворян в Казанский край после провозглашения опричнины и составил список казанских ссыльных, насчитывавший 58 человек. Он утверждал, что в подавляющем большинстве ссыльные дворяне принадлежали к низшим слоям государева двора, и на этом основании сделал вывод о том, что для царя учреждение опричнины было разрывом не с одними княжатами и боярами, а со всем старым двором и дворянством вообще.²⁴ Подобный вывод был тем более парадоксален, что среди названных С. Б. Веселовским ссыльных по крайней мере 26 лиц имели княжеский титул.²⁵ Изыскания С. Б. Веселовского о казанской ссылке, сделанные в виде черного наброска в 1945 г., увидели свет только в 1963 г. в связи с изданием его «Исследований по истории опричнины».

За три года до публикации названного труда нам удалось независимо от С. Б. Веселовского реконструировать указ Грозного о казанской ссылке и на основании хранящихся в архиве Казанских писцовых книг составить полные списки (более 170—180 имен) дворян, сосланных в Казанский край при учреждении опричнины, а также доказать тот кардинальный факт, что ссылка опальных княжат сопровождалась массовой конфискацией княжеско-вотчинного землевладения. Нас интересовал вопрос о казанской ссылке с точки зрения поземельной политики в первую очередь. В работе С. Б. Веселовского этот вопрос остался неисследованным. Главнейшие результаты наших изысканий изложены в статье «Опричная земельная реформа Грозного 1565 года», опубликованной в 1961 г. в «Исторических записках».

Опричнина завершила разгром боярского рода князей Оболенских, игравших выдающуюся роль в Боярской думе в период Избранной рады.²⁶ Но главные ее удары были направлены про-

²² С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв., М., 1937, стр. 110.

²³ С. Б. Веселовский. Исследования..., стр. 156—185, 30—31.

²⁴ Там же, стр. 154—155.

²⁵ Там же, стр. 24—28.

²⁶ Опричники заточили в монастырь боярина князя Д. И. Ерша-Немого, казнили кравчего П. И. Горенского и его братьев П. Ф. и А. Ф. Черных, а также знатных воевод П. И. Кашина, Д. Ф. Щепина-Шевырева и А. В. Ногтева, сослали в Казань В. Б. Тюфякина с двумя сыновьями (см.: Р. Г. Скрынников. Опричная земельная реформа Грозного 1565 г. Исторические записки, т. 70, стр. 241—242).

²¹ Подробнее см.: Р. Г. Скрынников. Введение опричнины и организация опричного войска в 1565 г. В кн.: Вопросы истории СССР в XVI—XVIII вв. Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена, т. 278, Л., 1965.

тив потомков владимиро-суздальской великокняжеской династии (князей Суздальских и их младших сородичей князей Ростовских, Ярославских и Стародубских), сидевших крупными гнездами на территории некогда принадлежавших им княжеств.

Старшее поколение Суздальских князей, выдвигавшееся в годы боярского правления, почти целиком сошло со сцены к середине 60-х годов. Единственным его представителем оставался князь А. Б. Горбатый, прославленный воевода, стяжавший лавры покорителя Казани. Участник боярских смут 40-х годов, он был одним из главных покровителей Сильвестра в последующее время. После отставки Сильвестра Горбатый стал признанным вождем оппозиции в Боярской думе. В силу знатности, богатства и родственных связей семья Горбатовых принадлежала к самому верхнему слою правящего боярства. После провозглашения опричнины боярин князь А. Б. Горбатый и его пятнадцатилетний сын были казнены, а их обширные владения в Суздале перешли в казну.²⁷ Младший родственник Горбатовых боярин князь А. И. Нохтев был вскоре же переведен на службу в Старицкий удел. Таким образом, опричное правительство не только обезглавило Суздальскую знать, но и добилось полного изгнания Шуйских из Боярской думы в первые же месяцы опричнины.²⁸

Примерно в то же время опричники казнили бывшего боярина князя С. В. Ростовского и сослали на поселение боярина князя А. И. Катырева и около двух десятков других Ростовских княжат. Подобно Шуйским, князья Ростовские были фактически изгнаны из Боярской думы.²⁹

По указу Грозного в Казанский край было сослано до 60—70 лиц из рода Ярославских и Стародубских князей, а их богатейшие вотчины конфискованы в казну. Стародубские князья полностью утратили представительство в Боярской думе. Из Ярославских князей в думе остался лишь боярин князь В. А. Сицкий, близкий родственник царя и Захарьинных.³⁰

Помимо ростово-суздальской знати опричные репрессии затронули также удельную аристократию; старомосковского боярства и верхи дворянства. Опричное правительство подвергло кратковременному аресту члена регентского совета И. П. Яковлева-Захарьина. Никто из бояр Юрьевых-Захарьинных не был принят в опричнину. Эти факты показывают, что влияние Захарьинных в этот момент ослабло. Опричники казнили окольного М. М. Лыкова и нескольких Шенных-Морозовых и Даниловых,

²⁷ ПСРЛ, т. XIII, стр. 395; ДДГ, стр. 443.

²⁸ Старший из Шуйских князь Иван Андреевич получил боярский титул и вошел в думу лишь в 1571 г., т. е. в конце опричнины (Разряды, лл. 359, 369).

²⁹ Подробнее см.: Р. Г. Скрипников. Опричная земельная реформа..., стр. 243—244.

³⁰ Там же, стр. 245—247.

заклучили в тюрьму боярина В. В. Морозова и т. д. Голениным подверглись ближайшие родственники Старицких бояре И. А. и П. А. Куракины. На втором году существования опричнины правительство отобрало у князя Владимира Андреевича Старицкий удел и предоставило ему взамен примерно равноценный Дмитровский удел.

В целом репрессии опричнины против удельной знати, старомосковского боярства и отдельных групп дворянства имели весьма ограниченное значение и не шли ни в какое сравнение с репрессиями против суздальской знати.

По существу опричнина была делом узкого круга лиц, в котором руководящую роль играла старомосковская знать. В первые годы опричнины в состав опричной думы входили бояре А. Д. Басманов и З. И. Очин Плещеевы, кравчий Ф. А. Басманов, оружничий А. Вяземский, ясельничий П. В. Зайцев и, возможно, постельничий В. Ф. Наумов.³¹ На втором году опричнины членами опричной думы стали боярин Ф. И. Умноий и окольный В. И. Умноий из боярского рода Колычевых.³² Значительно позже, в конце 60-х годов, опричниками стали дворецкий боярин Л. А. Морозов-Салтыков, боярин И. А. Чеботов, боярин И. А. Бутурлин, окольный Д. А. Бутурлин и т. д.³³ Особое положение в опричной думе занимал кружок царской родни, в который входили царский шурина князь М. Т. Черкасский, а также дядя царевича Ивана бояре В. П. Яковлев и князь В. А. Сицкий.³⁴

Такие представители высшей титулованной знати, как боярин князь В. И. Темкин-Ростовский и окольный князь Д. И. Хворостинин, вошли в опричную думу лишь в самом конце 60-х годов.³⁵

³¹ З. И. Очин стал опричным боярином после возвращения из литовского плена в 1566 г. (СГД, ч. I, стр. 560). Он был первым лицом, получившим высший думный чин из опричнины.

³² Братья Колычевы не участвовали в учреждении опричнины и служили в 1565 г. земскими воеводами (Разряды, лл. 318, 320, 321, 326 об.). Ф. И. Умноий получил титул «палестника суздальского» в 1566 г. В. И. Умноий служил в опричной армии в 1567 г. (Сб. РИО, т. 71, СПб., 1892, стр. 418; Разряды, л. 340).

³³ Первые сведения об их службе в опричнине относятся к 1569—1570 гг. (Новгородские летописи. СПб., 1879, стр. 341; Разряды, лл. 361 об., 364 об.; см. также: В. Б. Кобрин. Состав опричного двора Ивана Грозного. Археографический ежегодник за 1959 г., М., 1960, стр. 70, 71; А. А. Зимин. Опричнина..., Прилож., стр. 481).

³⁴ «Удельный» князь Черкасский формально значился главой опричной думы и первым дворовым воеводой (Разряды, л. 340 об.). Он был привезен в Москву мальчиком за семь лет до опричнины, плохо знал московские обычаи и не пользовался большим влиянием на дела управления.

Дворецкий В. П. Яковлев стоял в опричной иерархии несколькими ступенями ниже царского дворецкого Л. А. Салтыкова. Князь В. А. Сицкий уступал в местных спорах последнему из опричных бояр И. А. Бутурлину (Разряды, л. 477 об.).

³⁵ В. Б. Кобрин. Состав опричного двора, стр. 70; Разряды, лл. 349, 353 об.

В известном смысле введение опричнины знаменовало собой крушение княжеско-боярского землевладения, последствия которого не могли быть ликвидированы никакими последующими амнистиями опальных княжат.

Нет сомнения в том, что опричная политика в своем первоначальном виде имела четко выраженную антикняжескую направленность. Но вопреки весьма распространенному взгляду опричнина никогда не была последовательной политикой с едиными принципами, неизменными на протяжении всего ее существования. Напротив, ее развитие отмечено многими поворотами и противоречиями.

Репрессии и земельные конфискации вызвали столь сильное негодование в среде правящего боярства, что правительство вынуждено было отказаться от непопулярного курса уже через год после учреждения опричнины. Оно вернуло из ссылки удельного князя М. И. Воротынского и восстановило крупнейшее Новосильско-Одоевское удельное княжество. Вслед за тем царь объявил о «прощении» казанских ссыльных и вернул из мест поселения многих опальных княжат. Некоторым из них удалось вернуть себе родовые земли, нередко полуразоренные. Подобные мероприятия знаменовали собой крупнейший поворот в истории опричнины. Обусловлен он был многими обстоятельствами. Прежде всего монархия не могла длительное время проводить политику, которая шла вразрез с интересами могущественной феодальной аристократии. Для этого она не обладала ни достаточной самостоятельностью, ни достаточным аппаратом насилия. Даже с точки зрения правительства, репрессии и казанское переселение достигли основной цели, подорвав влияние и богатство фрондирующей титулованной знати. Наконец, опричное правительство могло осуществлять свою политику до той лишь поры, пока его мероприятия пользовались достаточной поддержкой со стороны старомосковской знати и дворянства в целом. Между тем опричная политика пришла в столкновение с интересами влиятельных сил земщины. Опричной политикой были недовольны не одни только жертвы опричных репрессий. Глубокое негодование в среде земского дворянства вызывали произвольные конфискации дворянских земельных владений в опричных уездах, совершенно незаконные с точки зрения феодального права, угроза распространения опричных порядков на любой из уездов земщины, возмутительные привилегии «кромешников», их насилия и полная безнаказанность.

Летом 1566 г. члены созданного в Москве Земского собора открыто потребовали упразднения ненавистных опричных порядков. Высшей курией Земского собора, определявшей всю его работу, была Боярская дума. Ее состав дает весьма точное представление о правительстве земщины в тот период. Безраздельным влиянием в думе пользовалась старомосковская знать и тесно

связанная с ней высшая приказная бюрократия (15 бояр и окололичных и 10 думных дьяков). Удельная знать была представлена тремя лицами, зато суздальская вовсе не имела представителей в думе, а из прочей титулованной знати в думе заседали только двое лучших воевод.³⁶

Наибольшим политическим весом в земщине обладали две боярские группировки: первую из них возглавляли Захарьины, вторую — конюший И. П. Федоров-Челяднин. Захарьины не участвовали в поручительстве за опальных, даже когда аресту подверглись их ближайшие родственники Шереметевы.

Совершенно иной была позиция конюшего И. П. Федорова. Именно он возглавил ту группировку в Боярской думе, которая добилась освобождения И. В. Большого Шереметева, взяла на поруки И. П. Яковлева-Захарьина и князя М. И. Воротынского. По-видимому, поддержка этой наиболее влиятельной группировки позволила Ф. Колычеву выставить требование об упразднении опричных порядков и обеспечила его избрание на митрополитский престол. После выступления оппозиции казни подверглись трое дворян, в их числе К. С. Бундов и И. М. Карамышев. Бундов происходил из худародной дворянской семьи, издавна служившей в Конюшенном приказе.³⁷ С тем же приказом связаны были, возможно, и Карамышевы.³⁸ Карьера самого И. П. Федорова оборвалась после Земского собора. Вскоре же он был отправлен в почетную ссылку на воеводство в Полоцк.³⁹

Выступление влиятельного старомосковского боярства и дворянских верхов, составлявших самую прочную и глубокую опору монархии, сузило политическую базу правительства Грозного. Стремясь преодолеть кризис и упрочить свои позиции, монархия прибегла к массовому террору. Начался второй период в истории опричнины.

Прежде всего власти значительно расширили территорию опричнины, включив в ее состав обширный Костромской уезд (начало 1567 г.), в результате чего численность опричного дворянского войска значительно увеличилась. В течение полугодия в опричной половине Москвы за Неглинной был воздвигнут сильно укрепленный замок, новая резиденция царя.⁴⁰ Перенесение царской резиденции из Кремля «за город» вызвало всевоз-

³⁶ СГГД, ч. I, № 192, стр. 545—556.

³⁷ См.: Д. Н. Альшиц. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 года. Исторический архив, т. IV, 1949, стр. 42—43.

³⁸ Видную роль в ведомстве конюших Челяднинных в конце XV в. играли А. В. и В. В. Карамышевы (Разряды, л. 13 об.).

³⁹ Разряды, лл. 333 об., 336.

⁴⁰ Сооружение замка началось летом 1566 г., а 12 января 1567 г. царь переехал жить на свой новый двор (ПСРЛ, т. XIII, стр. 401, 406; Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца-опричника. М., 1925, стр. 107—109; далее: Г. Штаден. Записки).

можные толки, ввиду чего царь приказал сделать официальное разъяснение на этот счет за рубежом.⁴¹ Одновременно с сооружением замка в Москве, началось сооружение мощной крепости в Вологде на наибольшем удалении от границ в труднодоступных лесных местах.⁴² Все эти военные приготовления не имели ничего общего с обороной страны от внешних врагов. Они с полной очевидностью показывали, что царь и его опричная дума опасались внутренней смуты и готовились вооруженной рукой раздавить мятеж могущественных земских вассалов, роптавших на опричнину.

Призрак смуты породил в душе царя тревогу за собственную безопасность и вернул его к мысли о вторичном отречении от престола. Во время одного из посещений Кирилло-Белозерского монастыря Грозный призвал к себе игумена Кирилла и нескольких других монахов и поведал им о своем желании принять монашество. Царь уверял старцев, что если ему действительно суждено будет постричься, то он забрет себе именно Кирилло-Белозерский монастырь.⁴³ В 1573 г. царь напомнил кирилловским монахам содержание своей давней беседы с игуменом Кириллом. Установить время обращения Грозного в Кириллов помогают следующие факты. Известно, что в игуменство Кирилла царь трижды был на Белоозере: первый раз в 1565 г., затем в 1567 и 1569 гг.⁴⁴ Во время второго посещения в 1567 г. Иван пожертвовал монастырю 200 рублей, с тем чтобы монастырские власти устроили для него отдельную келью в стенах обители.⁴⁵ Позже Иван прислал в Кириллов драгоценную утварь, иконы и кресты для украшения своей кельи.⁴⁶ Пожертвование на келью в 1567 г. было, по-видимому, прямым результатом «сокровенной беседы» царя со старцами.

Несмотря на все старания сохранить в тайне содержание кирилловской беседы, слухи о возможном пострижении царя проникли в земщину и произвели там сильное впечатление. Пострижение Грозного и замена его на престоле кем-нибудь из его родственников казалась недовольному земскому боярству лучшим выходом из создавшегося положения. В качестве преемника Грозного все чаще называли его двоюродного брата князя В. А. Старицкого.

⁴¹ Сб. РИО, т. 71, стр. 464—465.

⁴² ПСРЛ, т. XIII, стр. 407; Н. В. Фалли. Вологодская крепость в XVII веке. Север, № 1 (5), Вологда, 1924, стр. 5; А. А. Засецкий. Исторические и топографические известия о Вологде. М., 1780, стр. 59.

⁴³ Послания Ивана Грозного, стр. 163—164.

⁴⁴ См.: ПСРЛ, т. XIII, стр. 400, 407, см. также: Я. С. Лурье. Комментарии. В кн.: Послания Ивана Грозного, стр. 633.

⁴⁵ Кормовые книги Кирилло-Белозерского монастыря. Зап. Отд. русск. и славянск. археологии, т. I, СПб., 1851, стр. 88—89.

⁴⁶ См.: Описание древностей Кирилло-Белозерского монастыря. ЧОИДР, 1859, кн. 3, отд. I, стр. 89.

Глубокий раздор между царем и Боярской думой и слухи о возможном отречении Грозного поставили государство на пороге нового династического кризиса. Разрешение его зависело в значительной мере от позиции старомосковской знати, а точнее наиболее влиятельных ее группировок.

Царя не на шутку пугали толки о боярском «заговоре» в пользу Старицкого. Он не надеялся более на силу опричных крепостей и всерьез стал подумывать о бегстве с семьей за границу. Во время тайных переговоров с послом А. Дженкинсоном осенью 1567 г. царь просил английское правительство в случае «беды» предоставить ему убежище в Англии «для сбережения себя и своей жизни».⁴⁷ Несмотря на все усилия царя сохранить в тайне переговоры с англичанами, сведения о них проникли в земщину. Неуверенность и малодушие Грозного ободрили недовольные элементы земщины и вызвали замешательство в среде опричников, прекрасно понимавших, что ждет их в случае смуты и бегства царя.

В такой обстановке и возникло так называемое дело о «заговоре» Старицких, продолжавшееся более трех лет (1568—1570 гг.). Сфабрикованный в недрах опричного сыского ведомства, этот чудовищный процесс стал основным стержнем политической истории опричнины в период массового террора. Характерно, что власти искали приверженцев Старицкого в первую очередь среди старомосковских бояр и связанных с ними руководителей церкви, высших приказных чинов и дворян.

Первые сведения о «заговоре» конюшего И. П. Федорова царь получил во время похода в Ливонию глубокой осенью 1567 г. Донос исходил от самого Старицкого, пытавшегося спасти себе жизнь ценой предательства. Бросив армию на границе, Грозный поспешно вернулся в Москву. Опричники разгромили вотчины конюшего И. П. Федорова и казнили многих его приверженцев. Однако развязка «дела» о заговоре в земщине надолго затянулась вследствие выступления влиятельной церковной верхушки.⁴⁸ 22 марта 1568 г. митрополит Филипп Колычев во время богослужения в Успенском соборе решительно потребовал от царя прекращения кровавых репрессий.⁴⁹ Инцидент, происшедший во

⁴⁷ Ю. Толстой. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. СПб., 1875, стр. 40. — В последующее время в Вологде были построены специальные суда, на которых царская семья могла бы выехать в случае опасности в «поморские страны» (см.: А. А. Засецкий. Исторические и топографические известия о Вологде, стр. 60; Д. Горсей. Записки о Московии XVI в. СПб., 1909, стр. 35).

⁴⁸ Подробнее см.: Р. Г. Скрынников. Введение опричнины и организация опричного войска в 1565 г. Раздел: Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник. Уч. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена, т. 278, Л., 1965, стр. 37—42. (Далее: Р. Г. Скрынников. Синодик опальных).

⁴⁹ Новгородские летописи, СПб., 1879, стр. 98.

время крестного хода в Новодевичьем монастыре 28 июля 1568 г., привел к окончательному разрыву между митрополитом и царем.⁵⁰ Колычев удалился в монастырь Николы Старого, но при этом отказался сложить с себя митрополичий сан. В своих действиях церковная оппозиция опиралась не только на громадный в те времена моральный авторитет церкви. По существу она выступила как выразитель настроений всей земской оппозиции, объединявшей недовольное боярство и фрондирующих дворян. Для правильной оценки церковной оппозиции и опричных репрессий против церкви этот факт имеет решающее значение. Между тем даже новейшие исследователи опричнины С. Б. Веселовский и А. А. Зимин игнорируют прямую связь между «делом» конюшего И. П. Федорова и выступлением митрополита Филиппа Колычева.

Полный и окончательный разрыв с главою церкви ставил Грозного в крайне трудное положение. Выход был найден в новых репрессиях. В сентябре 1568 г. специальная опрично-духовная комиссия приступила к расследованию «преступлений» Ф. Колычева, совершенных им в бытность соловецким игуменом. В те же дни царь в присутствии Боярской думы и многочисленных дворянских представителей устроил «суд» над конюшим Федоровым. После позорного фарса конюший был убит (11 сентября 1568 г.).⁵¹ Из-за недостатка улик и по некоторым другим причинам суд над Филиппом Колычевым состоялся лишь в начале ноября того же года. Опальный митрополит был низложен и отправлен на вечное заточение в тверской Отроч-монастырь.⁵²

Главными жертвами дела о «заговоре» в земщине были виднейшие члены Боярской думы — конюший И. П. Федоров, околицкие М. И. Колычев и М. М. Лыков, государственный казначей Х. Ю. Тютин, а также видные земские воеводы А. И. Шейн-Морозов, Ф. А. Карпов, М. А. Карпов, И. Б. Колычев, В. Колычев и десятки других дворян.⁵³

Прямым продолжением суда над конюшим Федоровым было новгородское «изменное» дело, зародившееся в недрах опричного сысканого ведомства вскоре после казни конюшего. Предательство не спасло удельного князя Старицкого. В октябре 1569 г. он был казнен вместе с матерью и другими членами

⁵⁰ Житие Филиппа митрополита. ГПБ, ОР, Соловецкое собр., № 1073/963, л. 77; Новгородские летописи, стр. 98.

⁵¹ Подробнее см.: Р. Г. Скрынников. Синодик опальных, стр. 41.

⁵² Новгородские летописи, стр. 98; Послание И. Таубе и Э. Крузе. Русский исторический журнал, вып. 8, Пгр., 1922, стр. 44; РИБ, т. XXXI, стр. 313—314.

⁵³ По «делу» Федорова казнены были боярин кн. А. И. Катывев, трое князей Хохолоковых, князя В. К. Курлятев, Ф. И. Троекуров и Ф. Сысоен. Но в целом титулованная знать пострадала значительно меньше, чем в начале опричнины. Среди сотен казненных в то время людей на ее долю приходилось единицы (см.: Р. Г. Скрынников. Синодик опальных, стр. 68—71).

семьи. Казнь Старицких не была вызвана единственно стремлением правительства раз и навсегда покончить с крупнейшим удельным княжеством в стране. Царь Иван пощадил наследника удела княжича Василия Старицкого и позже вернул ему отцовские владения.⁵⁴

Реконструкция синодика опальных позволила установить тот весьма интересный факт, что центральной фигурой новгородского процесса был видный земский боярин В. Д. Данилов, участник Земского собора 1566 г. и сподвижник копящего И. П. Федорова. Во время карательного похода на Новгород опричники казнили боярина В. Д. Данилова, знатных новгородских дворян В. А. Бутурлина, Г. Воронова-Волынского, нескольких Плещеевых, главного новгородского дьяка А. В. Безсонова, нескольких архиепископских дворян, многих новгородских подьячих и т. д.⁵⁵ Опричники подвергли дикому погрому Тверь, Новгород и отчасти Псков. Во время погрома погибло до двух-трех, а возможно, и четырех тысяч человек. Основную их массу составляли лица, принадлежавшие к социальным низам и показанные в синодике безымянно. Помимо того, опричники истребили множество литовских пленников, переселенных в Новгородскую землю из Полоцка.

В истории кровавых подвигов опричнины новгородский погром был самым отвратительным эпизодом. Бессмысленные и жестокие избиения ни в чем не повинного новгородского населения навсегда сделали понятие опричнины синонимом произвола и беззакония.

Архиепископ Пимен, оказавший царю важные услуги во время суда над митрополитом Филиппом, был неизменно лоялен по отношению к опричнине. Поэтому-то новгородское изменное дело (инициатором которого был глава сысканого ведомства Малюта Скуратов) вызвало серьезное беспокойство у наиболее авторитетных руководителей опричнины. Опричный оружничий князь А. Вяземский пытался тайно предупредить Пимена о грозившей ему беде. Когда это открылось, он был объявлен сообщником Пимена и подвергнут опале. Главный руководитель опричнины боярин А. Д. Басманов не участвовал в походе на Новгород и также был обвинен в сообщничестве с новгородским архиепископом.

Руководители земской Боярской думы восприняли известие о кровавом погроме Новгорода со страхом и негодованием.

⁵⁴ Подробнее см.: Р. Г. Скрынников. Опричнина и последние удельные княжения на Руси. Исторические записки, т. 76, стр. 159—160.

⁵⁵ При разгроме Новгорода опричники казнили кн. А. Бычкова-Ростовского и двух-трех других представителей высшей знати. По некоторым сведениям, несколько раньше погиб боярин И. И. Процкий. Но в синодике его имя отсутствует, что заставляет предположить, что он был убит вне связи с новгородским делом.

Никто не знал, чья очередь наступит завтра. Некоторые из членов земского руководства пытались протестовать против репрессий. Печатник И. М. Висковатый просил царя не проливать столько крови и прекратить истереклять своих бояр.⁵⁶ По существу, Висковатый выразил вслух настроение наиболее влиятельного в земщине боярского кружка Захарьиных и Шереметева, с которым он был тесно связан многие годы. Ходатайство думного дьяка привело Грозного в ярость. «Я вас еще не истребил, а едва только начал, — заявил царь, — но я постараюсь всех вас искоренить, чтобы и памяти вашей не осталось».⁵⁷

Изменные «дела» копящего Федорова, боярина Данилова и архиепископа Пимена бросили тень подозрения на все земское правительство. Царь перестал доверять даже ближайшим своим родственникам. Но более всего он опасался, что крамольное боярство попытается использовать в качестве орудия своих интриг наследника престола царевича Ивана. Царевичу едва минуло 17 лет и при его дворе всеми делами заправляли его дядья бояре Яковлевы и Юрьев. Главным боярином и дворецким царевича был В. П. Яковлев-Захарьин. Возможно, что Захарьины действительно пытались использовать свое влияние на наследника, чтобы таким путем хоть немного образумить Грозного и положить предел чудовищному террору. Подобные попытки неизбежно углубили раздор в царской семье.⁵⁸

3 января 1571 г. папский посол Портико, находившийся в Варшаве и ждавший благоприятного момента для поездки в Москву, отправил в Рим интересные сведения, составленные на основании показаний только что прибывшего из России человека. Можно полагать, что все эти сведения были записаны Портико со слов Шлихтинга и что, таким образом, мы имеем возможность пополнить «Сказания» Шлихтинга исключительно важными фактами, которые сам он старательно замалчивал в мемуарах, написанных по поручению польских дипломатов. В пользу нашего предположения свидетельствуют следующие факты. Во-первых, Шлихтинг бежал в Польшу в самом конце 1570 г., письмо же папского посла датировано 3 января 1571 г.

⁵⁶ А. Шлихтинг. Новое известие... стр. 62.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Подозрения царя насчет тайных интриг стоявшего за спиной царевича боярского кружка были настолько велики, что в июне 1570 г. он во всеуслышанье заявил о своем намерении лишить прав на престол царевича Ивана и сделать наследником своего нового вассала ливонского «короля» Магнуса. «...ваша светлость, — заявил он, обращаясь к „королю“, — когда меня не станет, будет моим наследником и государем моей страны и я так искренно и принижу моих неверных подданных, что попру их когами» (Ю. Н. Щербачев. Копенгагенские акты ЧОИДР, М., 1916, кн. 2, отд. III, стр. 34). Опрометчивое заявление царя, сделанное в присутствии Боярской думы и иностранных послов, вызвало сильное раздражение в ближайшем окружении наследника, и в особенности среди Захарьиных.

Во-вторых, и письмо Портико, и первая письменная записка Шлихтинга («Новости из Московии») начинаются с сообщения о задержке московских послов из-за мора и т. д. В-третьих, московский беглец сообщил подробности, которые могли быть известны лишь человеку, близкому ко двору и хорошо осведомленному относительно семейных дел царя, но именно таким лицом был Шлихтинг, слуга и переводчик царского лейб-медика. По-видимому, именно Шлихтинг сообщил Портико, что раздор в царской семье привел к открытому разрыву между царем и наследником и что на стороне последнего выступили многие влиятельные и знатные лица: «Между отцом (царем Иваном, — Р. С.) и старшим сыном возникло величайшее разногласие и разрыв, и многие пользующиеся авторитетом знатные люди с благосклонностью относятся к отцу, а многие — к сыну, и сила в оружии».⁵⁹

Открытое выступление Висковатого против опричных репрессий стоило ему жизни. Печатник и его ближайшие сподвижники государственной казначей Н. А. Фуников, думный дьяк В. Степанов и руководители некоторых других земских приказов были «присоединены» к новгородскому изменному делу и казнены в июле 1570 г. Эта мера была первым шагом к полному разгрому боярского кружка Захарьиных и Шереметева. В первой половине 1571 г. опричники казнили боярина С. В. Яковлева-Захарьина как сообщника Пимена. Вслед за тем были забиты палками бояре И. П. и В. П. Яковлевы. Боярин И. В. Большой Шереметев ушел в монастырь, спасаясь от верной гибели. Из всего кружка Захарьиных к концу опричнины уцелел лишь младший из бояр Захарьиных Н. Р. Юрьев.

Чудовищный новгородский процесс явился делом авантюристских элементов опричной думы в лице М. Скуратова и В. Грязного, руководивших сыскным ведомством опричнины. Они получили думные чины и вошли в опричное правительство после разгрома вотчин Федорова и «разоблачения» новгородцев.⁶⁰ Раскрытие «измены» позволило им устранить наиболее авторитетных вождей опричной думы (А. Д. Басманов, Ф. А. Басманов, А. Вяземский, Л. А. Салтыков, И. Я. Чеботов и др.) и свалить правительство земщины (Захарьины, Шереметев, Висковатый и т. д.).

В самые последние годы опричнины произошло полное обновление состава опричной думы. В нее вошли: бояре князя П. Д. Пронский (февраль 1571 г.) и его брат С. Д. Пронский (получил боярство из опричнины к концу того же года), удель-

⁵⁹ Е. Ф. Шмурло. Россия и Италия, т. II, вып. 2. СПб., 1913, стр. 230.

⁶⁰ В конце третьего года опричнины М. Скуратов и В. Грязной не имели думных чинов и занимали сравнительно невысокое служебное положение третьих голов в царском полку (Разряды, л. 340). В 1570 г. они участвовали в заседаниях Боярской думы в качестве думных дворян (Сб. РИО, т. 71, стр. 666).

ные князя Ф. М. Трубецкой и Н. Р. Одоевский (получили боярство в опричнине в 1571 г.), окольничие Н. В. Борисов (опричник с 1570 г.) и князь О. М. Щербатый-Оболенский (получили чин опричного окольничего в 1572 г.).⁶¹ Накануне полной отмены опричнины номинальным главой опричной думы стал князь И. А. Шуйский.⁶² Появление высшей титулованной знати в составе опричного правительства следует связывать в первую очередь с начавшейся реорганизацией опричнины. Подготавливая почву для расправы со старой опричной гвардией и для полной ликвидации опричнины, царь старался обеспечить себе поддержку тех сил, которые страдали от опричных порядков. По существу опричнина была ликвидирована руками «новой» опричной знати.

* * *

В. И. Ленин определял политический строй России в XVII в. как самодержавие с Боярской думой и боярской аристократией.⁶³ Подобным же образом можно характеризовать Русское государство XVI в., с тем лишь различием, что в XVI в. феодальная знать располагала еще большими земельными богатствами и политическим весом, нежели в XVII в. Самодержавие было официальной доктриной и в известном смысле политической формой централизованной монархии XVI в., хотя глава государства в то время по существу не обладал неограниченной самодержавной властью. Монарх управлял страной совместно с «советом крупных феодалов», Боярской думой и князьями церкви. Неокрепшая монархия вынуждена была делить власть с могущественной боярской аристократией.

При учреждении опричнины Грозный объявил, что передаст земской Боярской думе все управление Московским царством, «воинство и суд и управу», за исключением «великих» ратных и земских дел, которые решать будут «государь з бояры».⁶⁴ Не верно было бы думать, будто царский указ расширил права

и полномочия Боярской думы. В действительности он лишь формально определил компетенцию думы в полном соответствии с традициями и обычаями государства. Боярская дума на протяжении всего XVI в. была высшим государственным органом в стране. Наряду с монархом бояре и Боярская дума осуществляли функции высшей законодательной, судебной и исполнительной власти в стране. Важнейшие законодательные решения облекались в следующую форму: «Государь указал, а бояре приговорили». До середины XVI в. Боярская дума оставалась органом аристократии, представлявшим исключительно верх феодальной знати. Через думу аристократия прочно держала в своих руках все нити государственного управления. Без ее санкции правительство не могло издавать законы, решать вопросы о начале войны и заключении мира.

В юридическом плане введение опричнины не отразилось на компетенции и правах Боярской думы. На практике же вышло иначе. В опричнине царь получил неограниченные полномочия на проведение репрессий против дворян и членов думы, на земельные конфискации и прочие мероприятия, которые в обычных условиях не могли быть осуществлены без согласия на то «совета крупных феодалов». В опричнине царь избавился от обычной опеки со стороны думы и высшего духовенства, князей церкви.

Формально опричнина не посягала на права и полномочия Боярской думы, но фактически она весьма существенно ограничила ее компетенцию, прежде всего в сфере внутреннего управления.

Издавна в отсутствие царя или великого князя Боярская дума полновластно управляла столицей и всеми делами государства. В этом заключалась одна из важных прерогатив думы. Как можно установить на основании книг Разрядного приказа, для управления столицей дума выделяла из своего состава специальную комиссию, которую возглавляли обычно семеро бояр.⁶⁵ (Отсюда «седемчисленные бояре», «семибоярщина» во время междоусобия в начале XVII в.).

При Избранной раде руководство семибоярщиной осуществляла титулованная знать, князья Шуйские, Оболенские и т. д. В период опричнины княжата были изгнаны из московской боярской комиссии, целиком составлявшейся теперь из нетитулованных старомосковских бояр (Челядин, Шереметев и т. д.). В первые годы опричнины царь сократил семибоярщину, а затем бояре и вовсе были удалены из московской комиссии. Так, в 1565 г.

⁶⁵ Управление Москвой осуществляли 7 бояр и 3 окольничих в 1553 г.; 7 бояр, 1 окольничий и 1 дворецкий в 1556 г.; 7 бояр и 4 окольничих в 1558 г.; 7 бояр и 2 окольничих в 1565 г. (Разряды, лл. 202, 233, 261, 331). В отдельных случаях в состав московской комиссии входило 5 бояр и 2 окольничих в 1555 г.; 6 бояр (один из удела) и 2 окольничих в 1562 г. (Разряды, л. 225; ПСРЛ, т. XIII, стр. 341).

⁶¹ Кн. П. Д. Пронский управлял земским Новгородом в 1569—1570 гг. После зачисления части Новгородской земли в опричнину он перешел на опричную половину и возглавил новую администрацию Новгорода (см.: Новгородские летописи, стр. 105). О пожаловании думных чинов другим членам опричной думы см.: Разряды, лл. 374 об., 372, 359, 364 об., 458; СГГД, ч. I, стр. 561—562.

⁶² В. Б. Кобрин не включил кн. И. А. Шуйского в списки Опричного двора и высказал мнение, что его служба в опричнине слишком гипотетична (см.: В. Б. Кобрин. Состав опричного двора..., стр. 91). Весенний разряд 1572 г. не оставляет сомнений насчет службы Шуйского в опричнине — «Бояре из опричнины»: кн. И. А. Шуйский, князь П. Д. и С. Д. Пронские, кн. В. А. Сицкий и т. д. (Разряды, л. 458). Младший родственник Шуйских кн. В. И. Барбашин-Суздальский стал опричником еще в 1570 г. (там же, лл. 359, 363).

⁶³ В. И. Ленин, ППС, т. 17, стр. 346.

⁶⁴ ПСРЛ, т. XIII, стр. 395.

Москвой «ведали» 7 бояр и 2 окольных, в 1567 г. — 2 бояр и 3 окольных, в 1570 г. — всего лишь 2 бояр.⁶⁶ С осени 1570 г. бояре не участвовали в управлении столицей: в то время царь назначил в московскую комиссию казначей князя В. В. Мосальского, печатника Б. И. Сукина и приказных людей.⁶⁷ Весной 1572 г. столицей вновь «ведали» приказные люди, а кроме них, «для осады» там остались воеводы князя Ю. И. Токмаков и Т. Долгорукий, не состоявшие в Боярской думе.⁶⁸ Таким образом, в последние годы опричнины Грозный упразднил «семибоярщину». Вместе с нею была ликвидирована одна из самых важных привилегий Боярской думы.

В период опричнины Боярская дума продолжала осуществлять руководство центральным приказным аппаратом. Штаден, отлично осведомленный насчет московских порядков, рассказывал на этот счет следующее: «В каждом судебном приказе и во всех других приказах сидел тот или иной князь или боярин, и что приказывал он дьяку писать, тот так и писал».⁶⁹ Наиболее важные дела решались, однако, не в приказах, а непосредственно в Боярской думе. «О больших делах» дьяки были обязаны «приходить» к боярам.

Дума не имела особой канцелярии, но лишь по той простой причине, что все ее делопроизводство велось в главных приказах, там же хранились ее архивы.⁷⁰ Приказы служили как бы обширной, разветвленной канцелярией думы. Периодически дума создавала особые комиссии для проведения дворянских смотров, поместной разверстки, решения земельных тяжб.

По традиции члены думы непосредственно возглавляли такие важнейшие приказы, как Конюшенный приказ и Большой дворец. Стоявшие во главе Конюшенного приказа «конюшие бояре» занимали наивысшее положение в иерархии старомосковских чинов. После казни боярина И. П. Федорова-Челядина должность конюшего была фактически упразднена, а все управление приказом перешло к ясельничим из дворян. Результатом было известное ограничение непосредственного контроля думы за приказным аппаратом.

После Полоцкого похода и поворота к политике репрессий правительство допустило значительные отступления от традиционной практики назначения членов Боярской думы. Вследствие

⁶⁶ Разряды, лл. 331, 338, 357.

⁶⁷ А. Ш л и х т и н г. Новое известие... стр. 59.

⁶⁸ Разряды, л. 460.

⁶⁹ См.: Г. Ш т а д е н. Записки, стр. 79.

⁷⁰ «В историографии принято употреблять выражение „Боярская дума“ в смысле известного учреждения. Правда, было хорошо известно, что у так называемой Боярской думы не было своей канцелярии, постоянного штата служащих и архива решенных дел, что называть Боярскую думу учреждением можно только с большими оговорками...» (С. В. Веселовский. Исследования..., стр. 140).

раздора царя с боярством, назначения новых членов в думу резко сократились. В первые четыре года опричнины назначения в думу производились крайне нерегулярно и не могли восполнить естественной убыли ее членов. Только после отставки А. Д. Басманова и полной отмены опричнины были проведены новые массовые назначения в Боярскую думу.

Накануне опричнины и в период господства опричных порядков монархия подвергла боярство подлинному террору. К концу опричнины Боярская дума лишилась почти всех своих авторитетнейших вождей. Из членов думы, получивших думные титулы до Полоцкого похода 1563 г., к концу опричнины уцелели лишь единицы, в том числе удельные князья И. Ф. Мстиславский и М. И. Воротынский, бояре Н. Р. Юрьев-Захарын, И. В. Меньшой Шереметев, М. Я.-Морозов, П. В. Морозов, Ф. И. Умной и окольный В. И. Умной.⁷¹ Опричнину пережили только двое «старых» бояр, представлявших в думе суздальскую и ярославскую знати. Им были князья А. И. Нохтев-Суздальский и В. А. Спичкий-Ярославский. Но они принадлежали к числу наименее влиятельных членов думы.

В первый период своего существования опричнина нанесла удар суздальской знати, в последующие годы террору подверглось старомосковское боярство. Удельная знать попыталась опричные репрессии в значительно меньшей мере: из всех удельных князей жертвой опричников стал лишь князь В. А. Старицкий.

Ослабление боярской аристократии привело к известному падению роли и значения Боярской думы, высшего органа монархии XVI в. В годы террора резко сократился численный состав думы.

Централизованная монархия заметно окрепла в столкновении с могущественной аристократической оппозицией.

В соответствии с древними традициями важную роль в управлении государством играл наряду с Боярской думой «священный собор» — совет крупнейших духовных феодалов, пользовавшийся правом «советования» с царем и участвовавший вместе с думой в обсуждении важнейших законов, внешнеполитических дел и т. д. Высшее церковное руководство было тесными узами связано с боярской верхушкой. Неудивительно, что опричные репрессии против бояр не миновали также некоторых князей церкви. Жертвами их стали митрополит Филипп, новгородский архиепископ Пимен и многие архимандриты.

Репрессии опричнины ослабили политическое влияние церкви. После публичного осуждения митрополита Филиппа Колычева и разгрома крупнейшей епархии страны церковь долгое время не могла достичь власти и влияния, которыми она пользовалась до опричнины.

⁷¹ Боярин П. А. Куракин находился в ссылке в течение всего периода опричнины.

* * *

Задолго до опричнины выдающийся дворянский публицист Иван Пересветов настоятельно советовал царю создать охрану непокорных вельмож и обрушить грозу на голову непокорных вельмож. Многие из того, о чем писал Пересветов в конце 40-х годов, сбылось в годы опричнины. Пророчества виднейшего дворянского идеолога столь удивительны, что некоторые исследователи склонны были полагать, что его сочинения появились в послеопричный период и были литературным выражением опричной трагедии.

В действительности, взгляды Пересветова явились предвосхищением будущего. Непосредственного влияния на опричные реформы они, по-видимому, не оказали. Дворянский радикализм и рационалистические элементы воззрений Пересветова были чужды царю Ивану и его ближайшему окружению.

Опричные реформы хотя и имели общие моменты с проектами дворянских публицистов, но в своем практическом осуществлении оказались весьма далеки от идеальных замыслов. Террор опричнины обернулся не только против «вельмож», «лепных и богатых», но и против «простых воинов». Пожелания Пересветова относительно «царской щедрости до воинов» и идеи дворянского равенства получили уродливое воплощение в опричных привилегиях. Мечты дворянства о сильном монархе, правящем «с грозою», стоящим за «великую правду», обрели практическое осуществление в кровавом деспотизме и злоупотреблениях опричнины.

В XVI в. дворянство было политически распылено и по сравнению с боярской знатью играло второстепенную роль в управлении государством. Тем не менее давление общей массы дворянских интересов на политику было исключительно велико. Многочисленное среднее и мельчайшее феодальное дворянство, владевшее землями главным образом на поместном праве и тесно зависевшее от центральной власти, составляло глубочайшую социальную базу монархии.

В борьбе с непокорной боярской знатью монархия неизбежно должна была опираться на дворянство. Но этой цели она достигла не путем корпоративной организации мелкого и среднего дворянства в целом, а путем организации привилегированной опричной гвардии, укомплектованной служилыми людьми нескольких «избранных» уездов и противопоставленной всей остальной массе земского дворянства. Опричнина расширила фонды поместных земель в пределах опричных уездов. Она открыла познатному худородному дворянству доступ в Боярскую думу и к высшим постам в аппарате управления. Некоторые ее стороны заключали как бы в зародыше все последующее развитие дворянско-бюрократической абсолютной монархии. Но опричнина обнаружила

тот факт, что в XVI в. среднее и мелкое дворянство еще не обладало ни моральными и политическими потенциями, ни достаточным образованием и влиянием, чтобы оттеснить боярскую аристократию от кормила управления и занять ее место. Свое выступление на исторической арене «худородные» дворяне-преторианцы ознаменовали лишь кровавыми бесчинствами, бессовестным грабежом и всякого рода злоупотреблениями.

В период опричнины дворянство не выдвинуло из своей среды ни одного реформатора типа Пересветова или Адашева. Ее героями были всецельный палач Малюта Скуратов и целая плеяда подобных же временщиков от веселого царского сотрапезника Васьки Грязного до безграмотного канцлера и печатника Романа Алферьева.

Так или иначе, но политический вес дворянства в период опричнины заметно увеличился. Именно в это время внутри Боярской думы появляется курия «думных дворян». ⁷² Образование института думного дворянства в опричнине протекало многообразными путями. Худородные дворяне получали доступ в думу прежде всего благодаря службе в дворцовых ведомствах. Опричнина изменила значение важнейших дворцовых чинов (оружничий, постельничий, ясельничий), ставших простым атрибутом думного дворянства. ⁷³

Как показали новейшие исследования, централизованная приказная система управления окончательно сложилась на Руси в 40—60-х годах XVI в. Перестройка высших государственных органов и организация приказов были тесно связаны с потребностями централизации и становлением самодержавной монархии на Руси.

Центральное место в системе приказов XVI в. занимал Казенный приказ, руководители которого вошли в Боярскую думу задолго до опричнины. Во главе приказа стояли двое казначеев, главным помощником которых был печатник — хранитель большой государственной печати. Влияние печатников на дела управления заметно усилилось в 60-х годах, когда этот пост занимал И. М. Висковатый. Печатник Висковатый, которого иностранцы называли «канцлером», фактически возглавлял иерархию приказных чинов земщины.

⁷² Интересно, что самый термин «думный дворянин» впервые появляется в опричных разрядах 1571 г. (Разряды, лл. 375—376 об.).

⁷³ В опричнине оружничий кн. А. И. Вяземский стал одним из главных руководителей опричной думы. Постельничие входили в думу задолго до опричнины: в Дворовой тетради 1552 г. они занесены в список думных чинов после казначеев, но ранее печатника. Функции постельничего чрезвычайно расширились с того времени, как этот чин был пожалован Д. И. Годунову (1567—1572 гг.) (Разряды, лл. 338, 458, 467 об., 491). Ясельничие не числились в списке думных людей Дворовой тетради 1552 г. Во время Полоцкого похода 1562 г. ясельничий П. В. Зайцев сидел «в суде у бояра», а после учреждения опричнины стал одним из самых видных членов опричной думы (Разряды, л. 287 об.).

В Дворовой тетради 50-х годов только казначей и печатник отнесены к разряду думных чинов, все же прочие дьяки, руководители десятков различных ведомств, занесены в общий список, озаглавленный «большие дьяки». ⁷⁴ К началу 60-х годов из общей массы «больших дьяков» выделились думные дьяки, ставшие постоянными членами Боярской думы. На Земском соборе 1566 г. приказные люди заседали раздельно: высшие приказные чины сидели вместе с боярами, прочие приказные — отдельной группой, записанной ниже детей боярских второй статьи. ⁷⁵ В заседаниях думы участвовали, помимо руководителей Казенного приказа, также главы Разрядного приказа (И. Клобуков), Поместного приказа (П. Михайлов), Посольского приказа (А. Васильев) и их помощники (И. Бухарин, А. Щелкалов и И. Юрьев). ⁷⁶ Спустя два года после собора думные дьяки вновь участвовали в заседаниях Боярской думы и скрепили своими подписями приговор 18 мая 1568 г. В числе их были главный поместный дьяк П. Михайлов, главный посольский дьяк А. Васильев и разрядные дьяки Андрей и Василий Щелкаловы. ⁷⁷ В соответствии с традицией, сложившейся в 60-х годах, в состав Боярской думы постоянно входили руководители четырех-пяти важнейших приказов. ⁷⁸ Они докладывали на заседаниях думы о внутренних и внешних делах государства, составляли документацию.

Образование внутри Боярской думы отдельной курии думных дьяков явилось результатом централизации государственного управления и развития приказного аппарата. Думные приказные люди были по преимуществу выходцами из мелкого дворянства. Из служилой мелкоты набирались не только дьяки, но и многие подьячие, служившие средним звеном приказного аппарата управления. Но дворянство не могло удовлетворить полностью потребности государственного аппарата в грамотных и образованных людях. Процент неграмотных в среде провинциального дворянства и даже столичной знати был очень велик. ⁷⁹ Поэтому правительство нередко привлекало на службу грамотное торгово-посад-

⁷⁴ ТКДТ, стр. 114—115.

⁷⁵ СГГД, ч. I, № 192, стр. 548, 553. — В нижней курии приказных людей заседали глава Большого прихода И. Булгаков, младший поместный дьяк В. Степанов, руководители Разбойного и Ямского приказов и т. д.

⁷⁶ Глава Посольского приказа носил чин думного дьяка еще в 1562 г. (см.: И. П. Лихачев. Думное дворянство в Боярской думе XVI столетия. Сб. Археол. инст., т. VI; СПб., 1896, стр. 9).

⁷⁷ Сб. РИО, т. 71, стр. 564—565.

⁷⁸ В 80-х годах XVI в. в Боярской думе заседали глава Посольского приказа, двое дьяков Разрядного приказа, глава Поместного приказа и глава Казанского дворца (см.: Д. Флетчер. О государстве Русском. СПб., 1906, стр. 46, 47, 54).

⁷⁹ «Грамоте не умели» и не могли расписаться за себя такие столпы приказного управления, как бояре И. В. Меньшой Шерометев, И. Я. Чеботов, печатник Р. В. Алферьев (см.: А. А. Зимин. Земский собор 1566 года. Исторические записки, т. 71, стр. 200, прим. 25).

«заводы»). ⁵ С 1716 г. царь стремился сделать центром государства Васильевский остров, заселив его богатыми дворянами и купцами. ⁶

По проекту, разработанному в 1717 г. техническим руководителем и ведущим архитектором Петербурга Леблонем, пришлый рабочий народ должен был жить вне города, а ремесленники могли проживать на определенных улицах у края города. Нет сомнения в том, что Леблон, приглашенный в Россию из Парижа, планировал город идеальный, с точки зрения французских архитекторов, живших в эпоху абсолютизма. Но нет также сомнения и в том, что взгляды Леблona на принципы городской планировки отвечали идеалам Петра I (по пути из Парижа в Петербург архитектор провел с Петром I три дня, после чего Петр I отозвался о нем с большой похвалой). ⁷

Однако идеалы правительства и действительность подчас противоречили друг другу. Для строительства города требовались рабочие. Их присутствие меняло тот облик столицы, который хотело бы придать ему правительство. Вынужденное мириться с пребыванием рабочих в столице, правительство настойчиво искало способы ограничить их число. Оно следило за тем, чтобы крестьяне, временно высланные на строительство С.-Петербурга, не задерживались в городе после окончания работы. Мастерских же постоянных правительство размещало в слободах вокруг города, подчас на значительном от него расстоянии. Так, мастерские Капцелярии отстроенной были поселены в с. Путилове, на р. Назье, в Тосно, на Новых невиских кирпичных заводах; ⁸ адмиралтейские плотники и мастерские пороховых заводов — на Охте; мастерские Оружейного завода — в Сестрорецке; мастерские кирпичных заводов — в Стрельне и т. д. ⁹

Создание слобод позволяло правительству постоянно иметь в распоряжении рабочую силу, не забывая столицу рабочими домишками и рабочим населением. Система петербургских рабочих слобод явилась развитием того, что имело место в русском городе

⁵ С. П. Лупнов. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.—Л., 1957, стр. 25, 26.

⁶ С. П. Лупнов. История строительства Петербурга..., стр. 38.

⁷ П. Н. Петров. История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. СПб., 1884, стр. 116, 120; С. П. Лупнов. История строительства Петербурга..., стр. 65; Очерки истории Ленинграда, т. I, стр. 106.

⁸ Допущение Снявина в Юстиц-коллегию от 8 апреля 1720 г. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 5, ч. IV, д. 102, л. 4; Дела об отмежевании земли вочнопоселенцам. Там же, оп. 4, д. 276, лл. 11, 25; д. 326, л. 3; оп. 73/187, кн. 16, ч. I, л. 223.

⁹ Слободы были созданы двух видов: мастерские одних слобод по преимуществу обслуживали определенное промышленное предприятие, располагавшееся поблизости, мастерские других слобод имели местом работы собственно Петербург (первых также, когда было нужно, направляли на работу в Петербург и другие места).

предшествующих веков. Город XVI—XVII вв. состоял из крепости, посада и слобод; население каждой из которых занималось особой профессией, например слобода кузнечная, рыболовная, стрелецкая, пушкарская и т. д. ... Слободы представляли из себя отдельные от посада самоуправляющиеся целыя, связанные с посадом только географически.¹⁰ Петровское же правительство, исходя из мысли о создании города нового типа, географически оторвало слободы от С.-Петербурга (расстояния до Путилова и Тосны превышали 50 км).¹¹

Но мастерские двух крупнейших предприятий — Адмиралтейской верфи и Литейного двора находились в городе. Верфь возникла на берегу Невы прежде, чем Петербург стал столицей. Перенесение верфи было делом слишком сложным и дорогим. Кроме того, увлечение Петра кораблестроением объясняло его желание как можно чаще иметь на глазах любимое предприятие. Выход увидели в превращении Адмиралтейского острова в особое поселение кораблестроителей и моряков.¹² Литейный двор располагался на границе С.-Петербурга. Уже в апреле 1716 г. Петр I запретил строить город выше по течению Невы, отводя эти земли под поселения ремесленных людей.¹³ В 1724 г. он подтвердил указ о том, что «в линиях вверх по Неве реке от Литейного пущечного двора» могут иметь жительство только «артиллерные подлые служители, и дворцовые, и конюшенные, и Партикулярной верфи служители».¹⁴ Таким образом, здесь также мыслилось создание рабочей слободы.

Проводя украшение центральных частей столицы, приемники Петра I стремились как можно дальше со своих глаз убрать места скопления простого народа.¹⁵ Недаром неоднократно принимались указы о перенесении харчевен и кабаков со «знатных улиц» «в особливые места» и на рынки.¹⁶ Елизавета пришла из-за этого вопроса даже в столкновение с Сенатом, который в целях увеличения казенных сборов просил не сводить кабаки с центральных

¹⁰ М. М. Богословский. История России XVIII века. М., 1915, стр. 236.

¹¹ О жизненности заложенных при Петре I слобод говорит то, что многие из них продолжали существовать и в конце XVIII, и в течение всего XIX в. (Справка от 23 октября 1781 г. о земле, состоящей в ведомости Конторы от строений, ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 79; М. Н. Потехин. Охтенские крепостные селения. Диссертация. Л., 1953. Хранится в ЛГУ).

¹² Очерки истории Ленинграда, т. 1, стр. 42. — 26 марта 1720 г. Петр указал генерал-полковнику Дивнеру «на Адмиралтейском острове и за речкою Мыею, на оных местах надлежит строить адмиралтейским служителям. И теми местами удовольствовать прежде подлых адмиралтейских служителей» (ЦГИА, ф. 1329, оп. 2, прил. 2, д. 18, л. 77).

¹³ ПСЗ I, № 3019.

¹⁴ Указ от 11 января 1733 г. ПСЗ I, № 6308.

¹⁵ В. Швариков. Очерк истории планировки и застройки русских городов. М., 1954, стр. 64, 82.

¹⁶ Указ от 2 декабря 1742 г. ПСЗ I, № 8674; указ от 11 апреля 1746 г., ПСЗ I, № 9278; ЦГИА, ф. 1329, оп. 2, прил. 2, д. 40, л. 5.

улиц. Императрица негодовала и по поводу того, что на стенах домов, обращенных на улицы, имеются вывески ремесленных мастерских или входы в лавки. «Чтоб по большиим знатым улицам никаких вывесок, как ныне их множество разных ремесел видно и против самого двора ее и. в., не было», — указала она.¹⁷ Через год последовал новый именной указ по этому же поводу, но уже с приказанием мастеровым людям и жителям иметь «внутри дворов», «позади оных знатных улиц».¹⁸

То две рабочие слободы, которые при Петре I образовались в городе, возмущали императрицу своей некрасивостью, и они стремились заменить их иными строениями. На «перспективной дороге» располагались «малые дворнички адмиралтейского батальона и астраханцов», «от которого худого строения никакого плезиру по топ дороге» быть не могло. Поскольку этим путем въезжали в Петербург иностранцы и другие знатные люди, то 16 ноября 1726 г. Екатерина I повелела: «К лутчему плезиру оной прешпективной дороги в той адмиралтейской слободе места спешни», построить новые красивые здания для гвардейских полков.¹⁹

Пожары 1736 и 1737 гг. уничтожили почти все деревянные строения Адмиралтейского острова.²⁰ Воспользовавшись этим, правительство решило убрать адмиралтейские слободы с тех мест, где они возникли. Располагавшиеся вблизи Адмиралтейства жилища рабочих людей были малыми и застроены были чрезвычайно часто. «Для пространства и красоты города» новые дома на этих местах повелевалось строить «многим пространнее», возвести их следовало на заново проложенных на пожарнице широких улицах. «Для того всех прежних жителей поместить никак не можно, а надлежит некоторым из тех погорелых, *нижних чинов людям*, приискав, предоставить под строение места, где удобнее для поселения изыскать можно».²¹

Благоустрояя центр столицы, полиция в 1737 г. сама начала рушить те домики в адмиралтейских слободах (между Мойкой и Глухой речкой), которые уцелели от пожара.²² Мастерские и другие разночинцы не успели не только разобрать дома для перенесения их на другое место, но даже вынести пожитки. Дело доходило до того, что рассыпанным на земле оказывался хлеб. В этих слободах, как следовало по исчислению архитектора Земцова, находилось 280 «весьма ветхих и тесных» дворов и только 212 «удобных к жительству». В переведенских улицах имелись

¹⁷ Указ от 14 октября 1752 г. ПСЗ I, № 10032.

¹⁸ Указ от 19 октября 1753 г. ПСЗ I, № 10145.

¹⁹ ЦГИА, ф. 1329, оп. 2, прил. 2, д. 22, л. 89.

²⁰ С. С. Брошштейн. Планировка Ленинграда по проектным материалам Комиссии о Санкт-Петербургском строении. (2-я четверть XVIII ст.). Докл. Комисс. географии населения и городов, вып. 1 (3), Л., 1965, стр. 67.

²¹ Указ от 18 сентября 1736 г. ПСЗ I, № 7061 (курсив наш, — Л. С.).

²² С. С. Брошштейн. Планировка Ленинграда... стр. 85.

«многие дворы самые малые и тесные адмиралтейских служителей и прочих разночинцов»: площадь этих дворов была от 5 до 2½ сажен. Во многих из них имелось по 2—3 хозяйна, «ис которых каждой свое строение особое имеет и так тесно, что во многих дворах с трудом человеку пройти можно и связались строением сосед к соседу», — докладывала в Кабинет ее и. в. Главная полицмейстерская канцелярия.²³ Анна распорядилась уничтожить столь неприглядную картину, и полиция взялась за дело.²⁴

То же самое происходило на Московской стороне. «Для красоты города потребно быть по оной (Литейной улице; — Л. С.) регулярному строению, а не такому негодному, которое намодобие чуланов построено». А потому Бестужев-Рюмин, Остерман и другие передали Полицмейстерской канцелярии повеление Анны — малое строение сломать и строить дома большие и регулярные. А бедным людям, которые «регулярных домов за убожеством построить не в состоянии, то ныне отвести им под строение землю в таких местах, где непроезжие большие улицы, и также малые дома убогим людям строить позволено».²⁵ Таким образом, происходило удаление жилищ малоимущего люда из тех центральных мест города (из района Адмиралтейской верфи и района Литейного двора), в которых они имелись при Петре I.

Правительственные указы запрещали проживать в Петербурге мастеровым, потерявшим трудоспособность: 11 марта 1717 г. Сенат повелел негодных к службе мастеровых из числа вечнопоселенцев из С.-Петербурга отпускать «в дома их», а вместо отпущенных присылать из тех губерний такое же число работоспособных мастеровых с женами и детьми.²⁶ 13 апреля 1717 г. директор Канцелярии городовых дел князь Черкасский уточнил данный указ — высылать на прежнее места жительства следовало только тех не могущих работать мастеровых, у которых дети были младше 10 лет.²⁷ Правительства Екатерины I и Петра II стремились прочь из Петербурга отправлять отставных мастеровых с их малолетними детьми и включать последних в подушный оклад у прежних владельцев.²⁸ В 1729 г. отставных каменщиков и плотников, проработавших в Петербурге многие годы, с их женами и маленькими детьми выслали в те деревни и посады, в которых они жили до переведенья в столицу.²⁹ В 1740 г. отставных адмиралтейских служителей велено было увозить из С.-Петер-

бурга в Казанскую губернию.³⁰ 31 мая 1750 г. состоялся указ, согласно которому адмиралтейские и морские служители нижних чинов, увольняемые по старости или из-за увечий в отставку, не имели права оставаться в Петербурге. Адмиралтейской коллегии было подтверждено (следовательно, подобный указ уже имелся и раньше) запрещенное выдавать паспорта для проживания в С.-Петербурге отставным служителям нижних чинов.³¹

Если правительство стремилось удалять из города мастеровых, как только они теряли работоспособность, то вполне понятно, что оно принимало энергичные меры, чтобы не допустить нахождения в столице беднейшего неработающего населения — нищих. Указы, запрещающие появление нищих в столице, издавались на протяжении всех рассматриваемых лет: 21 и 31 января 1712 г., 20 июня 1718 г., 6 апреля 1722 г., 23 октября 1723 г., 21 июля 1730 г., 28 августа 1736 г., 25 мая 1742 г., 29 апреля 1753 г.³² и т. д. Поскольку «личная законодательная инициатива ближайших преемников Петра скорее напоминала „домостроительство“ вотчинника, чем государственную деятельность»,³³ то указы подчас были продиктованы тем, что императрицы не желали видеть неприятных зрелищ. Например, любившая раздавать милостыню Елизавета, увидев нищенку, «у коей все лицо в ранах изрыто и смотреть весьма противно», поспешила издать указ, «дабы таким увечным и гнусным отнюдь не допускать здесь в резиденции таскаться».³⁴ Анна наталкивалась на то, что нищие «престарелые дряхлые и весьма больные без всякого призрения по улицам валяются, а иные бродят»,³⁵ что в С.-Петербурге «нищих весьма умножилось, и от часу умножается... и в самых проезжих местах от множества их иногда с трудом проезжать возможно».³⁶ В 1744 г. в Главной полиции содержалось 5372 нищих, и это была лишь небольшая часть от их общего числа.³⁷

Борьба с нищенством велась тремя путями. Прежде всего правительство стремилось не допустить их попадания в Петербург. В 1734 г. ее и. в. «учинилось известно», что через стоящие вокруг С.-Петербурга заставы из разных уездов идут в С.-Петербург «мужеск и женск пол с ребятами ханжи и для прошения милостыни». Был объявлен указ, которым заставы обязывались не пропускать нищих в Петербург. У пойманного в Петербурге нищего спрашивали, через какую заставу он прошел, и накладыв-

²³ ЦГИА, ф. 1329, оп. 2, прил. 2, д. 30, л. 19.

²⁴ Там же, л. 36.

²⁵ ЦГИА, ф. 1329, оп. 2, прил. 2, д. 36, л. 52.

²⁶ Выписка Канцелярии городовых дел. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 16, ч. I, л. 251.

²⁷ Там же.

²⁸ ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 67, ч. II, л. 730; оп. 4, д. 326, л. 17.

²⁹ Там же, оп. 4, д. 259, л. 4.

³⁰ Указ от 14 января 1740 г. ПСЗ I, № 8002.

³¹ ПСЗ I, № 9753.

³² Указ от 13 апреля 1758 г., ПСЗ I, № 10824.

³³ Н. И. Павленко. Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в. В кн.: Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.), стр. 412.

³⁴ Указ от 13 апреля 1758 г. ПСЗ I, № 10824.

³⁵ Указ от 17 июля 1738 г. ПСЗ I, № 7621.

³⁶ Указ от 28 августа 1736 г. ПСЗ I, № 7041.

³⁷ Указ от 26 октября 1744 г. ПСЗ I, № 9053.

вали на эту заставу штраф.³⁸ 26 июня 1741 г. вновь последовал указ о том, что бы нищих в С.-Петербург «ниоткуда отнюдь не пропускать». Крестьян-нищих было предписано отправлять к их помещикам, взяв с последних деньги, издержанные на дорогу нищего и конвойного.³⁹ В 1744 г. опять повелевалось отсылать нищих на прежние жилища.⁴⁰ Во-вторых, нищих пытались определять в государственную службу — в солдаты, в драгуны, матросы, в казенную каторжную и другую работу, женатых — на поселение в Оренбург.⁴¹ В-третьих, для них повелевалось строить богадельни.⁴²

Нищие в значительной своей части состояли из крестьян и людей других сословий, которые при иных обстоятельствах могли бы работать. Недаром прямым, «истинно» нищим, постоянно противопоставлялись работоспособные нищие. В ведении из Сената из С.-Петербурга в 1738 г. отмечалось, что даже в числе нищих, записанных в богадельни, имеются также, которые могут добывать себе пропитание работой.⁴³ Наблюдалось характерное для феодального общества противоречие: строительству и промышленности города требовались рабочие руки, и в этом же городе тысячи людей, нуждавшихся в пропитании, обитали без работы и существовали за счет подаяния.

Классовость правительственной политики проявлялась в Петербурге чрезвычайно откровенно. Об этом говорит не только оттеснение рабочих жилищ в закоулки и за черту города, не только преследование нищих, но и целый ряд других правительственных действий. На улицах и переулках города существовали караулы, которые должны были накрепко смотреть за тем, кто проходил между 10 час. вечера и 4 час. утра. Показательно, что «знатных персон» караульщикам следовало пропускать «без всякого задержания», «лакеев и прочих служителей — задерживать и спрашивать, чьи они люди, и куда, и за чем посланы». Один или два караульщика обязаны были сопровождать идущего простолюдина до того дома, куда он шел, и проверять у хозяев тех домов правильность данных им караулу показаний. К людям «ниже купечества» не существовало доверия и от караулов требовалось особое внимание по наблюдению за ними.⁴⁴

Несение караулов было делом обременительным и, естественно, возлагалось на все население города. Караульщику простого звания тяжело приходилось от лиц даже не весьма знатных.

³⁸ Указ от 11 января 1734 г. ПСЗ I, № 6532; ЦГИА, 1329, оп. 2, прил. 2, д. 26, л. 2.

³⁹ Указ от 26 июня 1741 г. ПСЗ I, № 8407.

⁴⁰ Указ от 26 октября 1744 г. ПСЗ I, № 9053.

⁴¹ Указ от 28 августа 1736 г. ПСЗ I, № 7041.

⁴² Указ от 13 апреля 1758 г. ПСЗ I, № 10824.

⁴³ Указ от 17 июля 1738 г. ПСЗ I, № 7621.

⁴⁴ Указ от 7 июня 1737 г. ПСЗ I, № 7272.

В поябре 1720 г., например, на карауле у шлагбаума стояли каменщики-переведенцы Канцелярии городских дел. Они окликнули шедшего без фонаря (в петровское время все идущие в темноте обязаны были иметь при себе фонарь) офицера Гренадерского полка Семена Курапова: «Для чего Ваша милость изволит идти не в указанные часы и без фонаря?». И хотя караульщики этим выполняли ту службу, которая была на них возложена, офицер стал их бранить и бить, вызвал grenадер, которые, прибежав «во многом числе», били караульщиков «смертным боем» и повели к полковнику, полковник расценил поведение караульщиков, как «безчестье офицера» и, по словам одного из караульщиков каменщика Ивана Карпова, «стал у себя в хоромах нас бить тростью и проломил голову и за волосы таскал, и своим гранодером велел бить же, и на дворе знобил на морозе, сняв одежду, в одной рубашке меня, привязав у фурманного колеса три часа и других так же знобил и бил, и велел он, полковник, своим офицером допрашивать под неволею за великим боем». Полицейстерская канцелярия, приняв за истину челобитье офицера, наказала караульщиков морскими кошками и требовала, чтобы они уплатили Курапову 17 руб.⁴⁵ Такое поведение полиции вполне понятно. Караулы были созданы для того чтобы охранять господствующий класс от злодеев, воров и разбойников, и всякое посягательство со стороны «подлых чинов» на свободу дворянина возмущало как отдельных представителей господствующего класса, так и полицию, созданную для охраны спокойствия этого класса.

В особо напряженные годы в столице, помимо караулов, состоявших из петербургских жителей разных чинов, создавались пикеты из лейб-гвардейцев, т. е. караулы, классовая направленность которых проявлялась еще определеннее. В частности, пикеты существовали летом—осенью 1736 г. и с декабря 1737 г.⁴⁶ Для этого времени характерно резкое ухудшение положения простого люда в результате опустошительных пожаров. В городе участились случаи грабежей, правительство опасалось поджигателей — и, вероятно, не без оснований, так как подле двора цесаревны Елизаветы Петровны была найдена кубышка для поджога зданий.⁴⁷

Итак, на протяжении первого полувека существования Петербурга правительство стремилось удалять из центра города жилища маломощных людей, в том числе рабочих и мастеровых; удалять из столицы рабочих людей, потерявших работоспособность, и не допускать нахождения в ней маломощного перабото-

⁴⁵ Доконенное в Канцелярию городских дел от каменщика Ивана Карпова. Март 1721 г. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 18, ч. 1, л. 437.

⁴⁶ Указ от 14 декабря 1737 г. ПСЗ I, № 7458.

⁴⁷ Указ от 7 июня 1737 г. ПСЗ I, № 7272; ЦГИА, ф. 1329, оп. 2, прил. 2, д. 30, л. 17.

способного населения. Короче говоря, политика правительства исходила из того, что «нижним чинам» «здесь, яко в резидующем знатном городе, жить неприлично».⁴⁸

* * *

Отношение правительства к наемным работникам сводилось в основном к наблюдению за тем, чтобы они имели паспорта и регистрировались в полиции. Уже в 10-х годах XVIII в. проживание в Петербурге без «свидетельства» — официального разрешения с места постоянного жительства — каралось ссылкой на каторгу, т. е. приравнивалось к тягчайшему преступлению. В 1718—начале 1719 г., например, петербургская полиция определила на каторгу 6 человек дворцовых и монастырских крестьян. Эти крестьяне, отработав срок, на который они были присланы в Петербург в порядке отбывания государственной повинности по строительству города, самовольно остались в Петербурге и прожили, нанимая квартиры у переселенцев-татар, по 3—7 лет; на каторгу же были определены посадские и крестьяне, жившие в домах разных лиц без свидетельства и без порук.⁴⁹ 11 мая 1719 г. Петр I санкционировал эти действия Полицмейстерской канцелярии и распорядился о том, чтобы в дальнейшем лица, пойманные в Петербурге без свидетельства, также отдавались в рекруты или в работы.⁵⁰ Особенно суровые меры против крестьян и посадских людей, находившихся в Петербурге на заработках без отпускных документов, стали приниматься правительством после проведения ревизии.

К 1736 г. существовала довольно четкая система обращения петербургской полиции с беспаспортными людьми. Их выискивали, а поймав, отправляли в Петербургскую воеводскую (позднее губернскую) канцелярию. На владельцев домов, в которых проживали лица, не имеющие паспортов, и на тех, кто предоставил им работу, Главная полицмейстерская канцелярия накладывала штраф. На допросе у виновных «в неимении паспортов» выясняли, откуда они родом, и посылали в названное ими место запрос с требованием проверить показания. После допроса беспаспортного человека отправляли в каторжную работу. Если показания на допросе оказывались правдой, то колодника, нака-

⁴⁸ Указ от 31 мая 1750 г. ПСЗ I, № 9753.

⁴⁹ Проживание «без свидетельства» было единственной виной данных крестьян и посадских людей. Вина лиц, подвергшихся наказанию за иные преступления (посадский человек Старой Руссы был определен на каторгу за то, что шел позднее указанного часа; сын денщика светлейшего князя — за то, что «пойман в гулянии»; бывший человек графа Апраксина — за то, что был «пойман пьяной», и т. д.), всегда оговаривалась (ЦГИА, ф. 1329, оп. 2, прил. 2, д. 15, лл. 46—47).

⁵⁰ ЦГИА, ф. 1329, оп. 2, прил. 2, д. 11, л. 48.

зав кошками и дав временный паспорт, высылали на родину.⁵¹ Однако даже столь суровые меры не могли избавить столицу от нахождения в ней беспаспортных крестьян и посадских. Летом 1737 г. в шести сотнях Петербурга переписчики зарегистрировали 1238 крестьян, работавших по найму с паспортами, и 315 беспаспортных; число посадских соответственно составляло 42 и 12. Действительное число беспаспортных было выше, так как они, зная незаконность своего нахождения в Петербурге, несомненно укрывались от переписи.

Все принимаемые на работу или остановившиеся для жилья люди должны были отмечаться в полиции. Первые указы об этом появились 6 декабря 1714 г. и 20 июня 1718 г. С 1732 г. за нарушение этого требования на работодателей и квартирохозяев налагался штраф. В 1745 г. указ об обязательной регистрации был повторен снова.⁵² Регистрация, по замыслу ее инициаторов, должна была позволить правительству держать под контролем все население города и прежде всего его трудовую часть — тех, кто работал по найму, снимал углы. Однако добиться желаемых результатов не удалось. Судя по материалам переписи наличного населения города в 1737 г. (наши материалы неполны), зарегистрирована в полиции была лишь 1/3 от общего числа переписанных лиц.

Регистрация в полиции прибывающих в Петербург людей ставила главной своей целью защиту города от преступных, с точки зрения правительства, элементов. Кроме того, регистрация давала правительству сведения о рабочей силе города, занятой у частных лиц. Важность этих сведений становится понятной, если учесть, что правительство считало себя вправе привлекать к строительным работам наемных мастеровых, занятых у частных лиц, и находящихся в Петербурге крепостных мастеровых различных владельцев. В 1745 г., например, по приказанию Кабинета ее и. в. Главная полицмейстерская канцелярия должна была переписать «в господских и протчих партикулярных домах» столяров, резчиков, маляров, золотарей как вольных, так и крепостных тех лиц, которым принадлежали дома. Все переписанные мастеровые должны были быть направлены на работы в ведение Кабинета.⁵³ То же желание распоряжаться всей рабочей силой города лежало в основе указа от 16 декабря 1724 г.,⁵⁴ согласно которому подрядчики обязаны были регистрироваться в Канцелярии от строений. Канцелярия от строений должна была собирать сведения и о том как исполнялись подряды. Зная, каково

⁵¹ Дожононе в Главную полицмейстерскую канцелярию из С.-Петербургской губернской канцелярии. ЦГАДА, ф. 366, оп. 1, д. 798, л. 1; д. 799, лл. 5—7.

⁵² Указ от 12 января 1745 г. ПСЗ I, № 9097.

⁵³ ЦГИА, ф. 1328, оп. 2, прил. 2, д. 39, л. 7.

⁵⁴ ПСЗ I, № 4617.

качество и сроки выполнения работ, исполняемых тем или иным подрядчиком, правительство имело возможность привлекать для строительства государственных и дворцовых сооружений лучших из них.

Несомненный интерес представляют правительственные попытки регулирования цен на рабочую силу. Размер оплаты наемных рабочих ставился правительством в прямую зависимость от цены хлеба: «Известно нам учинилось, — читаем в одном из указов Анны, — что здесь, в Санктпетербурге рабочие люди, как к казенным нашим работам, так и у партикулярных людей, хотя по благодати божией хлеб здесь пред прежними годами гораздо дешевле продается, нанимаются за дорогую плату».⁵⁵

Некоторые колебания цен, конечно, имели место, но в целом правительство стремилось⁵⁶ (и безуспешно!) держать цены на

Продукты	Цена			
	в январе 1728 г. (подрядная) *	в августе 1736 г. (продажная, сообщенная Таможней в Кабинет министров) **	в 1741 г.	
			покупная из барок в лавках ***	продажная из лавок ***
Мука ржаная.	1 р. 75 к. за четверть.	1 р. 88 к. за четверть (исходя из того, что четверть муки ржаная 7 п. 10 ф.).****	В июне	
			1 р. 70 к. за четверть.	1 р. 87 к. за четверть.
Овес.	17—18 коп. за четверик.	13—15 коп. за четверик.	14 коп. за четверик.	15 коп. за четверик.
Крупа гречневая.	38—40—42 коп. за пуд, 37—38 коп. за четверик.	30—40 коп. за четверик.	30 коп. за четверик.	33 коп. за четверик.
Солод ячменный.	36—40 коп. за пуд, 24 коп. за четверик.	16—20 коп. за четверик.	15 коп. за четверик.	16 коп. за четверик.
Мясо говядье.	57 коп. за пуд.		В августе	
			60 коп. за пуд (задние части туши), 50 коп. за пуд (передние части туши).	

* Справки канцелярии от строений. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 60, ч. III, лл. 630, 651 об., 652.

** П. Н. Петров. История Санкт-Петербурга. . . , стр. 312.

*** Раворты офицеров в Главную полицмейстерскую канцелярию. ЦГАДА, ф. 366, оп. 1, д. 824, лл. 79 и сл.

**** Е. М. Каменцева, Н. В. Устюгов. Русская метрология. М., 1965, стр. 202.

⁵⁵ Указ от 30 мая 1739 г. ПСЗ I, № 7825 (курсив наш. — Л. С.).

⁵⁶ Указ от 25 мая 1718 г. ПСЗ I, № 3203; указ от 14 января 1725 г. ПСЗ I, № 4634 (ошибочно указ имеет № 4633); указ от 17 августа 1736 г.

продукты питания на определенном уровне (см. таблицу) и, видимо, до начала 40-х годов XVIII в. на более или менее одном уровне держалась цена на рабочую силу.

Цена на рабочую силу определялась также размером спроса и предложения на нее. И правительственные акты в отдельных случаях были направлены на то, чтобы увеличить число наемных работников в городе; с этой целью, например, мужчинам запрещали заниматься мелкой уличной торговлей.⁵⁷ Обычно, однако, правительство пренебрегало фактором спроса и предложения при установлении цены на рабочую силу и в законодательном порядке запрещало мастерам и рабочим людям наниматься за более высокую плату. Так в 1737 г., когда в результате пожаров резко повысился спрос на строительных рабочих и каменщики, плотники и другие мастерские люди, воспользовавшись этим, стали требовать за работу более высокую плату, чем до пожара, ее величество расценило это как «безстыдное и злостное упрямство» и для пресечения такого «общевредительного беспорядка» повелела того, кто будет требовать более высокую плату, чем существовала до пожара, ссылая как преступника на каторгу, а на того, кто будет уплачивать ее, налагать штраф.⁵⁸

При установлении платы наемным рабочим в Петербурге большое значение имело то обстоятельство, что значительная часть их нанималась на казенные работы.

Плата наемным рабочим, занятым казенной работой, отличалась в Петербурге определенностью. Работники, выполнявшие в течение одного и того же времени одинаковую работу с одинаковым мастерством, получали от казны равную плату. Плата была настолько определенной, что в отдельных случаях люди нанимались на работу, оговорив свой будущий заработок фразой «ценою обязались взять, по чему в нынешнем годе цена состоитца». Спустя какое-то время оказывалось, что на строительстве С.-Петербургской крепости рабочим людям в данном году платят по 2 р. 70 к. в месяц или по 9 коп. в день. Следовательно, такой же оказывалась и плата рабочих людей в огороде на Крестовском острове.⁵⁹

Назначаемая на казенных работах плата оказывала сильное влияние на установление цены на рабочие руки у частных лиц. Казна же определяла плату наемным работникам, исходя из цены подневольного труда. Более высокая плата давалась наемным мастерам за большую интенсивность их труда и только (естественно, при одинаковой профессии и квалификации с подневоль-

ПСЗ I, № 7035; указ от 1 июня 1737 г. ПСЗ I, № 7267; указ от 9 августа 1737 г. ПСЗ I, № 7343, и др.; И. П. Высоцкий. С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство. СПб., 1903, стр. 33.

⁵⁷ Указ от 30 мая 1739 г. ПСЗ I, № 7825.

⁵⁸ ЦГИА, ф. 1329, оп. 2, д. 30, л. 53.

⁵⁹ ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 725, лл. 1—6.

ными). Можно привести много высказываний руководителей строительных работ, подтверждающих это положение,⁶⁰ и, с другой стороны, имелись случаи, когда казенные организации, заинтересованные в том, чтобы сдать работу на подряд, отказывались от подрядчиков из-за дорогой цены, запрашиваемой ими, и обходились трудом подневольных работников или солдат.⁶¹

Таким образом, правительство стремилось использовать труд, который обходился ему дешевле. Однако в некоторых случаях принцип этот нарушался. Так, Екатерина I, идя навстречу иностранным мастерам и, возможно, русским мастерам, обучавшимся за границей, ранее ноября 1726 г. издала указ, согласно которому мастерам литейщикам, замочникам и другим, которые выехали из Англии, Голландии и прочих стран, велено было отдавать выполнение работ на государственном строительстве «не с торгу, но по оценке архитектурской». Тем самым Канцелярия от строений лишалась права передавать выполнение работы тому подрядчику, который на торгах соглашался взять ее за меньшую плату. Иностранцы получили монопольное право на выполнение той работы, в которой они были заинтересованы, и получили право брать за нее плату, значительно выше подрядной. Указ объяснял такое решение тем, что «здесьние мастеровые, которые учились в России, не так искусны»⁶² (указ, как видим, признавал наличие в Петербурге русских мастеровых). На основании этого указа столярного полатного убору мастер Матвей Мантуров обратился в Кабинет ее и. в. с челобитьем о предоставлении ему права на выполнение всех столярных работ, которые отдавались в Канцелярии от строений с торгу.⁶³ Мантуров не хотел брать работу «с торгу с другими русскими мастерами», так как при этом он получил бы значительно меньшую плату.

В 10—20-х годах XVIII в. благодаря огромному объему строительных работ, предпринятых правительством или частными лицами по его указаниям, подавляющая часть наемных работников,

⁶⁰ 25 ноября 1728 г. Трезини докладывал в Канцелярию от строений, что изготовление 200 рам для оранжерей обойдется дешевле, если их отдать вольным столярам, а не поручать казенным столярам, получающим кормовые деньги (ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 67, ч. II, л. 620). Канцелярия от строений в одном из своих указов писала, что камень, ломанный подрядным способом, обошелся дешевле, чем ломанный работными людьми (там же, кн. 59, ч. II, л. 520 и сл.).

⁶¹ В 1729 г., например, Канцелярия от строений, приказывая управителю И. Струнину нанять работников для обработки сада, требовала, чтобы им платили ниже, чем платили работникам в 1728 г.; если они потребуют большую плату, то от подряда следовало отказаться (ЦГИА, ф. 467, оп. 4, л. 725, лл. 1—5; см. также перечень подрядов, заключение которых в 1716—1719 гг. не состоялось из-за дорогой цены, запрашиваемой подрядчиками, или из-за неявки подрядчиков — оп. 73/187, кн. 7, ч. 4, л. 244, л. 3—3 об.).

⁶² Из Кабинета ее и. в. в Канцелярию от строений. 8 ноября 1726 г. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 56, ч. 3, л. 717.

⁶³ Там же.

пришедших в Петербург на заработки, находила его, видимо, на строительстве (на каменоломнях, на землекопных работах, на перевозке строительных материалов, на сооружении зданий и т. д.).⁶⁴ В 30—50-х годах XVIII в. возросло число наемных работников занятых в сфере торговли и услужения. Людей, нанявшихся на частные промышленные предприятия было ничтожно мало по сравнению с числом людей, нанявшихся на торговые предприятия и в услужение. Из обработанных нами регистрационных книг Полицейстерской канцелярии за ряд месяцев 1741 г. видно, что в то время как на частные промышленные предприятия нанялось 20 человек, в торговые заведения нанялось 956 человек, в услужение — 300 человек.⁶⁵ Вероятно, приведенные цифры верно отражают соотношение, существовавшее между названными группами наемных работников. Даже в 40-х годах XIX в. в Петербурге на промышленные предприятия поступала лишь 1/13 часть людей, пришедших в город на заработки.⁶⁶

Отношение правительства к рабочим петербургских частных мануфактур ничем не отличалось от его отношения к рабочим частных промышленных предприятий, расположенных в других городах — те же колебания в вопросе использования труда беглых крестьян, та же общая тенденция на прикрепление мастеровых к мануфактурам, завершившаяся законом 7 января 1736 г.⁶⁷ Экономические условия для развития промышленности в Петербурге были малоблагоприятными. Кроме того, правительства Анны и Елизаветы не хотели превращать «резиденцию» в промышленный город, издавали указы о выводе из города имевшихся промышленных предприятий, запрещали строить новые,⁶⁸ и потому к 1745 г. на территории Петербурга и губернии находилось всего 21 частное предприятие (не считая лесопилен)⁶⁹ с несколькими сотнями рабочих. Согласно сведениям, которые были полу-

⁶⁴ А. Л. Шапиро. Крестьянские отходы и крестьянский наем в петровское время. Уч. зап. ЛГПИ им. М. Н. Покровского, т. V, вып. 1, Л., 1940; Л. Н. Семенова. Документы найма рабочих в первой четверти XVIII века. В кн.: Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.—Л., 1963.

⁶⁵ ЦГАДА, ф. 366, оп. 1, дд. 775—778, 780, 781.

⁶⁶ П. Г. Рындзюнский. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958, стр. 427.

⁶⁷ Е. И. Заозерская. 1) Мануфактура при Петре I. М.—Л., 1947; 2) Рабочая сила и классовая борьба на текстильных мануфактурах в 20—60-х гг. XVIII в. М., 1960; Н. И. Павленко. Развитие металлургической промышленности в России в первой половине XVIII века. М., 1953, и др.

⁶⁸ Очерки истории Ленинграда, т. I, стр. 71; указ от 12 января 1759 г. ПСЗ I, № 10914.

⁶⁹ С. И. Колотилова. Социальный состав работников частновладельческой промышленности Петербурга и Петербургской губернии в 1750—1770-ых годах. Уч. зап. Псковск. гос. пед. инст. им. С. М. Кирова, 1964, стр. 44.

чены представителями Мануфактур-коллегии, осматривавшими петербургские промышленные предприятия в 1742 г., на частных промышленных предприятиях работало 222 человека. Это — сведения неполные. Не имеется данных, если исходить из списка петербургских мануфактур 1737 г., о масляной и крупяной ветряной мельнице Еремея Кизла, о двухканатных предприятиях — Христофора Тесша и Артемия Эшенбурха, о парусной мануфактуре Михеля Томсена, плетеночной Кондратя Бурдакова и мануфактуре по изготовлению настенных шпалер Юкина. Три первых предприятия либо вовсе не имели работников, либо имели их в малом числе, в 1740 г. эти предприятия намечалось исключить из числа фабрик. В 1747 г. не существовали парусная и плетеночная мануфактуры, что также говорит о их непрочном положении и, вероятно, небольшом числе работников.⁷⁰ Говорить об общем числе рабочих на петербургских частных мануфактурах трудно, главным образом потому, что большое значение для них имели временные работники; несомненно, однако, что предприятия были малолюдны и серьезного значения для развития промышленности в стране не имели. Они ограничились удовлетворением потребностей петербургского дворянства (шляпные, позументные, сургучные и прочие предприятия), хотя и их удовлетворяли лишь в малой части.⁷¹

* * *

Особенностью Петербурга первой половины XVIII в. являлось то, что большую часть строительных работ выполняли государственные мастеровые и работные люди и подавляющую долю промышленной продукции выпускали рабочие казенных предприятий. Устройство казенных рабочих и наблюдение за ними было непосредственной обязанностью правительства. Рабочие, выполнявшие казенные работы, не были едины по своему составу. Наличие разнообразных групп в среде рабочих людей — черта, характерная для первой половины XVIII в. В распоряжении правительства имелись люди, обязанные работать временно и постоянно, подневольные и наемные, гражданские и военные, русские и иностранцы и т. д. Их правовое положение было различно. В разное время и на различных работах преобладало значение той, то другой группы, но чаще всего основными являлись мастеровые, переселенные в Петербург на вечное житье. Остановимся подробнее на их положении и посмотрим, каково было

⁷⁰ ЦГАДА, ф. 294, оп. 2, д. 554, лл. 128—128 об., 183, 185—209, 266—267.

⁷¹ Такого же мнения придерживается В. В. Покшишевский: (В. В. Покшишевский. Территориальное формирование промышленного комплекса Петербурга в XVIII—XIX веках. Вопросы географии, сб. 20, М., 1950, стр. 123—124, 128).

отношение правительства к этой наиболее многочисленной и наиболее важной для Петербурга категории рабочих.

Правительство Петра создало категорию вечнопоселенцев, для того чтобы обеспечить Адмиралтейскую верфь и Городовую канцелярию постоянно находившимися в распоряжении этих учреждений квалифицированными мастеровыми людьми. Поскольку охтинским адмиралтейским мастеровым посвящены специальные работы Б. Мансурова и М. Н. Потехина,⁷² то мы остановимся в основном на положении вечнопоселенцев, принадлежавших Городовой канцелярии (при этом постараемся заострить внимание на тех моментах, которые меньше освещены у С. П. Луппова).

Для создания постоянных кадров квалифицированных строительных мастеровых Петр прибег к обычному средству — насильственному переселению мастеровых, проживавших в разных частях страны. В данной работе нас не интересуют районы, из которых правительство набирало мастеровых. Отметим только, что значительная часть мастеровых, особенно набранных в Московской губернии, принадлежала монастырям и патриарху. Мы не нашли материалов, которые позволили бы ответить на вопрос, было ли это со стороны правительства сознательным ослаблением духовенства или правительство забирало мастеровых в монастырских и патриарших вотчинах лишь потому, что там шире было развито ремесло и, следовательно, мастеровых было больше, чем во владениях светских феодалов.

В 1710 г. «на вечное житье» «к городовому делу» в Петербург велено было выслать 2500 человек.⁷³ Мы не имеем документов о том, как проходил процесс переселения работников в Петербург на постоянное жительство, однако некоторое представление о нем нам могут дать сохранившиеся материалы о высылке работников в Петербург на временную работу. К началу 10-х годов правительство обладало государственным аппаратом, достаточно хорошо натренированным в деле высылки в Петербург рабочих людей на временную работу. Преодолеть сопротивление населения, огромные расстояния, трудности, связанные с отсутствием средств сообщения, правительственный аппарат мог только при условии весьма четкой работы. Царь, позднее Сенат, направлял губернаторам указы о высылке в Петербург рабочих людей. Одновременно правительство посылало в каждую губернию дворян, называвшихся приводцами, каждый из которых отвечал за высылку людей с определенной территории. Приводцам давались подробные указы, согласно которым они должны были действовать. На местах приводцам подчинялись отставные дворяне, солдаты, дети боярские и другие служилые люди. Они с наказными

⁷² Б. Мансуров. Охтенские адмиралтейские селения. СПб., 1855; М. Н. Потехин. Охтенские крепостные селения.

⁷³ Докладное У. А. Синявина в Юстиц-коллегию от 8 апреля 1720 г. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 5, ч. IV, д. 102, л. 1.

памятми, данными им приводцами, немедленно отправлялись в деревни и села. Там вступали в действие помещики и их приказчики, старосты, выборные и бурмистры. В городах, по распоряжению приводцев, о пронаводящемся наборе «кликали бирючины» и вывешивали объявления. Командиры и бурмистры предоставляли приводцам съезжие и постоянные дворы, отставных дворян для посылок, подъячих для письма, подводы, свечи, бумагу, чернила. В некоторых случаях всю работу на месте проводили коменданты или обер-коменданты; приводцы получали у них уже собранных работников. Набор производился оперативно. Например, указ Сената о наборе на 1713 г. был направлен астраханскому и казанскому губернатору П. М. Апраксину 22 января 1713 г. Дворян-приводцев послали позднее. А к концу февраля «или конечно в марте месяцах» собранные ими работники должны были уже находиться в Петербурге. Отработана была и система проведения работников. Она до предела возлагалась на податное население. На двадцать работников население должно было выделять провожатого. Помещики, приказчики и старосты давали сказки о том, что работники и проводники с дороги не сбегут. Дворянин-приводец, пересматривая работников перед отправкой, разбивал их на сотни и десятки, обвязывал круговой порукой и передавал провожатым. Именно на них возлагалась ответственность за благополучную доставку работников в Петербург. Им правительственный наказ грозил смертью за удушенного работника, штрафом «вчетверо» за плохое качество инструментов у работника и т. д. Правительство обеспечивало бесплатный путь рабочих партий — их должны были пускать на дворы и станцы, перевозить через реки, пропускать через мосты. Согласно правительственным наказам, «для крепкого охранения» работников на местах должны были выделять из больших городов знатных дворян, а из малельких — комендантов. Однако часто приводцы жаловались на то, что местные власти таких людей им не давали.⁷⁴

Вероятно, эта же система использовалась и при высылке в Петербург мастеровых «на вечное житье». Несколько замедлялось дело тем, что переведенцы должны были переезжать вместе с семьями. Тем не менее в 1711 г. в Петербург прибыла значительная часть переведенцев,⁷⁵ а к 6 июня 1712 г. в распоряжение Городовой канцелярии правительство передало 2210 мастеровых-переведенцев. Но параллельно с прибытием переведенцев в Пе-

⁷⁴ Список с указа дворянину Н. М. Свойтинову, посланному в Нижний Новгород. 1713 г. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 1, ч. 1, лл. 66—69; Список с наказа стольнику П. А. Костюрину, посланному на Волос Ламский. 1713 г. Там же, лл. 163—166; Список с наказа П. А. Агареву, посланному во Владимир. 1713 г. Там же, лл. 198—201; Доконшение приводца Костромской провинции Ивана Ашиткова. Там же, кн. 2, ч. 3, л. 280 об.

⁷⁵ Перепись населения в слободе тосненских каменоломщиков и в слободе Новых кирпичных заводов, 1733 г. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 324, лл. 1—10, 19—23.

тербургшло уменьшение их числа, вызывавшееся побегам и гибелью: до 6 июня 1712 г. из 2210 прибывших 365 человек бежало и 61 умер (46 оказалось дряхлыми).⁷⁶ Беглого или умершего работника крестьяне или посадские люди, поставившие его, должны были заменять новым человеком, однако в первое время, как видно из только что приведенных цифр, бегство было значительным, но заменяли беглых редко (об этом свидетельствует уменьшение числа переведенцев).

Стремясь увеличить число переведенцев, петровское правительство практиковало наборы и в последующие годы: в 1714 г. князю Черкасскому был дан указ, «проведывая тайно о лутчих мастеровых людех изо всяких чпнов людей, не обходя никого, чей бы кто ни был, набрать мастеровых людей в высылку в Санкт-Петербург». ⁷⁷ Прежде всего Черкасский должен был искать мастеровых людей в Москве; в случае недобора, он имел право брать их и из других городов. Петру I было ясно, что о добровольном переезде мастеровых в Петербург речи быть не может, и он приказывал, «для того чтоб они не ушли, отдавать их на поруки посацких московских тех слобод старостам и лутчим людем, а из городов — тех городов бурмистром и старостам же; а уездных — помещиком и вотчинником». Тех, которых некому отдать на поруки, отдавать московскому коменданту и содержать ему их за крепким караулом, «дабы оные не розбежались». ⁷⁸ Набор Черкасского продолжил московский комендант Исамайлов. Высылку мастеровых на постоянное житье в Петербург петровское правительство продолжало и позднее, но уже небольшими группами. ⁷⁹

Несмотря на все старания, правительству не удалось достигнуть «указного» (2500 человек) числа переведенцев. В мае 1719 г. Канцелярия городских дел считала, что в ее распоряжении находится 1078 взрослых мастеровых мужского пола. ⁸⁰ 26 апреля 1720 г. она определяла их число 1074 человеками, ⁸¹ в марте 1721 г. — 1087 человеками. ⁸² Во второй половине 1722 г., передавая в Сенат сведения для составления штата, Канцелярия определяла число мастеровых вечного житья у нее в 1144 человека. ⁸³ В 1723 г. в январскую треть мастеровых вечного житья было

⁷⁶ С. П. Луппов. История строительства Петербурга... стр. 86.

⁷⁷ ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 4, ч. 1, д. 16, л. 4.

⁷⁸ Там же, л. 4 об.

⁷⁹ ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 17, ч. 3, л. 917; кн. 26, ч. 2, л. 471; кн. 15, ч. 1, л. 81; кн. 78, ч. 1, л. 148; кн. 37, ч. 1, л. 108 и т. д.

⁸⁰ Справка, составленная на основании списка на выдачу жалованья. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 255, л. 4. — По списку комиссара Огарева в мае 1719 г. в Канцелярии от строений числилось 1074 мастеровых (ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 17, ч. III, л. 901).

⁸¹ Доконшение Канцелярии городских дел в Штатс-контор коллегию. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 5, ч. 4, д. 105.

⁸² Репорт о числе мастеровых у городского строения за подписью А. Зенбулатова. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 18, ч. 1, лл. 452—455.

⁸³ ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187 кн. 33, ч. 1, л. 36 об.

1063 человека,⁸⁴ в майскую треть — 1028 человек,⁸⁵ в ноябре — 1018 человек.⁸⁶

Кроме переведенцев, в число постоянно работавших в Петербурге казенных строительных мастеров правительство переводило солдат и рекрутов. 29 мая 1713 г. Сенат вынес постановление о наборе из числа рекрутов для определения их в Канцелярию городских дел 262 мастеровых⁸⁷ (сколько было набрано, неизвестно). 7 января 1720 г. (а возможно, и ранее) правительство передало Канцелярии от строений 136 мастеровых Стрелинских заводов, состоявших из солдат и рекрутов.⁸⁸ 2 сентября 1724 г. Петр I приказал владеющих мастерством солдат Рижского вице-губернаторского, С.-Петербургского, Нарвского гарнизонных полков перевести в мастеровые Канцелярии от строений. Вероятно, в конце царствования Петра в ученики паяльного дела в Канцелярию от строений были определены 36 солдат. В конце 1725—начало 1726 г. в число мастеровых перешло 311 человек из полков.⁸⁹ Когда казенному строительству потребовались мастеровые-металлисты, то правительство передало Канцелярии городских дел 96 мастеровых Оружейного двора. Подобным же образом определили к работам и живописцев.⁹⁰

В итоге правительство достигло того, что, несмотря на систематическую убыль мастеровых, в распоряжении Канцелярии от строений к 1726 г. их находилось около полутора тысяч.⁹¹

Премию Петра I пошла по пути сокращения числа постоянных строительных мастеровых. 21 марта 1727 г. Екатерина I издала указ, по которому число архитекторов, мастеров и мастеровых Канцелярии от строений должно было равняться 913 человекам⁹² (вместо тех 2,5 тысяч, к которым стремились при Петре I). Само собой разумеется, что переселения «на вечное житье к городскому делу» прекратились. В дальнейшем общее число мастеровых, находившихся в ведении Канцелярии от строе-

⁸⁴ Выписка Канцелярии от строений. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 37, ч. 1, л. 229 об.

⁸⁵ Там же, л. 235 об.

⁸⁶ Ведомость о числе мастеровых вечного жития, составленная для казначейства ее и. в. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 37, ч. 1, л. 382 об.

⁸⁷ С. П. Луппов. История строительства Петербурга..., стр. 86.

⁸⁸ Список мастеровых людей, составленный в конце 1722 г. для Сената. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 33, ч. 1, л. 37 об.; Ведомость за подписью Ивана Бачманова от 2 января 1720 г. Там же, кн. 5, ч. V, д. 125, л. 1.

⁸⁹ Выписка Канцелярии от строений. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 462, л. 5; По справке Канцелярии от строений. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 56, ч. I, л. 312 об.

⁹⁰ Список мастеровых, составленный Канцелярией городских дел для Сената. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 33, ч. I, лл. 39—40.

⁹¹ Выписка Канцелярии от строений. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 56, ч. II, лл. 419—420; Справка комиссара Ивана Игнатьева. 1726 г. Там же, ч. I, л. 312 об.

⁹² Выписка Канцелярии от строений. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 462, лл. 14 об.—15.

ний, определялось в основном естественным приростом населения. Судить о нем трудно из-за отсутствия документов. Лучше всего сохранились источники по истории каменщицкой переселенческой слободы Путилово. В 1719 г. в Путилово было 295 дворов.⁹³ Учитывая малочисленность переведенческих дворов в первые годы их существования, можно считать, что годными в работу в это время было не больше 295 мастеровых. В 1745 г., по данным генеральной ревизии, в Путилово показана 441 душа мужского пола.⁹⁴ В 1775 г. в том же Путилово проживало 315 каменщиков, годных в работу, 45 человек находилось в отставке и 198 — не работали по малолетству.⁹⁵ Известно, что на протяжении 56 рассмотренных лет бывали случаи, когда правительство подселало в Путилово отдельные семьи. Таким образом, можно считать, что естественный прирост населения был небольшим.

К принудительной же высылке правительство вынуждено было прибегнуть и для создания в Петербурге кадров корабельных плотников. Петр I предполагал поселить на Охте 1000 семей плотников. Несмотря на то что формирование этой группы мастеровых происходило на 10 лет позднее, чем формирование группы мастеровых, принадлежавших Канцелярии городских дел, и в 20-х годах XVIII в. Петербург стал уже известным местом заработка для трудового населения страны, несмотря также на то, что в охтинские плотники могли определяться крепостные разных владельцев (об их зачислении состоялся особый указ Сената от 16 октября 1721 г.), добровольно к поселению на Охте записалось только 124 человека.⁹⁶ М. Н. Потехин, исходя из того, что по указу от 4 апреля 1724 г. к поселению на Охте следовало добрать 176 семей, считает, что «к апрелю 1724 г. во вновь построенной охтинской слободе жило 824 семьи».⁹⁷ Вероятно, на Охте имело место то же, что мы наблюдали в Канцелярии городских дел — число набранных и даже приведенных в Петербург мастеровых значительно превышало число действительно поселившихся в Петербурге переведенцев. Тем не менее к 1732 г. на Большой и Малой Охте проживало 914 семей корабельных плотников.⁹⁸ В дальнейшем их число постепенно сокращалось, в 1784 г. проживало лишь 695 семей.⁹⁹

Для обеспечения рабочей силой Литейного двора и двух пороховых заводов правительство начиная с 1709 г. переводило в Петербург мастеровых из Москвы и Тулы, а с 1719—1720 гг.

⁹³ Из письма поручика Трухменского об отмежевании земель. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 276, л. 11.

⁹⁴ ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 276, л. 12 об.

⁹⁵ Доношение коллежского советника Лихтеняла в Контору ее и. в. домов и садов. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 279, л. 48.

⁹⁶ М. Н. Потехин. Охтенские крепостные селения, стр. 21, 24.

⁹⁷ Там же, стр. 23.

⁹⁸ Там же, стр. 69.

⁹⁹ Там же, стр. 67, 69.

перешло на пополнение кадров мастеровых на заводах Артиллерийского ведомства за счет рекрутских наборов. Это был единственный возможный выход для обеспечения предприятий необходимым числом мастеровых. Численность мастеровых на предприятиях Артиллерийского ведомства колебалась из-за частых командировок мастеровых в различные гарнизоны и на заводы в другие города. Однако на протяжении рассматриваемых лет эта численность вследствие увеличения потребности страны в порохе и артиллерийских орудиях неуклонно росла. На Охтинском пороховом заводе с 1716 по 1726 г. число мастеровых увеличилось с 60 до 86 человек, к 1736 г. оно достигло 132, к 1746 г. — 170, к 1755 г. — 236 человек. В 1714 г. на Пушечном литейном дворе значилось 37 рабочих, к июню 1724 г. работало 272 человека, считая фурлейтов, в 1727 г. — 192 мастеровых и 209 фурлейтов, гребцов и караульчиков, в 1732 г. жалованье получили 206 человек, в 1738 г., по штатам Арсенала, в нем значилось 231 мастер и мастеровой, в 1763 г. — 353 человека (из них мастеровых 309). На С.-Петербургском пороховом заводе в 1730 г. работало 59, а в 1750 г. — 104 мастеровых.¹⁰⁰

Выше мы говорили о том, что правительство расселяло мастеровых в слободах вокруг Петербурга. Создание таких слобод вне города позволило правительству наделить мастеровых землей. Переведенцы городской канцелярии получали землю с момента приезда в слободы. По указу 1712 г. на семью было определено под огороды и гумна по десятине, на выгоны, на покосы и на сенные угодья — по 2 десятины, под пашню — по 3 десятины. Размер запашки правительство определило, исходя из того, сколько земли дается деловым людям у помещика «за месячную в припашку». В 1712 г. Канцелярия отводила переведенцам под пашню «по десятине в поле, а в дву по тому же»,¹⁰¹ предполагая таким образом сеяние ими озимого и ярового хлеба. В 1749 г. та же Канцелярия заявляла, что «им она (земля, — Л. С.) по шести десятин не для пашни, как крестьяном, но для только дворов и огородов и выпуску скота даетца».¹⁰² Изменение взгляда Канцелярии на роль земли в хозяйстве мастеровых объясняется тем, что в ряде случаев при формально сохранявшейся в середине века норме 6 десятин на двор, фактическое количество земли, приходящейся на одного мастерового, уменьшилось.¹⁰³

Мастеровые рассматривали землю как часть жалованья, даваемого им государством, и требовали наделения каждого ра-

¹⁰⁰ Л. Н. Семенова. Рабочие петербургских заводов Артиллерийского ведомства в первой половине XVIII в. В кн.: Исследования по истории феодально-крепостнической России. М.—Л., 1964, стр. 75—81.

¹⁰¹ Выписка Канцелярии от строений. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 326, л. 3.

¹⁰² Из протокола Канцелярии от строений. 1749 г. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 328, л. 8.

¹⁰³ В момент переселения мастеровые прибывали в слободы либо без семьи, либо с женой и маленькими детьми, т. е. 6 десятин приходилось

ботающего на казенных работах мужчины 6 десятинами земли. Но при том ограниченном количестве земли, которым располагало ведомство Канцелярии от строений, для того чтобы паделить землей вновь определяемых на работы мастеровых, надо было отбирать землю у тех, кто переставал работать. Вопрос этот поднимался неоднократно, но окончательно решен быть не мог. Так, в декабре 1755 г. Канцелярия направила указы в Путиловские, Назиинские, Невские и Тосненские слободы об отобрании земельных участков у неработающих на казенных работах мастеровых и о раздаче этой земли мастеровым, вновь определенным к работам.¹⁰⁴ Однако весной 1756 г. Канцелярия уже изменила свое решение, определив, что у 43 совершенно не могущих работать мастеровых «особливо бездетных» отбирать дворы и огороды не следует, возможно отнять только пашенные земли.¹⁰⁵ Мастеровые Канцелярии от строений использовали всю находившуюся в их распоряжении землю и придирчиво следили за тем, чтобы «межевание Петра Великого» не нарушалось.¹⁰⁶ В 1774 г. все мастеровые ведомства Канторы от строений, исполнившие казенную работу, продолжали владеть земельными наделами.¹⁰⁷

Правительство наделило землей и мастеровых, поселенных на Охте. Рабочие порохового завода получили землю «под дворы и огороды и на выгон скотины», пашенной земли и сенокоса им с момента поселения было определено по десятине на душу. На большое значение земельных наделов для существования мастеровых указывал в 1734 г. комиссар Половинкин, отмечая, что «тех заводов служителем без земли и сенных покосов и лесных угодий пробыть невозможно».¹⁰⁸

В указе Петра I о межевании в Ингерманландии от 28 августа 1723 г. содержалось распоряжение об отводе земли «плотникам, которые поселены на берегу Невы реки близ Канец». М. Н. Потехин, однако, считает, что первое межевание состоялось только в 1749 г., когда на 864 семьи было отведено 2762 десятины. Взгляд М. Н. Потехина на роль земельных участков в хозяйстве охтян¹⁰⁹ нам кажется несколько странным. Если мнение М. Н. По-

на одного взрослого мужчину и одну взрослую женщину (и то не всегда). В 1711 г., например, 50 каменоломщикам было отведено 300 десятин земли. С годами семьи разрастались. В той же слободе в 1749 г. в 40 дворах проживало 68 семей. Были дворы, в которых 6 десятин приходилось на 10 взрослых и 7 детей (ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 328, л. 9).

¹⁰⁴ Из протокола Канцелярии от строений. 20 декабря 1755 г. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 282, л. 1.

¹⁰⁵ Копия протокола Канцелярии от строений. 1756 г. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 282, л. 5.

¹⁰⁶ ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 276, л. 18; д. 280, лл. 1—2 об.

¹⁰⁷ Там же, д. 279, лл. 9 об., 48.

¹⁰⁸ Л. Н. Семенова. Рабочие петербургских заводов..., стр. 111.

¹⁰⁹ «Отведенные земли не могли приносить реальных выгод охтянам, если не считать сбора грибов и ягод, т. к. требовали колоссальных средств и сил для их освоения, а охтенские поселяне не имели ни того, ни дру-

техника отвечает действительности, то это может служить доказательством того, что мастерские казенных петербургских слобод находились в весьма различном положении.

Кроме земли, правительство платило мастерам денежное и хлебное жалованье. В 1710 г. было указано выдавать переведенцам по 12 руб. и 5 четвертей хлеба в год, в 1711 г. — добавить еще по осьмине крупы. В действительности размер хлебного жалованья зависел от семейного положения мастеровых — в первые годы одиноким выдавали по 3, женатым по 6 четвертей хлеба в год.¹¹⁰ В 1714 г. Сенат повелел выдавать хлебное жалованье детям мастеровых, в возрасте от 5 до 10 лет в размере 1.5 четвертей в год.¹¹¹ Уменьшение хлебного жалованья в 1715—1718 гг. вызвало челобитные мастеровых в Канцелярию городских дел, а затем в Сенат.¹¹² Сенат постановил, что хлебное жалованье казенных мастеровых в Петербурге должно быть единым¹¹³ и должно равняться жалованью адмиралтейских мастеровых. Правительство, видимо, удовлетворяло потребности мастеровых в хлебе: в месяц мастеровой получал 29 кг муки и 5 $\frac{1}{3}$ кг (с 1723 г. по 3 $\frac{1}{3}$ кг) крупы,¹¹⁴ его жена получала 29 кг муки, дети (как мальчики, так и девочки) с 5-летнего возраста получали по 14.4 кг муки.¹¹⁵ Выдаваемое мастерам хлебное жалованье не являлось платой за труд мастерового, недаром его выдавали как во время работы мастеровых, так и в то время, когда они не привлекались к работам. Хлебное жалованье не зависело от квалификации. Оно выдавалось не только мастерам, но членам их семей. Правительство рассматривало и землю, и хлебное жалованье как средства, обеспечивающие существование мастерового и его семьи. Это была не плата за работу, а плата за обязанность жить в Петербурге и быть готовым к работе.

гого, постоянно занятые казенными работами на Адмиралтейство» (М. П. Потехин. Охтенские крепостные селения, стр. 59). «Даже участки под огороды, размер которых был установлен в 1500 кв. сажень, имела меньшая половина поселян» (там же, стр. 60).

¹¹⁰ Указ Канцелярии городских дел от 18 января 1721 г. И. Ф. Игнатьеву. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 17, ч. III, л. 900.

¹¹¹ Выписка Канцелярии от строений. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 255, л. 3—3 об.

¹¹² ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 255, лл. 2 об.—3; оп. 73/187, кн. 17, ч. III, л. 901.

¹¹³ Мастеровые Оружейного двора, Конторы садовых дел и других государственных предприятий и учреждений получали хлебное жалованье, равное жалованью мастеровых-переведенцев Канцелярии от строений (ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 169, ч. I, лл. 7—12 об.; кн. 33, ч. I, лл. 39—40 и сл.).

¹¹⁴ Указ канцелярии городских комиссару И. Ф. Игнатьеву от 18 января 1721 г. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 17, ч. III, л. 900; Выписка канцелярии городских дел. 1721 г. Там же, кн. 16, ч. I, лл. 327 об.—328 об.; кн. 56, ч. I, л. 312.

¹¹⁵ Эти цифры несколько отличаются от цифр, приводимых С. П. Лупновым (С. П. Лупнов. История строительства Петербурга..., стр. 92).

Непосредственно за работу правительство выдавало мастерам денежное жалованье. Согласно петровскому указу, в Адмиралтействе оно должно было составлять 12 руб. в год, строительным же мастерам «для того, что в зимнее время у дел не работают», его величество указал платить «против Адмиралтейских вполы», т. е. по 6 руб. в год. Тем, кого привлекали к работе зимой, платили по 6 денег за проработанный день.¹¹⁶ Петровское правительство, всегда чрезвычайно ценившее квалификацию мастеровых и платившее за квалифицированный труд большую плату (мы здесь не согласны с Лупновым),¹¹⁷ поделило мастеровых на две категории — «умеющих» и «мало умеющих» и установило для первых 30-, для вторых — 20-алтынный оклад в месяц. Исходя из этого оклада, для тех мастеровых, которые привлекались к работам почти круглый год, возник оклад — 10 р. 26 а. 4 д. и 7 р. 6 а. 4 д.¹¹⁸ Более высококвалифицированным мастерам платили 36 руб.; 31 р. 10 а.; 24 руб.; 19 руб.; 18 руб. в год и т. д.¹¹⁹

Правительства Екатерины I, Петра II пытались превратить мастеровых вечно жить в крестьян. Канцелярии от строений, ведавшей наибольшим числом переведенцев, велено было «искать способу», «как переведенцев от жалованья отрешить».¹²⁰ 21 марта 1727 г. по указу Екатерины I 146 путиловских каменщиков были лишены государственного жалованья как денежного, так и хлебного. Вместо него им было приказано прибавить земли «против крестьянских дач».¹²¹ За путиловцами предполагалось перевести на такое же положение и других переведенцев.¹²² Переведенцам предлагалось при этом заключать договоры на теску и ломку камня в местных каменоломнях.¹²³ При наличии полного крестьянского надела каменоломная работа стала бы для переведенцев обычным крестьянским приработком.

¹¹⁶ Выписка Канцелярии от строений. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 56, ч. I, л. 312.

¹¹⁷ «Что же касается денежного вознаграждения за труд, то переведенцы получали не больше, чем другие. Их денежный оклад составлял 1 рубль в месяц — 12 рублей в год» (С. П. Лупнов. История строительства Петербурга..., стр. 92).

¹¹⁸ Первый оклад платили 606 каменщикам, второй — 36, первый — 25 гончарам, второй — 3, и т. д. (Штат Канцелярии от строений в конце 1722—начале 1723 г. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 33, ч. I, лл. 28 об.—37).

¹¹⁹ ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 33, ч. I, лл. 28 об.—37.

¹²⁰ Выписка Канцелярии от строений. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 462, лл. 14 об.—15.

¹²¹ Под поселение крестьян в Ингерманландию, согласно справке, полученной из Вотчинной конторы в 1742 г., правительство отводило 24 $\frac{1}{2}$ десятины на двор (Выписка канцелярии от строений. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 280, л. 5 об.).

¹²² ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 280, л. 5 об.

¹²³ Там же, д. 276, л. 12 об.

Правительство Анны продолжало превращать переведенцев в крестьян и достигло в этом значительных успехов. По указу 2 апреля 1733 г. село Путилово с деревнями велено было приписать к Садовой конторе, казенных мастеровых употреблять «так как и прочие дворцовые крестьяне употребляютца». ¹²⁴ Квалифицированных мастеровых с января 1734 по 1736 г. использовали как чернорабочих в садах ее и. в. (зимой путиловцы высылали на работу в Итальянский сад по 16 подвод, летом по 49 пеших работников с переменами). ¹²⁵

Однако намерения императрицы осуществились далеко не полностью. Их претворению в жизнь противодействовали прежде всего сами переведенцы и, очевидно, руководство Канцелярии от строений, которому было удобнее иметь в своем распоряжении постоянно определенное количество мастеровых, уровень профессиональных навыков которых был высок и постояен. В результате этого жалованья лишилась лишь часть переведенцев. ¹²⁶ Вероятно, не была парезана и земля «против крестьянских дач». Во всяком случае через несколько лет сама Канцелярия не смогла отыскать справок, парезался ли такой надел 146 мастеровым. Канцелярия продолжала привлекать переведенцев к казенным работам.

При Анне мастеровые сами стали добиваться возвращения жалованья. Они отказались обрабатывать пашню, если правительство не возобновит выдачу жалованья. ¹²⁷ Нам неизвестно, как закончилось недовольство мастеровых на данном этапе, но когда после четырехлетнего использования мастеровых по их прямой специальности их снова, видимо, попытались направить чернорабочими в сады, тогда 7 января 1741 г. каменщики Никифор Спиридонов с товарищами «доношением требовали» в Канцелярии от строений, «чтоб их от садовых работ уволить, а ежели при Санкт-Петербурге какие казенные работы будут, то они те работы отправлять будут, как и пред сего отправляли на жалованье поголовно». ¹²⁸ Подавая «требование», мастеровые, вероятно, учиты-

¹²⁴ Там же, л. 25 об.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ В 1728 г. 111 путиловских каменщиков, получали денежное жалованье (Ведомость комиссара Я. Скобельцына. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 255, л. 6 об.—8). В 50-х годах готенские каменоломщики и другие мастера продолжали получать денежное жалованье.

¹²⁷ На собрании всех жителей Путилова каменщик Сергей Никитин сын Коршунов в мае 1734 г. призывал мастеровых: «Когда не будет определено жалованья, у кого и хлеб есть, никто не пашите и сказок никаких не давайте» (ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 82, ч. 3, л. 635). На многократные попытки заставить путиловцев обрабатывать землю они отвечали: «Ежели определено им будет денежное и хлебное жалованье, то пахать станут». Администрации удалось принудить к пашне весной 1734 г. лишь немногих, «а другие упрямством своим пашню оставляют, которые и пахать могут», — сообщал в конторе Назинских заводов слободчик Иван Андреев (там же, л. 637).

¹²⁸ ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 280, л. 9.

вали смену правительства (смерть Анны в конце 1740 г. — начало регентства Бирона, которому казенные каменщики были известны).

Однако сама Анна не смогла быть последовательной в отношении переведенных ею в крестьяне мастеровых. В начале 1737 г. императрице потребовались мастеровые, прежде всего каменщики, для обеспечения рабочей силой личных построек ее фаворита. В Курляндию, в Большой Ругендаль были направлены каменщики, остававшиеся еще в распоряжении Канцелярии от строений. Однако этого Бирону оказалось мало, и 16 марта 1737 г. Анна повелела «каменщиков не тех, которые ныне от каменной работы при садовых работах обретаются 100 человек или, ежели возможно более, сколько оных налицо имеется» отправить в Курляндию. ¹²⁹ В 1737—1738 гг. в имение Бирона были отправлены все казенные каменщики — петербургские, петергофские, стрелнинские, марышкинские, ораниенбаумские, путиловские. ¹³⁰ Инструкции Канцелярии от строений зашестрели выражениями петровских лет: вести каменщиков в Курляндию «в самой скорости, не мешкая в пути ни малого времени». Перед правительственным учреждением встала задача — повысить производительность труда каменщиков, которые отнеслись к работе у Бирона без энтузиазма. Канцелярии от строений стало известно, что «преждепосланные в деревни его графского сиятельства для каменных работ каменщики работают весьма леностно». Канцелярия от строений направила в Курляндию на строительство поручика Харзева и двух солдат, обязав их заставить каменщиков работать «со всяким прилежаньем, поспешением, неленостно». ¹³¹

С начала 40-х годов правительство снова постоянно использовало казенных мастеровых. Елизавета, по словам графа Миниха, «питала страсть к постройкам великолепных дворцов и церквей». ¹³² Известно, что строили при ней в Петербурге много, при Екатерине II — еще больше. Вновь развернувшееся строительство потребовало большого числа рабочих. И прежде всего это были казенные рабочие. В 1741 г. к их прямому делу вернули тех готенских каменотесов, которые с 1733 г. находились у садовых работ, и всех каменщиков. Из года в год росло число казенных каменщиков, требуемых правительством к работам. В 1747 г. Канцелярия от строений, например, приказывала выслать из Путиловской слободы 150 каменщиков, ¹³³ в 1773—1775 гг. в работу упо-

¹²⁹ Выписка Канцелярии от строений. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 269, л. 48 об.

¹³⁰ ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 280, л. 8 об.

¹³¹ Инструкция Канцелярии от строений, датная 21 мая 1737 г. Федору Харзеву. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 269, л. 8—10.

¹³² Записки фельдмаршала графа Миниха. СПб., 1874, стр. 87.

¹³³ ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 275, л. 5.

треблялось 315 путиловцев.¹³⁴ Удлинялся, видимо, и срок работы: в 1747 г. казенные мастерские в основном работали с мая по середину ноября,¹³⁵ а в 1768 г., по их словам, они работали «всегда безотлучно» (и летом, и зимой).¹³⁶ То же самое наблюдалось на Охте: с начала 40-х годов плотники широко привлекались к строительству царских дворцов, Воскресенского монастыря и других возводимых по желанию императриц зданий. И если в 30—40-х годах они в зимнее время имели передышку от работ, то в 50—70-х годах они работали на казенных работах круглый год.¹³⁷

Изменилась форма оплаты казенных мастеровых. Большая часть из них в течение пятнадцати предшествующих лет лишилась государственными окладами. «А между тем браны в Санкт-Петербурге для каменных казенных работ, и на то время, как они бывали при тех казенных работах, платеж производился им против вольных каменщиков и по примеру охтенских плотников»,¹³⁸ «Против прочих вольных каменщиков» — по 1 р. 40 к. с кладки 1000 кирпичей получали казенные мастера на работе у Бирона.¹³⁹ В 1741—1742 гг. казенные каменщики за свою работу получали по 3 руб. в месяц.¹⁴⁰ Вероятно, такая оплата устраивала их, так как была близка заработку наемных каменщиков. В последующие годы в Петербурге возрастал спрос на мастеровых-строителей. В 1747 г., например, Канцелярия от строений писала, что летом намечено «строение каменное, немалого здания, а каменщиков по публикациям никого еще не явилось, а время к тому приспевает».¹⁴¹ Наемному работнику надо было платить больше 3 руб. в месяц. Однако государство использовало свою власть, для того чтобы заставить казенных мастеровых работать за те 3 руб. в месяц, которые теперь уже не соответствовали плате наемного каменщика. За строительный сезон наемный работник получал в 1747 г. на 10 руб. больше, чем казенный.¹⁴² Реальная стоимость трехрублевой платы продолжала падать: в 1768 г. каменщики жаловались на «нынешнюю весьма великую дороговизну хлеба и других харчевых припасов», на невозможность выделять из 3 руб. какую-либо часть для поддержания своих «домашков», жен и детей.¹⁴³

Итак, если в 10-х годах правительство подчас платило переведенцам-мастерским больше, чем наемным рабочим, — столько же, если они брали работу на подрядных началах (см. стр. 161—162), плюс провиант и земельный надел, то с конца 40-х годов, учитывая, что мастера теперь прочно обосновались на отведенных им земельных наделах, им стали платить меньше, чем платили наемным рабочим. Их заработок получил сходство с плакатными деньгами, которые уплачивали приписным крестьянам казенных заводов.

Правовое положение вновь созданной правительством категории рабочих людей определялось тем, что, будучи переселяемы по указу Петра I в Петербург, они освобождались от крепостной зависимости по отношению к своим прежним владельцам. Забирая мастеровых, правительство либо засчитывало их за рекрутов,¹⁴⁴ либо уплачивало за них прежним их владельцам деньги из казны.¹⁴⁵ В Петербурге они превращались в «ведомства Канцелярии от строений записных казенных... императорского величества мастеровых людей», находящихся «в собственном подданстве» императорского величества. «Мы, нижайшие, — писали они императрице Елизавете, — служащие люди, а ничьи не помещичьи, и не монастырские, и не крестьянские»¹⁴⁶ (последним они отрицали свою принадлежность к государственным или дворцовым крестьянам). Положение «служащих» было одной из форм феодальной зависимости. Освобождение от службы являлось большой наградой. Правительство противопоставляло служилого мастерового вольному. Показательно в этом отношении освобождение Екатериной II от службы каменщика московской Гофштендантской конторы (мастерские которой находились в положении, сходном с положением мастеровых Канцелярии от строений) Степана Егорова. За важные изобретения, совершенные им, Екатерина II повелела С. Егорова и потомков его от службы ее и. в. «уволить и быть навсегда вольными».¹⁴⁷ В других случаях правительство проводило аналогию между мастеровыми-переведен-

¹³⁴ Указ от 10 ноября 1714 г. ПСЗ I, т. V, стр. 129.

¹³⁵ В 1711 г. из с. Почалок Ярославского уезда, принадлежавшего Анне Ив. Головиной, было взято на переведенье 29 каменщиков. За переведенцев «она, Головина, взяла» из казны по 50 рублей за каждого (Указ из Юстиц-коллегии. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 462, л. 2; Выписка Канцелярии от строений. Там же, д. 53, л. 77). В 1719 г. по указу Сената помещику Шулепникову следовало заплатить за его крепостного Ив. Фомина, записанного в кузнецы Городовой канцелярии, 35 руб. «и впредь ему (Шулепникову, — Л. С.) до того крестьянина и до жены его и до детей дела нет» (ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 4, ч. I, д. 16, л. 16).

¹³⁶ Допущение 220 путиловских каменщиков в Канцелярию от строений на имя Елизаветы Петровны. Июль 1750 г. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 280, л. 2—2 об.

¹³⁷ ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 450.

¹³⁸ Допущение коллежского советника Лиллиенталя в Контору строения ее и. в. домов и садов. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, л. 279, лл. 9 об., 48.

¹³⁹ Выписки из протоколов Канцелярии от строений. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 275, лл. 5, 98.

¹⁴⁰ Там же, д. 285.

¹⁴¹ М. Н. Потехин. Охтенские крепостные селения, стр. 63, 64.

¹⁴² Выписка Канцелярии от строений. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 255, л. 6.

¹⁴³ ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 269, л. 48 об.

¹⁴⁴ Там же, д. 280, л. 9.

¹⁴⁵ Там же, д. 275, л. 5.

¹⁴⁶ Рапорт капитана Савенкова в Канцелярию от строений 9 мая 1747 г. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 275, л. 37 об.

¹⁴⁷ ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 285, лл. 3 об.—5.

цами и служилыми людьми украинских городов XVII в.¹⁴⁸ или солдатами XVIII в.¹⁴⁹

Мастеровые зависели только от государства, которое для них чаще всего представлялось в облике Канцелярии от строений. Они беспрекословно выполняли те работы, которые от них требовались: «... в прошлых давних годах, тому ныне назад лет с сорок, по... Петра Великого указу ради заведения вновь разных мастерств в том числе прадеды, и деды и отцы наши приведены из разных городов в Санкт-Петербурх» и «на всякие казенные работы, какое б оные не имелось, употреблялись и ныне употребляются как в города, так и в уезды со всяким нашим тщательным радением и трудами», — писали они императрице Елизавете.¹⁵⁰

Службой обязаны были и жены мастеровых. Жен мастеровых периодически привлекали то к прополке гряд, то к мытью полов. Для понимания их правового положения важно не то, что они работали далеко не всегда, а то, что они не имели права отказаться от этой работы тогда, когда от них ее требовали.¹⁵¹ В распоряжении Канцелярии находились и дети мастеровых. Мальчики обязаны были учиться в школах. Учение в школе приравнивалось к «службе», недаром сыновьям мастеровых, обучавшимся грамоте, с 1721 г., а возможно и ранее, давали государственное жалованье — по 2 деньги в день и по четвернику хлеба на месяц.¹⁵² В начале 1726 г. Канцелярия от строений детей 5—10-летнего возраста определяла «для обучения русской грамоте и писать», детей старше 10-летнего возраста — «в науку к мастерам»,¹⁵³ (то же продолжалось и в 30-х годах).¹⁵⁴ Таким образом

¹⁴⁸ Так, при решении дел о жонитые мастеровых-переведенцев на беглых крестьянках правительство ссылалось на ст. 27 гл. 20 Уложения, согласно которой украинских городов служилые люди, женившиеся на беглых каменных или крепостных девах, обязаны были уплачивать за своих жен определенные суммы. (ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 37, ч. I, лл. 459 об.—470).

¹⁴⁹ Указы о солдатах привлекались правительством для решения вопроса о том, куда устранивать мастеровых, увольняемых в отставку (указы от 10 и от 26 марта 1741 г., от 22 мая 1742 г.), а также в некоторых других случаях. Так, в 1726 г. дело о беглом кирпичнике, который был выслан в С.-Петербург из Суздальского уезда и никогда не был военпослужащим, решалось на основании «листа» о прощении вин солдатам, матросам, драгунам и рекрутам, которые сами явятся из бегов (ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 462, лл. 13—14).

¹⁵⁰ ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 280, лл. 1—2 об.

¹⁵¹ В феврале 1720 г., например, по указу Екатерины Алексеевны, 8 переведенских баб были определены для мытья полов в домах царского величества, «которым велено всегда, когда их спросят, к тому делу были б готовы» (ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 6, ч. II, д. 154).

¹⁵² Резолюция Канцелярии от строений. Конец 1720-х годов. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 56, ч. I, л. 314; Доношение с тосненских каменоломен в Канцелярию от строений от 31 марта 1721 г. Там же, кн. 18, ч. II, л. 497.

¹⁵³ Резолюция Канцелярии от строений. ЦГИА, ф. 467, кн. 56, ч. I, л. 129.

¹⁵⁴ Доклад Кармедона Миниху. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 78, ч. I, л. 40.

«служба» начиналась с 5 лет. Именно поэтому Сенат и назначил выдачу хлебного жалованья детям мастеровых с 5-летнего возраста.¹⁵⁵

Оставить государственную службу мастеровые не имели права в течение всей жизни. Раз в три года, если они имели уважительную причину, им давали отпуск. Отпуск давался с января по март месяц и только тому мастеровому, который в данное время (зимой строительство сокращалось) не требовался к работам. Жалованье за время отпуска не платили. Отпуская мастерового, брали по нему солидную поруку, чтобы гарантировать Канцелярию от невозвращения его.¹⁵⁶ Окончание службы наступало тогда, когда человек терял работоспособность. Устанавливала это Медицинская канцелярия. Много затруднений доставил правительству вопрос об устройстве отставных мастеровых. После, видимо, малоудачных попыток, предпринимавшихся правительством с целью удалить потерявших работоспособность мастеровых за пределы Петербурга и его окрестностей (см. стр. 132—133), перешли к тому, что позволили престарелым мастеровым оставаться в слободах. Большинство из них доживало век при детях, которые работали на строительстве и на заводах, находившихся в ведении Канцелярии от строений,¹⁵⁷ бездетным оставляли дворы и огороды. Во второй половине 50-х годов делались попытки приспособить отставных мастеровых к выполнению работ, не требующих физической силы — назначать их старостами, десятскими, «к церкви», «к присмотру лесов». Освободившихся в результате этой замены молодых мастеровых использовали на работе в Петербурге.¹⁵⁸ В итоге положение закончивших службу мастеровых свелось к тому, что они, как и другие группы служилых людей, получали паспорта для свободного проживания и доживали свой век в переделоческих слободах.

Обязав мастеровых работать на строительстве города, верфях, заводах, государство освободило их почти от всех иных повинностей. С них не собирали подушных денег.¹⁵⁹ С них не брали рекрутов. Они были свободны от подводной повинности.¹⁶⁰ Когда

¹⁵⁵ Выписка Канцелярии от строений. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 255, л. 3 об.

¹⁵⁶ Ведение поручика А. Зенбулатова от 20 декабря 1721 г. в Канцелярию городских дел. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 20, л. 686; кн. 26, ч. II, л. 378; кн. 37, ч. II, л. 644; кн. 56, ч. II, лл. 589—597.

¹⁵⁷ ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 282, лл. 16—19.

¹⁵⁸ Кония из протокола Канцелярии от строений. 1 апреля 1756 г. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 282, л. 29.

¹⁵⁹ Справка из Канцелярии от строений, выданная на запрос Канцелярии генеральной ревизии от 7 октября 1747 г. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 277, л. 3.

¹⁶⁰ В петровское время в исключительных случаях переведенцы ставили лошадей под проезд членов царской фамилии (ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 18, ч. I, л. 395). Но именно эти исключения свидетельствуют о том, что в целом они были от этой повинности свободны.

Полицейстерская канцелярия попробовала привлечь тех из мастеровых, кто жил в самом Петербурге, к выполнению общественно-полицейских функций — выбору из их числа сотских, пятидесятских и десятских, то мастеровые немедленно запротестовали: нам «во оных вышесказанных быть не надлежит, понеже мы на его п. в. работе бываем безпрестанно, также и в дальних отсылках, и отправлять оного вышесказанного нам невозможно».¹⁶¹ Отказывались они и нести караулы у рогаток, мотивируя свой отказ также «безотлучной» работой, которой их занимала Канцелярия городских дел.¹⁶² Единственной повинностью, которую полиция все же наложила на мастеровых, была постоянная. Несмотря на недовольства и возмущения мастеровых, им не удалось избавиться от нее и они настаивали уже лишь на том, чтобы постою осуществлялся «по билетам из полиции», т. е. чтобы число расквартированных у них солдат не превышало установленной нормы.¹⁶³

Правительство ограничивало свободу мастеровых не только тем, что они не могли покинуть те места, куда были поселены, но и тем, что считало их обязанными работать только в том ведомстве, в которое они были определены. Указом от 1 января 1724 г. строительным мастеровым было запрещено заключать подряды¹⁶⁴ где бы то ни было, кроме ведомства Канцелярии от строений. В начале 1726 г. состоялся подтвердительный указ.¹⁶⁵ Государство считало, что все силы мастеровых принадлежат тому ведомству, в которое они определены. Нарушение запрещения вступать в подряды считалось виной необычно тяжкой. Канцелярия от строений наказывала мастеровых редко, но каменщика Петра Терентьева за заключение в 1725 г. подряда с Адмиралтейством на поставку камня били морскими кошками при собрании мастеровых людей, «чтоб ему и другим чинить было неповадно», и отправили в работу.¹⁶⁶ Неполноправность мастеровых проявлялась и в том, что они не имели права выступать поручителями по подрядчикам. Основой этого запрещения, вероятно, служило то, что в случае неустойки подрядчика поручители отвечали за него своим имуществом или подвергались тюремному заключению. Канцелярия не желала, чтобы ее мастеровые были разорены или

¹⁶¹ Доложение 21 мастерового в Канцелярию от строений. Ноябрь 1723 г. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 37, ч. I, л. 395.

¹⁶² Доложение 20 мастеровых в Канцелярию полицмейстерских дел. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 18, ч. I, л. 417.

¹⁶³ ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 26, ч. III, лл. 839—872; оп. 4, д. 219, лл. 1—2; М. Н. Потехин. Охтенские крепостные селения, стр. 49—50; Л. Н. Семенов. Рабочие петербургских заводов..., стр. 109—110.

¹⁶⁴ ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 56, ч. I, лл. 135, 136 об.

¹⁶⁵ Решение Канцелярии от строений. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 56, ч. I, л. 136.

¹⁶⁶ Резолюция по делу Терентьева. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 56, ч. I, л. 136.

заключены в тюрьму, в результате чего не смогли бы выполнять государственных работ.

Аналогичным было и отношение правительства к предпринимательству охтинских плотников. 18 июля 1723 г. контора Партикулярной верфи, в ведомстве которой они находились, подчеркивала, что плотники не имеют права без ее ведома подряжаться в посторонние работы.¹⁶⁷ Согласно инструкции 1744 г., которая явилась основным документом для управления плотниками до начала XIX в., охтянам было запрещено без дозволения конторы подряжаться в работы и в поставки и давать поручительства на сумму свыше 10 руб. За нарушение этого запрещения им грозило публичное наказание копками.¹⁶⁸

* * *

Отношение правительства к мастеровым, работавшим на государственном строительстве и государственных заводах, определялось желанием иметь наиболее дешевый и наиболее производительный труд. Для повышения производительности труда правительство использовало экономические и организационные меры. Наиболее четкая организационная структура существовала в армии, поэтому вполне закономерными являлись попытки Петра I использовать армейские методы для организации работ в промышленности и строительстве. Это было тем более уместным, что самые крупные промышленные предприятия создавались в военных целях в годы Северной войны (Адмиралтейство, Литейный пушечный двор, пороховые заводы, Сестрорецкий оружейный завод). Рабочие этих предприятий часто комплектовались из рекрутов, солдат; военные чины руководили предприятиями, рабочие были одеты в мундиры, лечили их в военных госпиталях. Нет ничего удивительного в том, что их пытались подчинить и военной дисциплине, хотя, конечно, связь рабочих с производственным процессом, их квалификация мешали превращению их в солдат. Но так было не только на военных предприятиях. Правительство военизировало даже самые мирные отрасли хозяйства. Показательно, что руководителями строительства и вочлиного управления единственного в то время духовного учреждения в Петербурге Александро-Невского монастыря Петр I назначил офицеров гвардейских полков.¹⁶⁹ В штате Канцелярии от строений на большинство должностей также были определены военнослужащие. Военнослужащим был поручен и весь непосредственный надзор за рабочими. Для его осуществления через некоторое время после основания Канцелярии Петр I указал учредить при

¹⁶⁷ М. Н. Потехин. Охтенские крепостные селения, стр. 34.

¹⁶⁸ Б. Мансуров. Охтенския адмиралтейские селения, стр. 37.

¹⁶⁹ Описание архива Александро-Невской лавры, т. I. СПб., 1903, стлб. 498—499.

ней особый военный батальон. 11 декабря 1709 г. такой батальон в составе 517 человек был создан. Кроме военнослужащих батальона от строений, к надзору за рабочими привлекались солдаты и офицеры гарнизонных и армейских полков.¹⁷⁰ Военнослужащие, определенные «к смотрению над мастеровыми людьми иноземцами и русскими, также и из солдат», обязаны были следить, чтобы мастеровые, вверенные им, «всегда были на работе и работали неленостно, записывать, если иноземцы или русские на работе не будут или придут в неуказанные часы», ведать отпусками мастеровых в Петербург, следить за их поведением в послерабочее время.¹⁷¹ Создавая военизированный аппарат управления мастеровыми и работными людьми, правительство в то же время пыталось создать четкую административную структуру внутри крупных казенных предприятий. Мастеровых делили на десятки. В десятке должно было находиться по 3 мастеровых второго класса (12 июня 1723 г. Петр указал делить мастеровых согласно квалификации на классы) и по 6 мастеровых третьего класса. В командах мастеровых, насчитывавших 20 человек и больше, полагалось выбирать десятников, в командах от 50 до 100 человек — командоров «из тех же мастеровых людей, которые произошли к лутчему».¹⁷² Подобная организация рабочих команд безусловно должна была способствовать четкой работе и повышать производительность труда.

Постоянный недостаток средств в казне заставлял правительство настойчиво искать наиболее дешевую рабочую силу.

На первый взгляд может показаться, что наиболее дешевым для правительства являлся труд пососан.¹⁷³ Население высылало в Петербург работников и деньги на их содержание во время работы. Но собранные на содержание пососан средства являлись уже средствами государственными. Труд пососан был малопроизводителен: подрядчиками и наемщиками «некоторые работы исправляются удобнее и скорее, нежели государственными работниками», — докладывал правительству руководитель Городовой канцелярии князь А. М. Черкасский.¹⁷⁴ Убедившись, что из-за низкой производительности труда пососан собираемые на их содержание деньги расходуются непроизводительно, петровское правительство, как только в Петербурге появилось достаточное количество наемных рабочих, отказалось от использования этой формы подневольного труда.

¹⁷⁰ ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 53, л. 24; д. 257, л. 1; оп. 73/187, кн. 56, ч. I, лл. 207; кн. 20, л. 273.

¹⁷¹ Инструкция, выданная 3 апреля 1723 г. поручнику Нарвского полка Булатшеву. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 38, ч. II, л. 864.

¹⁷² Указ за подписью Синявина. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 483, лл. 1—2.

¹⁷³ Пососанам называли работников, высылавшихся в Петербург в порядке отбывания государственной повинности по строительству города.

¹⁷⁴ С. П. Луинов. История строительства Петербурга..., стр. 83.

В 40-х годах правительство вновь попыталось использовать труд людей, высылаемых на работу в Петербург на основе государственной повинности (хотя плата высланным теперь должна была выплачиваться из государственной казны). Мощь государственного аппарата, позволявшая правительству сосредоточить в любом месте страны почти любое количество работников, заслонила на какое-то время то, что труд этот будет экономически неэффективным. Так, когда цена, запрашиваемая подрядчиками за ремонт С.-Петербургской крепости, показалась правительству слишком дорогой, то Сенат в 1740 г. дал разрешение на высылку для исполнения этой работы 700 каменщиков из Ярославской и Костромской провинций и Новгородской губернии.¹⁷⁵ К наряду каменщиков прибегли в 1742 г. и при строительстве Кронштадтского канала. Но, осуществив высылку, правительство само вынуждено было признать, что «от того наряда впоследствии только отягощение народное, без всякого плода».¹⁷⁶

Для понимания правительственной политики по занимающему нас вопросу значительный интерес представляют меры, принимавшиеся правительством для интенсификации подневольного труда. Одной из таких мер являлась подрядная форма оплаты труда переведенцев.

1711—1712 годы были временем массового переселения мастеровых в Петербург «к городскому делу на вечное житье». Привезенные в Петербург помимо своей воли, мастеровые люди должны были пожизненно работать в тяжелых условиях вновь строившегося города за получаемое ими твердоустановленное государственное жалованье. Подневольность должна была особенно ощущаться ими в первые годы пребывания в Петербурге (недаром именно на первые годы падает масса побегов, в то время как в 30—50-х годах побег был чрезвычайно редким явлением). Летом 1713 г. правительство сделало первый шаг к тому, чтобы приблизить труд переведенцев к наемному. Вместо твердоустановленного денежного оклада им предложили брать работы на подряд.¹⁷⁷ Это увеличивало количество заработанных мастеровыми денег.¹⁷⁸ Подряды заключались на одинаковых условиях

¹⁷⁵ Указ от 29 апреля 1740 г. ПСЗ I, № 8087.

¹⁷⁶ Из 966 каменщиков, присланных на строительство канала, опытными были лишь 136 человек, 529 вовсе не знали ремесла (указ от 28 мая 1743 г. ПСЗ I, № 8744).

¹⁷⁷ 1 июня 1713 г. «вечного житья каменщиком сказан Его, великого государя, указ, чтобы они договаривались делать городское строение и в делах царского величества, и у Гостиня двора, и у посольских домов, и у всяких строений уроком, кто какое может себе взять на подряд. И в том иметь договоры с архитектором Трезини и с другими командирами, которые будут у тех строений. И по тем договорам давать им деньги из Канцелярии городских дел без всякия волокиты» (ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 3, ч. III, д. 172, л. 1).

¹⁷⁸ Переведенец резчик Петр Федотов с четырьмя товарищами, взяв на подряд работу в Петергофе, получили за нее с 21 января по 13 марта

как с наемными мастерами, так и с мастерами вечного жителя.¹⁷⁹ Это в какой-то мере сближало их труд. Очевидно, правительство считало для себя выгодным платить мастерам вечного жителя подрядную плату, т. е. в среднем на $\frac{1}{3}$ выше их окладного жалованья, так как такая плата вполне окупалась размером выполненной работы. Недаром Черкасский подчеркивал, что наемщики и подрядчики исправляют работы «удобнее и скорее». Петровское правительство было настолько заинтересовано в интенсификации труда мастеровых, что, переводя их на подрядную форму оплаты, сохраняло ежемесячную раздачу им провианта и земельные наделы. Денежный заработок, повышаясь вследствие подрядной формы оплаты труда, играл все большую роль в обеспечении существования мастеровых.

Однако в эти же годы правительство запрещало людям, обязанным работать в Петербурге в порядке выполнения пососной повинности, ставить вместо себя наемщиков.

П. Н. Петров и С. П. Луппов,¹⁸⁰ изучавшие высылку работников в Петербург необычайно тщательно и вдумчиво, совершенно не обратили внимания на то, что работная повинность населения в условиях развивавшегося в первой четверти XVIII в. денежного хозяйства приобретала характер повинности денежной. Проходило это в результате найма крестьянами и посадскими людьми работников для высылки их в Петербург. Получив правительственное указание о высылке в Петербург определенного числа работников, жителей того или иного населенного пункта обращались к подрядчику, платили ему деньги и не знали больше никаких забот. Подрядчики нанимали работников и сдавали их приводцам. Таким образом, в числе доставленных приводцами в Петербург работных людей часть являлась по существу наемными работниками. Так, среди 473 пососан, ведомых в С.-Петербург в 1713 г. приводцем Петром Сирбашевым, оказался 81 человек, нанятый подрядчиком Сергеем Гордеевым за посадских людей города Коломны; 23 — нанятых подрядчиком Сысоем Мартыновым за крестьян архиерейского села Городища, 8 — нанятых подрядчиком Андреем Ульяновым за крестьян разных поместий, и

1718 г. 10 р. 60 к. Если бы они получили за это время окладное жалованье, то оно составило бы 6 р. 76 к. (Выписка Канцелярии городских дел. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 3, ч. III, д. 172, 173). Переводенцы-каменщики, боря работы на подряд зарабатывали 1 р. 40 к., 1 р. 43 к. в месяц. Окладное же жалованье умеющего каменщика равнялось 90 коп. в месяц (подсчеты наши. — Л. С.) (Записки Трезини. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 3, ч. III, д. 174, лл. 5—8). В одном случае, по нашим расчетам, получилось, что каменщики за подрядную работу получили по 1 р. 5 к. в месяц. Это очень малый заработок для подрядной работы, но он все же больше окладного жалованья (там же, д. 177, лл. 2—4).

¹⁷⁹ ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 3, ч. III, д. 172, л. 1; кн. 7, ч. III, д. 225, л. 1.

¹⁸⁰ С. П. Луппов. История строительства Петербурга..., стр. 77—84.

люди, нанятые другими подрядчиками.¹⁸¹ В иных случаях подрядчики сами приводили в Петербург нанятых ими людей. Приводец Абрам Голосов, посылавшийся в Одоевский уезд и Одоев посад, доложил, что комендант, набравший пососан, передал ему для отвода в Петербург только 59 человек, сказав, что «работных людей с посаду подрядился поставить некоторой подрядчик, а кто, того он не упоминал».¹⁸² В апреле 1713 г. калужские бурмистры подали в приказной избе ведение о том, что у них всех 65 работников, которых положено отправить с посада в посоху в Петербург подрядился поставить подрядчик Семен Черной. Он же подрядился поставить 26 работников за крестьян калужской вотчины Ромодановского.¹⁸³ В том же году наемщики имелись среди работных людей, высланных из г. Ярославля, из Владимирского, Рязанского, Московского, Козельского¹⁸⁴ и других уездов.

Иногда инициаторами найма работников для высылки их в Петербург выступали местные государственные власти, и тогда число нанимаемых работников являлось внушительным. Так, на июль-сентябрь 1713 г. из Смоленска, Дорогобужа, Белой, Рославля полагалось выслать в Петербург 1252 человека. По приказу Смоленского губернатора П. С. Салтыкова велено было «оных работников в Санкт-Петербурхе нанять... почему пристойно». Для найма их Салтыков командировал в Петербург Василия Маслова. «И для вышеписанной городской работы для найму у него, Василья, работные люди являются», — значилось в доношении в Канцелярию городских дел.¹⁸⁵

Кроме того, пососане, идущие в Петербург, брали деньги со своих односельчан, обещая либо нанять в Петербурге работников за тех, кто дал деньги, либо отработать самим в следующие сроки. Летом 1713 г., например, 12 крестьян Боровского уезда, отработавших свой 3-месячный срок, просили Канцелярию городских дел разрешить им работать еще 3 месяца за тех 12 крестьян Боровского уезда с которых они взяли деньги обещая поставить в Петербурге наемщиков, но не выполнили обещания, задержавшись в дороге из-за болезни;¹⁸⁶ о том же просили 13 крестьян Московской губернии г. Михайлова.¹⁸⁷ Отработка пососной повинности за другого за полученные от него деньги называлась «снятием ее на себя». Петр Потапов, например, снял на себя трех крестьян Боровского уезда. За одного он отработал 3 месяца, за второго просил в Городовой канцелярии разрешении

¹⁸¹ Скалки приводца Петра Сирбашева и подрядчиков. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 1, ч. 1, лл. 265 об.—266 об.

¹⁸² ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 1, ч. II, л. 33.

¹⁸³ Там же, л. 119.

¹⁸⁴ Там же, ч. III, лл. 288, 291; ч. II, л. 349, ч. I, лл. 284 об.—285, 320.

¹⁸⁵ Там же, л. 320.

¹⁸⁶ Там же, ч. III, л. 297.

¹⁸⁷ Там же, л. 300.

работать следующие три месяца, за третьего нанял работного человека.¹⁸⁸ Посадский человек г. Гороховца Григорий Никифоров с 1704 по 1713 гг. работал в Петербурге «у городского дела в работных людях, нанимаясь разных городов у посошных же людей».¹⁸⁹

Судя по заявлению комиссара, находившегося в С.-Петербурге у приема работных людей из губерний в 1714 г., поставка наемных работников на отбывание посошной повинности была распространенным делом «у приводцев много работных людей налицо не являеца, а объявляют приводцы также и работные люди у смотру сказывают, что которые явились нетчики, и с тех они работных людей сняли на себя и взяли деньги¹⁹⁰ и просят, чтоб вместо их принять наемщиков, также здешние жители, господа, с тех своих деревень других работных людей ставят и в место...» (далее текст испорчен).¹⁹¹

Казалось бы, правительство не должно протестовать против того, чтобы посоху выполняли работники, нанятые крестьянами и посадскими людьми, тем более что в этом случае подрядчики несли ответственность за то, чтобы выставленные ими люди исправно отработали срок. Подрядчик Семен Черной, например, сказал, что поскольку он человек приезжий и ручаться по нему некому, то он будет сам жить в Петербурге те три месяца, на которые поставил работников. Если кто-нибудь из работников сбежит, то он обязуется в тот же день поставить другого, если сам Черной съедет, а работники сбегут, то надлежит взять работников с Калужского посада, а с него взять штраф и учинить ему жестокое наказание.

Подряды облегчали и проведение работных людей в Петербург.¹⁹² Нанятые подрядчиками люди получали оплату, равную оплате наемных работников, они были заинтересованы в работе и, вероятно, их производительность труда не уступала производительности труда людей, нанятых Городовой канцелярией. И тем

не менее правительство выступило против высылки на работы в Петербург наемных работников. 30 ноября 1713 г. Сенат указал: «... губернатором и комендантом велено учинить заказ крепкой, чтоб работники друг у друга работников отнюдь не нанимали...» (далее текст испорчен).¹⁹³ Этот указ противоречил экономическому развитию страны. Через два года он был отброшен жизнью: сам Сенат начал давать разрешения на наем работников в счет высылаемых в Петербург людей.¹⁹⁴

Так же препятствовало правительству тому, чтобы мастеровые, переведенцы Канцелярии от строений, посылали на работу вместо себя наемщиков. Из-за этих запретов мастеровые отправляли за себя наемщиков тайно, под своим именем. Это явилось причиной того, что нам известно о наемщиках крайне мало, ибо, как правило, мы не можем узнать, работали ли мастеровые сами или вместо них работали наемщики.¹⁹⁵

В первые годы пребывания переведенцев в Петербурге наем был довольно редким явлением. Тем не менее уже в 1713 г. имелись, вероятно, единичные случаи найма мастеровыми работников вместо себя.¹⁹⁶ Чем дальше, тем шире входила в быт практика использования мастеровыми наемщиков, однако только в 1747 г. Канцелярия от строений официально разрешила осуществлять то, что до сих пор делали не легально, — «а ежели кто из них пожелает наемщиков с указными пашпортами дать, в том им позволить».¹⁹⁷ Известно, что после этого указа из 122 путиловцев-

¹⁸⁸ ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 1, ч. I, л. 283.

¹⁸⁹ Там же, кн. 2, ч. III, л. 270.

¹⁹⁵ Великим постом 1727 г. плотник Канцелярии от строений Семен Терентьев сын Викулина нанял себе в работники крестьянина Федора Семенова, пришедшего с родным его отца — переведенца-плотника. Вначале Семен использовал Федора «для домовой работы», а затем отправил его вместо себя, под своим именем, на работу в Канцелярию от строений вместе с 20 путиловскими плотниками. Вероятно, для этих 20 плотников не было необычным то, что под именем переведенца работал нанятый им человек. Во всяком случае, это не вызвало никаких возражений с их стороны. Семен объяснял свое отсутствие на работе тем, что «ему тогда при Путиловщине была домовная нужда» (Дело, начатое капитаном Г. А. Захаровым о возвращении ему старинного его крепостного крестьянина Терентия Викулина, ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 67, ч. II, лл. 724, 727 об., 729, 730, 734—735).

¹⁹⁶ Ведения Канцелярии от строений каменоломщик Андрей Алексеев в 1713 г. «в работу к каменной ломке на Тосну» нанял пришедшего без водомо властей на заработки в Петербург монастырского крестьянина Московского уезда Игнатия Иванова. Игнатий проработал за Алексеева года два. Около 1720 г. того же Игнатия по году нанимали каменоломщики Иван Федоров сын Стулцов и Алексей Леонтьев. В сентябре 1723 г. Игнатий с товарищем шли в Тосненскую слободу, где у Игнатия была договоренность о том, что его наймет каменоломщик Иван Абрамов (Допрос Игнатия Иванова, обвиненного в краже шубы. Октябрь 1723 г. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 37, ч. I, л. 406.)

¹⁹⁷ Протокол Канцелярии от строений. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 275, л. 5 об.

¹⁸⁸ Там же, л. 299.

¹⁸⁹ Допросные речи Никифорова. ЦГИА, ф. 467, кн. 1, ч. III, л. 275.

¹⁹⁰ Наряду с честным «снятием на себя» посошной повинности встречались и случаи злоупотреблений. Так, в 1712 г. крестьянин Московской губернии Переяславля-Рязанского уезда дер. Киструса Василий Григорьев взял с двух крестьян Рязанского Савина монастыря по 4 руб., обещая работать за них в Петербурге. В Петербурге он нанял человека, который написал ему фальшивые отпуски о том, что он, якобы, отработал посоху за данных крестьян. В 1713 г. Григорьев взял также же деньги с четырех крестьян Вознесенского девичья монастыря и вновь пытался получить фальшивый отпуск. Крестьянин Семен Семенов, добыв в 1712 г. фальшивый отпуск о работе двух крестьян, в 1713 г. уже взял по 2 р. 90 к. с 9 крестьян, обещая поставить за них в Петербурге наемщиков (Допросы В. Григорьева и С. Семенова. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 1, ч. III, лл. 276—278).

¹⁹¹ ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 2, ч. III, л. 264 об.

¹⁹² Показания приводцев. ЦГИА, ф. 467, оп. 73/187, кн. 1, ч. I, лл. 71 об., 222, 224, 275.

каменщиков поставили за себя наемщиков 45 человек,¹⁹⁸ из 48 тосненцев-каменоломщиков — 9 человек.¹⁹⁹ В середине века для правительственного учреждения, ведавшего строительством города, уже не имело значения то, что часть мастеровых оставалась свободной от казенной работы. Для Канцелярии от строений важно было то, что она вместо этих мастеровых получала такое же число мастеровых равной квалификации, которым могла платить на 10 руб. меньше, чем необходимо было заплатить наемным работникам. Охтинские плотники получили официальное разрешение ставить вместо себя на казенные работы наемщиков, видимо, ранее. Во всяком случае, в 1733 г. открыто посылали вместо себя наемщиков 280 человек из 1225 плотников, годных к работе.²⁰⁰

Постоянное взаимодействие и переплетение труда наемного и подневольного привело к появлению на строительстве столицы особой разновидности принудительно привлекаемых к работе наемных рабочих. 5 мая 1735 г. был опубликован указ Кабинет-министров, по которому занимающимся наемным трудом посадским людям, крестьянам всех категорий и всякого чина работным людям в Санкт-Петербурге, Шлиссельбурге, Ладозе предлагалось «без всякой боязни» приходить в полицмейстерские конторы и записываться на казенные работы. Их призывали добровольно заключать договоры, обещали деньги. Если же они не явятся в недельный срок добровольно, «а после того пойманы будут и приведены в полицы, и тогда по поникам отосланы будут на работы без всякой за работу заплаты».²⁰¹ (Великолепный образчик свободы! Добровольность выражается не в том, что человек может работать на казенных работах и может не работать на них, а в том, чтобы добровольно явиться на работы в течение недели, избежав тем самым принудительной отправки на них с восьмого дня после опубликования указа). Аналогичные указы принимались и в дальнейшем. В 1743 г., например, велено было «публиковать» в Петербурге и во всем государстве, чтобы каменщики, плотники и прочие работные люди шли добровольно наняться в Петербург. Им обещали плату. Тем, кто пришел в Петербург, объявляли высочайший указ о том, что они обязаны работать на строительстве Кронштадтского канала и «дабы ведали, что кроме Кронштадта иной работы здесь не сыщут нигде».²⁰² Работа на Кронштадтском канале за твердоустановленную плату становилась по воле правительства обязательной для людей, которые приходили на заработки в Петербург.

¹⁹⁸ Реестр путиловским каменщикам. ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 275, лл. 24—26 об.

¹⁹⁹ Доношение тосненских каменоломщиков в Канцелярию от строений. Апрель 1747 г., ЦГИА, ф. 467, оп. 4, д. 275, л. 28; Выписка из протокола Канцелярии от строений. Там же, л. 31.

²⁰⁰ М. Н. Потехин. Охтинские крепостные селения, стр. 40, 42.

²⁰¹ ЦГИА, ф. 1320, оп. 2, прил. 2, д. 27, лл. 27—30 об.

²⁰² Указ от 28 мая 1743 г. ПСЗ I, № 8744.

* * *

Строительство столицы на только что отвоеванной земле, в местах слабозаселенных, оторванных от экономически развитых центров страны было делом необычайно трудным. Успешное осуществление такого строительства продемонстрировало силу Русского государства. В С.-Петербурге правительство использовало веками накопленный опыт обеспечения крупного строительства рабочей силой. Использовали пососную повинность, переселения мастеровых «на вечное житье», наем строительных артелей, заключение подрядов на доставку материалов и возведение построек, приглашение иноземных мастеров, использовали опыт организации работ, применявшийся Приказом каменных дел.²⁰³ Однако объем строительных работ, предпринятых в районе Петербурга петровским правительством, несомненно превысил объем работ, предпринимавшихся где-либо в России ранее XVIII в. В ходе строительства его старые формы, увеличиваясь в объеме, в условиях развивающихся товарно-денежных отношений получали качественно новое содержание: так, пососная повинность стала превращаться в наем работников населением и завершилась тем, что наемных работников на высылаемые населением деньги стало нанять правительство. Заинтересованность правительства в повышении производительности труда мастеровых, переселенных в Петербург «на вечное житье», привела к тому, что их окладное жалование было заменено подрядной формой оплаты; подряды заключались с ними на тех же условиях, что и с наемными людьми. Наиболее характерной чертой, наблюдаемой на строительстве Петербурга в XVIII в., явилось переплетение наемного труда с подневольным (в подневольный труд правительство вводило черты наемности, в наемный — черты подневольности). Правительство настойчиво искало работников, которые обходились бы ему по возможности дешево и производительность труда которых была бы по возможности высокой.

Превращая Петербург в столицу, правительство добивалось освобождения центра города от рабочих жилищ и рабочего населения.

²⁰³ А. Н. Сперанский. Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства. М., 1930.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО АКЦИОНЕРНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

(закон 1836 г.)

Политика царизма в области акционерного учредительства еще не стала предметом специального изучения. Не составляет исключения в этом отношении и акционерное законодательство.¹ Между тем изучение истории этого законодательства имеет большое научное значение, которое определяется двумя обстоятельствами.

Прежде всего — экономической и социальной ролью акционерных компаний как основной формы организации капиталистических предприятий. Природа акционерных компаний и их роль в развитии капиталистического способа производства были впервые раскрыты К. Марксом и Ф. Энгельсом,² а для периода империализма — В. И. Лениным.³ В России к началу первой мировой войны и особенно накануне Октябрьской революции акционерная форма организации капиталистических предприятий господствовала во всех отраслях народного хозяйства, послужив основой для формирования монополистических организаций, образования финансового капитала, складывания государственно-монополистических отношений.

Научное значение изучения акционерного законодательства определяется также важной ролью, которая принадлежала ему

¹ Библиография вопроса практически исчерпывается вышедшей еще в начале XX в. книгой А. И. Каминки «Акционерные компании. Юридическое исследование» (т. I, СПб., 1902). История акционерного законодательства излагается в ней схематично, причем под узко юридическим углом зрения (стр. 372—380), на основании ретроспективных данных одного из дел Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов, относящегося к 1856 г.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. 1) Капитал. Соч., изд. 2, т. 23, стр. 641—642; т. 25, ч. I, стр. 479—482; т. 25, ч. II, стр. 485; 2) Анти-Дюринг. Соч., т. 20, стр. 288—290, 672—675.

³ В. И. Ленин. 1) Проект и объяснение программы социал-демократической партии, ПСС, т. 2, стр. 98; 2) Рост капиталистического богатства, ПСС, т. 23, стр. 185; 3) Неминуемая катастрофа и безмерные обобщания, ПСС, т. 32, стр. 109; 4) Тетради по империализму, ПСС, т. 28, стр. 170—171.

в акционерной политике царизма. Вплоть до Октябрьской революции в России сохранялась так называемая концессионная (разрешительная) система учреждения акционерных компаний. В отличие от явочной системы ею предусматривалась особо строгая регламентация возникновения и деятельности акционерных компаний как посредством общего законодательства, так и отдельных законодательных актов — уставов отдельных компаний.

Закон 6 декабря 1836 г., о котором идет речь в настоящей статье, не только первый в России, но и основной вплоть до Октябрьской революции законодательный акт, определявший общий порядок учреждения и деятельности акционерных компаний. Несмотря на многочисленные попытки пересмотреть и изменить этот закон, он продолжал действовать в течение более 80 лет, обрстая лишь дополнениями и разъяснениями.

О предыстории и обстоятельствах разработки этого закона в литературе никаких данных нет. Даже в юбилейных изданиях, посвященных столетию деятельности Государственного совета и Министерства внутренних дел, принимавших деятельное участие в подготовке закона 1836 г., о нем ничего не сообщается. Исключение составляет лишь юбилейное издание Министерства финансов, в котором содержится краткое сообщение о разработанном министерством проекте этого закона. Единственным источником являются делопроизводительные (ныне архивные) материалы учреждений, имевших отношение к созданию акционерного закона, и прежде всего Государственного совета.⁴ Все эти материалы хорошо сохранились. Однако некоторые важные документы, к сожалению, в делах отсутствуют. Отсутствует, например, один из последних проектов закона, содержание которого оказывается необходимым выяснять косвенным путем. Ввиду его важности законопроекту придавалось, как будет показано в дальнейшем, большое значение. Борьба мнений, разгоревшаяся вокруг законопроекта, представляет не только частный, но и некоторый общий интерес. Это было одно из первых в России XIX столетия открытых обсуждений в верхах вопроса о задачах и путях промышленного развития страны.

К середине 1830-х годов в России действовало уже десять акционерных компаний, включая Российско-Американскую компанию, учрежденную еще в 1799 г. В 1822 г. после длительного перерыва возникла вторая компания (Общество первоначального

⁴ Основными видами документов Государственного совета являются журналы заседаний его департаментов и Общего собрания и мемории (документы, в форме которых содержание журналов представлялось на утверждение императора). Подлинные журналы и мемории хранились в обособленном (в ЦГИА первые образуют фонд № 1160, вторые — № 1159). В соответствующие же дела попадали их копии. При ссылках в последующем на эти документы в подстрочных примечаниях указываются двойные архивные шифры: сначала шифр копии, затем шифр подлинника (в скобках).

страхового заведения транспортов), а в 1827 г. — третья и самая удачливая — Первое страховое от огня общество. В 1833 г. была учреждена еще одна компания (Общество минеральных вод), в 1835 г. — уже четыре (Общество освещения газом Петербурга, Общество застрахования пожизненных доходов и капиталов, Второе страховое от огня общество и Общество Российской бумагопрядильной мануфактуры), и в 1836 г. — две (Общество Царско-сельской железной дороги и Общество Царевской ситцевой мануфактуры).⁵

Поскольку учреждение каждой из возникших компаний связывалось с предоставлением ей определенных привилегий и преимуществ, сложился следующий порядок рассмотрения дел об их учреждении (утверждении их уставов). Вопрос об учреждении компаний, связанный с просьбой «о привилегиях на какие-либо изобретения или усовершенствования в искусствах, мануфактурах и ремеслах», после рассмотрения его в соответствующем министерстве, решался Государственным советом.⁶ Дела о компаниях, в отношении которых испрашивалось лишь разрешение на их учреждение «с воспрещением подобных в продолжении известного времени», подлежали разрешению в Комитете министров. При этом Комитетом фактически рассматривались дела тех компаний, предприятия которых «не представляли сомнений в отношении успеха по известности дела».⁷

Полной ясности в том, кем и в каком порядке должны рассматриваться дела об учреждении акционерных компаний, все же не было. В последующем Комитет министров констатировал, что до середины 1830-х годов «по неопределенности закона и самое применение оного было разнообразно».⁸

Поэтому 11 июня 1835 г. на заседании Комитета министров был поднят вопрос о том, «в каком именно порядке при умножившихся ныне делах сего рода должны быть рассматриваемы представления об учреждении разных обществ на акциях и даровании им привилегий». Поскольку «постановление единообразных для сего правил, составляя предмет нового закона, выходит из круга действий Комитета», ставился вопрос о необходимости разработки этих правил в Государственном совете.⁹

⁵ Список акционерным обществам и товариществам на паях. ЦГИА, ф. 1149, т. VII, 1867 г., д. 96, л. 54.

⁶ В соответствии со Сводом постановлений о фабричной, заводской и ремесленной промышленности — см.: Продолжение Свода законов Российской империи. 1832 и 1833 годы. СПб., 1834, Статьи к 11 тому Свода, ч. III, ст. 96 и 97.

⁷ На основании положений Комитета министров от 25 мая 1820 г. и 14 октября 1830 г. (ЦГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 990, лл. 266—267, 269; д. 206, лл. 301—305; д. 655, лл. 106—107).

⁸ ЦГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 990, л. 268.

⁹ Там же, лл. 268, 314 об.—315.

Выписка из утвержденного императором журнала Комитета министров от 11 июня¹⁰ была рассмотрена совместно двумя департаментами Государственного совета — Законов и Государственной экономии («соединенными департаментами») 4 октября 1835 г. С полным пониманием отнесясь к мнению Комитета министров, Государственный совет с самого начала поставил «вопрос о том, не должно ли вместе с определением порядка рассмотрения дел о частных компаниях на акциях постановить в то же время и положительные правила, на коих впредь надлежит допускать самое учреждение таковых компаний и предоставлять им исключительные привилегии».¹¹ На этот вопрос давался положительный ответ. Не ограничиваясь этим, департаменты наметили основные «Начала», на которых должен был основываться будущий закон.¹²

В первых трех разделах обосновывалось мнение о необходимости для законодателя различать предприятия, представляющие и «не представляющие особенного повода к сомнению в успехе».¹³ «Нельзя не согласиться, — указывали далее департаменты, — что все предприятия возникают более или менее из побуждений личной выгоды; но не менее того на беспристрастном суде правительства должны иметь преимущественное право те из них, которых предмет не один оборот капиталов, а вместе прочная польза для государства. Таковы предприятия, коих цель усовершенствовать и развить ту или другую ветвь фабричной и заводской промышленности, либо облегчить внутренние сообщения, распространить круг торговли, раскрыть источники произведений земли и дать занятия большому числу рук».¹⁴ Не подлежали разрешению компании, «могущие ослабить и даже прекратить какой-либо привычный и по обстоятельствам необходимый промысел, которым занимается большое число народа и который составляет исключительное средство содержания и единственный способ к платежу государственных повинностей».¹⁵ «Достоинство правительства, — говорилось в «Началах», — требует, чтобы оно было дальновиднее частных лиц и не допускало предприятие прежде нежели приобретена будет достоверность, что оно может совершиться с выгодой и без разорения вкладчиков».¹⁶ В четвертом разделе обращалось внимание на необходимость предусмотреть меры, исключаящие злоупотребления со стороны учредителей (хотя их «справедливое право» на «преимущества и особые выгоды» не отрицалось), устанавливающие строгую отчетность компаний, а также обеспечивающие возможность «к сво-

¹⁰ ЦГИА, ф. 1152, т. II, 1835 г., д. 115, лл. 2—4.

¹¹ Там же, л. 18 об. (ф. 1160, оп. 2, д. 70, л. 293).

¹² Там же, лл. 22—32 (там же, лл. 296—305).

¹³ Там же, л. 22 (там же, л. 296 об.).

¹⁴ Там же, л. 23 об. (там же, л. 297).

¹⁵ Там же, л. 24 (там же, лл. 297 об.—298).

¹⁶ Там же, л. 26 об. (там же, л. 299 об.).

бодному участию» в учреждаемых компаниях «для каждого». Относительно возможности злоупотреблений со стороны учредителей указывалось, что «весьма важным ограждением для публики должно служить еще то условие, чтобы в числе учредителей были единственно лица, пользующиеся известностью и доверием, ибо на сем преимущественно основаны быть могут вся надежда успеха предприятия, все обеспечение акционеров и все доверие правительства и частных лиц».¹⁷ Далее подчеркивалась опасность стеснения предпринимательской деятельности предоставлением отдельным компаниям исключительных привилегий (раздел пятый). «Всякая привилегия есть некоторый род монополии», — указывалось в «Началах». Она «сопряжена более или менее с стеснением для прочих, ибо лишает их свободы действовать на том же поприще... и удаляет всякое побуждение к усовершенствованию обхвата привилегиею учреждению».¹⁸ В двух последних разделах предлагалось дела об учреждении акционерных компаний предварительно рассматривать в том ведомстве, куда в соответствии с родом деятельности компании поступило прошение об ее учреждении. Окончательному рассмотрению эти дела подлежали в Комитете министров или, если «испрашиваются исключительные привилегии», — в Государственном совете. Устав каждой компании подлежал утверждению императора и, следовательно, должен был представлять собой самостоятельный законодательный акт.¹⁹

Департаментами Законов и Государственной экономии предлагалось поручить министрам внутренних дел и финансов, руководствуясь изложенными «Началами», разработать «проект общего о привилегиях на предприятия закона».²⁰ До его издания рассмотрение дел об учреждении отдельных компаний откладывалось.²¹

28 октября 1835 г. заключение департаментов было рассмотрено и целиком одобрено в Общем собрании Государственного совета, мнение которого 20 ноября было утверждено царем.²²

¹⁷ Там же, лл. 27 об.—28 об. (там же, л. 301).

¹⁸ Там же, л. 29 об. (там же, л. 302).

¹⁹ Там же, л. 32 (там же, лл. 303—305).

²⁰ Там же, л. 34 (там же, л. 306 об.).

²¹ Там же, лл. 56—59. — При утверждении мемории Государственного совета по этому поводу Николай I распорядился сделать исключение для трех компаний, проекты учреждения которых по его повелению уже находились на рассмотрении Министерства внутренних дел. Компании эти имели целью устройство водопровода в Петербурге, постройку «паровых пароходов для распылки льда и провода судов в российские гавани», и страхование грузов, транспортируемых по внутренним водным путям сообщения. В резолюции царя указывалось: «Сии три проекта рассмотреть без отлагательства как вещь весьма полезную». (ЦГИА, ф. 1159, оп. 1, д. 82, л. 323 об.).

²² ЦГИА, ф. 1159, оп. 1, д. 82, лл. 313—323 об. (ф. 1160, оп. 2, д. 70, лл. 307—308).

Поводом для постановки Комитетом министров и Государственным советом вопроса о необходимости разработки общего положения о порядке учреждения акционерных компаний послужило представление Министрства внутренних дел о разрешении основать компанию для введения в России «паровых экипажей, движущихся по обыкновенным дорогам».²³ Само по себе это дело вызывало сомнения. Во-первых, соискателями выступали одновременно две конкурирующие группы капиталистов. Во-вторых, сомнительными представлялись техническая и коммерческая возможности предприятия. В-третьих, возникало опасение, что, с одной стороны, предоставление 10-летней привилегии, о которой просили учредители, сделает невозможным совершенствование транспортировки грузов другими предпринимателями, а с другой стороны, по мнению Государственного совета, — может иметь пагубные последствия для извозного промысла, «чем промышленет особый класс народа и большое число крестьян в местностях, убогих землей и скудных способами заработка. Прекращение сего промысла... естественно привело бы к неблагоприятным последствиям...».²⁴

Более важно выяснить причины постановки вопроса о разработке общего акционерного законодательства. Как указывалось, к этому периоду относится значительное по тем временам усиление акционерного учредительства. В 1835 г. открыли действия четыре из восьми существовавших в стране компаний. На рассмотрении в правительственных учреждениях в том же году находилось еще шесть дел.²⁵ Возможно, имелась сведения о готовящихся новых обращениях об учреждении компаний. Не случайно в упоминавшемся журнале Комитета министров от 11 июня 1835 г. указывалось, что число дел об учреждении компаний «умножилось». В представлении Министерства внутренних дел в Комитет министров от 4 июня того же года также отмечается оживление предпринимательской деятельности в tone, который нам представляется чрезмерно оптимистическим («По замечательному распространению у нас в последнее время промышленной предприимчивости...»)²⁶

²³ ЦГИА, ф. 1152, т. II, 1835 г., д. 115, лл. 5—17.

²⁴ Там же, л. 24 об. (ф. 1160, оп. 2, д. 70, л. 298).

²⁵ 31 октября и 7 ноября 1835 г. министр внутренних дел ставил исполняющего обязанности государственного секретаря М. А. Корфа в известности о том, что, помимо дела об учреждении компании для введения в России паровых экипажей, в Министерстве внутренних дел находились дела об образовании еще четырех акционерных предприятий: трех, указанных в примечании 21, и четвертого — компании для освещения газом Москвы и фабричных заведений Московской губернии (ЦГИА, ф. 1152, т. II, 1835 г., д. 115, лл. 37, 38). По крайней мере одно дело находилось на рассмотрении Министерства финансов (ЦГИА, ф. 18, оп. 4, д. 517, л. 41).

²⁶ ЦГИА, ф. 1152, т. II, 1835 г., д. 115, л. 11 об.

Одной из причин активизации в этот период предпринимательской деятельности вообще и акционерного учредительства в особенности было понижение с 1830 г. процентов, которые уплачивались государственными кредитными учреждениями по вкладам, с 5 до 4. Для вкладчиков оказывалось выгодным изъять свои средства из банков и искать более доходное помещение их в коммерческие предприятия. Далеко не все из них имели возможность основать собственные предприятия. Но принять участие в акционерных компаниях оказывалось возможным для всех. Значение этого факта для оживления акционерного учредительства отмечается всеми источниками. При рассмотрении в Государственном совете вопроса о понижении процентов по вкладам указывалось: «Ожидать можно, что желание лучших выгод устремит капиталы на полезные предприятия, деятельное движение их возбудит торговлю и промышленность и возвысит цену недвижимых имений».²⁷ В 1847 г. «Современник» также отмечал: «Оживлению его (акционерного учредительства, — Л. Ш.) много способствовало уменьшение в 1830 г. банковых процентов с 5 до 4 на сто, заставившее капиталы искать выгоднейшего употребления в разных отраслях промышленности. Стремление к акционерным компаниям вскоре усилилось до такой степени, что лишь только замыслилось какое-нибудь предприятие, акции его были с жадностью разбираемы и число желающих участвовать в нем своими капиталами нередко превышало определенный для них размер».²⁸

Осознавалось и общеэкономическое значение, какое могли иметь акционерные предприятия. И в заключении Соединенных департаментов, и в утвержденной царем мемории об обсуждении вопроса в Общем собрании Государственного совета отмечалось: «Нет, конечно, сомнения, что в видах государственных нельзя не желать распространения у нас общепользных, совершаемых частными компаниями предприятий как средств, возбуждающих движение народных капиталов и дающих им более или менее выгоднейшее направление, и вместе как источников разумных улучшений в государстве, совершаемых без всяких пожертвований со стороны казны, — источников, которым во Франции, Англии и Америке обязаны существованием своим важные каналы, усовершенствованные дороги и проч.»²⁹ Вместе с тем членами Государственного совета высказывалось опасение, что учреждение акционерных компаний («не огражденных положительным законом от покушений своекорыстных») может привести к таким нежелательным, по свойственным им последствиям, как биржевые кризисы и ажиотаж. Результатом их могло быть не только

²⁷ ЦГИА, ф. 1148, т. I, 1829 г. (Чрезвычайное общее собрание), д. 1, л. 91.

²⁸ Современник, 1847, т. V, разд. IV, стр. 1.

²⁹ ЦГИА, ф. 1152, т. II, 1835 г., д. 115, лл. 20 об.—21, 42 (ф. 1160, оп. 2, д. 70, л. 295); ф. 1159, оп. 1, д. 82, л. 312 об.

разорение мелких акционеров («огромного числа легковверных любителей»), но и «безуспешность цели предприятия, подвижной правительством на дарование привилегии, недоверие публики, потеря кредита и охлаждение возрождающейся благонамеренной предприимчивости». Последнее вызывало особое беспокойство.³⁰ Из всего этого делался вывод о необходимости тщательной правительственной регламентации акционерного учредительства.

Возможно, что вопросы акционерного законодательства и не привлекли бы на этот раз такого внимания Государственного совета, если бы за несколько месяцев перед тем члены Совета не имели возможности более близко познакомиться с предметом. Дело в том, что 27 марта 1835 г. один из учредителей возникшего в этом же году Второго российского страхового от огня общества (устав утвержден 6 марта 1835 г.) небезызвестный граф А. Х. Бенкендорф в письме на имя статс-секретаря барона М. А. Корфа предложил 500 (из 20 тыс.) акций общества на сумму 125 тыс. руб. распределить (продать) среди членов Государственного совета.³¹ К 1 апреля на 350 акций, предложенных членам Совета, поступило почти в три раза больше требований — 960, а на 95 акций, предназначавшихся чиновникам Государственной канцелярии, — более чем в девять раз больше — 866 (в первом случае число подписчиков составляло 23, во втором — 36).³² Пришлось организовать разверстку, результаты которой были официально утверждены Корфом.³³ Опыт деятельности основанного восемь лет назад Первого страхового от огня общества вселял в государственных мужей надежду, что уже через несколько лет их расходы окупятся полностью. Названное общество имело «самый блистательный успех» «из всех акционерных обществ, существующих в России». Средний дивиденд его за 20 лет составил 45%.³⁴ Стремление разделить счастливую судьбу Первого страхового от огня общества нашло отражение в самом названии Второго.

Сразу же после обсуждения заключения департаментов Законов и Государственной экономии в Общем собрании Государственного совета выяснилось, что еще ранее вопрос о необходимости законодательной регламентации акционерного учредительства рассматривался в Министерстве финансов и Коммерческом совете и был даже разработан соответствующий законопроект,

³⁰ Там же, ф. 1152, т. II, 1835 г., д. 115, лл. 21—22 (ф. 1160, оп. 2, д. 70, лл. 295 об.—296).

³¹ ЦГИА, ф. 1162, т. XVI, 1835 г. (Отделение дел гос. секретаря), д. 3, л. 2.

³² Там же, лл. 28—30. — Куда делись недостающие 55 акций, осталось неясным. Возможно, они были приобретены самим М. А. Корфом.

³³ Среди подписавшихся членов Государственного совета были министр внутренних дел Д. Н. Блудов, М. М. Сперанский и др. (там же, л. 28).

³⁴ Современник, 1847 г., т. V, разд. IV, стр. 3.

озаглавленный «Правила об обществах на акциях».³⁵ Подготовка этих «Правил», как объяснял министр финансов Е. Ф. Канкрин в письме министру внутренних дел Д. Н. Блудову от 1 ноября 1835 г., была вызвана явственными признаками зараждающегося биржевого ажиотажа с акциями и вокруг учреждаемых компаний.³⁶ На это направление проекта Министерства финансов указывается и в официальной истории министерства за столетие его деятельности: целью проекта было «прекращение ажиотажа, не только по многим видам вредного для публики, ибо отвлекает капиталы от прежних производительных занятий и распространяет дух игры вместо духа полезных предприятий, но имеющего последствием, что делаются предположения о компаниях единственно для ажиотажа».³⁷ Таким образом, то, что Государственным советом рассматривалось лишь как нежелательная возможность, Министерством финансов расценивалось как реальность, как совершившийся факт, заставляющий его учитывать.

«Правила» подразделялись на 27 параграфов и были снабжены примечаниями на полях, объясняющими «причины предполагаемых постановлений».

В § 1 заявлялось, в частности, что «согласие правительства на учреждение общества на акциях дается только в таком случае, если... успех предполагаемого предприятия имеет значительную степень вероятности». В противоречии с «Началами» далее разъяснялось, однако, что «согласие правительства не заключает в себе какого-либо ручательства за успех предприятия». Чтобы избежать монополии, § 2 ограничивал предоставление компаниям каких-либо исключительных прав лишь случаями, «если предприятие особенно полезно и без временной привилегии существовать не может». В § 23 дополнительно отмечалось, что «общества не должны требовать привилегии», особенно в ущерб другим предприятиям и отечественной промышленности в целом. В § 3 учредителям предоставлялось право приобретать до 20% всех акций. Как объяснялось в примечании, этим имелось в виду связать их интересы с интересами компании в целом. Согласно §§ 17 и 21, учредители могли приобрести также часть акций, оказавшуюся не реализованной среди публики. Никаких особых требований к личности учредителей проектом не предъявлялось. В первоначальном варианте текст § 3 имел продолжение, согласно которому ограничение права учредителей владеть акциями (до 20%) не распространялось «на могущие быть выпуски дополнительных акций». Возможность дополнительных выпусков

³⁵ ЦГИА, ф. 18, оп. 4, д. 517, лл. 7—19.

³⁶ Там же, л. 6. — Письмо начиналось словами: «Частые жалобы, доходившие до меня на вредный ажиотаж акциями на бирже и поступившие ко мне разные проекты, одобрения не заслуживающие, побудили меня...» и т. д.

³⁷ Министерство финансов. 1802—1902 гг. СПб., 1902, ч. 1, стр. 345.

акций в этом параграфе предусматривалась впервые; будучи вычеркнутым при редактировании «Правил» в Министерстве финансов, это положение в последующем выпало из внимания законодателей, что явилось причиной серьезных трудностей при окончательном согласовании законопроекта.

Так же как и Государственный совет (в его «Началах»), Министерство финансов как бы исходило из того, что возможность приобретения акций есть известная привилегия, воспользоваться которой имеют право все желающие. Поэтому внимание было обращено лишь на то, чтобы обеспечить возможно более широкое распространение акций. Впоследствии Е. Ф. Канкрин разъяснял, что в «публичной раздаче акций» он видел способ «предупреждения величайшего зла, то есть затевания компаний единственно для первоначального ажиотажа».³⁸ Никаких отрицательных последствий возможно широкого распространения акций на этой стадии акционерного законодательства не осознавалось. Поэтому устанавливалась лишь максимальная цена акций — 1000 руб. (§ 5). В ряде последующих параграфов (6—16, 18—20) в деталях предусматривалась процедура реализации акций. Так, объявление об этом акте должно было печататься в газетах за 60 дней, «чтобы могли участвовать в губерниях». Должно было устанавливаться наибольшее количество акций, которое могло быть приобретено одним лицом. Предусматривалась возможность присылки требований на акции по почте (для иногородних), а также приобретения части акций правительством (§ 7).³⁹ В случае, если число требований на акции превысит их количество, они подлежали пропорциональной разверстке. Стоимость акций оплачивалась лишь при их получении (§ 16). Согласно § 18 каждая акция подлежала внесению в особую книгу компании, где указывался ее номер и имя владельца. Однако одним из пунктов § 22 предусматривалась возможность выпуска акций и на предъявителя, что могло иметь весьма важное значение при их реализации и собирании основного капитала компаний, а также для финансового положения предприятий в последующем. Компания, акции которой не будут разобраны полностью, рассматривалась как не состоявшаяся (§ 21).

В § 22 перечислялись («дабы ничего существенного не могло быть упущено») вопросы, которые должны были быть обязательно отражены в уставе («плане») компании. Среди них: срок существования компании, права акционеров и ответственность директоров, порядок управления делами предприятия, порядок выплаты дивиденда и образования запасного капитала и т. д. Одним из пунктов предусматривалась возможность оплаты акций

³⁸ ЦГИА, ф. 1287, оп. 2, д. 319, л. 26 об.

³⁹ Случаи приобретения правительством части акций в целях поддержания тех или иных акционерных компаний действительно имели место, в частности и до этого времени (ЦГИА, ф. 18, оп. 5, д. 945, лл. 1, 9—15).

либо полностью, либо по частям. В § 24 определялись ведомства (министерства), которые должны были в соответствии с отраслью деятельности компаний предварительно рассматривать дела об их учреждении. Там же министрам и главноуправляющим запрещалось «участвовать» в компаниях, «по их ведомству учрежденных». В следующем параграфе определялось, что вопрос об учреждении компаний, «кои просят одного дозволения на какое-либо предприятие без исключительных прав», подлежит разрешению в Комитете министров, а «прочих» — в Государственном совете.

Важная роль принадлежала § 26 (на полях примечание: «Сие постановление весьма важно...»). Именно он был непосредственно направлен против акютажа. При его составлении (как видно из того же примечания) учитывался и опыт французского законодательства, и заключение Коммерческого совета. «Продажа и покупка наличных (акций, — Л. Ш.) по вольной, в то же время определенной, цене» разрешалась «свободно на бирже и частным порядком». (Если объектом сделки были именные акции, изменение владельца должно было отмечаться в книге компании). Вместе с тем «всякое условие о поставке на срок по определенной цене акций или всякая сделка, подобную цель биржевой игры имеющая», воспрещались и объявлялись недействительными.

Не дожидаясь утверждения мнения Государственного совета императором, министр финансов Е. Ф. Канкрин поторопился («для выигрыша времени») 1 ноября 1835 г. направить свой проект «Правил об обществах на акциях» министру внутренних дел Д. Н. Блудову.⁴⁰ Предварительно, однако, как сообщалось в сопроводительном письме, проект был отредактирован в соответствии «с прослушанным заключением Соединенных департаментов».⁴¹ Поспешность была вызвана, по-видимому, стремлением Канкринна положить проект Министерства финансов в основу будущего совместного с Министерством внутренних дел законопроекта. По крайней мере в одном отношении это стремление было оправданным. Несмотря на то что в это время на рассмотрении Министерства внутренних дел оказалось сразу пять дел об учреждении акционерных компаний, вопрос об акционерном учредительстве вообще в очень малой степени относился к функциям этого министерства. Можно было предполагать (и так оно оказалось в действительности), что большая часть компаний будет образовываться в сфере промышленности. Между тем еще в конце 1819 г. из состава Министерства внутренних дел вышел Департамент мануфактур и внутренней торговли и с этого времени управление промышленностью целиком сосредоточилось

в Министерстве финансов. Уже в те годы оно превращалось в «фабрикантское ведомство»,⁴² как назвал его позднее В. И. Ленин. Согласно § 24 проекта «Правил об обществах на акциях», в Министерстве внутренних дел подлежали рассмотрению лишь прошения «всех прочих» компаний, т. е. тех, которые по роду деятельности не относились ни к одному из других ведомств. Да и с финансовой точки зрения вопрос об акционерном учредительстве относился исключительно к ведомству Министерства финансов. После получения текста утвержденного мнения Государственного совета Канкрин продолжал настаивать на своем проекте. 9 декабря он писал министру внутренних дел: «Сообразив оный законопроект с предположенными Государственным советом „Началами“, не нахожу с моей стороны нужным сделать в том проекте какие-либо существенные перемены».⁴³ В заключении того же письма Е. Ф. Канкрин сообщал Д. Н. Блудову, что внесение в проект Министерства финансов каких-либо новых дополнений и уточнений он «предоставляет» его «усмотрению» и будет ожидать от него окончательный проект закона.⁴⁴

Такой проект Министерства внутренних дел представило на заключение Министерства финансов в конце февраля следующего, 1836 г. «Проект правил для компаний на акциях» (как он назывался) включал 38 параграфов, распределенных по четырем главам.⁴⁵ Особенностью проекта было то, что он (хотя это и не отражено в его названии) распространялся на все виды товариществ, в том числе и не акционерные (торговые дома); однако основное внимание в нем все же уделялось акционерным компаниям.

В обстоятельном сопроводительном письме Д. Н. Блудов подчеркивал значение законопроекта. «Начертание общего закона о привилегиях на предприятия, — писал он, — соединено с разрешением высших государственных вопросов».⁴⁶ Далее указывалось, что, по его мнению, в законопроекте в основном «подлежат рассмотрению два главных и существенных предмета: 1. Порядок дозволения учреждать компании с присвоением особых им преимуществ; и 2. Меры, которые должны быть принимаемы для охранения капиталов, компании вверенных».⁴⁷ Как и в проекте Министерства финансов, предполагалось сохранение разрешительной системы учреждения компаний, согласно которой право на деятельность компания получала лишь в случае специального, в форме отдельного закона, разрешения правительства. Даже одно это простое разрешение рассматривалось как привилегия.

⁴² В. И. Ленин. Проект нового закона о стачках. ПСС, т. 6, стр. 406.

⁴³ ЦГИА, ф. 1287, оп. 2, д. 319, л. 18.

⁴⁴ Там же, л. 18 об.

⁴⁵ ЦГИА, ф. 18, оп. 4, д. 517, лл. 50—70.

⁴⁶ Там же, л. 44 об.

⁴⁷ Там же, л. 45.

⁴⁰ См.: ЦГИА, ф. 1152, т. II, 1836 г., д. 100, лл. 36—46.

⁴¹ ЦГИА, ф. 18, оп. 4, д. 517, л. 6 об.

Министерство внутренних дел исходило из того, что вопрос о реальности (осуществимости) и полезности основания компаний не может иметь одного общего решения и что поэтому законопроект должен оставить «правительству полную свободу, но усмотрению не только свойств предприятия, но и обстоятельств времени, соглашаться на учреждение или отказать в оном».⁴⁸ По второму вопросу Д. Н. Блудов считал, что для всех компаний должен и может быть установлен общий порядок «как для внутреннего управления оных, так и для охранения их капиталов, отчетности, ликвидации в случае уничтожения и проч.» Что касается «биржевого агента», то он, по мнению Блудова, «не есть существенная принадлежность, но лишь в некоторых случаях неизбежное последствие торговли акциями».⁴⁹ «Продажа акций на срок не может быть воспрещена без нарушения прав собственности; на случай обманов в сем, нет нужды устанавливать особые правила — они подходят под общие узаконения о биржевых сделках».⁵⁰

В Министерстве финансов «Проект правил для компаний на акциях» был направлен на отзыв Департамента мануфактур и внутренней торговли. В заключении Департамента на имя Е. Ф. Канкрин подчеркивалось, что в проект «по изложенным министром внутренних дел уважениям главнейше не вошли предначертанные Вами правила относительно раздачи и разверстки акций, но что вообще проект таковой не заключает в себе ничего особенно стеснительного для обществ».⁵¹ Затем предлагалось 10 пунктов замечаний на этот проект, большинство которых было учтено в официальном отзыве Министерства финансов от 5 марта 1836 г.⁵² Отмечая в отзыве, что мнения ведомств «различествуют в некоторых главных отношениях», Е. Ф. Канкрин настаивал на присоединении его проекта и отзыва к подготавливаемому представлению Д. Н. Блудова в Государственный совет.⁵³ Тем самым создавалась возможность для продолжения борьбы по поводу законопроекта и в Совете.⁵⁴ Поэтому в отзыве

⁴⁸ Там же, л. 47.

⁴⁹ Там же, л. 47 об.

⁵⁰ Там же, л. 48 об.

⁵¹ Там же, л. 73.

⁵² Исключение составили следующие три пункта, не отраженные в отзыве Министерства финансов. По мнению Департамента, из проекта Министерства внутренних дел следовало исключить указание на максимальное количество акций, которое могло принадлежать отдельным учредителям и акционерам (п. 4). Предлагалось разрешить компаниям изменять без санкции правительства положения уставов «о внутреннем управлении делами общества» (п. 9). Согласно проекту, в случае злоупотреблений со стороны директоров компаний они отвечали принадлежащими им 50 акциями. Департамент считал необходимым оговорить, что это правило «может иметь силу только по приговору общего собрания акционеров» (ЦГИА, ф. 18, оп. 4, д. 517, лл. 73—74).

⁵³ ЦГИА, ф. 1287, оп. 2, д. 319, л. 26 об.

⁵⁴ Министры по должности являлись членами Государственного совета и принимали участие в его заседаниях.

речь шла лишь о некоторых частных расхождениях между проектами двух ведомств.

Наиболее существенное из них касалось вопроса о порядке распределения (реализации) акций. Детальная регламентация этого порядка, содержащаяся в проекте Министерства финансов, в проекте Министерства внутренних дел отсутствовала. Взамен ее, согласно § 30 «Проекта правил», «назначение числа акций, срока для взноса следующих за оные деньги (вполне или по частям) и порядок распределения и раздачи их между акционерами» — все это подлежало «усмотрению самих учредителей» и определению в уставах компаний. Устанавливалось лишь, что: а) акции не могут быть дешевле 50 и дороже 2000 руб. (ассигнациями); б) если предполагалась оплата акций по частям, обязательным было соответствующее обеспечение полной оплаты и в) учредители до истечения срока привилегии обязаны были владеть 50—200 акциями. Соглашаясь на эти изменения, Канкрин писал, однако, что, по его мнению, для борьбы с ажиотажем и исключения возможности возникновения предприятий спекулятивного характера решающее значение имеет крайняя осторожность правительства при утверждении новых компаний. «Я полагаю, что не должно излишне поощрять компаний, против коих ныне в Европе возникают многие возражения...». И далее: «Я не могу скрыть, что сомнительные успехи некоторых компаний, у нас учрежденных, грозят отохочиванием публики вовсе от участия в оных, тем более что немалое число людей уже разорилось от ажиотажа, почему на будущее время требуется вящая осторожность правительства, и в сем отношении лучше отказать десяти несовершенно положительным компаниям, нежели допустить одну ко вреду публики и самого дела».⁵⁵ У Канкрин вызвал возражение пункт, обязывающий учредителей владеть акциями, он был против требовавшейся «Проектом правил» санкции правительства в случае возможного устранения учредителей-директоров, возражал он и против запрещения директорам получать особое вознаграждение за труд и, наконец, против установления в законопроекте числа акций, дающих право голоса (10 акций — 1 голос, 50 акций — 2; Канкрин предлагал устанавливать это число в уставах).⁵⁶

15 марта 1836 г. представление министра внутренних дел «О проекте закона об учреждаемых обществах на акциях» (с изложением отзыва и приложением проекта Министерства финансов) было направлено в Государственный совет.⁵⁷ Касаясь отзыва Министерства финансов от 5 марта, Д. Н. Блудов отмечал в своем представлении, что высказанные в нем предложения «по возможности соблюдены в означенном проекте» (т. е. в проекте Мини-

⁵⁵ ЦГИА, ф. 1287, оп. 2, д. 319, лл. 25 об.—26.

⁵⁶ Там же, лл. 26 об.—27 об.

⁵⁷ ЦГИА, ф. 1152, т. II, 1836 г., д. 100, лл. 2—35, 36—46.

стерства внутренних дел.⁵⁸ 9 и 15 мая представление рассматривалось в Соединенных департаментах Законов и Государственной экономики, заключение которых 25 мая было утверждено Общим собранием Государственного совета.⁵⁹ При обсуждении законопроекта Министерства внутренних дел Государственный совет на этот раз ограничился лишь сравнением его с «Началами» (сформулированными Советом еще в октябре 1835 г.) и решением вопросов, оставшихся не согласованными между Министерством финансов и Министерством внутренних дел. Одобрив законопроект в целом, Совет высказал, однако, ряд замечаний и предложил Д. Н. Блудову их учесть, после чего представить законопроект на окончательное утверждение.⁶⁰ 20 июня мнение Государственного совета было утверждено царем.⁶¹ Свое заключение по поводу этих замечаний Блудов изложил в особой записке. С рядом предложений он соглашался. Так, в его проекте предполагалось ограничить номинальную цену акций (от 50 до 2000 руб.). В заключении же Соединенных департаментов предлагалось не устанавливать таких пределов вообще, поскольку, в частности, «низкая цена акций, не производя никаких вредных последствий, напротив, умножением числа акционеров способствует движению капиталов в более обширном круге».⁶² Приемлемыми он считал некоторые уточнения относительно гарантии полного взноса капитала в случае оплаты акций по частям, предусматривавшейся в проекте Министерства внутренних дел.⁶³ Соглашался Блудов и с предложением считать правомочными лишь те общие собрания акционеров, в которых принимают участие владельцы минимум 50% всех акций.⁶⁴ Но некоторые замечания Государственного совета вызвали категорические возражения Д. Н. Блудова. Совет высказался за реализацию четырех пятых выпускаемых акций (одна пятая сохранялась за учредителями) по свободной подписке и установление максимальной нормы для одного лица. Система реализации акций должна была обеспечить возможность участия иногородних.⁶⁵ Блудов же настаивал на предоставлении реализации акций цели-

⁵⁸ Там же, л. 32.

⁵⁹ Там же, лл. 50—59, 70—78 (ф. 1160, оп. 2, д. 73, лл. 350—385; ф. 1159, оп. 1, д. 86, лл. 334—349).

⁶⁰ Там же, л. 50 (ф. 1160, оп. 2, д. 73, л. 369).

⁶¹ ЦГИА, ф. 1159, оп. 1, д. 86, л. 349. — А. И. Каминка ошибочно полагал, что на этом обсуждение законопроекта было закончено (причем в его распоряжении находился не этот, а последующий проект Министерства внутренних дел) и он получил ту редакционную форму, в которой он был утвержден императором 6 декабря 1836 г. (А. И. Каминка. Акционерные компании. СПб., 1902, стр. 375—380).

⁶² ЦГИА, ф. 1152, т. II, 1836 г., д. 100, лл. 53 об., 60 об. (ф. 1160, оп. 2, д. 73, л. 374 об.).

⁶³ Там же, лл. 53 об.—54, 61 об. (там же, лл. 375—376).

⁶⁴ Там же, лл. 58 об., 61 (там же, л. 382 об.).

⁶⁵ Там же, лл. 55—57 (там же, лл. 377—380).

ком усмотрению учредителей.⁶⁶ «Случайное распространение акций между людьми, не привыкшими к биржевому делу, гораздо менее согласно с справедливостью и несравненно вреднее, нежели предоставление самим учредителям разверстки акций», — указывалось, в частности, в заключении Блудова.⁶⁷ Предлагаемое Государственным советом правило, согласно которому о всякой передаче акций от одного лица к другому требовалось ставить в известность правление компании, признавалось затруднительным «для иногородних акционеров, на участие которых правительство должно обращать особенное внимание».⁶⁸ Он считал необходимым, чтобы директорами компаний назначались лишь лица, владеющие минимум 50 акциями, что обеспечивало бы их материальную заинтересованность в делах компании.⁶⁹ По мнению же Государственного совета, такое правило «могло бы иногда устранить от сего звания людей способных, опытных и благонадежных из числа мелких акционеров».⁷⁰ Наконец, Д. Н. Блудов, в соответствии с «Началами», настаивал на необходимости сохранить в законопроекте, хотя бы в общей формулировке, требование, смысл которого сводился к тому, чтобы «устав компании был подписываем... лицами, известными и достойными общей доверенности и коих нравственные качества, сведения в предпринимаемом деле и самое состояние и имущество могут служить некоторым ручательством в успехе предприятия и в охранении капитала от противозаконной растраты». Государственный совет считал подобное требование слишком относительным и неопределенным.⁷¹

После доработки и исправления «Проект правил для компаний на акциях» 19 июля 1836 г. вновь был внесен Д. Н. Блудовым в Государственный совет,⁷² где подвергся «окончательному и самому подробному рассмотрению»⁷³ на трех заседаниях Соединенных департаментов Законов и Государственной экономики в присутствии министра внутренних дел (17 августа, 24 сентября и 12 октября).⁷⁴ Признавалось необходимым «излишними ограничениями не стеснять предприимчивости благонамеренной и полезной», в то же время «преграждая по возможности путь к вредным действиям со стороны учреждающих компании на акциях и устраняя предприятия, клонящиеся к обману людей

⁶⁶ Там же, лл. 62, 67—68.

⁶⁷ Там же, л. 62.

⁶⁸ Там же, лл. 61 об., 55 (ф. 1160, оп. 2, д. 73, л. 377).

⁶⁹ Там же, л. 63.

⁷⁰ Там же, л. 53 об. (ф. 1160, оп. 2, д. 73, лл. 374 об.—375).

⁷¹ Там же, лл. 57 об.—58, 69 (там же, л. 381).

⁷² Там же, лл. 81—102. — Только этот вариант законопроекта Министерства внутренних дел был известен А. И. Каминке (см. прим. 61).

⁷³ ЦГИА, ф. 1152, т. II, 1836 г., д. 100, л. 121 (ф. 1160, оп. 2, д. 74, л. 263).

⁷⁴ Там же, лл. 121—130 (там же, лл. 263—280).

легковерных». ⁷⁵ Поскольку и новый вариант проекта Министерства внутренних дел вызвал многочисленные замечания и дополнения Соединенных департаментов (его текст оказался сплошь испещрен правкой), ими был подготовлен новый, четвертый по счету, вариант законопроекта («Проект положения»), к сожалению, до нас не дошедший. О его существовании позволяют говорить документы об обсуждении законопроекта в Государственном совете, содержащие ссылки на параграфы, номера которых не совпадают ни с одним из имеющихся в деле. ⁷⁶ Позднее в мемории Государственного совета прямо отмечалось, что «Соединенные департаменты, по взаимному с министрами соглашению, составили новый проект общего для компаний на акциях положения». ⁷⁷ Одновременно Д. Н. Блудовым была составлена записка с возражениями на замечания Соединенных департаментов и подготовленный ими вариант законопроекта. ⁷⁸ Записка не подписана, и о ее принадлежности можно судить лишь на основании анализа текста заключения департаментов (составленного в результате трех заседаний в августе—октябре), где, в частности, в одном из мест пересказывается мнение министра внутренних дел в той же редакции, как оно изложено в записке с возражениями. ⁷⁹ В заключение записки Блудов вновь высказывал свое убеждение, что излишняя регламентация учреждения и деятельности компаний в законопроекте, имеющем общий характер, «может только лишь стеснять самое правительство при рассмотрении предположений об учреждении компаний» в дальнейшем. ⁸⁰ 23 октября в ответ на запрос министра финансов государственный секретарь М. А. Корф сообщал ему, что проект «Правил об учреждении компаний на акциях» находится «на предварительном рассмотрении г. председателя» Государственного совета Н. Н. Новосильцова. ⁸¹ 2, 9 и 16 ноября обсуждение законопроекта (по всей вероятности, того же его варианта, который был подготовлен Соединенными департаментами) и записки Д. Н. Блудова было продолжено в Общем собрании Совета, ⁸² который «по особенной во многих отношениях важности сего дела почел обязанностью обратить на оное самое ближайшее внимание». ⁸³ Вследствие этого после заслушивания законопроекта на заседании 2 ноября он был на неделю представлен для ознакомления

⁷⁵ Там же, л. 121 (там же, л. 263 об.).

⁷⁶ Там же, лл. 131—141, 159, 162 и др.

⁷⁷ ЦГИА, ф. 1159, оп. 1, д. 88, л. 24.

⁷⁸ ЦГИА, ф. 1152, т. II, 1836 г., д. 100, лл. 60—69.

⁷⁹ Там же, лл. 106, 126 об.

⁸⁰ Там же, л. 108.

⁸¹ Там же, л. 120.

⁸² ЦГИА, ф. 1160, оп. 2, д. 74, лл. 281—321.

⁸³ ЦГИА, ф. 1152, т. II, 1836 г., д. 100, л. 159 (ф. 1160, оп. 2, д. 74, л. 301).

«всем членам (Совета, — Л. III); дабы поставить их в возможность ближе вникнуть в общую связь и в частности сего дела» ⁸⁴ — мера, применявшаяся в то время в исключительных случаях. Заседание 9 ноября было посвящено лишь одному вопросу: о возможности оплаты акционерами приобретаемых акций по частям. ⁸⁵ Ввиду большого значения, придаваемого ему, и возникших разногласий было решено до рассмотрения законопроекта в целом представить мнения двух разных групп членов Государственного совета на усмотрение императора. Дело в том, что в последнем проекте Министерства внутренних дел этот вопрос решался положительно. Соединенными департаментами он был решен отрицательно. А большинством членов Общего собрания, мнение которых получило утверждение императора, — снова положительно. Большинство расценивало этот вопрос, как «самый существенный во всем настоящем деле, ибо от него некоторым образом зависит будущая участь и даже вопрос о самой возможности существования компаний в России». ⁸⁶ По этому вопросу были затребованы письменные заключения председателя Департамента государственной экономии Ю. П. Литта, ⁸⁷ председателя Гражданского департамента Н. С. Мордвинова ⁸⁸ и министра финансов Е. Ф. Канкрин. ⁸⁹ 16 ноября законопроект рассматривался в Общем собрании целиком, ⁹⁰ причем по ряду его статей были высказаны дополнительные, большей частью редакционного характера, замечания. На этот раз окончательная отработка законопроекта (его «исправление и дополнение») была поручена Государственной канцелярии, которая затем должна была представить его «к высочайшей конфирмации». ⁹¹

Отсутствие подготовленного Соединенными департаментами варианта законопроекта осложняет анализ документов, отражающих его обсуждение в Государственном совете. Но именно последние дают возможность косвенно судить о содержании тех положений этого варианта законопроекта, которые вызвали возра-

⁸⁴ Там же (там же).

⁸⁵ Там же, лл. 144—153 (там же, лл. 281—300, 320—321).

⁸⁶ Там же, лл. 147 об.—148 (там же, л. 289).

⁸⁷ Там же, лл. 133—136.

⁸⁸ Там же, лл. 137—141.

⁸⁹ Там же, лл. 142—143.

⁹⁰ Там же, лл. 159—168 (ф. 1160, оп. 2, д. 74, лл. 301—319). — К этому заседанию Государственного совета Н. С. Мордвинов и адмирал А. С. Грейг представили «особые письменные замечания». В заключение своих замечаний Грейг указывал: «Мне кажется вообще неудобным Правительству входить без крайней необходимости в распоряжения частных капиталов, которые обыкновенно тем выгоднее обращаются, чем менее находят препятствий; а потому желательно, чтобы Устав о компаниях был как можно краток и ясен... и частной собственности не вреден» (ЦГИА, ф. 1152, оп. II, 1836 г., д. 100, лл. 157 об., 159 об.).

⁹¹ ЦГИА, ф. 1152, т. II, 1836 г., д. 100, л. 168 об. (ф. 1160, оп. 2, д. 74, л. 317 об.).

жения или отстаивались в процессе обсуждения. Рассмотрим наиболее существенные из этих положений в той последовательности, как они, по-видимому, были зафиксированы в этом (четвертом) варианте законопроекта.

В ст. 1 выяснялось отличие акционерных компаний от всех других видов товариществ («особенное свойство акционерных компаний»). В своих замечаниях Д. Н. Блудов отстаивал явно неверные положения. По его мнению, «ответственность (акционеров, — Л. Ш.) одним только складочным капиталом, как в проекте положения сказано, не есть, кажется, ясная и постоянная черта сего различия». Он считал, что «самая очевидная черта сего различия состоит в том, что в компании раздача акций должна производиться публично с предварительного приглашения желающих через ведомости и всем желающим по уравнительной разверстке».⁹² Соединенные же департаменты, по-видимому, настаивали на том, чтобы на это различие было четко указано, поскольку «закон постановляется исключительно для компаний на акциях»⁹³ (напомним, что проект Министерства внутренних дел распространялся на все виды товариществ).

Далее Соединенные департаменты предлагали сократить предусматриваемое законопроектом число возможных категорий акционерных компаний с трех (в проектах Министерства внутренних дел их первоначально намечалось семь) до двух: организация которых представляет особые научно-технические трудности и требует значительных предварительных затрат, а доходность возможна лишь через продолжительное время — первая категория, и все прочие — вторая (ст. 5). (Примером первых назывались железнодорожные, а вторых — страховые общества).⁹⁴ Учреждение этих компаний могло осуществляться «в тройном виде: или одним простым дозволением, или предоставлением вместе с тем некоторых особых преимуществ, или, наконец, — дарованием исключительных привилегий».⁹⁵

Ст. 8 посвящалась установлению срока существования отдельной компании. Государственный совет высказался за то, что ограничение времени деятельности компаний предельным сроком не является обязательным. Для второго и третьего вида компаний правительством должен был устанавливаться срок действия «особых преимуществ» и «исключительных привилегий».⁹⁶

В заключении Соединенных департаментов предлагалось следующее решение вопроса о налогообложении акционерных компаний: «По неудобству облагать компании особою в пользу казны

пошлиною с доходов» компании обязывались приобретать общие для всех других форм предприятий торговые свидетельства, в соответствии с размером акционерного капитала.⁹⁷ Согласно тому же заключению, разрешение на учреждение компании признавалось аннулированным, если к установленному сроку все акции не будут разобраны, а причитающиеся за них деньги внесены, или если акционерами не будет решено «ограничиться в исполнении предположенного предприятия одним действительно собранным капиталом».⁹⁸

В соответствии с возражениями министра внутренних дел Общее собрание Государственного совета рекомендовало уточнить в ст. 15 перечень тех малосущественных положений уставов («относящихся к подробностям делопроизводства и пр.»), которые могли быть изменены самими компаниями, не испрашивая особого разрешения правительства.⁹⁹

По настоянию же Д. Н. Блудова из ст. 17, предусматривавшей случаи ликвидации компаний (по постановлению собрания акционеров и пр.), Общее собрание признавало возможным исключить положение о ликвидации компаний в случае нарушения директорами или правлением их устава.¹⁰⁰

Общее собрание признавало возможным ограничить действие ст. 18 и 21, по смыслу которых «неисполнение компаниею предприятия ее в определенное для того уставом время, влечет за собою уничтожение предоставленных ей преимуществ и привилегий», лишь случаями, когда будет доказана «очевидная и неподлежащая никакому сомнению вина самой компании».¹⁰¹

Далее Общее собрание предлагало пояснить в ст. 19, что о прекращении предоставленных привилегий и о полной ликвидации компании, кроме публикации самой компании в официальных газетах (ведомостях), соответствующее ведомство обязано сообщать в указах Сената.¹⁰²

Наиболее серьезные разногласия и споры возникли, как указывалось, вокруг ст. 22 четвертого варианта законопроекта о порядке оплаты акций.¹⁰³ Статье придавалось большое значение, поскольку в «Проекте положения» не предусматривалась возможность последующего увеличения капитала компаний. В заключении Соединенных департаментов по этому поводу указывалось: «Для вернейшего обеспечения предприятия компании и интересов всех участников и для предупреждения всякого

⁹⁷ Там же, л. 124—124 об. (там же, л. 269).

⁹⁸ Там же, л. 125 (там же, лл. 269 об.—270).

⁹⁹ Там же, лл. 105, 162 об. (там же, лл. 306 об.—307).

¹⁰⁰ Там же, лл. 105 об., 163 (там же, лл. 307 об.—308).

¹⁰¹ Там же, л. 163 об. (там же, лл. 308 об.—309).

¹⁰² Там же, л. 164 (там же, л. 309 об.).

¹⁰³ Там же, лл. 106, 125—126, 144—153, 164 (там же, лл. 271—273, 281—300, 310—312).

⁹² Там же, л. 104.

⁹³ Там же, л. 123 об. (ф. 1160, оп. 2, д. 74, л. 288).

⁹⁴ Там же, лл. 121 об., 149 об. (там же, лл. 246, 293).

⁹⁵ Там же, л. 123 (там же, л. 267).

⁹⁶ Там же, лл. 124, 161 (там же, лл. 269, 305).

ажнотажа при продаже акций принять за положительное правило, чтобы определенная за акцию цена была вносима сполна при самом получении оной». ¹⁰⁴ В качестве одного из аргументов в пользу такого порядка департаменты указывали на то, что следствием его должно было быть распространение более мелкой купюры акций и вместе с тем увеличение их количества и числа акционеров. ¹⁰⁵ Защищая положения своего проекта, министр внутренних дел указывал на необходимость «сколь можно противиться вдруг слишком большим изъятиям капиталов из народного обращения и накоплению оных в кредитных установлениях по той общезвестной причине, что капиталы, в частных руках и в раздробительных количествах обращающиеся, полезнее огромных капиталов в банках». ¹⁰⁶ Что касается обеспечения интересов компании и акционеров, то, по мнению Д. Н. Блудова, «капитал не всегда весь требуется для действия и взнос оного по частям легче для акционеров»; полнота же оплаты акций в установленные сроки может быть обеспечена мерами самой компании. ¹⁰⁷ В Общем собрании Государственного совета мнения по этому поводу разошлись.

Меньшинство (12 членов) поддержало Соединенные департаменты. За запрещенные оплаты акций по частям было высказано шесть доводов: 1) для гарантии полной оплаты акций невыплаченная часть цены должна обеспечиваться залогом («в денежных суммах — наличных или в билетах кредитных установлений»), что приведет к иммобилизации на долгое время вложенных в них средств; 2) неполная оплата акций может привести к гибели предприятий, существование которых «в видах общественной пользы было бы, напротив, весьма желательно»; 3) только таким путем была надежда «предотвратить по возможности вредное действие ажнотажа», который мог возникнуть в результате спекуляций с частично оплаченными акциями; 4) эта мера (запрещение оплаты акций по частям) позволит «возбудить движение частных капиталов в более обширном круге, ибо требование полного взноса имеет необходимым последствием для успешнейшей раздачи акций уменьшение цены оных и соразмерное предприятно увеличение числа акций»; 5) только при этом условии можно «поддерживать общественное доверие к предприятиям, приводимым в действие посредством компаний на акциях» и, наконец, 6) запрещенные оплаты акций по частям в качестве общего правила устранил произвол и разноречивость, который неизбежен при разрешении такой оплаты в одних случаях и запрещении в других. ¹⁰⁸

¹⁰⁴ Там же, лл. 125 об.—126 (там же, л. 271).

¹⁰⁵ Там же, л. 126 (там же, л. 272).

¹⁰⁶ Там же, л. 106.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же, лл. 146—147 об. (ф. 1160, оп. 2, д. 74, лл. 285—289).

Победило, однако, утвержденное царем мнение большинства членов Государственного совета (17) во главе с председателем Н. Н. Новосильцовым и включая Е. Ф. Канкрин и Д. Н. Блудова, которые высказались за разрешение в принципе оплаты акций по частям. ¹⁰⁹ В основу было положено предложение Е. Ф. Канкрин. Вынужденный отлучиться с заседания 2 ноября, он представил Совету краткую записку, где указывал на целесообразность давать это разрешение тем компаниям, для которых по роду их деятельности это возможно. ¹¹⁰ В основу такого разделения компаний, по мнению 17 членов Общего собрания, должно было лечь установленное в ст. 5 разделение компаний на две категории (для первой категории оплата акций по частям разрешалась, для второй — нет). ¹¹¹ Свое мнение большинство Государственного совета мотивировало следующим образом: «Известно и не нужно доказывать, что дух подобных общественных предприятий у нас, в сравнении с государствами иностранными, весьма мало еще распространен и что если до сих пор легко было собирать капиталы по первому вызову, то сие должно отнестись, — преимущественно и почти исключительно, — к обольщавшей вкладчиков надежде ажнотажа, возбужденной впервые необыкновенным примером Первого страхового от огня общества, в 1827 году учрежденного. Пока частный человек имел уверенность, что чрез перепродажу купленных им акций он выручит свой капитал в несколько недель или даже дней вдвойне и втройне, и пока уверенность эта была оправдываема на самом опыте, конечно, нельзя было опасаться недостатка в акционерах ни для какой вновь образующейся компании, независимо, впрочем, от цели и выгодности ее предприятия, о чем мало кто из требовавших акций и заботился. Но несколько неудачных попыток, на легковерии массы публики рассчитанных, и несколько значительных банкротств от азартной игры в акции разрушили эту, дотоле столь обольстительную, приманку. Не только мелкие вкладчики, у которых маловажность вкладов вознаграждалась числом, но и более достаточные капиталисты наши, без того робкие и малопредпринимчивые, теперь, последствием этих неудач, так сказать, запуганы и дело приняло быстрый оборот от одной крайности к другой: прежняя слепая доверчивость заменилась почти совершенным отвращением. Непоименовывая никаких примеров, достаточно здесь упомянуть, как о вещи гласной и всем известной, что некоторые компании остаются теперь с своими акциями без средств к сбыту, тогда как прежде они были бы

¹⁰⁹ К мнению 17 членов Государственного совета при подписании журнала от 9 ноября 1836 г. присоединилось еще 6, ранее возражавших против оплаты акций по частям (ЦГИА, ф. 1160, оп. 2, д. 74, лл. 320—321).

¹¹⁰ ЦГИА, ф. 1152, т. II, 1836 г., д. 100, лл. 142—143.

¹¹¹ Там же, лл. 149 об.—150, 164 об. (ф. 1160, оп. 2, д. 74, лл. 292 об.—293, 310—311).

расхватаны в несколько часов, что акции других продаются почти вполнину против нарицательной цены и при всем том не находят покупателей, и, наконец, что есть компании, которые за неимением требований на их акции принуждены были закрыться, не начиная еще своих действий. Сколько, с одной стороны, доказываемый сим упадок видов на ажиотаж должен соответствовать цели и желаниям правительства, столько, однако ж, с другой, достойно бы было сожаления, если б с ним вместе угасла и благонамеренная наклонность публики к предприятиям важным и зрело обдуманным, которые могут обратиться к истинной пользе государства, но, превышав способы частных людей в отдельном их действии, возможны только соединением капиталов. При успехах нашей промышленности, при непрерывном развитии в государстве новых потребностей и новых сил, и при всегдашнем примере иностранных держав, где компании ежедневно размножаются и пользуются часто большими прибылями, последствие это невероятно; но и правительство должно способствовать отвращению оного своими мерами, поощряя полезную предприимчивость, пролагая ей свободные пути, и особенно отстраняя такие ограничения, которые стесняют без прямой необходимости и даже со вредом в других отношениях. Правило, чтобы при самом учреждении компаний требовать тотчас взноса полной цены акций, или, что все равно, полного складочного капитала компании, по мнению 17 членов, весьма основательно; но чтобы иметь свою пользу в приложении, не перейдя в одно из помянутых выше вредных ограничений, правило сие не должно быть ни *общим*, ни *безусловным*.¹¹² И далее: «Принятие за неперемное правило полных вдруг взносов может нанести решительный удар тем компаниям, возрождение которых наиболее у нас желательно как источников разных улучшений в государстве, не сопряженных ни с какими жертвами для казны. Что же касается до ажиотажа, то члены сии не думают, чтобы допущение частных взносов могло его усилить».¹¹³

Согласно ст. 23 учредителям и директорам предоставлялось право приобретать известную часть акций компании, но вместе с тем воспрещалось в течение известного времени передавать эти акции в другие руки. И в заключении Соединенных департаментов, и в записке Д. Н. Блудова обращалось внимание на нелогичность статьи и предлагалось исключить из нее вторую часть.¹¹⁴

Соединенные департаменты считали необходимым в дополнение к указанию на ответственность акционеров «в случае неудачи предприятия» лишь их взносом в основной капитал компании разъяснить в законопроекте, что акционеры «в таких

случаях не могут подвергаться быть никакой личной ответственности», а «при несостоятельности акционера по долгам казенным или частным, внесенный им за акции капитал остается неприкосновенною собственностью компании, но акции по соразмерности долга все или частью обращаются в собственность казны или кредитора со всеми причитающимися прибылями».¹¹⁵

Общее собрание высказалось за перередактирование ст. 27 в том смысле, что порядок участия акционеров в общих собраниях и максимальное число голосов, которое может принадлежать одному лицу, должно «определяться особо в частном уставе каждой компании».¹¹⁶

В ст. 30 говорилось, что первый состав правления компании образуется «из учредителей, если они пожелают...». Д. Н. Блудов предлагал исключить указание на желание учредителей, так как «до раздачи акций» другого состава «и быть не может».¹¹⁷

Из ст. 34 Соединенные департаменты предлагали исключить подробности, определявшие «число директоров и время пребывания в сем звании, определение порядка производства дел, выбора должностных лиц и проч.», перенеся их в частные уставы компаний. Вместе с тем статью рекомендовалось дополнить указанием на запрещение предоставлять кому бы то ни было право «на всегдашнее и бессменное управление делами компании». Министр внутренних дел возражал против содержавшегося в этой же статье категорического запрещения устанавливать для кого бы то ни было «особую постоянную прибыль» за счет компании, ссылаясь на то, что возможны случаи, когда это будет необходимо для существования компании (например, для приобретения права на изобретение). При обсуждении ст. 34 департаменты высказались и еще за одно дополнение законопроекта указанием на ответственность директоров за допущенные злоупотребления «на общем основании законов лично и всем своим свободным имуществом» (это положение составило ст. 35). По мнению Общего собрания, слова «лично и всем своим свободным имуществом» лишь поясняли первую часть «на общем основании законов», а потому подлежали исключению.¹¹⁸

«Взамен правила, что министры и главноуправляющие не могут принимать на себя звание покровителей компаний», Соединенные департаменты предлагали «поместить в проекте, что они не могут быть ни учредителями, ни директорами компаний, по их ведомству учреждаемых». Такая возможность, следовательно, оставалась открытой для всех других чиновников,

¹¹² Там же, л. 127 (там же, лл. 273 об.—274).

¹¹³ Там же, л. 155 об. (там же, л. 312).

¹¹⁴ Там же, л. 107.

¹¹⁵ Там же, лл. 107 об., 127 об.—128, 165 об. (ф. 1160, оп. 2, д. 74, лл. 274 об.—275, 312—313).

¹¹² Там же, лл. 147 об.—149 (там же, лл. 289 об.—292 об.).

¹¹³ Там же, л. 152 (там же, л. 296 об.).

¹¹⁴ Там же, лл. 106 об., 126 об.—127 (там же, л. 273).

а для министров и главнoуправляющих — по другим ведомствам.¹¹⁹

Согласно ст. 37, решения собраний акционеров считались правомочными, если были приняты двумя третями голосов; для чрезвычайных собраний, кроме того, требовалось, «чтобы капитал явившихся в собрание акционеров превышал половину всего складочного капитала». Общее собрание сочло последнее требование невыполнимым и предлагало его отменить, установив взамен, что решения собрания должны приниматься не менее чем тремя четвертями голосов. В качестве мотивировки указывалось, «что при участии в компаниях лиц, занятых службою, коммерцией и проч., иногородних и иностранцев, едва ли ожидать можно, чтобы в общее собрание явилось когда-либо половина и еще более половины всех акционеров по капиталу».¹²⁰

Соединенные департаменты считали необходимым, помимо обязательного в соответствии со ст. 38 предоставления отчетов компаний для ознакомления акционеров за месяц до их рассмотрения, подвергать их проверке особыми ревизионными комиссиями из числа акционеров. При рассмотрении этой статьи, а также ст. 39 Общее собрание предложило не стеснять компании установлением обязательного годового срока отчетности, допуская в уставах отдельных компаний меньшие и большие отчетные периоды.¹²¹

Разногласия вызвала и ст. 41. Департаменты считали возможным в случае принятия большинством акционеров решения о продлении действий компании выход из компании тех акционеров, которые будут несогласны с этим решением, и возврат им соответствующей части капитала. Общее собрание встало на другую точку зрения. По его мнению, возврат части капитала «неизбежно приведет компанию в большие затруднения и может поставить ее даже в невозможность продолжать свои действия». Акционеры же, несогласные с продлением действий компании, должны были реализовывать свои акции обычным порядком на рынке.¹²²

Общее собрание признало необходимым также включить в законопроект два новых положения, направленных против возможной спекуляции с акциями. «Решительно» запрещались акции на предъявителя; на каждой акции было обязательно обозначение ее владельца, а передача акции другому лицу должна была каждый раз фиксироваться в правлении.¹²³ Между тем во всех проектах и Министерства финансов и Министерства внутренних дел

выпуск акций на предъявителя допускался. Запрещались также и объявлялись недействительными «всякие условия между частными лицами, как на бирже, так и вне оной, о покупке и продаже акций... не за наличные деньги, а с поставкою к известному сроку и по известной цене»,¹²⁴ хотя в мае Государственный совет признал эту меру «несогласной с общим законом о торговле» и «неудобоисполнимой».¹²⁵

В замечаниях Соединенных департаментов, кроме того, сохранился ряд рекомендаций относительно порядка рассмотрения дел об учреждении акционерных компаний в министерствах, Комитете министров и Государственном совете.¹²⁶

Таким образом обсуждение четвертого варианта законопроекта («Проекта положения») в Соединенных департаментах и Общем собрании Государственного совета не вышло из круга вопросов, ранее уже поставленных в проекте «Правил об обществах на акциях» Министерства финансов и «Проекте правил для компаний по акциям» Министерства внутренних дел. В свою очередь оба эти проекта строились с учетом уже существовавшего законодательства — русского и иностранного. В процессе подготовки законопроекта было составлено «историческое обозрение состава» уставов всех акционерных компаний, существовавших в России «со времени императора Петра Великого».¹²⁷ К акционерным компаниям, как одной из форм коммерческих предприятий вообще, естественно, относились (если не оговаривалось противного) и все те общие нормы, которые устанавливались законом для этих предприятий. И Е. Ф. Канкрин, и Д. Н. Блудов были знакомы с иностранным акционерным законодательством. Первый ссылается в «Правилах об обществах на акциях» на французские законы,¹²⁸ второй в сопроводительном письме к «Проекту правил для компаний на акциях» — на иностранный опыт вообще.¹²⁹ На использование опыта иностранного законодательства при рассмотрении нового акционерного закона указывается также в заключительной мемории Государственного совета («в виду Соединенных департаментов были... законодательства по сей части разных иностранных держав»)¹³⁰ В делах Совета имеется в виде копии один из самых последних уставов немецких акционерных обществ: устав Компании для устройства железной дороги между Лейпцигом и Дрезденом, утвержденный 6 мая 1835 г.¹³¹

¹²⁴ Там же, л. 168 (там же, д. 74, лл. 316 об.—317).

¹²⁵ Там же, лл. 54 об., 74 об. (там же, д. 73, лл. 376 об.—377).

¹²⁶ Там же, лл. 129—130 (там же, д. 74, лл. 277 об.—279).

¹²⁷ ЦГИА, ф. 1159, оп. 1, д. 88, л. 24 об.

¹²⁸ ЦГИА, ф. 18, оп. 4, д. 517, л. 18 об.

¹²⁹ Там же, л. 44 об.

¹³⁰ ЦГИА, ф. 1159, оп. 1, д. 88, лл. 24 об.—25.

¹³¹ ЦГИА, ф. 1152, т. II, 1836 г., д. 100, лл. 109—118.

¹¹⁹ Там же, л. 129—129 об. (там же, л. 276).

¹²⁰ Там же, л. 166 (там же, лл. 313—314).

¹²¹ Там же, л. 128 об. (там же, л. 276).

¹²² Там же, лл. 128 об., 166 об.—167 (там же, лл. 276 об.—277, 314 об.—315).

¹²³ Там же, л. 167 об. (там же, л. 316).

6 декабря 1836 г. Николай I утвердил особую меморию, излагающую содержание журнала заседаний Государственного совета от 2, 9 и 16 ноября 1836 г., окончательный вариант закона «Положение о компаниях на акциях»¹³² и подписал подготовленный М. М. Сперанским указ Сенату об обнародовании и исполнении этого закона.¹³³ Как говорилось в указе, новый закон принимался, «дабы всем вообще ветвям промышленности, при благословении Божиим столь приметно возрастающей в империи нашей, доставить, с одной стороны, сколь можно более свободы в ее движении и развитии, а с другой — оградить ее по возможности от последствий легкомыслия и необдуманной предприимчивости».¹³⁴ Указ и «Положение» вошли в Полное собрание законов Российской империи¹³⁵ и в т. X (ч. 1) Свода законов под названием «О товариществах по участкам или компаниях на акциях».¹³⁶

Изложенная история разработки акционерного закона 1836 г. интересна во многих отношениях. Так же как при утверждении уставов отдельных компаний (и до 1836 г., и после) могла выявляться позиция правительства по частному случаю (относительно данной компании и данного времени), так при обсуждении проектов общего акционерного закона со всей отчетливостью выявились целенаправленность отдельных его положений и общие мотивы, которыми руководствовался законодатель.

Отчетливо осознавалось экономическое значение акционерных компаний как специфичной формы организации капиталистических предприятий. Необходимость их возникновения в России ни разу не ставилась под сомнение во все время обсуждения законопроекта. С этим связывались две цели: насаждение в стране крупных промышленных, транспортных, торговых и других предприятий в акционерной форме, и развитие при помощи компаний предпринимательской активности вообще. При обсуждении законопроекта в Государственном совете в мае 1836 г. со всей определенностью указывалось, что компании на акциях допускаются «правительством с двойною целью: для приведения в действие какого-либо общепольного предприятия и для возбуждения частных капиталов, елико возможно в более обширном круге...»¹³⁷ Должно быть отмечено, что эта попытка правительства форсировать промышленное развитие страны предпринималась в период, когда в отличие от конца XIX в. необходимость этого еще не выявилась со всей очевидностью и остротой и когда царизм еще не утратил свободы выбора.

Законопроект разрабатывался в условиях повысившегося интереса к акционерным компаниям со стороны публики и благоприятного положения рынка капиталов — условиях скорее исключительных, нежели обычных для России. Борьба с биржевым ажиотажем — вот вторая цель, которая преследовалась законодателями. Но и борьба против спекуляций с акциями имела в основе стремление сохранить и упрочить институт акционерных компаний.

Компании рассматривались не только как наиболее удобная форма для производительного помещения свободных частных капиталов,¹³⁸ но и как такая форма, которая должна обеспечить возможность этих вложений для всех желающих, в том числе, а может быть и прежде всего, для помещиков и бюрократии. В условиях усиливавшегося разложения помещичье-феодалного строя последнее обстоятельство имело важнейшее значение. Публичный характер акционерных компаний неоднократно подчеркивался. Д. Н. Блудов считал даже (см. стр. 186), что именно в этом заключалось специфическое отличие акционерных товариществ от всех других. Учреждение акционерных компаний, как предприятий государственно важных, связывалось с предоставлением им особых прав и привилегий. Последнее, равно как и экономическая конъюнктура того времени, вызывало представление об акционерных компаниях как деле исключительно выгодном. Отсюда забота законодателя о том, «дабы каждому раскрыт был свободный путь участвовать в выгодном помещении капитала на общих для всех единообразных правилах».¹³⁹

Разработка «Положения о товариществах по участкам или компаниях на акциях» была одной из первых в мировой практике попыток кодифицировать акционерные законы.¹⁴⁰ Это обстоятельство и недостаточный опыт деятельности акционерных компаний в русских условиях, ясно ощущаемый в правительственных сферах, наложили свой отпечаток на закон 1836 г. Ряд его положений имеет страшающий характер. Решение многих вопросов перенесено в уставы, что открывало правительству возможность в будущем при утверждении уставов отдельных компаний как бы вносить в общий закон необходимые коррективы в зависимости от обстоятельств. В целом в процессе разработки и обсуждения закона 1836 г. число разного рода ограничений увеличилось. В изве-

¹³² Там же, л. 172; ф. 1159, оп. 1, д. 88, л. 40 об.
¹³³ ЦГИА, ф. 1152, т. II, 1836 г., д. 100, лл. 169—171.
¹³⁴ Там же, л. 171.
¹³⁵ ПСЗ II, т. XI, № 9763.
¹³⁶ Свод законов Российской империи. Изд. 1857 г., т. X, ч. I.
¹³⁷ ЦГИА, ф. 1152, т. II, 1836 г., д. 100, лл. 55 об., 75 (ф. 1159, оп. 1, д. 86, л. 343).

¹³⁸ Размер и срок вложений могли изменяться в широких пределах; от акционера не требовалось непосредственного участия в руководстве предприятием; наконец, участие в акционерном предпринимательстве представителей всех без исключения кругов правящих классов положительно расценивалось как общественным мнением, так и правительством.
¹³⁹ ЦГИА, ф. 1152, т. II, 1836 г., д. 100, лл. 55 об., 75 об. (ф. 1159, оп. 1, д. 86, л. 343 об.).
¹⁴⁰ В Пруссии это было сделано в 1843 г., в Англии — годом позже, во Франции — в 1856 г. (А. И. Каминка. Акционерные компании, СПб., 1902, стр. 225, 267, 295).

¹³² Там же, л. 172; ф. 1159, оп. 1, д. 88, л. 40 об.

¹³³ ЦГИА, ф. 1152, т. II, 1836 г., д. 100, лл. 169—171.

¹³⁴ Там же, л. 171.

¹³⁵ ПСЗ II, т. XI, № 9763.

¹³⁶ Свод законов Российской империи. Изд. 1857 г., т. X, ч. I.

¹³⁷ ЦГИА, ф. 1152, т. II, 1836 г., д. 100, лл. 55 об., 75 (ф. 1159, оп. 1, д. 86, л. 343).

стной степени обилие ограничений было связано с надеждами законодателя (как показала последующая практика акционерного учредительства, тщетными надеждами) на безусловную действенность этих ограничений и на возможность силой закона предупредить или нейтрализовать отрицательные явления в деятельности акционерных компаний (спекулятивные сделки с акциями, образование фиктивных компаний и т. д.). Вопрос о целесообразности и возможности отмены разрешительной (концессионной) системы учреждения акционерных компаний в процессе разработки закона 1836 г. не поднимался. Эта система составляла основу и суть закона. Отчасти это было связано с тем, что предоставление компаниям особых прав и привилегий, сопутствовавшее в то время учреждению большинства компаний, требовало именно такой процедуры. Но вместе с этим преследовалась и другая цель. Посредством сепаратного законодательства (уставов) открывалась возможность обхода ограничительных положений общего акционерного закона, а затем — и торгово-промышленного законодательства вообще.¹⁴¹ Позднее, в конце 1899 г., это было официально признано Министерством финансов. В подготовленной Департаментом торговли и мануфактур справке для министра финансов С. Ю. Витте указывалось, что «в случае введения явочного порядка (учреждения акционерных компаний — Л. Ш.) невозможны будут какие бы то ни было отступления от приведенных законов»; между тем такие отступления оказывались необходимыми и действительно практиковались для 70% учреждаемых компаний.¹⁴² В этом отношении сохранение разрешительной системы имело относительно прогрессивное значение. Указанное выше обстоятельство (возможность обхода ограничительных положений общих законов) превращало сепаратное акционерное законодательство в важнейший рычаг акционерной политики царизма. Фактически этот рычаг, а вместе с тем и судьба каждой акционерной компании оказывались в руках бюрократии. Открывалась возможность для многообразного сращивания акционерных компаний с царской бюрократией — явление, весьма характерное для всей последующей истории акционерного предпринимательства в России. Создание минимально необходимых правовых условий для развития в стране акционерного учредительства с сохранением за царизмом эффективных средств воздействия на процесс этого учредительства — таков, коротко говоря, был смысл закона 1836 г.

¹⁴¹ Например, законоположений, ограничивающих права иностранцев на предпринимательство в ряде отраслей промышленности, права компаний на приобретение земельной собственности и т. п.

¹⁴² ЦГИА, ф. 22, оп. 4, д. 125, лл. 76—77.

В. Г. ЧЕРНУХА

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И ИНСТИТУТ МИРОВЫХ ПОСРЕДНИКОВ

Русскую деревню первого пореформенного десятилетия невозможно представить себе без фигуры мирового посредника. Все документы этого времени, связанные с осуществлением крестьянской реформы 1861 г. и складывающимися на ее основе новыми отношениями помещика и крестьянина, крестьянина и государства, в той или иной степени касаются деятельности мировых посредников; все мемуаристы, говоря об этом периоде деревенской жизни, обязательно пишут о них. Это и естественно, так как мировые по крестьянским делам учреждения, самым многочисленным звеном которых были мировые посредники, создавались специально для проведения преобразований и регулирования крестьянского вопроса на местах. Однако если обратиться к литературе, то окажется, что история этого скоро скончавшегося детища крестьянской реформы далеко не изучена. Должно быть, это объясняется тем, что и для официальной и для либеральной историографии бесславная судьба его являлась темой, которой лучше не касаться. Советских же историков привлекали в первую очередь вопросы положения крестьян после «освобождения», главным образом условия землевладения и землепользования и развитие в это время крестьянского движения.

В итоге непосредственно истории мировых посредников посвящена единственная работа — небольшая статья известного либерального историографа реформы А. А. Корнилова.¹ Статья посвящена в большей своей части деятелям первого периода существования их, так называемым посредникам «первого призыва», т. е. первых трех пореформенных лет, работе которых он, в полном соответствии и с официальной правительственной версией, дает восторженную оценку, изображая их пекими рыцарями без страха и упрека, вставшими на защиту прав «меньших братьев».

¹ А. А. Корнилов. Деятельность мировых посредников. В кн.: Великая реформа, т. V. М., 1911; стр. 237—252.

Вышедшие в начале XX в. работы чиновников Земского отдела Министерства внутренних дел И. М. Страховского и М. М. Катаева освещают частично эту же проблему.² Ей отведен один из разделов статьи Страховского (стр. 389—404) и полтора выпуска из трех книг Катаева (чч. 1—2). Страховский писал по материалам трехтомного дела, хранящегося ныне в фонде Земского отдела,³ дела, где отложились многие, но не все из бумаг, связанных с пересмотром в 1868—1874 гг. в центральных и высших правительственных учреждениях вопроса о посредниках. М. М. Катаев в своей работе основывался полностью на нормативных документах, регулировавших круг прав и обязанностей посредников, причем наибольшее внимание уделил предыстории института, разработке в 1858—1861 гг. Положения о крестьянских учреждениях. Обе работы отражают в очень кратком виде лишь одну сторону истории мировых посредников, а именно движение законодательства, оставляя в стороне «живую» историю их, которая только и может объяснить излагаемые ими законодательные изменения в правовом положении этого учреждения.

Советская историография вообще не имеет специальных, даже небольших по объему работ по этому вопросу, хотя ни один исследователь аграрной истории 60-х годов XIX в. не обходится без упоминания о деятельности мировых посредников. Деятельности этого института больше всего места отвели в своих исследованиях П. А. Зайончковский и М. Е. Найденев, но это лишь очень краткая характеристика, относящаяся только к небольшому отрезку времени.⁴

Между тем история института мировых посредников является очень примечательной страницей в истории пореформенных лет и пореформенной внутренней политики. Буквально все принципы и учреждения крестьянской реформы раньше или позже подверглись ревизии и претерпели существенные изменения. Особенностью судьбы посредников был тот факт, что попытки изменения и самое изменение их правового положения начались немедленно после провозглашения отмены крепостного права и продолжались непрерывно на всем протяжении их существования. Несостоятельность «великой реформы», недовольство ее принципами со стороны большинства помещиков и всего крестьянства, экономические просчеты, допущенные в ходе ее разработки, прежде

² И. М. Страховский. Крестьянский вопрос в законодательстве и законосовещательных комиссиях после 1861 г. В кн.: Крестьянский строй, т. I. СПб., 1905, стр. 371—455; М. М. Катаев. Местные крестьянские учреждения 1861, 1874 и 1889 гг. (Исторический очерк их образования и норм их деятельности), чч. 1—3. СПб., 1911—1912.

³ ЦГИА, ф. 1291, оп. 36, 1868 г., д. 181, чч. I—III.

⁴ П. А. Зайончковский. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958, стр. 88—98; М. Е. Найденев. Классовая борьба в пореформенной деревне (1861—1863 гг.). М., 1955, стр. 170—192.

всего отразились именно на правительственной политике в отношении мировых посредников, поскольку правительство прежде всего попыталось решить надвигавшиеся со всех сторон проблемы путем перестройки этого учреждения, надеясь выйти из затруднений за счет ловкой и энергичной деятельности нескольких сотен лиц, ведавших на местах крестьянскими делами. Такая политика самым естественным образом вытекала из тех принципов, на которых строились расчеты инициаторов реформы 19 февраля. Они ставили неразрешимую задачу полного сохранения экономического могущества помещиков при «улучшении быта» крестьянства и обеспечении платежеспособности его хозяйства. Поскольку вторая часть задачи покоилась на более чем шатких экономических основаниях, то надежды на ее осуществление и оставалось только возложить на расторопность лиц, проводивших ее в жизнь.

Права и обязанности мировых посредников регулировались «Положением о губернских и уездных по крестьянским делам учреждениях»,⁵ вошедшем в комплекс актов реформы 19 февраля 1861 г.

Должность посредника учреждалась как выборная и оплачиваемая (он получал 1500 руб. в год на расходы, связанные с несением службы), причем оплата производилась за счет местных земских сборов, что вскоре стало предметом постоянного недовольства позже созданных земских учреждений. Возможность замещения должности ограничивалась сословным, имущественным и образовательным цензами. Право избрания в посредники получали местные потомственные дворяне — помещики, владевшие в общей сложности не менее чем 500 десятинами земли. Земельный ценз снижался до 150 десятин, если выдвигаемый в мировые посредники помещик удовлетворял цензу образовательному, т. е. окончил учебное заведение и получил право на чин XII класса. Предусматривались и случаи снижения цензов или их взаимозамены при недостатке кандидатов, отвечающих перечисленным требованиям. Потомственное дворянство, например, могло быть заменено личным при условии двойного возрастания размера земельного ценза.

По проекту редакционных комиссий, избранное мировых посредников предоставлялось крестьянам. Столь странный «демократизм» диктовался соображениями самими реакционными, рассчитанными на наиболее удобное проведение помещичьей политики при моральном подавлении крестьянства, добровольно сделавшего выбор. Об этом откровенно повествует составленная в октябре 1860 г. записка члена-эксперта Редакционных комиссий известного либерала князя В. А. Черкасского, предназначенная для члена Главного комитета по крестьянскому делу

⁵ ПСЗ II, т. XXXVI, № 36660.

К. В. Чевкина и озаглавленная «О мировых посредниках».⁶ В качестве мотивов, которыми руководствовались деятели Редакционных комиссий, предлагая право избрания посредников предоставить крестьянам, он приводит, в частности, следующие два: «во-первых, крестьяне, избрав сами посредников, будут иметь к ним большее доверие и, во всяком случае, с меньшим ропотом вынесут возможные с их стороны злоупотребления; во-вторых, мировые посредники, вооруженные нравственно над крестьянами властью, истекающею из начала свободного избрания, будут иметь возможность судить крестьян строже и строже прилагать закон в тех случаях, когда последний будет почему-либо неприятен крестьянам».⁷ Однако эта мысль была отвергнута Главным комитетом по крестьянскому делу, правда, не окончательно, а лишь на первые три года, после чего порядок выборов должен был быть рассмотрен и определен «особыми правилами».

По Положению, выбор посредников был предоставлен помещикам и губернатору. Уездный предводитель дворянства составлял список на всех дворян уезда, имеющих право на замещение должности посредника, уездное дворянское собрание поверяло список, исключая из него лиц, обвиненных ранее судом или находящихся в это время под судом или следствием. Губернатор окончательно отбирал кандидатов по соглашению с уездными предводителями дворянства и делал представление в Сенат. Окончательное утверждение посредника в должности производилось Сенатом, которому единственно принадлежало и право отстранения его от службы, поскольку ст. 21 Положения посредники уравнивались в правах с уездными предводителями дворянства, отстранявшимися от должности не иначе, как по решению Сената, причем с обязательным преданием суду, по приговору которого они только и могли быть уволены.⁸

Такая большая самостоятельность этой должности, ее независимость от местной администрации были обусловлены как стремлением правительства привлечь в ряды посредников наиболее богатую часть дворянства, которую могло привлечь не жалованье, а почетность и привилегированность должности, возможность самостоятельности в действиях, так и стоявшими перед посредниками задачами, не поддающимися мелочному контролю и регламентированию.

В обязанности посредников входило составление и введение в действие уставных грамот, свидетельствование актов, оформ-

⁶ О. Трубочка. Кн. В. А. Черкасский и его участие в разрешении крестьянского вопроса. Материалы для биографии, т. I, кн. 2. М., 1904, апр., стр. 59—61.

⁷ Там же, стр. 59.

⁸ Устав о службе по выборам, ст. 266 и 269. Свод законов, изд. 1857 г., т. III.

ляющих заключаемые между помещиками и временнообязанными крестьянами сделки, рассмотрение в качестве первой инстанции возникающих на основе обязательных отношений недоразумений, споров и жалоб, дела о порубках и пограбах, надзор над должностными лицами общественного крестьянского самоуправления. На посредников ложилась все обязанности по обеспечению исправного отбывания крестьянами повинностей в пользу помещиков до и после введения уставных грамот, все дела по оформлению выкупных сделок и взысканию с крестьян выкупных платежей. Это были важнейшие вопросы, касавшиеся финансовых интересов помещика и государства, неоднократно всплывавшие потом при оценке деятельности посредников. Посредник частично наследовал вотчинную власть помещика, получая право наложения штрафа, заключения под арест и наказания розгой.

При этом важнейшим принципом их деятельности являлся специально оговоренный Положением и неоднократно подчеркивавшийся метод «примирения» интересов помещика и крестьянина. Практически это означало правительственное признание необходимости при отстаивании интересов помещиков в крайнем случае известного компромисса, уступки и при проведении реформы, как это было признано ранее при ее разработке. «Примирительный дух» действий посредников, кстати сказать являвшийся одним из принципов русского либерализма, «усиленно замазывавшего антагонистичность русской жизни»,⁹ и означал принятие ими мер и решений сообразно с обстоятельствами, расстановкой сил на местах, силой или слабостью крестьянского сопротивления. Поскольку все это не поддавалось точному предварительному учету, то оставалось положиться на посредника, предоставив ему самостоятельность решения и выбора между кнутом и пряником.

Периодически мировые посредники уезда собирались на уездный мировой съезд, заседания которого проходили под председательством уездного предводителя дворянства и при участии назначенного губернатором и утвержденного министерством внутренних дел чиновника — «члена от правительства». Мировой съезд был второй инстанцией рассмотрения спорных дел и жалоб на решения посредника, он занимался рассмотрением и решением ряда вопросов, связанных с утверждением уставных грамот, определением сроков взноса оброков, наймом землемеров и т. п.

Губернской инстанцией системы мировых учреждений являлось Губернское по крестьянским делам присутствие, где уже в сильной степени была представлена губернская администрация. В присутствии в качестве председателя входил губернатор, членами его являлись управляющий палатой государственных имуществ и губернский прокурор. Помещики были представлены

⁹ В. И. Ленин, ПСС, т. I, стр. 183.

четырьмя членами, два из них «приглашались» Министерством внутренних дел и два избирались на собрания предводителей дворянства. Губернское присутствие решало общегубернские вопросы, возникающие при проведении реформы, занималось рассмотрением некоторых уставных грамот, добровольных соглашений, разбирало жалобы на мировых посредников и уездные мировые съезды.

Губернские присутствия начали свою деятельность сразу же вслед за опубликованием манифеста об отмене крепостного права и рассылки «Положений» 19 февраля. Формирование же состава мировых посредников несколько затянулось, хотя и началось немедленно после провозглашения реформы. Мировым посредникам правительство и дворянство придавало очень большое значение. Либеральное руководство Министерства внутренних дел и либерально настроенные деятели реформы стремились провести в ряды посредников своих единомышленников, которые сумели бы реализовать установленные нормативы, не урезая их и не обостряя антагонизма крестьян и помещиков. Самым большим шагом министерства в этом направлении был «высочайше одобренный» циркуляр губернаторам от 22 марта 1861 г.¹⁰ Циркуляр являлся отражением тревожных ожиданий русского правительства в эту пору. Подчеркнув всю важность создаваемого института, от которого «будет много зависеть успех предпринятого государственного преобразования», циркуляр ставил непременным условием при отборе посредников сочувствие их реформе и доверие к ним крестьян. Последнее было особенно важно для навязывания крестьянам грабительских условий реформы, для борьбы с их сопротивлением. «Крестьяне, — писал С. С. Ланской, — не всегда будут в состоянии уяснить себе из самого закона сущность своих прав и обязанностей и потому желательно, чтобы в случае сомнений они сами добровольно обращались к посредникам, а не искали себе посторонних, не всегда благонамеренных советников». Циркуляр еще раз подтверждал принадлежность губернаторам права окончательного отбора кандидатуры посредника и предлагал помощь министерства в деле рекомендации в посредники «образованных и благонадежных лиц дворянского сословия, служивших в С.-Петербурге и не всегда лично известных губернаторам».

Такая «помощь» министерства внутренних дел, явно граничавшая с приказанием, в ряде случаев была оказана. Известно, например, что тульский губернатор П. М. Дараган получил целый список лиц, которых министерство хотело видеть среди тульских посредников. Когда преемник С. С. Ланского П. А. Валуев в связи с жалобой тульского губернского предводителя дворянства на неправильное назначение мировым посредником

Л. Н. Толстого послал губернатору запрос, П. М. Дараган ответил, что Л. Н. Толстой назначен посредником вследствие ходатайства ряда помещиков и, кроме того, он был указан прежним министром «в числе некоторых других лиц, пользующихся лучшей известностью».¹¹

Кроме того, ряд лиц был направлен в губернии с рекомендательными письмами. С. И. Носович прибыл к новгородскому губернатору в апреле 1861 г., имея рекомендательное письмо, подписанное С. С. Ланским.¹²

А. Н. Куломзин пишет, что он отправился служить мировым посредником в Костромскую губернию, следуя успешным настояниям Н. А. Милютин и Я. А. Соловьева, видимо, снабдивших его и необходимыми сопроводительными бумагами. «Милютин старался иметь по возможности в каждом уезде по крайней мере по одному человеку из лиц вполне надежных, т. е. искренне сочувствующих реформе. Этим лицам из министерства указывали губернатору, и они были назначаемы».¹³ — рассказывает он.

Князь В. А. Черкасский и барон В. А. Менгден еще в декабре 1860 г. составляли для Тульской губернии список возможных кандидатов в мировые посредники.¹⁴

Эта деятельность Министерства внутренних дел в направлении создания либерального состава мировых посредников была скоро прервана последовавшей в конце апреля 1861 г. отставкой С. С. Ланского и Н. А. Милютин. Перемена в руководстве министерством была, как известно, произведена в угоду недовольному реформой дворянству. Новый управляющий министерством П. А. Валуев не замедлил заявить о своих взглядах на принцип отбора в посредники, сильно отличавшихся от точки зрения его предшественника. Когда буквально через несколько дней после его прихода в министерство возник вопрос о противоположности мнений губернатора и местных помещиков относительно кандидатур посредников, П. А. Валуев категорически поставил непременным условием утверждения посредника согласие на это дворянства. Произошло это в связи с обращением в министерство нижегородских помещиков. Начальником Нижегородской губернии в это время был А. Н. Муравьев, участник движения декабристов, человек либеральных взглядов, первым из губернаторов, откликнувшийся на рескрипты о подготовке реформы. На совещании с нижегородскими предводителями дворянства он не согласился на утверждение некоторых из предлагаемых ими

¹¹ Н. Н. Гусев, Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М., 1957, стр. 437.

¹² Крестьянская реформа в Новгородской губернии. Записки С. И. Носовича, 1861—1863 гг. СПб., 1899, стр. 8.

¹³ А. Н. Куломзин. Воспоминания мирового посредника. Зап. ОР ГБЛ, т. X, 1941, стр. 10.

¹⁴ О. Трубецкая. Кн. В. А. Черкасский..., стр. 221.

¹⁰ ИСЗ II, т. XXXVI, № 36770; Русская мысль, 1896, кн. 4, стр. 51—52.

кандидатов, причем аргументировал свое право на единоличное решение этого вопроса, в частности, ссылками на циркуляр Министерства внутренних дел от 22 марта 1861 г. Упорно стоявшие на своем предводители послали в министерство телеграмму с жалобой на действия А. Н. Муравьева. Ответная телеграмма П. А. Валуева фактически отменяла этот циркуляр и настаивала на обязательном соглашении с дворянством,¹⁵ что при твердой позиции помещиков практически означало торжество их мнения. Телеграмма управляющего министерством сыграла свою роль. Помещикам удалось провести угодных им посредников. О нравственных качествах этих помещичьих ставленников можно судить по перлюстрированному III отделением Собственной е. и. в. канцелярии письму жительницы Нижнего Новгорода Елизаветы Ш. 14 мая она писала в Москву И. И. Живареву: «У нас нельзя себе представить, каких людей выбрали себе нижегородские помещики в мировые посредники, все, что ни есть хуже и по нравственности, и нетрезвости, и уму; понятно, какую доверенность такие личности будут иметь от крестьян и какое влияние они будут иметь на них, а из Петербурга предписывают, чтобы не противиться помещикам и предводителям и как можно более соглашаться с ними».¹⁶

Перемена в руководстве министерства обрадовала реакционное дворянство, а проявление П. А. Валуевым в приведенном случае позиции в вопросе о посредниках усилило давление дворянства на губернаторов, укрепило их притязания. Большой поклонник П. А. Валуева крайний реакционер П. Д. Стремоухов, бывший в то время нижегородским предводителем дворянства, писал о нем в своих воспоминаниях: «... с самого почти вступления его в управление министерством нельзя было не заметить существенной перемены в характере отношения к дворянству в смысле большего к нему доверия, как это проявилось, между прочим, в деле столкновения между губернатором и предводителями в Нижнем по поводу назначения мировых посредников».¹⁷

Таким образом, перемена в Министерстве внутренних дел, несомненно повлияла на складывавшийся в это время состав мировых посредников в сторону его поправления.

В разных условиях проходило назначение посредников. В одних губерниях оно целиком попадало в руки помещиков, в других — зависело исключительно от губернатора, в третьих — было результатом компромиссного решения. В губерниях с малым числом помещиков назначение посредников происходило без участия дворянства из местных чиновников.

Институт мировых посредников сложился в основном в апреле—июле 1861 г. и насчитывал в 1861—1863 гг. около 1700 человек, очень неравномерно распределявшихся между губерниями. Если в Вятской губернии в это время было всего 6 мировых участков и такое же количество посредников, а в Олонецкой — 5, то Владимирская, Орловская, Рязанская и Тверская губернии насчитывали каждая примерно по 60 мировых участков и соответственное число посредников.¹⁸ Количество мировых участков в губернии зависело от числа находившихся там временнообязанных крестьян.

Деятельность института посредников с точки зрения стоявших перед ним первоочередных задач отчетливо распадается на два периода. Первый период — 1861—1863 гг., когда главным в его работе было обеспечение принятия крестьянами условий реформы и юридическое оформление новых отношений помещиков и крестьян в виде уставных грамот. Второй период их службы, 1864—1874 гг., главным задачами имел развертывание выкупной операции и наблюдение за исправным выполнением крестьянами условий уставных грамот и выкупных сделок.

Особенностью состава посредников первого периода их деятельности была значительная прослойка деятелей либерального направления и лиц передовых общественных взглядов. Среди мировых посредников этого времени — В. А. Черкасский, Д. Ф. Самарин, А. Н. Куломзин, М. И. Хилков, П. Н. Обинский, декабрист А. Е. Розен, петрашевцы Н. А. Спешнев и А. И. Европеус, Л. Н. Толстой, Н. И. Пирогов, Н. А. Демерт, в губернских присутствиях тогда же заседали Ю. Ф. Самарин, А. И. Васильчиков, П. Н. Свиштунов.

Несомненно, что эта часть мировых посредников составляла меньшинство и в самые лучшие времена существования этого института, да это было и естественно, поскольку подавляющее большинство помещиков было настроено реакционно. В начале мая 1861 г. вынужденный уйти из Министерства внутренних дел Н. А. Милютин писал В. А. Черкасскому: «Назначение мировых посредников за ничтожными исключениями попало в руки помещиков».¹⁹ Много позже, в 1875 г., К. Д. Кавелин, с большой симпатией относившийся к институту мировых посредников, особенно к деятелям первого периода, уже после упразднения этого учреждения, отметил, что правительство (он имел в виду С. С. Ланского и Н. А. Милютину) «позаботилось о том, чтобы в члены губернских присутствий и мировые посредники попали люди, расположенные к делу; но и это, при всем старании, уда-

¹⁵ ЦГИА, ф. 908, оп. 1, д. 115, л. 326—326 об.

¹⁶ 75 лет назад. Красный архив, 1936, т. 1 (74), стр. 34.

¹⁷ Русская старина, 1903, кн. XI, стр. 273—274.

¹⁸ Ведомость о расходах на учреждении по крестьянским делам. Приложение к всеподданнейшей записке П. А. Валуева «О положении крестьянского дела в начале сентября 1861 г.». ЦГИА, ф. 1181, оп. т. XV, 1861 г., д. 161 лл. 51 об.—52.

¹⁹ О. Трубецкая: Кн. В. А. Черкасский..., стр. 277.

лось не вполне — так незначительно было меньшинство, сочувствующее освобождению».²⁰

Но, несомненно также и то, что это меньшинство мировых посредников было самой деятельной и наиболее привлекающей к себе внимание общества частью института, что позднее и позволило создать легенду о либерализме этого института в целом на первом периоде его существования, самым полным выражением которой была упомянутая статья А. А. Корнилова. Складыванию этой легенды способствовало и появление в периодике довольно большой группы мемуаров именно этой части посредников, обычно озаглавленных «Воспоминания мирового посредника первого призыва», где они, естественно, апологетически изображали и собственную деятельность, и деятельность своих коллег.²¹

Нет никакого сомнения в том, что при любом составе посредников ход развития событий и картина жизни пореформенной деревни никак существенно не изменилась бы. Известно, что разница между крепостниками и либералами в крестьянском вопросе была крайне незначительна и заключалась лишь в различии взглядов на границы необходимых уступок. Для подавляющего большинства либералов реформа 1861 г. являлась пределом их аграрной программы и, участвуя в ее проведении, они стремились осуществить ее близко к «букве» Положений 19 февраля. Так называемые крепостники же стремились при реализации «освобождения» по возможности «вознаградить» помещиков дополнительно, удовлетворяя их требования.

Либеральные настроения некоторых посредников, отражавшие вчерашний день правительственных намерений и правительственной политики, пришли в явное несоответствие с правительственным курсом в вопросе о посредниках, представляемым в первую очередь Министерством внутренних дел, и вызвали резкое осуждение воспринявших духом помещиков, почувствовавших эту перемену, а также ряд правительственных мер, обусловивших изменение состава мировых посредников ко второму этапу их существования. Это изменение состава посредников было отмечено В. И. Лениным, внимательно изучавшим историю пореформенной политики в крестьянском вопросе: «Мировые посредники первого призыва были распуцены и заменены людьми, не способными отказать крепостникам в объегоривании крестьян и при самом размежевании земли».²²

²⁰ К. Д. Кавелин. Чем нам быть? Соч., т. II, стр. 886.

²¹ Многие из мемуаров посредников указаны в библиографии, приложенной П. А. Зайончковским к его работе «Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г.» (стр. 449—452).

²² В. И. Ленин, ПСС, т. 4, стр. 430.

Состав мировых посредников в первое время существования института был чрезвычайно пестрым. Современники оставили ряд крайне противоречивых отзывов об этих деятелях.

В 1936 г. в первом номере журнала «Красный архив» была опубликована целая подборка выдержек из перлюстрированных в 1861 г. III отделением писем, где содержалась совершенно уничтожающая характеристика мировых посредников разных губерний (стр. 33—35).

Одновременно известно и много похвальных отзывов о личных качествах и деятельности посредников, в том числе отзывы Ю. Ф. Самарина, Д. Д. Оболенского, А. П. Беляева, А. Ф. Кони, А. А. Фета.²³

Эта разница в оценках и характеристиках посредников является естественным отражением неоднородности состава мирового института. Особенно заметна она в тех случаях, когда автор дневника или воспоминаний дает зарисовку целой группы посредников, всех посредников уезда или нескольких уездов. Такие характеристики, чрезвычайно яркие и выразительные, разбросаны по страницам уже упомянувшегося дневника С. И. Новича, являвшегося «членом от правительства» в мировом съезде и сталкивавшегося со всеми посредниками нескольких уездов Новгородской губернии. К. Ф. Головин оставил описание всех четырех посредников одного из уездов Тверской губернии, где находилось именно его семейство.²⁴

Мировым посредникам отводилась далеко не последняя роль в деле борьбы с крестьянским движением. Либеральная печать возлагала на посредников в первую очередь задачу идейной обработки крестьянина, внушения ему мысли о покорности и непротиплении. В идеале мыслилось создание системы «отеческой» опеки представителей помещиков, мировых посредников, над крестьянской массой, направляемой опытной рукой в нужном направлении.

П. П. Сумароков в момент складывания института посредников напутствовал их наставлением: «Мировым посредникам предстоит завидная роль первых просветителей народа... Если посредник сумеет приобрести над крестьянами влияние нравственное, сумеет приобрести полное их доверие, они очень скоро поймут настоящее значение и цель прав, им дарованных, очень-очень почувствуют, как благодетельна для них совершившаяся

²³ О. Трубецкая. Кн. В. А. Черкасский... стр. 266; Д. Д. Оболенский. Воспоминания. Русский архив, 1894, № 10, стр. 258; Воспоминания А. П. Беляева. Русская старина, 1886, № 11, стр. 302; А. Ф. Кони. На жизненном пути, т. V. Л., 1929, стр. 8; А. А. Фет. Воспоминания, т. II. М., 1890, стр. 32.

²⁴ К. Головин. Мои воспоминания, т. I. 2-е изд., СПб., 6 г., стр. 83—84.

реформа».²⁵ «Современная летопись», еженедельное приложение к «Русскому вестнику», в это же время предупреждала: «Успех или неуспех учреждения мировых посредников будет совершенно зависеть от степени энергии, которую обнаружит личная инициатива высших классов нашего общества» (1861, № 13, стр. 14). Поэтому при первых известиях о волнениях крестьян правительство поспешило ускорить введение в строй мирового института. П. А. Валуев предложил Главному комитету санкционировать временное допущение их к исполнению обязанностей одновременно с отправкой губернатором представления в Сенат, не ожидая, как это предусматривалось Положением о крестьянских учреждениях, указа об утверждении. Такая мера была одобрена Главным комитетом и 11 мая 1861 г. утверждена императором.²⁶

Создание аппарата крестьянского управления и начало действий посредников совпадают с определенным спадом крестьянского движения, что ставится местными властями, а вслед за ними и правительством в прямую связь. «Открытие действий мировых учреждений не осталось без влияния на ход реформы; характер и число беспорядков начали постепенно изменяться и уменьшаться», — подводило итог Министерство внутренних дел в своем отчете за трехлетие.²⁷

Конечно, не создание системы крестьянского самоуправления и не мировые посредники были главной причиной этого спада, не они спасли страну от широкого крестьянского восстания, причины того, что оно не произошло, коренились во внутренней слабости крестьянского движения, неразвитости политического сознания, отсутствии организованности и понимания целей борьбы забитым и бесправным русским крестьянством. Однако, мировые посредники несомненно являлись активными помощниками самодержавия в подавлении сопротивления крестьянских масс. Более полутора тысяч человек, находящихся в самом центре совершающихся преобразований и хорошо знающих обстановку, влились в ряды правительственных колонн, отражавших волну крестьянского недовольства, занялись убеждением, рассмотрением и разрешением жалоб, споров между помещиками и крестьянами, переводя опасное для правительства и помещиков стихийное возмущение крестьян в гораздо более спокойное и безопасное русло обычного судебного разбирательства. Но осуществление задачи подавления сопротивления крестьян потребовало трехлетних усилий аппарата правительственных и крестьянских

учреждений. Поэтому общая положительная оценка правительством деятельности посредников в этом направлении может быть объяснена только явным снижением уровня требований по сравнению с первоначальными планами и нежеланием открыто признавать слабости в работе этого помещичьего института. Ведь именно на посредников возлагалась обязанность разъяснения крестьянам окончательности решения реформой земельного вопроса и отсутствия у них каких-либо перспектив дополнительного наделения землей. Однако ожидания крестьянами «новой воли», являвшиеся питательной почвой волнений и отказов от выполнения помещичьих повинностей, так никогда и не были развеяны посредниками.

Институт мировых посредников, созданный в первую очередь и главным образом ради помещиков, ради отстаивания в новых условиях их экономических интересов, пришел неожиданно для правительства в резкое столкновение с поместным дворянством, вызвал открытое и активное недовольство.

Помимо многочисленных жалоб отдельных помещиков, начавшихся с первых дней работы посредников, довольно частыми были и коллективные протесты помещиков против деятельности мировых посредников, коллективные настоячивые требования уездного поместного дворянства об отстранении какого-либо посредника или группы посредников и замене их другими. Можно с полным основанием утверждать, что недовольство дворян мировым институтом было не следствием его пристрастия к крестьянству, а результатом их возмущения условиями реформы, в известной мере ограничивающей их власть. Это возмущение и оборачивалось против посредников, являвшихся исполнителями ее. Любое проявление крестьянином несогласия с помещиком квалифицировалось как «бунт», а любой отказ посредника удовлетворить притязания помещика назывался «попустительством», «пристрастием к крестьянам», «популярничаньем» и даже «подстрекательством» крестьян к неповиновению.

А. Е. Розен рассказывает, что он трижды получал как мировой посредник (он служил в Изюмском уезде Харьковской губернии) извещение из одного и того же поместья, что «люди явно бунтуют», а при разборе им дела оказывалось, что один из дворовых всего-навсего потребовал выплаты ему жалованья, что предусматривалось ст. 15 Положения о дворовых.²⁸

В феврале 1862 г. собравшиеся в г. Быхове (Могилевская губерния) помещики передали на рассмотрение мирового съезда постановление, обвиняющее посредников в том, что они «недостаточно защищают интересы дворян» и являются «расхитителями общественного достояния».²⁹

²⁵ П. П. Сумароков. Деревенские письма. (Письмо X). Отечественные записки, 1861, №№ 5—6, стр. 207.

²⁶ Журналы Главного комитета об устройстве сельского состояния, т. I. Пгр., 1918, стр. 69—73.

²⁷ Обзор действий Министерства внутренних дел по крестьянскому делу с января 1861 по 19 февраля 1864 г. СПб., 1864, стр. 15.

²⁸ А. Е. Розен. Записки декабриста. СПб., 1907, стр. 381.

²⁹ Современная хроника России. Отечественные записки, 1862, № 6, стр. 62—63.

В октябре 1861 г. в Великолуцком уезде Псковской губернии сложились крайне неприязненные отношения помещиков и мировых посредников. На состоявшемся в это время уездном дворянском съезде помещики потребовали отставки посредников Гердзея и Голенищева-Кутузова. Последний вызвал особую ненависть уездных помещиков и в особом постановлении, переданном съездом губернскому предводителю для пересылки министру внутренних дел говорилось: «... г. Кутузов... постоянно высказывает своими действиями враждебное отношение к многим из дворян и имеет вредное влияние на крестьян, нарушающее спокойствие края».³⁰ Жалоба дворян не подтверждалась какими-либо фактами и была лишена всяких оснований, о чем псковский губернатор В. Н. Муравьев сообщил П. А. Валуеву.³¹

В сентябре 1861 г. произошло сильное столкновение присутствовавших на мировом съезде Брянского уезда Орловской губернии помещиков с мировыми посредниками. Помещики, возглавляемые уездным предводителем, «бранили» посредников, требовали их отставки и суда. Нападки дворян были так же неосновательны, как и в Псковской губернии, и посредников поддержал в своей телеграмме в Министерство внутренних дел орловский губернатор.³²

Годом позже, в октябре 1862 г., произошло такое же коллективное выступление против посредников на дворянском съезде Кинешемского уезда Костромской губернии. В переданном помещиками губернатору специальном постановлении съезда содержалось категорическое требование об отстранении одного из них, А. П. Грека, и о вынесении губернским присутствием А. Н. Куломзину, Сыроватскому и М. П. Яковлеву предписания соблюдать «строгую справедливость», не допускать уклонений от Положений 19 февраля и от «должной вежливости». Посредников обвиняли в бездействии, медленности в составлении уставных грамот, неприятии мер к взысканию с крестьян повинностей, непочтительном и даже враждебном отношении к помещикам. Произведенное расследование обнаружило несправедливость обвинений.³³ Более чем сомнительные и на первый взгляд обвинения помещиков — посредников — в неприязни к своему классу, пренебрежении его интересами во имя крестьянства становятся совершенно нелепыми, если заглянуть в воспоминания А. Н. Куломзина, где он пишет, что предварительно составленные посредниками уезда на совместном совещании заповеди гласили: «никогда с крестьянами не мишталничать, отнюдь за ними не ухаживать, а внушать им доверие нелицеприятным строгим исполнением наших обязанностей... Для водворения дисциплины

настаивать самым неуклонным образом на исполнении крестьянами их обязанностей в отношении помещиков».³⁴ Таким образом, причины недовольства помещиков явно коренились не в «филантропии» посредников, а в реформе и пореформенных сложностях хозяйственной жизни.

Перечень подобных фактов можно было бы продолжить; пожалуй, не было губернии, где не слышались бы упреки в адрес посредников при самом разнообразном составе посредников и при широком участии дворян в определении этого состава.

Для правительства упреки эти были тем неприятнее, что среди обвинителей посредников находились зачастую влиятельнейшие лица, такие как владетель огромных поместий, заводчик и сановник граф С. Г. Строганов, известный богач С. И. Мальцов, крупный помещик М. Н. Лонгинов.

В мае 1863 г. в Министерство внутренних дел обратился с письмом С. Г. Строганов, в котором объяснял происходившее в Пермской губернии «беспорядки» и «волнения» действиями мировых посредников.³⁵ В июле 1863 г. он посылает конфиденциальное письмо и к А. Е. Тимашеву, в то время временному генерал-губернатору Пермской, Казанской и Вятской губерний, в котором просит «оградить интересы пермских землевладельцев от крайнего произвола действий мировых учреждений, начинающих выходить из пределов всякого уважения к законности и праву».³⁶ Обвиняя посредников в увлечении «модным фальшивым либерализмом», он заявлял: «...ослабление между крестьянами понятий о законности и обязанностях, дошедшее до того, что крестьяне не только без принуждения земской полиции не платят оброков, но перестают заботиться о своем благосостоянии, проводя время на сходках в праздности и лени, — суть неоспоримые результаты деятельности господ пермских мировых посредников».³⁷ С. Г. Строганов предупреждал, что в случае неприятия А. Е. Тимашевым каких-либо мер он обратится в Главный комитет об устройстве сельского состояния.

В Пушкинском доме в фонде П. А. Валуева хранятся несколько любопытных писем, написанных министру весной 1863 г. известным историком литературы, владельцем нескольких имений М. Н. Лонгиновым.³⁸ В числе других вопросов, поднимаемых М. Н. Лонгиновым с позиций озлобленного реформой крепостника (реформа, по его определению, — «непостижимый акт произвола против класса, который государи называли „умом и душою народа“»³⁹), он писал и о мировых посредниках в выражениях,

³⁰ ЦГИА, ф. 1291, оп. 36, 1862, д. 20, лл. 11 об.—12.

³¹ Там же, лл. 3—4.

³² ЦГИА, ф. 908, оп. 1, д. 115, л. 71—71 об.

³³ ЦГИА, ф. 1291, оп. 36, 1862 г., д. 162; ф. 1341, оп. 112, д. 1184.

³⁴ А. Н. Куломзин. Воспоминания мирового посредника, стр. 14.

³⁵ ЦГИА, ф. 1291, оп. 36, 1863 г., д. 181, ч. I, л. 16 об.

³⁶ ЦГИА, ф. 1092, оп. 1, д. 970, л. 1.

³⁷ Там же, л. 2.

³⁸ ИРЛИ, ф. 559, д. 49.

³⁹ Там же, л. 1 об.

близких к словам С. Г. Строганова, изображая их людьми, «разоряющими и оскорбляющими» помещиков, «награждающими крестьян из чужого кармана» и не несущими за это никакой ответственности.⁴⁰ Ответов П. А. Валуева обнаружить не удалось, но он отвечал М. Н. Лонгинову очень подробно, о чем свидетельствует письмо П. А. Валуева А. Г. Тройницкому. Пересылая 17 марта 1863 г. последнему для ознакомления одно из писем М. Н. Лонгинова и свой ответ на него, министр писал: «Одному Лонгинову я бы не отвечал так пространно, но он пишет именем Каткова».⁴¹ Однако и при отсутствии ответа П. А. Валуева о той части его письма, где говорилось о посредниках, можно судить по очередному письму М. Н. Лонгинова. П. А. Валуев утешал своего корреспондента тем, что посредники бегут с занимаемых должностей сами, так что не нужны никакие указы Сената. Вот этот отрывок из письма М. Н. Лонгинова П. А. Валуеву из Москвы от 11 апреля 1863 г.: «Вы говорите, что Сенат, например, не сменял посредников, но зато они удалялись добровольно. Но я знаю, что значит добиться до такой добровольной отставки посредника и скольких он разорит, пока его „доймут“ отданные ему в крепость помещики. Жаловаться на него положительно не ведет ни к чему: тут целая организованная шайка, покрывающая друг друга, явный, хотя и безмолвный комплот: известного рода посредники защищаются губернскими присутствиями, а те и другие Земским отделом и даже Комитетом (имеется в виду Главный комитет об устройстве сельского хозяйства, — В. Ч.). Общий голос по всей России это утверждает».⁴²

Этим обстоятельством, т. е. постоянными проявлениями помещичьего недовольства по отношению к институту посредников, в большой степени определялась политика Министерства внутренних дел в этом направлении.

Для главы министерства П. А. Валуева было совершенно очевидно, что возводимые помещиками обвинения были лишены основания. «... при обнаруживающейся во многих случаях одно-сторонности взгляда (помещиков, — В. Ч.)... нельзя не сомневаться в основательности большей части подобных жалоб»,⁴³ — доносил он в сентябре 1861 г. императору. Но при всем этом для него, получившего министерский портфель исключительно из-за стремления правительства успокоить взволнованное реформой дворянство, продемонстрировать ему свою благосклонность, были чрезвычайно важны заявления помещиков, и он шел навстречу их требованиям.

Отношение П. А. Валуева к мировым посредникам определялось не только его симпатиями к помещикам, которых он считал серьезно и несправедливо обиженными реформой,⁴⁴ но и его стремлением к созданию сильной бюрократической власти в центре и на местах. В этой связи выборный институт, не подчиненный непосредственно ни власти губернаторов, ни власти Министерства внутренних дел, не мог его устраивать. Отстранение посредников от службы решением Сената лишь при условии совершения ими поступков, подлежащих рассмотрению суда, делало практически невозможным вмешательство министерства в дело увольнения посредников, не нарушивших закона, но вызывающих недовольство помещного дворянства, а потому нежелательных для пребывания на своих должностях. «Устранение по возможности раздражительных столкновений (дворянства, — В. Ч.) с мировыми посредниками»⁴⁵ было постоянной его заботой. Возможно, что он был в принципе против существования этого института. Во всяком случае уже в сентябре 1861 г. в своей первой большой записке по крестьянскому делу, поданной им императору, он зондирует почву относительно пересмотра в будущем его судьбы.⁴⁶

Хотя министр внутренних дел в официальных бумагах, по крайней мере в первое время, положительно отзывался о составе и действиях института мировых посредников,⁴⁷ не желая критиковать одного из установленных недавно свершившейся реформы, вся его деятельность доказывает, что посредники не пользовались его расположением и что он всячески стремился к их ликвидации. Это подтверждается и прямым высказыванием его в частном письме к товарищу министра внутренних дел А. Г. Тройницкому. «Я настаиваю на общем принципе, — писал он в августе 1862 г., — что посредникам не следует давать ни одного лишнего шага, а, напротив, убавлять их ход, где можно. Я не люблю друзей наших врагов и пока у нас не будет несменяемых судей, я не понимаю несменяемости посредников, которым хотя бы придать административное значение».⁴⁸ Однако поскольку прямо ставить вопрос о ликвидации института посредников он не мог, то он шел, во-первых, по линии создания для Министерства внутренних дел возможности регулировать состав

⁴⁰ Дневник П. А. Валуева министра внутренних дел. В двух томах, т. I, М., 1961, стр. 334.

⁴¹ П. А. Валуев. «Всеподаннейшая» записка 26 апреля 1866 г. Исторический архив, 1958, № 1, стр. 151.

⁴² Записка П. А. Валуева Александру II о проведении реформы 1861 г. Исторический архив, 1961, № 1, стр. 72.

⁴³ См., например: Записка П. А. Валуева Александру II о проведении реформы 1861 г. Исторический архив, 1961, № 1, стр. 71; Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел..., стр. 66, 72, 76.

⁴⁴ Русская старина, 1905, кн. IV, стр. 274.

⁴⁰ Там же, лл. 3 об.—4.

⁴¹ Русская старина, 1899, № 8, стр. 473.

⁴² ИРЛИ, ф. 559, д. 49, л. 7.

⁴³ Отмена крепостного права. Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы. 1861—1862. М.—Л., 1950, стр. 67.

Институт мировых посредников еще только начал складываться, а П. А. Валуев уже делает попытку существенно изменить его правовое положение, предоставив Сенату возможность временного немедленного отстранения посредника от службы на основании представления министра внутренних дел, основывающегося на донесении губернатора. Поводом для такой попытки послужила жалоба дворян Бежецкого уезда Тверской губернии на мировых посредников М. И. Хилкова, А. И. Европеуса и А. И. Певедомского, принесенная и губернскому предводителю дворянства и П. А. Валуеву. Возводимые на посредников обвинения носили мелочный характер и были явно несправедливы, о чем свидетельствовал тверской губернатор.⁴⁹

Однако по жалобе бежецких дворян был сделан «всеподданнейший доклад», в котором П. А. Валуев и предложил рассмотреть вопрос о временном отстранении посредников в случае «одностороннего направления» их деятельности, на что и получил согласие императора.⁵⁰

24 июля 1861 г. представление П. А. Валуева об этом рассматривалось Главным комитетом.⁵¹ В представлении очень неопределенно говорилось о том, что обвинение в «односторонности» будет подтверждаться «местными дознаниями», причем не указывалось кем и как они будут проводиться. Равным образом не указывалась и дальнейшая судьба «временно отстраненных». Институт мировых посредников лишь начинал свою деятельность на основании только что принятого Положения и предложение управляющего министерством являлось слишком быстрой и существенной ревизией закона, основывающегося именно на признании принципа целесообразности известной самостоятельности его действий. Поэтому Главный комитет отверг предложение П. А. Валуева из опасений выхода из института мировых посредников наиболее богатых помещиков.⁵²

Этот шаг П. А. Валуева, не имевший никаких законодательных последствий, интересен тем, что был выражением общего направления дальнейших действий. Все они исходили именно из Министерства внутренних дел и направлены были на введение принципа административного отстранения посредников, в той или иной форме санкционированного министерством. Характерна в этом случае и позиция Главного комитета об устройстве сельского состояния, который на всем протяжении существования мирового института всегда занимал более сдержанную позицию и противостоял часто попыткам министров, сначала П. А. Ва-

⁴⁹ ЦГИА, ф. 1291, оп. 36, 1861 г., д. 72, л. 30.

⁵⁰ Там же, лл. 21—24 об.

⁵¹ Журналы Главного комитета..., стр. 265—267.

⁵² Журналы Главного комитета..., стр. 266—267.

дуева, а затем А. Е. Тимашева, изменить систему отстранения посредников от должности. Объяснено это может быть самой ролью Главного комитета, осуществлявшего определенную «охранительную» функцию по отношению к законодательству 19 февраля, а также тем, что многие из его членов в качестве деятелей Главного комитета по крестьянскому делу принимали участие в выработке Положения о мировых посредниках и продолжали сохранять убеждения в правильности его принципов. Кроме того, Главный комитет стоял значительно дальше от бушевавших на местах страстей, зато Министерство внутренних дел подвергалось постоянному давлению и со стороны помещиков, и со стороны губернской администрации.

П. А. Валуев, по-видимому рассчитывавший на легкий успех своей идеей, уяснил себе позицию Главного комитета и усвоил урок. В дальнейшем его шаги в этом направлении были более замаскированы, более убедительны и ловки.

Министерство внутренних дел очень скоро дало понять посредникам, какого направления в своих действиях им следует придерживаться. Кроме распоряжений министерства, последовавших по частным случаям, в газете «Северная почта», официальном органе министерства, появились весьма недвусмысленные статьи, поднимавшие в самом общем виде проблему поведения мировых посредников.

Из решений министерства, последовавших по отдельным предложениям посредников, в этом отношении интересны следующие два. В сентябре 1861 г. тульский губернатор представил на рассмотрение управляющего министерством просьбу мировых посредников Богородицкого уезда о распространении на них предоставленного помещикам права ходатайствовать по делам крестьян.⁵³ Отвечая отказом на эту просьбу, П. А. Валуев писал: «... если бы мировые посредники приняли на себя ходатайство по делам крестьян, то они могли бы сделаться или, по крайней мере, показались бы защитниками исключительно крестьянского интереса и, таким образом, утратили бы свой посреднический характер».⁵⁴ В это же время, узнав о циркуляре владимирского губернского по крестьянским делам присутствия, согласно которому посредникам предоставлялось право по просьбам крестьян обращаться в присутственные места за справками о ходе рассматриваемых в этих учреждениях дел,⁵⁵ он заявил владимирскому губернатору, что такое разрешение «несогласно с прямым назначением этой должности».⁵⁶

Что же касается «Северной почты», то буквально в одном из первых же ее номеров (№ 9 за 1862 г.) была перепечатана из

⁵³ ЦГИА, ф. 1291, оп. 36, 1861 г., д. 137, л. 1—1 об.

⁵⁴ Там же, л. 2—2 об.

⁵⁵ Там же, л. 3.

⁵⁶ Там же, л. 4 об.

«Московских ведомостей» статья Замятинна «Несколько мыслей по поводу статьи Д. Ф. Самарина „Уставная грамота“, высказывавшего идею «необходимости соблюсти все требования справедливости относительно материальных интересов помещичьего сословия». В комментарии к этой статье В. К. Ржевского, чиновника Министерства внутренних дел и члена редакции газеты, указывалось, что поропечатка ее вызвана убеждением, что «мысли, в ней выраженные, совершенно согласны с истинною».

Через несколько дней в № 18 той же газеты за подписью «К» публикуется статья «О мировых посредниках», где в довольно грубой и резкой форме посредникам, во всяком случае части из них, делался упрек в отсутствии «самостоятельных убеждений», погою за «господствующим мнением минуты» и пренебрежении интересами помещиков: «Найдутся мировые посредники, которые, забывая, что посредник не создает „Положения“, а исполняет его, что он не политический деятель, а судья, и что произвол, каков бы он ни был, есть подрыв общественного доверия, поставили себе за правило решать все дела в пользу крестьян; оно и легче и удобнее... В тех случаях, когда законное право помещика очевидно, ... от простой дорожки совести увлечет такого посредника личная слабость нервов — страх прослыть отсталым и т. п.».

21 февраля 1862 г. «Северная почта» извещает читателей об аресте и предании суду тверских мировых посредников.

Расправа царского правительства с тверскими посредниками сильно ударила по либеральным иллюзиям русского общества вообще и мировых посредников в особенности. Оппозиционно настроенное тверское дворянство в феврале 1862 г. на губернском съезде приняло решение, шедшее несколько дальше намерений правительства. Критикуя некоторые положения реформы, они предлагали осуществление передачи земли крестьянам в собственность при проведении немедленного выкупа у помещиков крестьянских наделов «при содействии» государства. В адресе императору тверское дворянство выдвигало буржуазный принцип равенства, отказываясь от сословных привилегий.

Вслед за этим 13 деятелей мировых учреждений Тверской губернии подписали заявление о том, что считают для себя обязательным выполнение принятого тверскими дворянами постановления, а потому и будут в своей деятельности руководствоваться им. Заявление подписали член губернского присутствия Н. А. Бакунин, председатели уездных мировых съездов А. А. Бакунин и С. М. Балкашин, мировые посредники П. А. Глазогов, А. П. Демьянов, А. Ф. Кислинский, В. Н. Кудрявцев, М. А. Лазарев, А. Ф. Лихачев, А. Н. Неведомский, Н. М. Полторацкий, Н. П. Харламов и Л. А. Широкобоков.⁵⁷

⁵⁷ Освобождение, кн. I. Штутгарт, 1903, стр. 17—23.

Это было единственное коллективное заявление либеральной части посредников о своей программе. Оно оказалось для правительства в определенном отношении весьма кетати, так как позволяло выразить свое отрицательное отношение к подобному рода выступлениям, но прибегая к широким репрессиям. Приговор Сената, вынесенный на основании обвинения «в составлении и распространении сочинения, заключающего в себе недозволённые суждения о постановлениях и действиях правительства» и «нарушении служебного порядка», лишил подписавших заявление деятелей тверских мировых учреждений «некоторых особенных прав и преимуществ» и подвергал их заключению в смиригельном доме на 2 года с несколькими месяцами.⁵⁸ Через несколько дней после вынесения приговора, повелением императора они были освобождены из заключения, так что наказание было в значительной мере лишь назиданием.

Заявление тверских посредников, хотя и было единичным фактом, вызвало большой общественный резонанс и свидетельствовало о разногласиях внутри господствующего класса. В. И. Ленин особо отметил этот случай, перечисляя признаки проявления кризиса верхов в период первой революционной ситуации в России в конце 50-х—начале 60-х годов XIX в.⁵⁹

Нападки помещиков на мировой институт, линия поведения Министерства внутренних дел порождают среди посредников настроения усталости и разочарования; начинается уход посредников со службы. «Многие мировые посредники бегут, — пишет в октябре 1861 г. А. И. Кошелев В. А. Черкасскому, — не имеете ли и вы подобные истинно-русские намерения?»⁶⁰ Характерным выражением таких настроений является статья мирового посредника А. Половцева «Моя практика и мои ошибки в должности мирового посредника», помещенная 12 марта 1862 г. в долго выходявшей газете «Мировой посредник». Статья эта полна глубокой горечи и прони, обращенных главным образом на свои собственные иллюзии. Своими главными ошибками А. Половцев называет приход в институт посредников и то обстоятельство, что он еще не подал в отставку. Его голосом говорят все те посредники, которые шли на службу, будучи глубоко убеждены в возможности «примирить» крестьян и помещиков под сенью Положений 19 февраля. Уже первые месяцы их деятельности разбили их иллюзии. «По мере того как крестьяне стихали, помещики становились все требовательнее: они считали рабочие часы, домогались увеличения тяглов», «с бранью отдавали приказания, страдая преследованием», — так рисует А. Половцев картину пореформенного «мира».

⁵⁸ ЦГИА, ф. 1291, оп. 36, 1862 г., д. 109, лл. 18—21.

⁵⁹ В. И. Ленин, ПСС, т. 5, стр. 29.

⁶⁰ О. Трубочка я. Кн. В. А. Черкасский..., стр. 309.

Созданию внутри института мировых посредников настроений бесперспективности и неустойчивости их положения, а потому и увеличению текучести его состава и снижению интереса к службе способствовала очень скоро возникшая проблема соотношения обязанностей мировых посредников и вновь учреждаемой должности мировых судей. 26 октября 1862 г. государственный секретарь В. П. Бутков, возглавлявший работу комиссии по преобразованию судебной части, обратился к министру внутренних дел с официальным отношением, запрашивая его мнение о возможности объединения обязанностей посредников и судей и высказывая пожелание о выяснении мнений об этом губернских присутствий. П. А. Валуев считал не только возможным, но и необходимым объединение этих должностей, а потому губернским присутствиям был разослан циркуляр, и началось обсуждение проблемы.⁶¹

Окончательное решение последовало лишь в октябре 1865 г., когда Государственный совет, найдя, что мировые посредники имеют специфические обязанности, несовместимые с характером деятельности судей, высказался за сохранение института посредников, изъяв из их ведения ряд судебных дел и передав их мировым судьям.⁶² Именно этим затянувшимся обсуждением можно объяснить некоторое затишье в это время в наступлении Министерства внутренних дел на правовое положение мировых посредников. Единственная крупная мера, проведенная им в это время, касалась лишь количественной стороны института, а не его статуса, но она несомненно преследовала не одну лишь цель сокращения расходов на содержание посредников, а имела в виду и получение возможности регулирования состава посредников под достаточно невинным предлогом.

В июле 1863 г. П. А. Валуев подает в Главный комитет записку, которая, никак не посягая на права посредников и не ставя требований расширения прав Министерства внутренних дел в отношении применения к ним административных мер, предлагала предоставить возможность губернским присутствиям решить вопрос о целесообразном для этого времени количестве мировых участков, а следовательно, и мировых посредников. Правомерность этого шага доказывалась уменьшением обязанностей посредников с введением в действие уставных грамот и необходимостью сокращения расходов на содержание мировых учреждений, обременяющих местный бюджет. Проект министерства предлагал укрупнение мировых участков до 15 тыс. человек в каждом. Новое распределение участков утверждалось министром внутренних дел, мировые посредники увольнялись

⁶¹ ЦГИА, ф. 1190, оп. XVI, 1865 г., д. 8; М. М. Катаев. Местные крестьянские учреждения... ч. 2, стр. 28—32.

⁶² ПСЗ II, т. LX, № 42603.

без особых формальностей, а Сенат только пазещался об этом рапортом губернатора. Предложение П. А. Валуева выглядело вполне убедительно, а потому было одобрено Главным комитетом и 26 июля 1863 г. утверждено императором.⁶³

Это постановление оказалось весьма кстати. Должно быть, не случайно этот проект П. А. Валуева появляется на свет сразу же после писем к нему С. Г. Строганова и М. Н. Лонгинова, жаловавшихся на административную неуязвимость посредников. Теперь ключ к ним был найден. «Очень скоро... изобретен был радикальный способ избавиться от непрошенных и ненужных уже поборников законности: начали один за другим „сокращаться“ мировые участки»,⁶⁴ — рассказывает П. Н. Обнинский, сам оказавшийся не у дел, ибо именно его участок оказался упраздненным. Был уволен «за сокращением участка» и Сыроватский, тот самый, что вместе с А. Н. Куломаным и другими посредниками Киношемского уезда Костромской губернии вызвал обвинения местных помещиков в «несправедливости».⁶⁵ Таким же образом избавился калужский губернатор Э. В. Лерхе от мирового посредника Лаврентьева, жаловавшегося на губернатора в Сенат за расследование высказанных им опасений в предстоящих в связи с разверстаньем угодий «неудовольствиях помещиков и крестьян».⁶⁶ Так же был уволен мировой посредник 5-го участка Спасского уезда Рязанской губернии Пафонов, об отстранении которого от службы губернское присутствие уже послало документы в Сенат.⁶⁷ Всего на основании этого закона было упразднено около 400 мировых участков и уволено столько же посредников.⁶⁸

Проводя с самого начала политику на ликвидацию института мировых посредников или хотя бы на установление над ним административного контроля, что было обусловлено проявившимися либеральными тенденциями части деятелей этого учреждения, а еще более активными проявлениями недовольства помещиков его деятельностью, Министерство внутренних дел всегда официально признавало успешной работу именно первого трехлетнего периода существования института. В 1868 г., например, во «всеподданнейшем докладе», положения которого затем стали переходить из одной официальной бумаги в другую, министр внутренних дел А. Е. Тимашев заявлял: «Ожидания правительства оправдались: в мировые посредники вступили лучшие люди из местного дворянства, вполне сочувствующие крестьянской

⁶³ ПСЗ II, т. XXXVIII, № 39915.

⁶⁴ П. Н. Обнинский. Из воспоминаний юриста. Русский архив, 1892, кн. I, стр. 127.

⁶⁵ ЦГИА, ф. 1291, оп. 36, 1862 г., д. 162, л. 66.

⁶⁶ Там же, д. 92, лл. 11 об.—12.

⁶⁷ ЦГИА, ф. 1341, оп. 112, д. 1070.

⁶⁸ М. М. Катаев. Местные крестьянские учреждения... ч. 2, стр. 44.

реформе. Подвизаясь с пользой и честью в порученном им деле, они быстро вывели его на тот путь, по которому должны были совершаться и последующие преобразования государственного строя». ⁶⁹

Помимо несомненно имевшихся в виду соображений о престиже реформы и ее учреждений, помимо безусловной «снисходительности» при оценке сделанного посредниками, положительный отзыв о деятельности посредников, исходивший из правительственных кругов, покоился и на определенном реальном основании. Реализацию реформы, завершение ее первого, по и, по его представлениям, самого трудного этапа, правительство связывало с составлением и вводом в действие уставных грамот, устанавливающих условия крестьянского землепользования. Подпись крестьян под уставной грамотой означала признание ими реформы, тех условий «освобождения», что были продиктованы им помещиками и государством. Поэтому в первые 2—3 года правительство особенно внимательно следило за этой стороной деятельности посредников. Хотя этот участок работы посредников являлся важнейшим, в настоящей работе нет необходимости заниматься специально его рассмотрением, поскольку это освещается книгой П. А. Зайончковского «Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г.». Здесь следует отметить лишь два обстоятельства. Во-первых, посредники не смогли завершить ввод в действие уставных грамот в установленный для этого двухлетний период, он затянулся еще на год, захватив весь 1863 г. ⁷⁰ Во-вторых, даже для того чтобы завершить его в три года, потребовалось пойти на серьезное облегчение процедуры введения уставной грамоты.

Подпись крестьян под поверочным актом в новых условиях, условиях сопротивления крестьян вводу в действие уставных грамот, была найдена чистой «формальностью», выполнение которой совершенно необязательно. Утвержденным в 1862 г. императором постановлением Главного комитета неподписанная крестьянами уставная грамота передавалась в мировой съезд, который делал на ней пометку об отказе крестьян от подписи под поверочным актом, затем она зачитывалась на сходе и начинала считаться действующим документом, дающим основания «требовать непременно исполнения всего изложенного в грамоте». ⁷¹ После этого решения Главного комитета дело пошло значительно быстрее. Как едко писал С. Н. Терпигорев, сам помещик Тамбовской губернии, черпавший материалы для своих очерков прежде всего отсюда: «Уставные грамоты неслись у нас, как блины, „без рассуждений“, в имениях же мировых посредни-

ков таких рассуждений было еще меньше, и при этом, следовательно, печенье получалось еще вкуснее». ⁷²

В итоге более половины уставных грамот не были подписаны крестьянами вообще, а из подписанных значительную часть составляли грамоты, под которыми подпись крестьян была получена путем угроз и принуждения. ⁷³

Таким образом, следует признать, что институт мировых посредников не выполнил в полной мере возлагавшихся на него задач даже в первое трехлетие своей деятельности, признаваемой правительством наиболее успешной. Причины этого коренились не в каких-либо особенностях состава или личных качеств посредников, а в объективных трудностях осуществления реформы, разительной непохожей на представления крестьян о действительном освобождении от помещика и действительном наделении землей.

Завершение первого трехлетия службы посредников совпало с общим спадом крестьянского движения и укреплением позиций правительства. В этой связи опасения правительства относительно крестьянских выступлений перестают быть одним из главных определяющих моментов в крестьянской политике, что немедленно сказывается на мировых посредниках. Прекращаются разговоры о «примирении» помещиков и крестьян, забывается обязательство пересмотреть правила выбора посредников, вопрос об участии крестьян в этих выборах даже не поднимается. Служба мировых посредников просто продлевается ежегодными (до 1867 г. включительно) постановлениями Главного комитета.

Новый этап деятельности посредников начинается в другой обстановке, в сокращенном и обновленном составе мировых посредников, с новыми главными задачами.

Большинство либерально настроенных деятелей к этому времени уже покинуло ряды института мировых посредников. Вышел в отставку В. А. Черкасский; доказав несправедливость возводимых на него обвинений, подает в отставку А. Н. Куломзин; не выдержав ежедневной травли тульских помещиков, оставляет службу Л. Н. Толстой; уже не служит посредником Н. И. Пирогов. Тверские посредники не у дел после ареста, суда и помилования; часть посредников остались без места после сокращения мировых участков.

На новом этапе службы мировых посредников на первый план выходит задачи наблюдения за выполнением крестьянами условий уставных грамот и развертывания выкупной операции. В той части деятельности посредников, которая касалась составления документации как по уставным грамотам, так и по выкупным

⁶⁹ ЦГИА, ф. 1284, оп. 241, д. 189, л. 81—81 об.
⁷⁰ П. А. Зайончковский. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г., стр. 112.

⁷¹ Журналы Главного комитета... стр. 441—442.

⁷² Сопрей Атава (С. Н. Терпигорев). Оскудение, т. I. СПб., 1882, стр. 372.

⁷³ П. А. Зайончковский. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г., стр. 106, 109.

сделкам, дело всегда обстояло относительно благополучно. Самая простая часть задачи заключалась в проверке и засвидетельствовании правильности составленной грамоты или заключаемого выкупного договора, поэтому выкупная операция с количественной стороны развивалась достаточно успешно. К 1870 г. более половины помещичьих крестьян (55%) уже были охвачены выкупной операцией.⁷⁴ Но зато добиться от нищего русского крестьянства исправного несения податных обязанностей было значительно труднее. Мировые посредники ведали самыми крупными и тяжелыми для крестьян видами платежей: оброчными и выкупными. Обеспечение безнедоимочного поступления этих платежей в условиях крестьянского малоземелья, низкой производительности крестьянских хозяйств, завышенных по сравнению с доходностью земли платежей за землю было задачей чрезвычайно трудной. Поэтому постоянные жалобы помещиков на неприятие мировыми посредниками мер понуждения крестьян к платежу оброков, а губернаторов на то же в отношении выкупных платежей являются постоянными спутниками мирового института во все время его существования.

Целый ряд дел по жалобам помещиков на нераспорядительность посредников доходит до Сената, вызывая вынесение административных взысканий и даже отстранение от службы с передачей дела на рассмотрение суда. В 1866 г. решением Сената был предан суду нижегородский посредник капитан-лейтенант Моисеев, основное обвинение против которого сводилось к допущению им, вследствие «бездействия», накопления оброчной недоимки по имени Лысково, принадлежащему графине А. Г. Толстой. Губернское присутствие нашло Моисеева виновным даже в «поддержании упорства крестьян в неплатеже».⁷⁵ Мировой посредник Ардатовского уезда Нижегородской губернии князь Оболенский, неоднократно обвинявшийся управляющим имением генерал-майора Дурново в неприятии мер по взысканию оброков, был освобожден Сенатом от обвинения, поскольку представил доказательства своей «энергичной» деятельности по продаже крестьянского скота на пополнение недоимки, бедности крестьян и невозможности поэтому применения к ним дальше мер взыскания.⁷⁶

В связи с проблемой недоимки ухудшается отношение к институту мировых посредников губернских властей. Министерство внутренних дел многочисленными циркулярами требовало от губернаторов принятия мер к своевременному взносу крестьянами помещичьих и казенных платежей и погашению накопившейся

недоимки. Губернаторы в свою очередь с подобными требованиями обращались к мировым посредникам и зачастую не встречали в них должной исполнительности. В 1866 г. в связи с двумя циркулярами Министерства внутренних дел от 20 марта и 24 июля 1865 г. о пополнении недоимки пермский губернатор Б. В. Струве обратился к министру внутренних дел с объяснением о положении в губернии дела с недоимкой и состоянием отчетности по ней. Вся вина за наличие недоимки по оброчным и выкупным платежам возлагалась им на мировых посредников. Оказывается, установить причины и выяснить количество недоимки через посредников невозможно. На постановление губернского присутствия и циркуляр губернатора о представлении в присутствие сведений о недоимке из 32 посредников губернии ответили лишь 8, из них пять составили ведомости о недоимке с указанием причин ее образования, а остальные трое, не представляя ведомостей, сообщили о ее причинах.⁷⁷ «...вообще неисполнение со стороны их (посредников, — В. Ч.) законов и распоряжений начальства вошло здесь более или менее в обычай»,⁷⁸ — заключал губернатор свое донесение и предлагал уволить через Сенат в виде исключения административным порядком нескольких посредников, чтобы как-то воздействовать на них в «столь важном деле, как взыскание повинностей».⁷⁹ В это же время вятский губернатор Н. В. Кампанейчиков просил министерство «о принятии каких-либо мер к воздержанию посредников от произвола и неуловимых противодействий общей системе управления, приносящих в совокупности громадный вред»⁸⁰ и приводил в качестве примера действия мирового посредника Федоровского (Слободской уезд), который «дозволил себе» написать уездному исправнику, чтобы полиция без просьбы его или волостных правлений о полицейском вмешательстве не принимала никаких мер по взысканию податей.⁸¹ Поэтому в Сенат шли дела не только по жалобам помещиков, но и по ходатайствам губернских присутствий о привлечении посредников к ответственности. В связи с недоимками выкупных платежей и плохим состоянием отчетности костромское губернское присутствие в 1871 г. возбуждало дело против мирового посредника Нерехтского уезда М. Д. Ратькова, но Сенат освободил его от обвинения.⁸² Зато посреднику Калужского уезда Зыбину в это же время выносится Сенатом выговор «за неприятие мер для своевременного пополнения выкупных платежей».⁸³ Тяжесть наказания

⁷⁷ ЦГИА, ф. 1291, оп. 36, 1861 г., д. 81, лл. 18—22.

⁷⁸ Там же, л. 22.

⁷⁹ Там же, л. 21 об.—22.

⁸⁰ Там же, 1867 г., д. 97, лл. 10 об.—11.

⁸¹ Там же, лл. 5 об.—6.

⁸² ЦГИА, ф. 1341, оп. 127, д. 224.

⁸³ Там же, д. 290.

⁷⁴ П. Кованько. Реформа 19 февраля и ее последствия с финансовой точки зрения. (Выкупная операция: 1861—1907 гг.). Киев, 1914, стр. 199.

⁷⁵ ЦГИА, ф. 1341, оп. 117, д. 168.

⁷⁶ Там же, оп. 127, д. 79.

зависела от наличия еще каких-либо упущений посредника по службе и от умения представить объяснения по возводимым на него обвинениям.

Бывали случаи, когда неплатежеспособность крестьян была настолько очевидна, что мировой посредник не только не принимал сам мер взыскания, но и протестовал против принятия таких мер полицией. Летом 1866 г. мировой посредник Вышневолоцкого уезда Тверской губернии Попов направил уездному исправнику, весьма ревностно занимавшемуся сбором податей, резкое письмо, где обвинял его в бесчеловечных действиях в отношении измученных неурожаем, голодом, тифом и падежом скота крестьян. Он называл положение крестьян «бедственным», настойчивость исправника — «доводящей оголодавших крестьян до уныния», предупреждал о «грустных последствиях» такого поведения и угрожал сообщить об этом губернатору и министру. Исправник обратился с жалобой на Попова в губернское присутствие, которое, видимо, одобряло служебное рвение исправника, потому что нашло письмо Попова оскорбительным и ходатайствовало перед Сенатом об отстранении посредника от службы. Но Сенат ограничился вынесением Попову строгого замечания.⁸⁴

В связи со сложностью взимания с крестьян оброчных и выкупных платежей, хронической задолженностью по ним постоянно тревожимые министерствами Внутренних дел и Финансов начальники губерний, еще не решаясь ставить вопрос о несообразности оброков или выкупных платежей с доходами крестьян, сводят проблему недоимки к бездействию посредников и отсутствию у губернского начальства возможности привлечения их к ответственности иначе, чем через Сенат, к чему зачастую нет формальных оснований. Некоторые из губернаторов уже в 1866—1867 гг. начинают говорить о предпочтительности передачи всех обязанностей по взысканию недоимок полиции и даже вообще о целесообразности ликвидации института мировых посредников. В 1867 г. в Министерство внутренних дел поступили две записки. Одна из них принадлежала перу исковского губернатора Б. П. Обухова.⁸⁵ В этой записке Обухов, между прочим, писал: «Можно положительно сказать, что передача административной деятельности мировых посредников полиции принесет весьма значительную пользу делу и в то же время доставит земству большое сбережение».⁸⁶

Другая записка была составлена уже упоминавшимся М. Н. Лонгиновым, который в апреле 1867 г. был назначен орловским губернатором. Датирована она ноябрем 1867 г.⁸⁷ Об отноше-

⁸⁴ Там же, оп. 117, д. 259.

⁸⁵ Русский администратор новейшей школы. Записка исковского губернатора Б. Обухова и ответ на нее. Берлин, 1868.

⁸⁶ Русский администратор... стр. 44.

⁸⁷ ЦГИА, ф. 1291, оп. 36, 1868 г., д. 181, ч. I, лл. 57—80.

нии Лонгинова-помещика к мировым посредникам уже говорилось, голос Лонгинова-губернатора звучал еще решительнее. Никакие общие проблемы положения крестьянского хозяйства его не волновали. Его план борьбы с недоимкой был прост и конкретен. Единственная причина существования недоимки — мировые посредники, которые в волостях не бывают, мер взыскания не применяют, сплошь и рядом вообще не представляют себе положения с уплатой платежей и суммы недоимки, занимаются «популярничаньем», «лике-филантропией», «нисходительностью» к неплательщикам. Привлечение же их к порядку невозможно, так как это «единственная безответственная должность в России», а потому «хозяин губернии» оказывается в безвыходном положении. Между тем решение сложной проблемы крестьянских платежей, по М. Н. Лонгинову, чрезвычайно просто: следует лишь упразднить мировых посредников, значительно расширить полицейский штат и передать полиции обязанности посредников по наблюдению и взысканию платежей, предоставив ей широкое право применения телесного наказания. «После многих лет совершенной распущенности, водворившейся между крестьянами, — писал М. Н. Лонгинов, — необходимо без всяких колебаний принимать меры самые энергические относительно производимых ими и допускаемых их выборными начальниками беспорядков. Телесное наказание не уничтожено в нашем законодательстве, как бы не хотели уверять в этом некоторые. Да и уничтожить его невозможно еще на долгое время... Если наказание это существует в законе, то и стыдиться его нечего».⁸⁸ Читавший записку П. А. Валуев нашел в ней «много справедливого», отметив, правда, что в ней содержится и «много крайнего и к применению невозможного».⁸⁹

Губернаторы вообще испытывали значительные трудности, когда обращались к посредникам, поскольку последние, пользуясь независимостью своего положения, иногда просто отказывались исполнять предписания «их превосходительств», мотивируя свой отказ несоответствием предписания кругу их обязанностей.

Особенно болезненно ощущали губернаторы независимость посредников тогда, когда должности посредников занимали не помещики, а мелкие чиновники. Такое явление было с самого начала распространенным и имело тенденцию развиваться. Во всех тех случаях, когда в губерниях не хватало помещиков для замещения должностей мировых посредников, губернатор прибегал к назначению посредников из местных чиновников. С самого начала почти целиком бюрократический состав посредников сложился в таких губерниях, как Пермская, Олонецкая,

⁸⁸ Там же, л. 67—67 об.

⁸⁹ Там же, л. 57.

Вятская, Вологодская. В 1863 г. эта часть института мировых посредников значительно увеличилась. В марте 1863 г. генерал-губернаторам западных губерний было предоставлено право смещения по своему усмотрению прежних посредников и назначения новых без какого бы то ни было согласования с Сенатом.⁹⁰ В результате этого в западных губерниях сложился новый состав посредников из русских военных и гражданских чиновников. Таким образом, и состав посредников западных губерний и их задачи отличались значительным своеобразием.

Но если в западных губерниях в силу особых политических условий такое положение с составом посредников признавалось нормальным, то в великорусских губерниях это стало проблемой. Предоставляя столь обширные полномочия и столь большую независимость мировым посредникам, правительство исходило из возможности надления такими правами и преимуществами лишь поместных дворян, причем главным образом крупных помещиков. Предоставление же такого привилегированного положения группе обычных мелких чиновников вовсе не входило в его планы. Идея введения бюрократической части института посредников в иные правовые рамки неоднократно высказывалась губернаторами и находила сочувствие в Министерстве внутренних дел. В апреле 1864 г. в Земском отделе министерства для представления в Главный комитет была составлена записка «О переименовании мировых посредников и кандидатов губерний, где нет дворянских выборов, в чиновников, временно командированных для выполнения сих обязанностей впредь до особого распоряжения правительства».⁹¹

Первоотличком для возникновения записки послужило упоминавшееся письмо С. Г. Строганова в Министерство внутренних дел (май 1863 г.). Для изучения положения крестьянского дела в Пермской губернии туда был командирован действительный статский советник Н. А. Мордвинов, подвергший критике состав и деятельность мировых посредников этой губернии. По итогам его поездки и на основании записки в министерство генерал-губернатора А. Е. Тимашева и было составлено представление Министерства внутренних дел в Главный комитет. А. Е. Тимашев прямо связывал «неправильное направление» деятельности пермских посредников с их социальным составом.⁹² И А. Е. Тимашев и пермский губернатор А. Г. Лашкарев видели выход из создавшегося положения в переводе мировых посредников таких губерний, как Пермская, на служебные права обычных прави-

тельствственных чиновников.⁹³ Эта мысль и поддерживалась министерством в указанной записке в Главный комитет. Записка констатировала своеобразный состав мировых посредников в губерниях, где проживает мало поместного дворянства и где нет дворянских выборов. По Пермской губернии проводились следующие данные: из 70 посредников, служивших в губернии в 1861—1863 гг., только 8 были местными помещиками, 7 — помещиками других губерний, из них пятеро — мелкопоместными, остальные посредники были просто чиновниками, причем не всегда даже дворянами.⁹⁴ При независимости посредников от губернских властей и «отсутствии той среды, какую образуют в прочих губерниях в мировых съездах и вне оных уездные предводители дворянства и другие опытные дворяне-помещики» мировые посредники недостаточно рьяно, с точки зрения пермских помещиков и губернской власти, боролись за интересы помещиков. «Во многих случаях, — говорилось в записке, — со стороны мировых посредников было допущено превратное толкование Положений о крестьянах; под влиянием ложных филантропических побуждений и непонимания настоящим образом своих обязанностей мировые посредники не имели вполне практического взгляда на крестьянские дела, из которых многим давалось по-сему весьма неправильное направление; наконец, действия этих должностных лиц по взысканию недоимок и в других случаях, требовавших неотложных мер, были вялы и нерешительны из опасения довести дело до беспорядков в больших размерах».⁹⁵ Такая резкая критика поведения пермских посредников соседствует с одновременным признанием об отсутствии в министерстве данных о «злонамеренных действиях по крестьянскому делу» кого-либо из них,⁹⁶ что безусловно является свидетельством того, что эти посредники вовсе не были какими-то «крестьянскими заступниками», иначе губернское присутствие могло в обычном порядке возбуждать дело перед Сенатом о нарушении посредником служебных обязанностей и «одностороннем направлении» его деятельности. От них требовалось лишь более энергичное и послушное выполнение требований помещиков в отношении денежных взысканий с крестьян и приведения последних в должное повиновение. Записка министерства не получила дальнейшего хода, что может быть объяснено тем, что в это время находился в процессе рассмотрения общий вопрос о слиянии посредников с институтом мировых судей. Впоследствии вопрос о необходимости создания иных условий служебного подчинения посредников, назначаемых из чиновников, неоднократно подни-

⁹⁰ ПСЗ II, т. XXXVIII, № 39354; По вопросу о порядке утверждения и увольнения мировых посредников в северо- и юго-западных губерниях. ЦГИА, ф. 1341, оп. 112, д. 1037.

⁹¹ ЦГИА, ф. 1291, оп. 36, 1868 г., д. 181, ч. 1, лл. 10—44.

⁹² Там же, л. 17—17 об.

⁹³ Там же, л. 18.

⁹⁴ Там же, л. 12.

⁹⁵ Там же, л. 19.

⁹⁶ Там же, л. 14.

мался преемником А. Г. Лашкарева пермским губернатором Б. В. Струве,⁹⁷ астраханским⁹⁸ и витским⁹⁹ губернаторами.

Наличие значительной прослойки чиновников в институте мировых посредников являлось характерной особенностью этого учреждения, что должно было влиять на отношение к нему центральной и местных властей, поскольку в корне подрывалась самая идея законодателей, планировавших создание системы помещичьей опеки над крестьянином и передачу в руки помещиков решения всех возникающих спорных вопросов между помещиками и крестьянами. Чиновничий элемент в рядах посредников с течением времени увеличивался по мере ухода части посредников в отставку, по мере развития дворянского «оскудения», распродажи помещиками имений и переезда их в город. Эту особенность мирового института отмечал один из мировых посредников: «за мировыми посредниками первого призыва пошли на эту службу чиновники».¹⁰⁰

Вскоре недовольство институтом мировых посредников становится явлением широко распространенным. А. Е. Розен в своих записках рассказывает о том, что в 1865 и 1867 гг. во время своих поездок по 12 губерниям он повсеместно слышал упреки в адрес посредников по поводу их бездействия.¹⁰¹ Ф. П. Еленев в «Отечественных записках» в 1867—1869 гг. писал о «вырождении мировых учреждений», «формальном», «бумажном» характере несения посредниками своих служебных обязанностей.¹⁰² Н. А. Демерт в одном из своих обзоров, отмечая общие жалобы на бездействие мировых посредников, подтверждал в очень язвительной форме утрату последними служебного рвения. «Не трудно заметить, — говорил он, — что самые мировые посредники вовсе уже не те, что были прежде, в первые годы. Прежние наперебой один перед другим старались устроить как можно больше добровольных соглашений, во что бы то ни стало, хотя бы с раздроблением челюстей и подбитием глаз у несогласавшихся упрямых мужиков, а нынешние посредники знают цену своим трудам, они употребляют труд весьма умеренно».¹⁰³ По приводимым Министерством внутренних дел данным во всеподданнейших отчетах за 1868 г. 25 губернаторов из 28 «сильно порицали» деятельность посредников, указывая, между прочим, на «равнодушие» к службе, «медлительность в удовлетворении настоятельных нужд помещиков и крестьян» и «достойную сожаления слабость дей-

ствий даже по взысканию недоимок с сельских обществ и неточное исполнение поручений губернских по крестьянским делам присутствий».¹⁰⁴

С 1866 г. к помещичьим нападкам на посредников и недовольству ими со стороны местных властей присоединяется голос нового элемента — земства, которое не имело никакого права контроля над учреждением, чье содержание производилось за счет местного бюджета. Постоянно заявляя о тяжести расходов на эту статью, земство одновременно жаловалось на то, что не встречает у мировых посредников никакой поддержки в своих начинаниях, и ходатайствовало о передаче ему права выбора посредников и даже об упразднении этого института. Н. А. Карышев подсчитал, что до 1874 г., момента перестройки учреждений по крестьянским делам, земства только о ликвидации посредников ходатайствовало 25 раз.¹⁰⁵ Всего же за первое двадцатилетие существования земских учреждений они 169 раз ставили вопрос о преобразовании местных крестьянских учреждений.¹⁰⁶

Министр внутренних дел П. А. Валуев был связан в деле совершенного упразднения должности посредника выраженным в октябре 1865 г. мнением Государственного совета о необходимости сохранения этого института, что шло вразрез с его собственной точкой зрения. «Моя мысль отринута, — пометил он по этому поводу на полях одной из бумаг Земского отдела, — но, конечно, сохранилась. Государственный совет может только указывать мне путь моих действий, но никогда не может изменить моих понятий».¹⁰⁷ Поскольку П. А. Валуев не мог реализовать свои «понятия» в вопросе о посредниках и должен был действовать в условиях сохранения института, то все его усилия в 1866—1868 гг. направляются на создание для губернаторов и министерства возможности активного регулирования состава посредников.

В 1866 г. он проводит два важных постановления, подрывающие значение института мировых посредников. В марте 1866 г. Главный комитет утверждает его предложение об укрупнении мировых участков, доводя норму крестьян, входящих в каждый участок, до 25 тыс. человек.¹⁰⁸ Соответственно уменьшился численно состав посредников.

Другая мера была более важной и глубокой и касалась всего учреждения в целом. Ее проведению способствовало усиление реакционного направления в политике русского правительства, начавшееся после покушения Д. В. Каракозова на Александра II 4 апреля 1866 г. Возглавляет это направление сменивший

¹⁰⁴ ЦГИА, ф. 1291, оп. 36, 1868 г., д. 181, ч. I, лл. 442 об.—443.

¹⁰⁵ П. А. Карышев. Земские ходатайства, 1865—85, М., 1900, стр. 104.

¹⁰⁶ Там же, стр. 102.

¹⁰⁷ ЦГИА, ф. 1291, оп. 36, 1868 г., д. 181, ч. I, л. 47 об.

¹⁰⁸ ПСЗ II, т. XLI, № 43145.

⁹⁷ Там же, 1861 г., д. 81, лл. 21—22.

⁹⁸ Там же, лл. 24—25.

⁹⁹ Там же, 1867 г., д. 97, лл. 40—41.

¹⁰⁰ Н. А. К. Мировые посредники первого призыва. (Личные воспоминания). Исторический вестник, 1904, № 7, стр. 100.

¹⁰¹ А. Е. Розен. Записки декабриста, стр. 301.

¹⁰² Скалдин. В захолустьи и в столице. СПб., 1870, стр. 17, 22, 222.

¹⁰³ Н. Демерт. Внутренняя хроника. Отечественные записки, 1871, № 3, стр. 155.

В. А. Долгорукова на посту главноуправляющего III отделением Собственной е. и. в. канцелярии П. А. Шувалов. П. А. Валуев удерживается в министерском кресле и, чутко улавливая «колебания высочайшей воли», идет в ногу со временем. Он начинает кампанию по ограничению прав земства и усилению губернаторской власти. В этих условиях становится возможным и дальнейшее наступление на институт посредников.

В июне 1866 г. П. А. Шувалов секретным отношением извещает П. А. Валуева о наличии в III отделении сведений, что Михаил Шошин, который «позволяет себе проводить в обществе крайне социальные идеи», стремится к замещению должности мирового посредника 1-го участка Бунского уезда Симбирской губернии, что нежелательно, поскольку он «вреден для службы», так как сможет «развивать свои преступные идеи между крестьянами». ¹⁰⁹ П. А. Валуев не замедлил сообщить об этом симбирскому губернатору. ¹¹⁰ Вопрос о политической благонадежности посредников, таким образом, ставился очень остро. Поэтому, когда оренбургский генерал-губернатор Н. А. Крыжановский в октябре 1866 г. обратился в III отделение и Министерство внутренних дел с ходатайством об отстранении, в порядке исключения, административным путем от службы мирового посредника Бирского уезда Уфимской губернии Песляка по этим мотивам, и П. А. Шувалов и П. А. Валуев отнеслись к этому ходатайству чрезвычайно внимательно. ¹¹¹ Песляк обвинялся в политической неблагонадежности, выразившейся в знакомстве с сосланными участниками восстания 1863 г. и выражении им сочувствия, а также в «неправильном» направлении его посреднической деятельности. Приведенные Крыжановским факты не доказывали нарушения Песляком служебного долга, но были явно не по вкусу губернаторскому и петербургскому начальству. Оказывается, он объяснил удельным крестьянам, ряд дел по устройству которых был передан в ведение мировых посредников, о принадлежности им на правах собственности купленных их предками земель, что вызвало в этих селах трудности с составлением уставных грамот. Входящим в его мировой участок башкирам Песляк объявил о дарованной им воле, но, как пишет Крыжановский, «в чем состоит эта воля, в каких границах и каким подчиняется правилам, не разъясняет; этим простые люди сбиты с толку, воображают, что они независимы и от своих ближайших начальников, шумят на сходках, никого не слушая и никому не повинаясь». ¹¹² Но, так как действия Песляка, с одной стороны, не подсудны, а с другой стороны, нежелательны, то обычное представ-

ление об отстранении его через Сенат становится невозможным. О ходатайстве Крыжановского П. А. Шувалов доложил императору, от которого было получено согласие на рассмотрение дела в Комитете министров, по представлению министра внутренних дел. Должно быть, не случайно этот вопрос был поставлен на рассмотрение в Комитете министров, только что высказавшемся за усиление губернаторской власти, а не в Главном комитете, всегда очень осторожно подходившем к проблеме престижа мировых посредников. Особенность Комитета министров служить местом, куда, по его выражению, «сплавляли» всякого рода «рогатые» дела, «дабы не участвовать в однозвонных решениях», отмечал последний председатель его С. Ю. Витте. ¹¹³

Воспользовавшись согласием Шувалова с необходимостью удаления Песляка в административном порядке и разрешением императора на рассмотрение дела, П. А. Валуев подает в Комитет министров записку, на которой значится внушительное «по высочайшему повелению», где очень подробно излагает всю историю с Песляком, всячески создавая видимость решения по частному случаю. И лишь в самом конце, буквально в последних строках представления, он делает тот решающий ход; из-за которого единственно и был важен этот эпизод: «ввиду настоящего случая занятия должности посредника лицом крайне неблагонадежным по политическому направлению и принимая в соображение, что случаи эти могут повториться и в других губерниях, ... министр внутренних дел признавал бы полезным: предоставить генерал-губернаторам по предварительному сношению с министром внутренних дел и шефом жандармов, а в губерниях, где нет генерал-губернаторов, министру внутренних дел, по представлением губернаторов и по предварительном сношении с шефом жандармов, устранять от должностей мировых посредников, обнаруживших несомненную политическую неблагонадежность, с тем чтобы о причинах устранения были представляемы подробные сведения Правительствующему сенату». ¹¹⁴

15 ноября 1866 г. записка П. А. Валуева рассматривалась на заседании Комитета министров. ¹¹⁵ Маневр его удался, хотя и не полностью. Если проект Валуева предоставлял генерал-губернаторам и министру право окончательного отстранения посредников от службы с почти полным обходом Сената, который лишь извещался об этом, то положение Комитета министров, нашедшего неудобным такое принципиальное изменение процедуры отставки,

¹⁰⁹ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 2, М., 1960, стр. 261.

¹¹⁰ ЦГИА, ф. 1291, оп. 53, 1866 г., д. 272, л. 21—24 об.

¹¹¹ Журнал Комитета министров см.: ЦГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 3222, лл. 172—185 об. — История рассмотрения вопроса Комитетом министров как «дело о мировом посреднике П.» изложена в кн.: С. М. Серодонин. Исторический обзор деятельности Комитета министров, т. III, ч. I. СПб., 1902, стр. 127—128.

¹⁰⁹ ЦГИА, ф. 1291, оп. 123, 1866 г., д. 86, л. 1.

¹¹⁰ Там же, л. 2—2 об.

¹¹¹ Там же, оп. 53, 1866 г., д. 272.

¹¹² Там же, лл. 5 об.—6.

оставляя в неприкосновенности всю предлагаемую проектом системе представлений и согласований, давало генерал-губернаторам и министру возможность лишь временного отстранения посредников, сохраняя последнее слово за Сенатом. Это решение было следствием и общего поворота правительственного курса, и перемены отношения к посредникам в правительственных кругах. Положение Комитета министров, получившее «высочайшее утверждение» 25 ноября 1866 г., имеет одну особенность: его тщетно было бы искать в открытых изданиях. О том, чтобы оно не было опубликовано, позаботился тот же Валуев, известивший Сенат о «неудобстве», с его точки зрения, публикации этого документа «во всеобщее сведение».¹¹⁶

На этом наступление Министерства внутренних дел на институт мировых посредников не остановилось. Вскоре П. А. Валуев подготавливает новый проект, осуществлению которого должно было совершенно обновить состав мирового института, подхлестнув его работоспособность и привести его в соответствие с желаниями губернской администрации и местных помещиков. В декабре 1867 г. в связи с истечением очередного годовичного срока полномочий посредников в Земском отделе составляется записка «О служебной деятельности мировых посредников после 1 января 1868 г.», подается министру, исправляется по его пометам и 13 января 1868 г. за его подписью передается в Главный комитет.¹¹⁷ Ссылаясь на «практически доказанное неудобство» ежегодного продления срока службы посредников, записка предлагала вернуться к избранному их порядком, предусмотренным Положением о мировых учреждениях, несколько расширив круг кандидатов за счет включения в списки всех лиц, служивших уже посредниками, независимо от наличия условий ценза. Ясно, что такая мера, будь она проведена, позволила с большой легкостью отстранить посредников, по тем или иным причинам вызвавших недовольство помещичьего дворянства и губернаторов. Целесообразность осуществления ее объяснялась в записке двумя важными мотивами. Во-первых, потребностью изменить состав посредников согласно переменам, происшедшим после реформы в помещичьем лагере, исключить из него людей, отошедших от проблем землеустройства, и ввести вместо них лиц, наиболее связанных с его судьбами. Во-вторых, таким способом можно было бы избавиться от тех, кто не сумел обеспечить исправного поступления средств в кошелок помещика и государственную казну. «Распоряжение это имело бы еще ту полезную сторону, что... отстранило бы от дела таких мировых посредников, которые, что, к сожалению, в последнее время представляется все чаще и чаще, не соответствуют важности возлагаемых на них обязан-

ностей»,¹¹⁸ — так формулируется в записке эта цель. Это первое официальное заявление Валуева о неудовлетворительности деятельности не отдельных посредников, а уже как о характерной черте, присущей всему институту мировых посредников. Представление Валуева не рассматривалось в Главном комитете по той причине, что вскоре последовала его отставка, а преемник его этот вопрос поставил иначе. Почва для этого в очень большой степени была подготовлена всей предшествующей политикой Валуева вообще и одной из последних его «исповеданных» записок в частности.

В марте 1868 г. Валуев был смещен с поста министра внутренних дел, указ об его отставке был подписан императором 9 марта. Поводом к смещению был голод, охвативший ряд губерний России, и непринятие мер против него Министерством внутренних дел. Отставке предшествовала начатая против министерства газетная кампания, вдохновляемая не любимым Валуева наследником престола великим князем Александром Александровичем.¹¹⁹ Чувствуя шаткость своего положения, Валуев готовится парировать удар, представив императору разорванную программу правительственной политики. Выдвижение этой программы должно было поправить его пошатнувшиеся позиции, а в случае вынужденной отставки служить своего рода политическим завещанием.¹²⁰ С этой целью в феврале 1868 г. он составляет несколько записок по разным вопросам внутренней политики. Среди них была и та, что касалась мировых посредников самым непосредственным образом. В записке «О положении губернского управления»¹²¹ им было отведено значительное место.

Если еще месяц назад в записке в Главный комитет Валуев не решается говорить о ликвидации института, а всего лишь предлагает обновить его состав, то ныне перед лицом нависшей угрозы отставки он делает более решительный ход, позволив себе известный риск. «Институт мировых учреждений, — пишет он, — оказал неотъемлемую услугу государству. Но высокое значение, какое придавало им общественное мнение, не могло не иметь и отрицательных сторон, не лишённых значения в правительственном отношении. Многие говорили, а пресса старательно доказывала, что только за пределами иерархических условий, вне рамок чиновной деятельности есть возможность разумно относиться к народному делу. Само правительство при образовании новых учреждений приняло в основание возможное устранение чиновного элемента, ожидал более успеха от лиц образованных, материально обеспеченных и знакомых с народом, чем от

¹¹⁶ Там же, лл. 18 об.—19.

¹¹⁹ П. А. Зайончковский. П. А. Валуев. (Биографический очерк). В кн. Дневник П. А. Валуева... т. I, стр. 43—44.

¹²⁰ Дневник П. А. Валуева... т. II, стр. 240—241.

¹²¹ ЦГИА, ф. 608, оп. 1, д. 207, лл. 1—21.

¹¹⁶ ЦГИА, ф. 1291, оп. 53, 1866 г., д. 272, л. 22—22 об.

¹¹⁷ ЦГИА, ф. 1291, оп. 30, 1868 г., д. 1, лл. 12—22.

чиновников, не связанных с крестьянами взаимными имущественными интересами. Все это поколебало веру в достоинство административных органов и значительно ослабило их влияние. С окончанием поземельного устройства крестьян, присутствие этого посредствующего элемента между народом и правительственной властью едва ли мыслимо. Постепенное упразднение мировых посредников будет мерою не только экономической, но и соответствующею государственным целям.¹²² Этот тезис Валуева привлек к себе внимание императора и вызвал появление «высочайшей» пометы: «сообразить». Такая помета давала возможность идти дальше и выдвигать предложения практического порядка. Поскольку Валуеву не удалось на этот раз удержаться ни министерском посту, то реализация этой возможности досталась на долю его преемника. Им оказался генерал-адъютант А. Е. Тимашев, известный своей пятилетней (1856—1861 гг.) службой в III отделении в качестве управляющего и начальника штаба корпуса жандармов и открытой неприязнью к крестьянской реформе. В связи с историей мировых посредников имя его уже упоминалось: он поддерживал мысль о превращении части посредников в правительственных чиновников с обычной системой их подчинения и административной отставкой.

По-видимому, Тимашев придавал очень большое значение проблеме организации руководства крестьянским делом на самой первой его ступеньке, в волостях и уездах, чем именно и занимались мировые посредники. Иначе трудно объяснить тот факт, что уже 11 марта 1868 г. (указ о назначении А. Е. Тимашева подписан 9 марта) управляющий делами Главного комитета С. М. Жуковский возвращает в Министерство внутренних дел представление Валуева от 13 января 1868 г. «О служебной деятельности посредников после 1 января 1868 г.» на основании «изъявленного» Тимашевым «желания»,¹²³ т. е. первым шагом нового министра в первый день его службы было распоряжение о приостановке движения дела о посредниках в том направлении, которое давало ему это представление Валуева, имевшее в виду сохранение института посредников, и решение его судьбы на иной основе. Эта основа была сформулирована во «всеподданнейшем» докладе, поданном Тимашевым 23 сентября 1868 г. возвращавшемся из заграничной поездки императору.¹²⁴ В докладе испрашивалось разрешение на рассмотрение вопроса о роспуске института мировых посредников и создании нового учреждения, которое Тимашевым мыслилось как составная часть общего бюрократического аппарата страны.

При наличии рассуждений о заслугах первого состава посредников записка являлась признанием несостоятельности института

в решении стоящих перед ним задач. Два момента выделялись среди этих задач особо: напряженное положение с платежом крестьянами податей и приближение 1870 г., завершающего установленный Положением 9-летний срок, в течение которого был невозможен отказ крестьян от надела. И то и другое сильно беспокоило нового министра внутренних дел, заставляя искать средства для поправки существующего положения с недоимкой в крестьянских платежах и предупреждения возможных осложнений, связанных с будущими отказами крестьян от земель. Мировые посредники отвергались Министерством внутренних дел в качестве действительных проводников правительственной политики в таких условиях и выдвигалась идея создания учреждения «сильных и надежных исполнителей», находящегося в тесной связи с другими институтами, «посредством которых государство приводит в исполнение заботливость свою о сохранении порядка, о спокойствии и безопасности граждан и о развитии материальных и нравственных сил народа».¹²⁵

Согласие императора на обсуждение предложения министра внутренних дел в установленном законом порядке было получено.¹²⁶

Тимашев рассчитывал на очень скорое разрешение дела о посредниках и быструю замену их облеченными большой властью и большой ответственностью перед министерством чиновниками. Он планировал начать работу нового учреждения к 1870 г. Однако его расчеты были опрокинуты медленностью и неповоротливостью бюрократической машины. В обсуждение проекта преобразования системы учреждений по крестьянским делам¹²⁷ оказался втянутым целый ряд ведомств: министерства Внутренних дел, Финансов, Юстиции, Государственных имуществ, II и III отделения.¹²⁸ Точки зрения ведомств на характер необходимых изменений расходились, всякое предложение вызывало критику. Возможно, не последнюю роль в этом играло межведомственное соперничество. Служивший в то время во II отделении К. Ф. Головин признавался, что критика присылаемого на отзыв проекта или записки были повсюду «делом обязательным, и плохим считал себя тот сановник, который не доказал бы, что мнение его коллеги неосновательно».¹²⁹ Разногласия концентрировались главным образом вокруг проблем: следует ли полностью распустить институт посредников или сохранить последних в небольшом количестве, и если упразднить, то возможно ли распределение их обязанностей между существующими учреждениями или

¹²² Там же, лл. 87 об.—88.

¹²³ Там же, л. 78.

¹²⁷ ЦГИА, ф. 1161, оп. 2, 1868 г., д. 103, лл. 110—112 об.

¹²⁸ Материалы обсуждения вопроса сосредоточены в делах ЦГИА, ф. 1291, оп. 36, 1868 г., д. 181, чч. I—III; ф. 1181, оп. т. XV, 1873 г., д. 34.

¹²⁹ К. Головин. Мои воспоминания, т. I, стр. 158.

¹²² Там же, л. 6—6 об.

¹²³ ЦГИА, ф. 1181, оп. т. XV, 1868 г., д. 5, л. 2—2 об.

¹²⁴ ЦГИА, ф. 1284, оп. 241, д. 189, лл. 78—90.

необходимо создание нового института, причём последний мог быть осуществлен в двух вариантах — либо в виде единоличной должности, либо в виде коллегии. Тимашев неоднократно пытался ускорить процесс обсуждения, рассылая просьбы о присылке отзывов министерств и канцелярий, но дело явно надолго затягивалось.

В итоге именно потому, что 1870 год неумолимо надвигался, а согласованный проект не был готов, пришлось отказаться от мысли осуществить роспуск и замену посредников к 9-летию реформы. Но министр внутренних дел в этих условиях не мог не попытаться хотя бы усилить зависимость мировых посредников от министерства, чтобы иметь большие возможности влиять на их деятельность. В поданной в конце ноября 1869 г. в Главный комитет записке¹³⁰ он предлагал изменить систему утверждения посредников и отстранения их от службы; передав это право министру внутренних дел, а вынесение решений об административном удалении их и наложение на них дисциплинарных взысканий предоставить власти губернских присутствий. Однако Главный комитет и на этот раз (февраль 1870 г.) не считал возможным пойти на предложенное изменение правового положения посредников — отстранение их через Сенат — тем более что он не считал предлагаемую меру действенным средством улучшения состава их и что вскоре предполагалось вторичное рассмотрение вопроса о коренной перестройке учреждений по крестьянским делам. И все же, поскольку к этому времени убежденность Главного комитета в необходимости предельно осторожного обращения с этим дворянским институтом была сильно поколеблена, члены Главного комитета согласились предоставить губернским присутствиям полномочия на временное отстранение посредников от службы, производимое одновременно с отправкой представления об этом в Сенат.¹³¹

Таким образом, законами 1866 и 1870 гг. права генерал-губернаторов, губернаторов, губернских присутствий и Министерства внутренних дел в отношении смещения посредников были значительно расширены. Правовое положение посредников к этому времени уже очень сильно отличалось от первоначально установленного. Проведенное в 1871 г. увеличение высшего размера мировых участков¹³² еще более сократило институт посредников количественно.

Следующие три года разработки нового законопроекта и обсуждения его (1870—1873 гг.) были временем полного упадка и обреченности института, так как сообщения о реорганизации его проникли в печать. Н. А. Демерт в 1872 г. во «Внутреннем обозрении» (один из заголовков которого был «Одиннадцатая

годовщина освобождения крепостных крестьян и радостные вести об упразднении мировых посредников») писал: «Дело дошло до того, что сами даже мировые посредники (Рязанская губ. Сапожковский у.) ходатайствовали о самоуничтожении или самоистреблении, признавая себя совершенно ненужными».¹³³

Наконец, после пяти лет межведомственных согласований, в 1873 г. проект, одобренный четырьмя министерствами и двумя канцеляриями, был направлен в Главный комитет, значительно изменен там, затем одобрен Государственным советом уже в выработанном Главным комитетом варианте и 27 июня 1874 г. утвержден императором.¹³⁴

По этому закону мировые посредники и их съезды упразднились. Исключение составляли лишь те губернии, где еще не были введены земские и судебные учреждения, специально оговаривалось сохранение посредников в Пермской и западных губерниях и Бессарабской области. Обязанности посредников и их съездов передавались полиции, судебным и нотариальным учреждениям, а также вновь создаваемому уездному по крестьянским делам присутствию. Последнее должно было состоять из уездного исправника, председателя уездной земской управы и почетного мирового судьи. Председательствовал в нем уездный предводитель дворянства. Уездному присутствию передавались обязанности посредника по надзору за крестьянским общественным управлением, полицейский исправник наследовал его функции по контролю за поступлением оброчных и выкупных платежей. Губернское присутствие, из которого выводились представители помещиков, пополнилось председателем казенной палаты и председателем губернской земской управы.

И все-таки правительство даже теперь, через полтора десятка пореформенных лет, убедившись в неработоспособности института посредников, не смогло отказаться от самой идеи, вызвавшей в свое время его создание, идеи неперемного участия помещиков в определении судеб крестьянства и решении проблем, лежащих на стыке помещичьих и крестьянских интересов. Помещичье правительство и не могло поступать иначе.

Поэтому новый закон предусматривал учреждение должности «неперемного члена», входящего в уездное присутствие. Именно ему передавались обязанности посредников, касающиеся наиболее важных для помещиков вопросов. Это были дела по жалобам и спорам, возникающие в связи с содержанием уставных грамот, по искам крестьян о землях, купленных ими до отмены крепостного права на имя своего владельца; по разверстанию и обмену угодий, по перенесению крестьянских усадеб. Неперемный член подчинялся условиям ценза, установленным для мировых посред-

¹³⁰ ЦГИА, ф. 1291, оп. 36, 1868 г., д. 181, ч. I, лл. 422—450 об.

¹³¹ Там же, лл. 466—476.

¹³² ПСЗ II, т. XLVI, № 49664.

¹³³ Отечественные записки, 1872, № 1, стр. 198.

¹³⁴ ПСЗ II, т. XLIX, № 53678.

ников, но иначе назначался на службу. В отборе кандидатов теперь принимали участие уездные присутствия и губернские земские собрания. Присутствия составляли списки помещиков, имеющих право на занятие должности, земское собрание отбирало из них по два кандидата на место, губернатор составлял окончательный список, утверждавшийся министром внутренних дел. Непременные члены оказывались в подчинении министерства, уравнивались в правах с чиновниками, служащими по назначению, в том числе в правах на чин, пенсию и ношение форменного мундира Министерства внутренних дел. Утверждались в должности они сроком на три года по одному человеку на уезд. Служба в коллегиальном учреждении и подчиненность Министерству внутренних дел должны были стимулировать их деятельность.

Закон этот, таким образом, усиливал правительственный элемент в системе учреждений по крестьянским делам, делал незначительную уступку требованиям земства, допуская его к отбору кандидатов в непременные члены и участие в делах уездных и губернских присутствий, делал акцент на учреждения коллегиальные.

Упразднение института мировых посредников прошло для русского общества почти незамеченным. Если на пороге его возникновения и в первое время существования печать была наполнена рассуждениями о его назначении и будущности, наставлениями и напутствиями, то бесславный конец сопровождался почти полным молчанием. Правительство не решилось обойти этот вопрос и опубликовало 27 июля 1874 г. в «Правительственном вестнике» одновременно с текстом закона большую статью, составленную в Земском отделе на основе рекомендаций великого князя Константина Николаевича, разъясняя правомерность произведенной перемены. Из больших журналов на это событие откликнулся только «Вестник Европы» (1874, № 10), посвятивший посредникам во «Внутреннем обозрении» несколько страниц, наполненных главным образом изложением нового закона.

Перестройка учреждений по крестьянским делам была реакцией правительства на возникшие в крестьянском вопросе трудности, попыткой решить их путем организационных переделок в управлении. Преобразование системы крестьянских учреждений не изменило и не могло изменить положения на местах, поэтому в связи с продолжающимися и все возрастающими затруднениями и сложностями на этом участке внутренней жизни в конце 80-х годов вновь возникает мысль о реорганизации местного крестьянского управления, и прежняя идея помещичьей опеки и контроля над крестьянством приводит к созданию института земских начальников, во многом наследовавшего черты института мировых посредников.

Ю. Б. СОЛОВЬЕВ

ПРАВИТЕЛЬСТВО И ПОЛИТИКА УКРЕПЛЕНИЯ КЛАССОВЫХ ПОЗИЦИЙ ДВОРЯНСТВА В КОНЦЕ XIX ВЕКА

После реформы 1861 г. дворянство, как сословие старого феодального общества, вступило в период кризиса и разложения. Субъективная неспособность быстро переориентироваться, отказаться от всего привычного, от удобной и устроенной на даровом труде жизни плюс к этому объективные трудности, жестокий сельскохозяйственный кризис, а кроме того, политика протекционизма, достигшая апогея в 1891 г. с введением запретительного тарифа, имело своим итогом потерю дворянством к концу XIX в. десятков миллионов десятин.

По правительственным сведениям, дворянское землевладение сократилось с 77,8 млн до 57,7 млн десятин к 1892 г., т. е. на 20 млн, или 25,8%.¹ Эта потеря, которая несомненно является важнейшим показателем для оценки положения дворянства, как класса, не позволяет, однако, сделать вывод о его сплошном упадке и деградации. Если дворянство являлось крупнейшим продавцом земли, то оно же на долгие годы оставалось ее крупнейшим покупателем, хотя его удельный вес при этом постоянно падал.² Это означало, что в дворянском землевладении в огромных масштабах шло перераспределение собственности.

Громадная важность совершившихся внутри дворянства процессов для всего существующего и оставшегося нетронутым государственным строем, возникшие для него опасности вследствие ослабления дворянства не укрылись от правящей верхушки. В царствование Александра III смыслом правительственной политики стало предотвращение дальнейшего ослабления позиций дворянства.

Но при всей решимости, с какой проводился реакционный курс, решение дворянского вопроса не было достигнуто. И когда

¹ ЦГИА, ф. 1151, оп. т. XII, 1896 г., д. 4, л. 209.

² И. Г. Дроздов. Судьбы дворянского землевладения в России и тенденции к его мобилизации. Пгр., 1917, стр. 16.

на престоле оказался Николай II, то в самом начале его правления была сделана новая попытка возродить дворянство. Но возродить его на почве опять-таки не капиталистической, не как новый класс земельных собственников, а на тех остатках прошлого, какие еще во множестве сохранились десятилетия спустя после отмены крепостного права. Преемственность обоих царствований едва ли не быстрее всего сказалась и в том, какое место занял в правительственной политике дворянский вопрос, и в самом подходе к его решению.

Кроме мер уже осуществленных, вроде учреждения Дворянского банка, создания института земских начальников, пересмотренного представительства в земствах, Александр III оставил своему преемнику и некоторые проекты по Дворянскому делу, тоже весьма радикального характера. Принятие их тормозилось самой важностью того предмета, которого они касались, важностью, превосходившей все сделанное до того. Предыдущие шаги вели к реставрации дворянства в рамках созданного после реформы 1861 г. порядка. И при Александре III возник другой план спасения дворянского землевладения и самого дворянства, который изымал в сущности дворянское землевладение из сферы капиталистических отношений и вводил дворянство на дорогу, ведущую прямо к восстановлению в экономике порядков феодального общества.

Возникновение замысла относится к 1887 г., когда Полтавское дворянское собрание по докладу А. В. Мещерского, губернского предводителя дворянства, приняло обращение к «Высшему правительству» с ходатайством о предоставлении дворянству права учреждать заповедные имения.

О чем шла речь видно из того, что обрисовав хозяйственную эволюцию дворянства, понимаемую как быстрое оскудение и конечное разорение сословия, Мещерский оценил переживаемый момент как имеющий исключительную важность, когда ребром поставлен вопрос — быть или не быть дворянству. Теперь, убеждал Мещерский собрание, наступил «последний льготный час».³ И единственным средством спасения представлялось ему возвращение к указу Петра I о майоратах 1714 г. Единонаследие на основе неотчуждаемости имения оказалось тогда неудачным опытом, продолжавшимся всего 16 лет.

Князь Мещерский не вдавался в рассуждения о том, насколько его проект соответствует современному строю жизни России, он не раздумывал о том, каковы будут его экономические и социальные последствия, куда денутся те, кто будет лишен наследства. Он довольствовался тем, что в Англии нечто подобное существует.

Полтавское дворянское собрание признало его доводы вполне основательными и, тоже не вдаваясь в подробности, обратилось к правительству с единогласным ходатайством разрешить полтавским дворянам учреждать заповедные и единонаследные имения размером не ниже 400 десятин земли.⁴

Пример полтавских дворян оказался заразителен. С 1887 г. в Министерство внутренних дел поступили тождественные ходатайства от дворянства Уфимской, Таврической, Екатеринославской, Калужской, Псковской, Нижегородской, Харьковской, Херсонской, Казанской, Пензенской, С.-Петербургской, Симбирской и Владимирской губерний. Из 28 дворянских обществ за предоставление права делать имения заповедными высказалось 16.

Лейтмотивом рассуждений о переживаемом дворянством упадке было признание неконкурентоспособности дворянства. Не сельскохозяйственный кризис оказывался главной причиной утраты дворянством земли, а то, что оно не могло выдержать натиска «новых людей», «коммерческих людей», как называли помещики нарождающуюся сельскую буржуазию. Заповедность понималась ими как своего рода контрнаступление на новый, вытесняющий дворянство элемент, на удачливый конкурента. Она должна была окружить дворянское землевладение непроходимым рвом.

Таким очень простым, как казалось сторонникам этой реформы, механическим способом можно было закрепить наличное статус кво. Прельщаемые примером Англии, с ее насчитывавшими не одну сотню лет майоратами, они с легкостью перенесли институт эпохи расцвета феодального общества в обстановку развитого капитализма, видимо, даже не отдавая себе отчета в том, как велика разница между двумя формациями.

Конечно, на самом деле привить уже вполне развитому капитализму столь значительный отросток феодального уклада, к чему сводилась реформа, было крайне сложно, что и обнаружилось довольно быстро, когда от общих рассуждений перешли к практическому рассмотрению предлагаемого новшества. Тут сразу же запутались в неразрешимых противоречиях.

В Петербурге дворянские домогательства были встречены благоприятно. 20 ноября 1891 г. Александр III, по докладу председателя Государственного совета великого князя Михаила Николаевича, приказал образовать для выработки мер по укреплению дворянского землевладения Особую комиссию под председательством Н. С. Абазы. Она была поставлена широко. В нее должны были войти представители министерств Внутренних дел, Финансов, Государственных имуществ и Юстиции. Так в высших правительственных инстанциях началось рассмотрение дворянского вопроса, занявшее многие годы. По несколько лет заседали две большие комиссии, в которые входили высшие сановники и важ-

³ Записка о заповедных имениях губернского предводителя князя А. В. Мещерского. ЦГИА, ф. 1157, оп. т. XII, 1896 г., д. 1, л. 127.

⁴ ЦГИА, ф. 1151, оп. т. XII, 1896 г., д. 1, л. 133 об.

нейшие министры. На прения были потрачены сотни часов. Из подр комиссий выходили тщательно разработанные проекты. Государственный совет не раз высказывал о них свои суждения. Все говорило о том, что законодательная машина работала с полной нагрузкой. Забегая вперед, следует сказать, что вся эта усиленная работа приведенного в движение механизма шла вхолостую. Примирить дворянские домогательства с общим направлением развития страны оказывалось положительно невозможным.

Комиссия Н. С. Абазы начала свои заседания 4 февраля 1892 г. и закончила их 16 ноября. Членами ее являлись В. К. Плеве, Н. В. Шидловский, А. В. Ивапов, А. С. Ермолов, Н. А. Иванов, Н. И. Шидловский, И. И. Тихеев, В. В. Калачов, М. В. Красовский, князь Л. Д. Вяземский, граф А. А. Голенищев-Кутузов, князь А. Д. Оболенский. Кроме того, в работах комиссий принимали участие граф А. А. Бобринский, А. А. Нарышкин, предводители дворянства: Пензенской губернии — Д. К. Гевлич, Рязанской — Л. М. Муромцев, Харьковской — граф В. А. Капштет, Тульской — А. А. Арсеньев и некоторые другие.

Уже на подготовительной стадии верная духу дворянских ходатайств она встала на позицию воинствующей антибуржуазности.⁵

Вместе с тем на заседаниях развернулись острые дискуссии, показавшие, насколько рассматриваемый проект был уязвим и нелогичен. Оспоренной оказалась главная мысль, легшая в основу деятельности Комиссии, — о необходимости широко ввести институт заповедности как единственном средстве предотвращения упадка дворянства. Князья Л. Д. Вяземский и А. Д. Оболенский напомнили, насколько неудачны были прежние попытки со времен Петра склонить дворянство к устройству заповедных имений. Не привившись в крупном землевладении, располагавшем значительными денежными средствами, заповедность резко несоответствовала нуждам и возможностям мелких и средних поместий. Их владельцы, полагали Вяземский и Оболенский, не имея значительного свободного капитала, будут поставлены ограничением права залога «в совершенную невозможность добыть необходимые средства для введения желательных усовершенствований в хозяйство или для устранения его расстройств».⁶

Не менее важным препятствием считали они невозможность обеспечить средствами на жизнь лишаемых наследства членов семьи. Поэтому мнение обоих было безусловно отрицательным. Они рекомендовали вовсе отказаться от предлагаемой меры. Одни-

надцать других членов комиссии во главе с председателем придерживались прямо противоположного взгляда. Но возражения, которыми пренебрегло большинство Комиссии, стали затем на многие годы камнем преткновения для всех попыток решить подпаятый вопрос в духе дворянских пожеланий.

Итак, следовательно, уже с первых шагов обнаружилось, что вся работа большинства Комиссии, упорно продолжавшего видеть в заповедности действенный способ достижения поставленной цели, имела под собой шаткие основания. Сама цель получала теперь наиболее точное определение. Ею объявлялось укрепление на земле среднего дворянства — сохранение как крупного, так и мелкого дворянского землевладения не вызывалось, по мнению заставших, «государственной необходимостью».⁷

Что же понималось под среднепоместным дворянством? Каков был круг лиц, на которых распространялась забота Комиссии? К этой категории Комиссия относил помещиков, получавших доход от 1500 до 7500 руб., т. е. капитализируя его из 5%, владевших имениями ценностью от 30 тыс. до 150 тыс. руб.⁸ По предложениям Комиссии, преобладать должна была группа с низшим доходом.

Закрепить на земле этот слой, провести в жизнь намечаемую реформу мыслилось предоставлением самых широких льгот. Большим местом дворянства всех разрядов и степеней было погашение долгов. С первого года основания Дворянского банка началось прогрессирующее накопление недоимок. А так как Комиссия решила, что заповедными можно будет объявлять и заложенные имения (допущение, заключающее в себе явное противоречие); то, принимая во внимание весь уже накопленный опыт, следовало подумать и о том, как быть с недоимками заповедного имения. Допустив абсолютно противоречащее заповедности право обращать в заповедные задолженные имения, Комиссия в отступление от основного смысла заповедности вынуждена была допустить и возможность продажи такого имения за долги. Однако эту формально признанную возможность Комиссия постаралась сделать как можно менее реальной, капитально ограничив банк в праве требовать и получить деньги обратно. По скромному определению самой Комиссии предлагаемый порядок представлял для банка «некоторые опасности». Действительно, получение отданных займы средств становилось весьма и весьма проблематичным. Эмансипируя должника от банка, Комиссия наметила еще одну меру, подрывавшую самую основу заповедности, но зато выгодную помещикам. Большинство предусматривало право владельца заповедного имения заключать в Дворянском банке займы под залог этой не подлежавшей продаже собственности в размере

⁵ Краткий исторический очерк учреждений, устанавливающих неделимость и неотчуждаемость земельной собственности. ЦГИА, ф. 1151, оп. т. XII, 1896 г., д. 1.

⁶ Журнал высочайше учрежденной особой Комиссии для обсуждения возбужденного дворянскими собраниями вопроса о мерах к поддержанию дворянского землевладения. ЦГИА, ф. 1151, оп. т. XII, 1896 г., д. 1, л. 43.

⁷ ЦГИА, ф. 1151, оп. т. XII, 1896 г., д. 1, л. 46 об.

⁸ Там же, лл. 47 об.—48.

одной трети ее стоимости. Цель — для усовершенствования хозяйства и для наделения средствами лишаемых наследства членов семьи. Последнее оказалось едва ли не самой трудной проблемой, потому что здесь выход приходилось искать не за счет государства, а за счет ненаследующих членов семьи. Считая, что производимые, по существующему закону, разделы имений между наследниками поровну подрывают дворянское землевладение не менее, чем накапливавшаяся задолженность, Комиссия, с одной стороны, была твердо убеждена в необходимости единонаследия, но, с другой стороны, положительно не знала, что делать со всеми остальными членами семьи — то она была готова нищими выставить их на улицу, то склонялась к мысли, что каким-то образом их все-таки следует обеспечить. Комиссия отдавала себе отчет в опасности и нежелательности такой ситуации, когда «один из членов семьи сохранил бы все выгоды почтенного положения дворянина-помещика, прочие вынуждены были бы снискивать себе пропитание всякими способами. Едва ли можно сомневаться в том, — логично рассуждала Комиссия, — что столь резкое различие в участи членов одного и того же дворянского семейства возбудит в обездоленных горькие чувства и справедливые сетования».⁹ Но найти здесь рациональный выход она не могла.

Устанавливаемый порядок выплаты ненаследующим членам семьи юридически был весьма сложен и создавал большую неопределенность и путаницу.

А на практике новый закон о заповедных имениях имел бы одно немедленное последствие: помещики, бывшие на шаг от банкротства или быстро приближавшиеся к нему, получали новую возможность еще каким-то образом продлить свое существование, оттянуть на годы свою несостоятельность. И размер долга, при котором можно было учреждать заповедные имения, и свободные отношения должников с Дворянским банком с ничем не прикрытой откровенностью показывали, о ком в первую очередь печется Комиссия. Что весь проект был задуман как экстренная мера и имел назначением дать разоряющимся помещикам временную передышку видно и из того, что Комиссия рекомендовала создать срочно-заповедные имения, а не вечно-заповедные, которые через поколение снова могли перейти на обычное положение по желанию внука учредителя.

Комиссия любой ценой хотела сохранить в экономическом организме гангренозные образования, какими были неспособные хозяйствовать дворяне. Но это стремление во что бы то ни стало спасти гибнущие элементы требовало такого грубого насилия над всем установившимся строем жизни, стояло в таком конфликте с реальными возможностями, что при самой ординарной способности считаться с действительностью несообразность за-

⁹ Там же, л. 78 об.

думайного бросалась в глаза. Беспочвенность выработанного проекта была убедительно продемонстрирована в особом мнении члена Комиссии Н. И. Шидловского, настроенного вполне консервативно, не согласившегося с Оболенским и Вяземским в их отрицании всякой пользы от устройства заповедных имений, но и не утратившего совсем реального взгляда на окружающее.

Разрешать учреждение заповедных имений при предусмотренной задолженности в 60% он считал мерой, не имеющей ни малейшего шанса достичь желаемого результата. «Нельзя не опасаться, — писал об этом Шидловский, — что владельцы, потерявшие всякую надежду спасти разоренные имения, станут прибегать к обращению их в заповедные с единственной целью воспользоваться новыми льготами по отсрочкам и рассрочкам платежей Дворянскому банку».¹⁰

А переданный перед внесением в Государственный совет на заключение ведомств проект Комиссии натолкнулся на такие возражения, которые в сущности выбивали из под него самую основу. В замечаниях статс-секретаря Э. Фриша, возглавлявшего Кодификационный отдел при Государственном совете, высказывалось несогласие с положением; фактически лишавшем ненаследующих членов семьи материального обеспечения.¹¹

Министр юстиции Манасеин отнесся с «полным сочувствием» к мысли о введении института срочно-заповедных имений, полагая, что готовящееся нововведение «без сомнения будет способствовать упрочению дворянских имений за владеющими их родами и образованию на местах желательного в целях правительственной политики класса дворян-землевладельцев».¹² Но создание прочного, внутренне крепкого дворянского землевладения представлялось Манасеину недостижимым при предусмотренном размере задолженности и, развивая примерно ту же аргументацию, что и Шидловский в своем особом мнении, он приходил к категорическому выводу, что обращение имений со значительными долгами в срочно-заповедные является «бесцельным и отнюдь не желательным».¹³

Высшей нормой возможной задолженности он предлагал сделать 33% от стоимости имения, но с тем чтобы за вычетом долгов оно стоило бы не менее 30 тыс. руб.¹⁴

¹⁰ Особое мнение члена Комиссии сенатора Шидловского. ЦГИА, ф. 1151, оп. т. XII, 1896 г., д. 1, л. 106.

¹¹ Отношение главноуправляющего Кодификационным отделом при Государственном совете председателю Комиссии о мерах к поддержанию дворянского землевладения от 30 января 1893 г. ЦГИА, ф. 1151, оп. т. XII, 1896 г., д. 1, л. 221 об.

¹² Отношение министра юстиции Манасеина председателю Комиссии о мерах к поддержанию дворянского землевладения от 21 мая 1893 г. ЦГИА, ф. 1151, оп. т. XII, 1896 г., д. 1, л. 231.

¹³ ЦГИА, ф. 1151, оп. т. XII, 1896 г., д. 1, л. 233 об.

¹⁴ Там же, л. 234 об.

Эти-то предложения Манасеина и стали главным пунктом контрвооружений большинства Комиссии, когда она собралась в конце ноября 1893 г. для рассмотрения и ответа на замечания ведомств по выработанному ею проекту.

В своем ответе Манасеину она со всей откровенностью показала, что смыслом нового закона должно стать спасение банкротов, что действует она в убеждении, что наступил, по выражению А. В. Мещерского, «последний льготный час» и нужно спасти то, что спасти было по всем разумным соображениям уже невозможно.

Она и сама вполне сознавала, что возможность добыть необходимые на жизнь средства для владельцев имений, составлявших, в сущности говоря, один голый долг, «будет на первых порах гадательна».¹⁵ Конечно, и относительно более отдаленного будущего Комиссия не могла сделать никаких оптимистических прогнозов и потому «гадательной» для самих авторов проекта оставалась вся судьба «заповедных» имений, которые при естественном ходе дел со дня на день должны были пойти с молотка и весь расчет строился в надежде на нечто сверхъестественное, иррациональное, на то, что кривая как-нибудь вывезет, вопреки здравому смыслу и логике. Точка зрения Комиссии была выражена со всей возможной простотой и недвусмысленностью — как бы ни было плохо дворянское землевладение, как бы дурно не велось хозяйство — его надлежало спасти. Поэтому аргумент, противопоставленный рассуждениям Манасеина, был один — его поправки «лишали бы огромное большинство дворян-землевладельцев возможности обратить их имения в срочно-заповедные».¹⁶ А раз это «огромное большинство» независимо от того, что оно собой представляло, и даже скорее по причине того, что это заведомо был слой, который сам своими силами спастись уже не мог и должен был, по всем разумным предположениям, погибнуть, под новый закон в редакции Манасеина не подпадало, то и редакцию эту, рассуждала Комиссия, надлежало отвергнуть. Изменив кое в каких незначительных частностях свой проект, она оставила его прежним. Теперь он был готов к внесению в Государственный совет. Комиссия заседала уже два года, со времени же первого ходатайства полтавского дворянства минуло шесть лет. И пока писались бумаги и шли обсуждения земля продолжала безостановочно уходить из дворянских рук. Не только объективные трудности, неумение приспособиться к развивающемуся капитализму вели к этому, но и соблазн непрерывно растущих цен на землю, все более обгонявших ее нормальную доходность. При

¹⁵ Журнал Комиссии о мерах к поддержанию дворянского землевладения. Заседание 29 ноября 1893 г. ЦГИА, ф. 1151, оп. т. XII, 1896 г., д. 1, л. 8.

¹⁶ ЦГИА, ф. 1151, оп. т. XII, 1896 г., д. 1, л. 7 об.

продаже земли дворянство получало огромную премию. Однако необыкновенно выгодная с чисто экономической точки зрения операция имела и существенный политический минус — продавая землю, т. е. средство производства, владение которым делало из дворянства определенный класс, оно несомненно ослабляло базу своего политического господства, и вызванные этим опасения получили среди дворян заметное распространение. Под влиянием усиливающейся тревоги оно обращается к власти с новыми ходатайствами, предлагая меры, которые могли бы, как казалось, приостановить утечку дворянской земли. Поступившие предложения обнаружили с полной очевидностью, что за прошедшие годы политически активные круги дворянства не продвинулись в понимании процессов, определявших течение экономической жизни. Они по-прежнему мыслили категориями, вполне отвечавшими феодальному способу производства, но составлявшими резкий диссонанс капиталистическому, — слова уповали на чисто механические меры, не понимая, насколько грубо нарушают они весь установившийся строй экономических отношений, и, чуждые ему, не только не могут при сохранении этого строя облегчить положение дворянства, но даже, при ближайшем рассмотрении, ухудшат его. Попытка действовать при полном незнании господствующих в экономическом развитии тенденций создавала лишь новые серьезные затруднения и путаницу. Воображаемый плюс оборачивался вполне реальным минусом.

Такой оказалась судьба двух предложений, поступивших на рассмотрение Комиссии. Одно исходило от Тульского губернского дворянского собрания, ходатайствовавшего о воспреещении продажи дворянских земель другим сословиям и о разрешении дворянам объявить нераздельными свои владения размером от 100 до 1000 десятин. Автором второго было Смоленское дворянское собрание, просившее о предоставлении дворянам права не делить при наследстве имение на участки, если они будут меньше 250 десятин. Равным образом это количество становилось минимумом, своего рода эталоном дворянского землевладения.

Первое предложение было самым радикальным и как будто бы прямым путем вело к поставленной цели.

Комиссия Н. С. Абазы уже доказала со всей несомненностью, что она понимает дворянские интересы так, как их понимают сами дворяне. Но эта, казалось бы, наиболее дворянская мера не встретила в ней сочувствия — и не мудрено. Внесенное предложение отличало полное отсутствие какой-либо попытки представить себе, а каковы будут его ближайшие последствия, если оно осуществится. И Комиссия, которая тоже не далеко заглядывала в будущее, в этом случае все-таки смогла проявить некоторое элементарное предвидение. Мысль, возникшая среди тульского дворянства «при крайней несложности своей, — допускала она, — представила бы вернейшее средство для совершенного прекраще-

ния убыли дворянского землевладения на будущее время». ¹⁷ Но никаких других достоинств, кроме крайней простоты, в этом плане она не усмотрела. Сразу явился вопрос, а как отразится подобное ограничение на спросе на дворянскую землю. Отвечая, Комиссия констатировала, что «при современном положении дворянского сословия, в среде его вообще не много лиц, располагающих свободными средствами для покупки земель; в отдельных местностях число таких лиц совершенно ничтожно. Эти-то немногочисленные капиталисты из дворян и являются единственными покупателями всех продающихся в уезде или даже в губернии дворянских имений». ¹⁸ Было очевидно, что должно произойти крутое понижение спроса на землю, а значит и цен на нее. Единственно кому это шло на пользу, так это упомянутым капиталистам из дворян, которые, пользуясь своим монопольным положением, могли за бесценок скупать землю их разоряющихся собратьев по сословию. Комиссия не затруднялась в выводе: «...денежные выгоды немногих богатых представителей сословия будут приобретаться ценой громадных потерь для всех дворян-помещиков, продающих свои имения. С другой стороны, неизбежное при этих условиях общее падение цен на дворянские поместья, в связи с трудностью вообще продажи их, должны сильно поколебать, значительно сократить и удорожить личный и ипотечный кредит помещного дворянства». ¹⁹ Все это были конечно азбучные истины. Жить при капитализме и действовать вопреки ему оказывалось положительно невозможным. Лобовая атака на буржуазный элемент прямо вела к конечному упадку дворянства. Экономически абсурдное предложение тульского дворянства имело и весьма существенное, с точки зрения Комиссии, политическое последствие сугубо отрицательного свойства. Так как долги и прочие общие условия заставляли бы дворян по-прежнему распродавать поместья, то Комиссия считала неизбежным «сосредоточение всего современного пространства дворянских земель во владении немногочисленных дворян, скупщиков этих имуществ». ²⁰ А это противоречило бы «как интересам местного управления, так и сельского хозяйства», ибо крупные собственники имели «естественное тяготение», как выражалась Комиссия, к городским центрам.

Точно также повернулось дело и со вторым ходатайством относительно права объявлять недробимым все имение или части его. Оно с не меньшей силой было бумерангом по интересам самого же дворянства. «Не трудно предвидеть, — заключала Комиссия, — что во многих случаях такое стеснение собственника

¹⁷ Журнал Комиссии для обсуждения мер к поддержанию дворянского землевладения. Заседания 14 января, 3 февраля и 19 марта 1893 г. и 7 февраля 1894 г. ЦГИА, ф. 1151, оп. т. XII, 1896 г., д. 1, л. 348 об.

¹⁸ ЦГИА, ф. 1151, оп. т. XII, 1896 г., д. 1, л. 349.

¹⁹ Там же, л. 349—349 об.

²⁰ Там же, л. 350.

в право распоряжения землей будет приводить на практике к вынужденной продаже всего имения, к которой владелец при таких условиях никогда бы не прибегнул». ²¹

В декабре 1893 г. проект о срочно-заповедных имениях был вынесен на обсуждение Государственного совета. Но к тому времени на рассмотрение Комиссии Абазы поступил еще проект об укреплении мелкопоместного землевладения. Соединенные департаменты приняли решение подождать с обсуждением первого до разработки и внесения в Государственный совет второго. На прохождении последнего по инстанциям ушло больше года, и заседание, на котором ему был придан Комиссией окончательный вид, состоялось лишь в апреле 1895 г. Затем прошло еще полгода прежде чем в ноябре 1895 г. председатель Комиссии П. С. Абаза внес совокупность разработанных законопроектов в Государственный совет.

4 и 22 января 1896 г. состоялись заседания Соединенных департаментов Государственного совета, на которых были рассмотрены представленные рекомендации. Напомнив об инициативе молдавского дворянства в 1887 г. и прочих дворянских ходатайствах, Соединенные департаменты установили, что они «значительно расходятся» с законопроектом о срочно-заповедных имениях «по весьма существенным вопросам». В первую очередь отмечалось, что в ходатайствах испрашивалось разрешение учреждать небольшие наследственно-заповедные имения, тогда как Комиссия выработала законопроект о срочно-заповедных имениях применительно лишь к среднеспоместному дворянству. Далее департаментам представлялось неясным, что следует понимать под среднеспоместным дворянством. Этот термин ставился Комиссией в связь с «удовлетворением разумных потребностей средней дворянской семьи», но в чем заключались эти «разумные потребности» — оставалось загадкой.

В журнале департаментов заявлялось, что не ясно вообще, соответствуют ли рекомендуемые меры «пользе дворянства». Чтобы судить об этом, недоставало фактического материала. Поэтому Департаменты отказались высказать заключение по существу законопроекта. ²²

Работа Комиссии, таким образом, оказывалась лишеной сколько-нибудь серьезной основы. И не возлагая на нее, видимо, большие никаких надежд, Департаменты решили, что необходимыми данные могут быть предоставлены лишь Министерством внутренних дел (ему собрать их было «легко и удобно»). Ему же рекомендовалось Департаментами порекомендовать проекты Комиссии Абазы на рассмотрение дворянских собраний или предводителей дворянства. После этого Министерство внутренних дел должно было

²¹ Там же, л. 350 об.

²² Там же.

переработать все в соответствии с пожеланиями дворянства и внести окончательный вариант на рассмотрение Государственного совета «установленным порядком».

Таким образом, все надо было начинать с начала.

Удовлетворение дворянских домогательств отодвигалось тем самым на довольно значительный срок. Для выполнения намеченной Государственным советом программы понадобились бы годы. Однако отправляя все дело на вторичное рассмотрение, Государственный Совет не восстанавливал статус кво. Обстановка, в которой приходилось действовать Министерству внутренних дел, теперь была иная. И если смыслом данного ему поручения должно было явиться закрепление существующей площади дворянского землевладения, то ему приходилось считаться в первую очередь с тем фактом, что как раз за несколько месяцев до отклонения проекта Комиссии Абазы в Государственном совете правительством был сделан весьма важный шаг именно в области дворянского землевладения, имевший целью облегчить дворянам продажу своих земель путем предоставления им новых значительных преимуществ за счет крестьянства — главной категории покупателей дворянского земельного фонда. Желая, таким образом, продвинуться в решении крестьянского вопроса, правительство одновременно ставило перед собой, следовательно, как задачу сохранения земли в руках дворянства, так и продажу ее на возможно более выгодных для дворянства условиях. Эти цели друг с другом не совпадали.

30 января 1895 г. Министерство финансов представило в Государственный совет проект нового устава Крестьянского банка, главным нововведением которого было право банка приобретать за свой счет продающиеся имения для последующей продажи их крестьянам. Для этого отводился значительный капитал, образуемый из отчислений от выкупных платежей. В будущем предполагалось довести его до 50 млн руб. Эта сумма ясно указывала на то, что расчет делался на массовую скупку дворянских земель и что при полном развитии новая операция может выразиться в сотнях миллионов рублей. Кроме того, ссуда, выдаваемая банком крестьянам, повышалась до 90% стоимости покупаемой земли вместо прежних 75%. Рассмотрение дела Соединенными департаментами последовало 4, 8, 11 и 13 мая 1895 г. План Витте, хотя он, очевидно, должен был повести к новому повышению цен на продаваемую дворянами землю, несмотря на все содержащиеся в записке заверения противоположного характера, и был не просто, а чрезвычайно выгоден дворянству, прошел в Государственном совете далеко не гладко. При обсуждении образовалась группа, состоявшая из Маркуса 1-го, князя Имеретинского, Маркуса 2-го, фон Дервиза, барона Менгдена и Шидловского, решительно воспротивившаяся принятию основного повешества — покупки Крестьянским банком дворянской земли за свой счет.

Предложение Министерства финансов, заявляли они, ставило на повестку дня и неправильно решало главный вопрос всей внутренней политики, каким они считали распределение земельной собственности. Они доказывали, что обсуждаемая мера означает решительный отход от того направления, которого «постоянно держалось правительство в вопросах, касающихся землевладения и землевладельческих классов населения».²³

Предполагая, что в оборот будут втянуты земли на сотни миллионов рублей, они приравнивали новую деятельность банка к повторению выкупной операции и велико было их опасение, что именно так это будет понято крестьянством.²⁴

Особенные же опасения были связаны с дворянством. Боялись именно того, что оно соблазнится предлагаемой возможностью продать землю по высокой цене и те, кто при существующем порядке с нею бы легко не расстался, при новых условиях станут ее усиленно продавать. Начнется ускоренное сокращение площади дворянского землевладения, дополнительно убыстряемое еще и тем побочным обстоятельством, что дворяне, покупающие землю, окажутся не в состоянии конкурировать с Крестьянским банком и предлагаемыми им высокими ценами.²⁵ И потому ожидали, что эта весьма выгодная экономически операция нарушит основные классовые интересы дворянства, поведет к его общему ослаблению.²⁶ В итоге произойдет «колебание исторически сложившихся поземельных отношений и основанного на них строя местной жизни, последствия которого трудно предвидеть во всем их объеме и во всяком случае нельзя признать желательными». Поэтому твердо звучало требование критиков проекта сохранить за Крестьянским банком исключительно посредническую функцию. Правда, они принимали рекомендацию Министерства финансов увеличить размер ссуды, выдаваемой крестьянам, до 90%, но это делалось в понимании того, что дворянская земля продаваться все равно будет — и в этом было отличие их от Комиссии Абазы — и если ее не купят крестьяне, которые по своей крайней нужде в приращении надела смогут заплатить за нее цену и совсем уже несообразную, то она перейдет как раз тому буржуазному элементу, который, по мнению шести, был весьма вреден и с которого несообразные платы будут получать несравненно труднее, чем с бедствующего крестьянина. Лишь бы только такое перемещение земли совершалось «постепенно, естественным путем». Они могли бы добавить еще и чрезвычайно медленным

²³ Журнал Государственного совета в Соединенных департаментах Государственной экономики, Законов, Гражданских и духовных дел. Заседания 4, 8, 11 и 13 мая 1895 г., ЦГИА, ф. 1148, оп. 12, д. 34, л. 222.

²⁴ ЦГИА, ф. 1148, оп. 12, д. 34, л. 224.

²⁵ Там же, л. 224 об.—225.

²⁶ Там же, л. 224 об.

путем²⁷ — в этом и заключалось для шестерки главное преимущество их поправки. А что при таком положении наступит неизбежное обострение крестьянского вопроса, их не заботило. Но к этому легко предвидимому будущему с большим опасением относились остальные участники состоявшегося обсуждения. В образовавшееся в числе семнадцати большинство входили Сольский, Каханов, Победоносцев, Островский, Бунге, Филиппов, Ермолов, Витте, Горемыкин и др. Они признавали необходимость увеличить площадь крестьянского землевладения или создать хотя бы видимость стремления правительства к этому. «Первостепенная государственная важность» решения возникшей задачи даже не нуждалась, по их мнению, в доказательствах. И способ, позволявший богато вознаградить дворянство и смягчить острую нужду крестьян в земле, представлялся им весьма удачным.

Аргументация большинства в основных пунктах сводилась к тому, что нет причин опасаться так пугавших шестерку последствий, так как якобы после внушения Александра III волостным старшинам «брожение умов прекратилось совершенно». А что касается опасений меньшинства относительно быстрого размыва дворянского землевладения покупками Крестьянского банка, то большинство находило их сильно преувеличенными, так как на протяжении ряда лет банк для совершения этой операции будет располагать ограниченными средствами — в первые два года 5 или 6 млн руб. По этой же причине большинство считало маловероятным повышение цен на землю. Если же и обнаружатся какие-либо нежелательные, с точки зрения дворянства, последствия, то как Министерство финансов, так и Государственный совет сохранят постоянную возможность контролировать действия банка и не допускать их несоответствия «общим видам государственного хозяйства». Несмотря, однако же, на все эти успокоительные соображения, большинство соглашалось, что проведение обсуждаемого плана в действие «требует особой осторожности» и принять его окончательно к исполнению можно будет не ранее, чем через два года, когда выяснятся практические результаты, а пока новый порядок на этот срок устанавливался условно в виде опыта.²⁸

Облегчая дворянству по представлению Министерства финансов возможность продать землю, Соединенные департаменты, когда спусти полгода они приступили к обсуждению рекомендаций Комиссии Н. С. Абазы, направленных к удержанию дворянского землевладения любой ценой в существующих границах,

²⁷ За 1883—1894 гг. крестьяне взяли ссуд на 70 млн руб., т. е. в год получалось менее 6 млн. Всего было куплено около 2 млн десятин земли. Общее число покупателей крестьян составило 290 тыс., не считая всего состава семьи. (ЦГИА, ф. 1148, оп. 12, д. 34, л. 49).

²⁸ ЦГИА, ф. 1148, оп. 12, д. 34, л. 230 об.

вступили бы с собой в противоречие, если бы одобрили оба проекта. И между принятием первого и передачей на вторичное дополнительное рассмотрение второго нельзя не видеть определенной связи.

Окончательно дело о новом уставе Крестьянского банка было решено на общем собрании Государственного совета 7 ноября 1895 г., вставшего на сторону большинства. При обсуждении разногласий не возникло. Общее собрание рассуждало с практической точки зрения. Оно приняло как данное громадную продажу дворянством своего земельного фонда и исходило из того, что в ближайшем будущем масштабы ее могут только увеличиться. Основываясь на сведениях министра финансов, оно исчислило объем совершающихся в последнее время сделок в 150 млн руб. Дворянское участие выражалось при этом продажей имений на сумму в 88 млн руб. в год и покупкой их на 47 млн руб.²⁹ В ближайшие десять лет, считало общее собрание, ценность продаваемой земли должна будет «далеко превысить 1.5 млрд руб.».³⁰ На развитие столь грандиозного процесса перераспределения земельной собственности новая деятельность банка не сможет оказать сколько-нибудь существенного воздействия при том, что в первое пятилетие банк сможет приобрести земли не более чем на 8—10 млн руб.³¹ А между тем расчет делался на то, что он сумеет успокоить вызывавшую наибольшее опасения категорию крестьян — безземельных и малоземельных.³² Что же касается дворян, то им банк поможет продать имения «по возможности безубыточно». Ожидалось и обещалось, что продавцам помещикам он окажет «большую услугу».³³ 27 ноября 1895 г. мнение общего собрания было санкционировано царем и получило силу закона.

События с 1887 г., весь ход обсуждения дела в Государственном совете показывали, что в среде высшей бюрократии возникло определенное разномыслие по дворянскому вопросу. Выявились вполне крепостническое направление, сторонники которого предлагали идти напролом, ни перед чем не останавливаясь, не считаясь с буржуазной эволюцией страны, и направление, для которого эта буржуазная эволюция не прошла незамеченной, которое старалось к ней как-то приспособиться, во всяком случае не идти ей наперерез, на прямое столкновение с ней; появилось еще и нечто среднее, тяготеющее, впрочем, гораздо больше к первому направлению. Тот или иной оборот дворянского вопроса опреде-

²⁹ Мемория общего собрания Государственного совета 7 ноября 1895 г. ЦГИА, ф. 1150, оп. 1, д. 439, л. 68.

³⁰ ЦГИА, ф. 1150, оп. 1, д. 439, л. 68.

³¹ Там же, л. 67 об.

³² Там же, л. 69.

³³ Там же, л. 69 об.

лился взаиморасположением и коллизией этих сил, имевших при все существовавших расхождениях одну общую платформу. От какого-либо либерализма все они были одинаково далеки. Неограниченное самодержавие было их знаменем. А почвой для разногласий служил вопрос о том, можно и нужно ли законсервировать старорежимное дворянство, сохранив его в целостности в том виде, как оно есть, в качестве опоры самодержавия, или же, откликаясь на требования жизни, сохранить в дворянстве то, что внутренне крепко, т. е. сумело приспособиться к новой обстановке, не стоит с ней во враждебных отношениях и потому, пусть меньше числом, может гораздо лучше послужить самодержавию, чем быстро идущие к упадку члены сословия, которые не только не могли оказать поддержки, но сами каждодневно нуждались в ней.

Сложность маневров противоборствующих сил в правительственных сферах помножалась еще на сложность самого рассматриваемого явления. Дворянство, охваченное глубочайшими переменами, расколотое развитием капитализма на все более обособливающиеся фракции, имевшие различные интересы, отнимало всякую возможность подойти к нему с одинаковой мерой, выработать политику, одинаково приемлемую для тех, кто всеми своими корнями уходил в прошлое, душой и телом жил в мире, уже переставшем существовать, и для тех, кто вращался в развивающемся капитализме. И на экономические, и на политические проблемы общих ответов уже не было. Однако при всей разнохарактерности дворянства, сложности переживавшихся им изменений определяющими в его облике были черты старого. Прямые наследники крепостничества и носители его пережитков продолжали занимать господствующие позиции. Их голос звучал громче всех, они ближе всего стояли к трону, и когда на троне появился новый царь, в первые же месяцы своего правления заявивший во всеуслышание о верности духу предшествующего царствования, они удвоили свои усилия, чтобы добиться нужного им решения дворянского вопроса. В первые годы царствования Николая II этот вопрос выдвигается на первое место.

Стремление правительства укрепить положение дворянства, не останавливаясь перед крупными затратами, проявилось уже в начальные дни нового царствования. В манифесте о вступлении на престол объявлялось о понижении процентной ставки по ссудам должников Дворянского банка с $4\frac{1}{2}$ до 4%. Кроме того, понижались платежи должников Особого отдела банка, которые теперь платили соответственно 6 р. 15 к. и 5 р. 90 к. вместо 7 р. 15 к. и 6 р. 90 к. со 100 руб. долга.

По причине последнего между обязательствами Особого отдела и его ресурсами образовался разрыв в 18 029 953 руб., который имел только один источник пополнения — средства Государ-

ственного казначейства. Этот расход был отнесен к чрезвычайным в государственной росписи на 1894 г.³⁴

Подобные податки проблеме, конечно, не решали и в глазах заинтересованных лиц могли быть лишь многообещающим началом.

Реакционное дворянство проникается наступательным настроением. Аппетиты разыгрываются все более.

Известным рубежом сделалось начало 1896 г. В «Гражданине» Мецкерского — этом старейшем и влиятельнейшем органе дворянской реакции — с особенным удовлетворением отмечалось в связи с состоявшимся в Москве в середине января 1896 г. очередным губернским съездом: «Давно не было в Москве такого съезда дворян, такого оживления, таких горячих разговоров на дворянские темы».³⁵ Мецкерский был тем более доволен, что «чрезвычайное оживление», «особенное оживление» царило повсюду. Вскоре правительство представило самое недвусмысленное доказательство своего намерения в первую очередь заняться дворянским вопросом.

В начале февраля 1896 г. новый министр внутренних дел И. Л. Горемыкин, сменивший на этом посту в октябре 1895 г. И. Н. Дурново, с санкции царя созвал в Петербурге совещание губернских предводителей дворянства для обсуждения дворянского вопроса. Оно открылось 10 февраля. По домам участники разъехались во второй половине марта. В этом съезде увидели событие чрезвычайной важности уже хотя бы потому, что ничего подобного не было с 1861 г., несомненный признак готовности правительства сделать для дворянства все возможное. С этим актом связывались планы контрнаступления по всему фронту, которое позволит дворянству вернуть утраченное, заново укрепить его союз с самодержавием. Так был поставлен вопрос Мецкерским со всей присущей ему ясностью и договоренностью: «...многие... считают этот съезд губернских предводителей дворянства историческим событием потому, что он получает характер торжественной и решительной минуты, когда должно быть выяснено: быть или не быть русскому земельному дворянству как составной части российского самодержавного государства...».³⁶ Усиленно нагнетая драматизм, говори о «торжественном и роковом значении настоящей минуты», безмерно стущая краски и выводя на сцену «чудовищно разоренное дворянство», круги, рупором которых служил Мецкерский, выдвигали программу «коренного возрождения» сословия. Паллиативы, ставшие привычными, и не достигавшие цели льготы, отвергались. От

³⁴ Об отчислении из средств Государственного казначейства 18 029 953 руб. на пополнение Особому отделу Государственного дворянского земельного банка. ЦГИА, ф. 1148, оп. 12, л. 17, л. 125 об.

³⁵ Из Москвы, 21 января. Гражданин, № 7, 25 января 1896 г., стр. 11.

³⁶ Дневник, 10 марта. Гражданин, № 21, 14 марта 1896 г., стр. 23.

власти требовались самые решительные, далеко идущие действия. По какому пути призывали последовать ее, видно из развитой на страницах «Гражданина» еще до созыва предводителей дворянства концепции. «... для высших интересов государства, — писал Мецкерский, — не только выгодно быть неистощимым в списходительности и помощи им (дворянам, — Ю. С.) для удержания имени, но выгодно даже идти дальше возможного и законного».³⁷

Все эти непомерные вожделения сливались в одном конкретном предложении. Целый период начинающегося царствования следует посвятить дворянскому вопросу.³⁸

Совещание предводителей много восприняло из программы «Гражданина». Оно усвоило весьма широкий подход к дворянской проблеме, как видно из обширной записки, в которой были подведены итоги многодневных работ совещания. Но в то же время оно и не было простым отголоском того, что появлялось на его страницах. В ходе заседаний выяснился основной факт — дворянство не представляло собой единого целого. Совещание оказалось довольно пестрым по составу. С одной стороны, в нем участвовал екатеринославский предводитель дворянства А. П. Струков, реакционный дворянский зубр, а с другой — орловский предводитель дворянства М. А. Стахович, будущий лидер дворянско-либеральной оппозиции, ставший вместе с Д. Н. Шиповым и другими основателем партии мирнообновленцев.

Однако расходясь между собой в некоторых вопросах, как с очевидностью показало дальнейшее, участники Совещания смогли все же найти общую почву в своих рекомендациях правительству.

В ходе совещания было рассмотрено более восьмидесяти вопросов. На заключение его участников были переданы проекты Комиссии Н. С. Абазы. Предводители получили неограниченную возможность высказать свой взгляд на широчайший круг проблем общегосударственного значения. На их суд был поставлен общий курс политики правительства в финансово-экономической области. И предводители действительно почувствовали себя прежде всего судьями, представив записку, мало чем отличающуюся от обвинительного акта.

Спустя тридцать пять лет после реформы правительству был предъявлен счет. Оно оказывалось виновником постигших дворянство невзгод. Его последовательные мероприятия, связанные с реформой 1861 г., довели сословие до полного упадка.

Но не бесполезные сожаления о прошлом владели предводителями, а практические заботы о настоящем. Цель их состояла в том, чтобы, добившись от правительства признания ошибочным

курса максимального благоприятствования дворянству, однако в рамках возможного, который проводился до сих пор, опять-таки с отступлениями в пользу дворянства, побудить верховную власть перешагнуть эти рамки и пойти по пути уже ничем не ограниченной поддержки сословия.

Полное нежелание считаться с какими-либо резонами определяло отношение совещания к переданным на его рассмотрение проектам Комиссии Н. С. Абазы и к тому, что было решено квалифицировать как сословные интересы. Большинство, состоявшее из предводителей Костромской, Нижегородской, Новгородской, Пензенской, Полтавской, Псковской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Тульской, Харьковской, Черниговской, Ярославской и Екатеринославской губерний, полагало, что лучше один материально обеспеченный помещик, чем несколько малоземельных, и признало «крайне желательным» наискорейшее утверждение проектов Комиссии с соответствующими исправлениями.³⁹

При обсуждении вопроса о приобретении прав дворянства, т. е. о пополнении сословия, совещание в целом нашло нужным ограничить доступ чиновничества в дворянство и для этого повысить чин, предоставляющий дворянское достоинство, с действительного статского советника и соответствующих ему полковника и капитана первого ранга до тайного советника, генерал-майора и контр-адмирала.⁴⁰ После принятия этого решения харьковский предводитель граф Капнист, рязанский — Муромцев, курский — Дурново, пензенский — Гевлич, тульский — Арсеньев и воронежский — Соменов предложили считать дело исчерпанным. Однако остальные не согласились с этим, желая решить как быть с новыми землевладельцами, т. е. с тем буржуазным элементом, который оказался обладателем земельных имуществ после реформы 1861 г. Вокруг этого вопроса разгорелась острая дискуссия. Большинство предлагало приобщить их к дворянству. Оно опасалось превращения сословия во вполне замкнутую касту. Лишенное свежих пополнений, оно «будет обречено на вымирание».⁴¹ Еще более опасалось большинство, что в новых землевладельцах, не пользующихся никакими привилегиями, замкнутость и отчужденность дворянства «могут только возбудить ненависть».⁴² При таком положении не следовало допускать появления нового класса землевладельцев, параллельного дворянству, а, наоборот, нужно было «для общей пользы привлечь поименованных собственников в свою среду».⁴³ Сам прием предлагалось обставить известными

³⁹ Записка губернских предводителей дворянства, вызванных... министром внутренних дел в совещание о нуждах дворянского землевладения. ЦГИА, ф. 593, оп. 1, д. 351, л. 21 об.

⁴⁰ ЦГИА, ф. 593, оп. 1, д. 351, л. 23 об.

⁴¹ Там же, л. 24.

⁴² Там же.

⁴³ Там же, л. 24 об.

³⁷ Дневники, 17 января. Гражданин, № 6, 21 января 1896 г., стр. 19.

³⁸ Гражданин, № 22, 17 марта 1896 г., стр. 2.

условиями, но определенно имелось в виду, что они не должны будут оттолкнуть основную массу кандидатов. Большинство, таким образом, готово было пойти на сближение с буржуазией, избравшей сферой приложения своего капитала сельское хозяйство, заключить с ней союз.

Подобный буржуазный союзник оказался, однако, неприемлемым для харьковского предводителя графа Капниста и курского — Дурново. С допуском новых землевладельцев, заявляли эти твердолобые крепостники, «изменится весь строй, дух и традиции дворянства».⁴⁴ Кроме того, имелся еще и тот минус, что возможность стать дворянином побудит многих промышленников и вообще богатых людей обзавестись земельной собственностью, а это, рассуждали Дурново и Капнист, поведет к еще более ускоренной распродаже дворянского земельного фонда.

Настроенные в духе Комиссии Абазы, они скорее предпочитали вступить в открытую борьбу с этим опасным противником, чем троцкистским коном впускать его в свой дом. Нарушившееся единство было восстановлено при обсуждении другого весьма важного для дворянства вопроса — о Дворянском банке. С полным единодушием от правительства потребовали новых льгот и привилегий.

Совещание предводителей получило возможность высказаться и о новом уставе Крестьянского банка. Оно констатировало, что новые правила «возбудили в среде дворянства значительные опасения».⁴⁵ Причины были в общих чертах те же, о которых говорило меньшинство Соединенных департаментов Государственного совета. Едва ли не более всего пугало, что у крестьян могут появиться «превратные мнения». Для успокоения Витте послал на совещание управляющего банком А. Д. Оболенского, а затем и лично подтвердил разъяснения своего подчиненного, который сосредоточил внимание своих слушателей на выгодах, извлекаемых дворянами от продажи земли банку. Деньги они будут получать «без проволочки», а цену покупатели (крестьяне) смогут заплатить большую.⁴⁶ Эта аргументация показалась предводителям вполне убедительной, и они постановили не делать никаких представлений по поводу нового устава, а лишь просить министра финансов, чтобы Крестьянский банк выступал в новом качестве, «отнюдь не воздействуя на сокращение дворянского землевладения»,⁴⁷ т. е. чтобы и землю дворяне могли продать и чтобы площадь дворянского фонда при этом не сокращалась. Как можно было достигнуть этих взаимоисключающих целей, так и осталось тайной предводителей. Как видно, совещание не во всех пунктах дошло до крайнего предела, а в заключение даже заявило, в яв-

ное противоречие с выставленной программой, что не ищет для дворянства никаких специальных льгот и не выделяет его из общей массы сельского населения, но это были не более, чем слова, прозрачная маскировка намерения широко использовать средства казны для удовлетворения дворянских нужд и в конечном счете добиться перемены общей финансовой политики. В этом, несмотря на имевшиеся между ними расхождения, главным образом в том, что касалось меры или тактики, предводители были единодушны. И, по-видимому, именно предводители типа М. А. Стаховича приняли самое деятельное участие в составлении записки и содержавшейся в ней программы. Есть несомненное сходство между этим документом и пожеланиями, которые выразил от лица орловского дворянства М. А. Стахович в записке, поданной в Особое совещание о нуждах дворянства, о котором речь пойдет позже.⁴⁸ Стахович выражал здесь общую линию либеральствующего земского дворянства, которое и стало как бы лидером в общедворянской оппозиции проводимому Витте курсу. Ее возглавили земцы нечерноземных губерний.⁴⁹

Содержание записки было настолько недвусмысленным, что Витте не мог не осознать ее истинное значение, увидеть, что на этот раз дело не ограничивается несодатайствованием новых подачек, перед выдачей которых он и сам бы не остановился, хорошо понимая всю их неизбежность. От него требовалось, и весьма решительно, гораздо большее — смена курса. Дворянство грозило ему вотумом недоверия. Серьезность создавшегося положения была зафиксирована повелением царя, чтобы Витте рассмотрел записку предводителей и представил на нее ответ. Ответ Витте несомненно принадлежит к числу наиболее важных и значительных документов, когда-либо вышедших за его подписью. Это была написанная рукой мастера картина финансово-экономической политики правительства в дворянском вопросе с 1861 г., ее точный и выразительный итог. Контрзаписка Витте не оставила камня на камне от всех доводов и аргументов критиков. Достичь подобного эффекта он смог уже потому, что с точки зрения фактической записку предводителей нельзя было принять даже за карикатурное отображение действительности, пусть с большими искажениями и преувеличениями, но передающую нечто действительно существовавшее. Записку отличало как раз полное отсутствие даже самого слабого соприкосновения с действительным положением вещей. Идеальный материал для критики давала записка с точки зрения экономической. Витте с предельной ясностью доказал, что рассуждения предводителей представляют собой настоящую энциклопедию невежества, плод

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же, л. 37.

⁴⁶ Там же, л. 37 об.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Отношение орловского предводителя дворянства М. А. Стаховича в Особое совещание о нуждах дворянства. ЦГИА, ф. 1283, оп. 2, д. 1, т. 3, л. 53 об.

⁴⁹ Общественное движение в России в начале XX в., т. 1, стр. 301.

незнания и непонимания самых простых, элементарных истин. Это была замкнутая цепь, где одна бессмыслица напизывалась на другую и рождала новую.

С фактами и цифрами в руках Витте обнажил всю нелепость и безосновательность сотований предводителей насчет якобы противоположного интересам дворянства курса правительства после реформы 1861 г. Действительно, помещики отдали крестьянам землю в большинстве случаев по «несоразмерно высокой оценке». ⁵⁰ В дальнейшем же, продолжал Витте, переход крестьян на выкуп или оставление их временнообязанными в течение первых двадцати лет определялись исключительно интересами помещиков. ⁵¹ Что же касается вычета из выкупной суммы помещичьих долгов бывшей сохранный казне, общий итог которых составил к 1861 г. 425 млн руб., — это был один из главных обвинительных пунктов записки предводителей и вообще в течение долгих лет всей дворянской публицистики, — то Витте в ответ резонно отмечал, что у помещиков была полная возможность вовсе не приступить к выкупу, держа крестьян на временнообязанном положении. Когда же с 1883 г. выкуп наделов был сделан обязательным, с чем было соединено право переводить долг на оставшуюся у помещика землю, то этой возможностью в течение истекших тринадцати лет воспользовался только один (1) помещик, а остальные 1992 предпочли уплатить долг из полученных за крестьянский надел денег. ⁵²

Столь же беспочвенной оказалась и другая жалоба, повторяемая с той же настойчивой регулярностью многие годы, а именно, что правительство выдало выкуп процентными бумагами, а не деньгами, потом же курс процентных бумаг сильно понизился и помещики по причине этого понесли весьма крупные убытки. Витте здесь указывал, что правительство отнюдь не рассчитывало на немедленную реализацию помещиками этих бумаг, а, наоборот, предполагало, что дворянство будет держать их у себя в качестве источника постоянного дохода. «В действительности, — констатировал Витте, — помещики не удержали процентных бумаг». Нача-

⁵⁰ И. Ф. Гиндин, М. Я. Гефтер. Требования дворянства и финансово-экономическая политика царского правительства в 1880—1890-х годах. Замечания министра финансов С. Ю. Витте на записку губернских предводителей дворянства о нуждах дворянского землевладения. Исторический архив, 1957, № 4, стр. 132. — Во вводной статье к опубликованной записке Витте И. Ф. Гиндин и М. Я. Гефтер допустили неточность в датировку совещания, которое они считают «импровизированным» и относят ко времени коронации. На самом деле совещание предводителей открылось 10 февраля, как отмечается в составленной ими записке, с коронацией ни в какой связи не состояло, а было созвано специально для обсуждения дворянского вопроса и представления правительству соответствующих рекомендаций. «Импровизированным» поэтому совещание тоже нельзя считать.

⁵¹ Исторический архив, 1957, № 4, стр. 132.

⁵² Там же, стр. 128.

лась их массовая продажа с соответствующим понижением курса, но потери эти, говорилось в записке, в большой степени компенсировались несоразмерно большим выкупом, получаемым за слишком высоко оцененную землю. ⁵³ Витте имел все основания сказать в заключение, что «помещикам коренных русских губерний предоставлены были все возможные средства остаться экономически сильным сословием». ⁵⁴

Опровергнув все доводы записки предводителей, Витте пролил свет и на те последствия реформы, которые предводители заметить не пожелали. Кроме специальных мероприятий правительства, имевших целью оградить интересы дворянства, общее развитие страны принесло помещичьему классу, по справедливому замечанию Витте, «огромную пользу». Со времени реформы началось быстрое повышение цен на землю. К 1894 г. они возросли по различным группам от 100 до 327%. ⁵⁵ Таким образом, несмотря на то что площадь дворянского землевладения сократилась с 79 до 55,5 млн десятин, ценность дворянской земли возросла вдвое — с 1,25 млрд руб. до 2,5 млрд руб. ⁵⁶ И если дворянство продало четверть своей земли, то оно сделало это по ценам, значительно превысившим уровень 1861 г. Оно смогло далее получить под залог части оставшейся в его руках земли 650 млн руб. Но дворянство не сумело воспользоваться всеми этими привилегиями и преимуществами и в этом был корень дела.

Вместе с тем Витте ясно показал образование среди дворянства группы, успешно приспособившейся к новой обстановке. Действительно, рассуждения о всеобщем упадке дворянства теряли всякий смысл в свете того факта, что оно являлось крупнейшим покупателем выброшенной на рынок дворянской земли. Только за период 1892—1895 гг. дворянство приобрело ее на громадную сумму в 172 898 тыс. руб.

Отказываясь видеть в затруднительном положении известных слоев дворянства следствие причин общего характера, не зависящих от действий и личности помещиков, Витте сводил их трудности как раз к последнему.

Вывод Витте был ясен: дворянство может нежить лишь само на себя — других виновных в его затруднениях не существует. Оно просто не выдерживало конкуренции. Оно жило по-старому, а жизнь шла по-новому. Даже в тех областях, где дворянство имело, казалось бы, прочную опору и явные преимущества, оно сдавало свои позиции, будучи не в состоянии приспособиться к новым условиям. Его место занимали новые люди, безродный буржуазный элемент, ловкий и деятельный. Так было с винокуре-

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же, стр. 129.

⁵⁵ Там же, стр. 131.

⁵⁶ Там же, стр. 132.

нием — дворянским заповедником при крепостном праве, приносившем помещикам солидные доходы.

Особенно выгодным было положение Витте, когда ему пришлось высказываться о «положительной программе», выдвинутой в записке предводителей, в которую входили такие меры, как понижение железнодорожных тарифов и постройка краткосрочного кредита в соответствии с желаниями и возможностями помещиков. В этой части предводители показали себя людьми вполне безграмотными.

Витте пришлось растолковывать оппонентам азбуку экономической науки. Он, в частности, разъяснил, что Государственный банк, «оставаясь на почве банковского ведения дела», никак не сможет предоставлять кредиты на пятнадцать месяцев, так как его собственные средства состоят из краткосрочных вкладов и помещение их в долгосрочные кредиты явилось бы «коренным нарушением основ банковского дела, подрывающим все гарантии банковской состоятельности».⁵⁷

Обращаясь затем к высказанным в записке претензиям относительно существующей практики выдачи кредитов под соло-векселя и под хлеб и привлекая для уяснения вопроса уже имевшийся у банка обширный опыт ведения дел с дворянством, Витте дал чрезвычайно интересный материал для понимания того, какого рода клиента представляло собой оно и на каких основаниях строило свои отношения с банком.

Если сформулировать это вкратце, то взаимоотношения обеих сторон — помещиков и банка — базировались на постоянном нарушении первыми правил последнего. Помещики прочно утвердились в амплуа неисправного плательщика. Банк стоял перед вечной альтернативой: или применения мер строгости, или предоставления новых льгот, новых отсрочек. Конечно, всегда шли по второму пути. В итоге в 1895 г. случился острый финансовый кризис, когда касса банка практически была пуста.⁵⁸

У Витте не было другого выхода, как отклонить выдвинутые в записке предложения, способные лишь усугубить испытываемые банком по вине помещиков затруднения.

Как в общем своем содержании, так и во всех своих частях дворянская программа была отвергнута начисто. Так произошло не по какой-то враждебности Витте к дворянству, в чем его стали обвинять помещики, действительно сделавшиеся его антагонистами. Предводители, взятый ими курс, все их нелепые, несообразные требования отняли у Витте возможность занять какую-либо шпую позицию. Повсюду, в любой области ему пришлось констатировать нарушение дворянством установленных правил. Повсюду дворянство доказало свою неспособность удержаться в пределах

⁵⁷ Там же, стр. 148.

⁵⁸ Там же, стр. 151.

самого льготного для себя порядка, но все же порядка. В сущности, оно ставило правительство перед жесткой дилеммой — или пойти навстречу помещичьим требованиям, и тогда разрушить до основания всякий порядок, или поддержать его, хотя бы во имя самосохранения, и тогда отклонить помещичьи притязания. Они, как пришлось показать Витте, были несовместимы со сколько-нибудь нормальным функционированием экономического механизма.

Но если в открытом состязании аргументов и логики Витте одержал безраздельную победу, то это, конечно, никак не решало дело, ибо противной стороной, выступившей в столь беспомощном виде, была огромная политическая сила, какой продолжало оставаться дворянство. Победа Витте была пиррова победа. Записка предводителей даром не пропала. Она оказалась первым шагом на пути к созыву Особого совещания по делам и нуждам дворянства, организованного в 1897 г. для претворения в жизнь идей и притязаний, которые, казалось бы, были разбиты контрзапиской Витте.

Вскоре после Совещания предводителей, помещики получили от верховной власти новые авансы, и притом в особенно торжественной обстановке. 17 мая 1896 г. в дни коронации царь обратился к дворянству со словами, что ему известно «трудное время, переживаемое дворянством» и что оно может быть спокойно — его нужды не будут забыты. Ободренные этим проявлением внимания, помещики с новой силой стали осаждать правительство требованиями о помощи.

В конце 1896 г. и начале 1897 г. по губерниям одно за другим созываются дворянские собрания, на которых принимаются соответствующие резолюции. Наибольшей ретроградностью отличались собрания в Тульской, Саратовской, Рязанской губерниях. Их предводители Арсеньев, Кривский, Муромцев сделались чем-то вроде вождей дворянской партии.

Все экономическое развитие после 1861 г. со всех сторон громко провозглашалось ошибочным, губительным для дворянства, и открыто выброшенным лозунгом стало возвращение к порядкам, существовавшим при крепостничестве.⁵⁹

Однако далеко не все дворянство сплотилось вокруг этих лозунгов реставрации давно отжившего и теперь оставшегося, пусть в качестве глубоких, крепко вросших в жизнь, но все-таки пережитков совсем другой эпохи, стоявших во все более обостряющемся противоречии со всем ходом экономического и социального развития страны. Такой глубокий прорыв назад, к прошлому, потрясая до основания весь строй экономической жизни, больно ударил бы по интересам тех слоев дворянства, которые так или

⁵⁹ Записка П. А. Кривского о причинах, разоривших дворянство, и о мерах к поддержанию дворянского землевладения. ЦГАОР, ф. 576, оп. 1, д. 138, лл. 23—34.

пначе, с большим или меньшим трудом все же приспособились и приспособивались к необратимой буржуазной эволюции России.

И в среде дворянства обнаружилась открытая оппозиция так бурно себя проявившему движению вспять, для которой сколько-нибудь широкое восстановление прежнего строя экономических и общественных отношений было совершенно неприемлемо.

Тема «царства, разделившегося на самое себя» в ближайшие годы стала одной из ведущих на страницах «Гражданина» — журнала, видевшего в этом главное препятствие к решению дворянского вопроса в духе пожеланий его наиболее ретроградной части. Его призывы преодолеть рознь остаются напрасными, и как раз в эти годы начинается организационное оформление дворянской оппозиции с либеральной окраской.

В Москве создается кружок известных дворянских деятелей, связанных с земским движением, под названием «Беседа». Туда вошли лица с громкими титулами и фамилиями. Активизируется и земское движение шиповского толка.

Разногласия в самом дворянстве дали Витте впоследствии возможность сманеврировать. Пока же натиск на его ведомство, все нарастая, шел по всей линии, и как непосредственный отклик на слова царя в самом Министерстве финансов начинается рассмотрение новых льгот и поблажек помещикам. По заведенному в течение уже долгих лет обычаю, ставшему уже чем-то вроде ритуала, занялись должниками Дворянского банка, имея в виду новое понижение следуемых с них платежей.

14 марта 1897 г. Витте смог представить на рассмотрение царя разработанные в Министерстве финансов предложения. Размер ушачиваемого должниками Дворянского банка процента предполагалось снизить с 4 до 3½%.⁶⁰ Тем самым он устанавливался ниже рыночного.

Но в представлении Витте наряду с обычным мотивом прозвучала и новая нота, гармонизировавшая основным мыслям его контрзаписки.

Он был озабочен тем, чтобы не дать окончательно рухнуть уставу Дворянского банка, приобретшему во многом фиктивный характер и расплывшемуся под тяжестью предоставляемых помещикам все новых льгот и облегчений. Пока что действительные отношения банка и должников складывались помимо него.

До сих пор равновесие между обязательствами банка и его доходами достигались главным образом искусством бухгалтерии, так что явные убытки, которые он нес, скрывались жонглированием цифрами, растратой запасного капитала и вообще безостаточным использованием всех его резервов.

⁶⁰ Докладная записка Витте Николаю II о мерах к облегчению положения заемщиков Государственного дворянского земельного банка и об изменении порядка их ответственности по ссудам, ЦГИА, ф. 593, оп. 1, д. 351, л. 111 об.

Поэтому предоставление новой льготы Витте предлагал совместить с рядом мер, которые должны были вселить в неисправных плательщиков большее чувство ответственности и вернуть уставу хотя бы отчасти значение чего-то реального.

Ознакомившись с проектом, царь повелел передать его на рассмотрение Комитета финансов с участием председателя Комитета министров, министра внутренних дел и министра земледелия, чтобы уже в апреле были выработаны окончательные предположения.

7 апреля Министерство финансов представило Финансовому комитету обширную записку за подписью министра и управляющего Дворянским банком А. Д. Оболенского, в которой соображения Витте подробно развивались и подкреплялись богатым фактическим и цифровым материалом. В ней рельефно обрисованы и тяжелое положение Дворянского банка, испытывавшего большие затруднения в возвращении выданных займы средств, и необходимость более целенаправленного воздействия на манкирующих своими обязанностями клиентов.

Итогом деятельности банка за 1887—1897 г. явилось образование недоимок, «справиться с которыми при существующих условиях, — замечалось в представлении, — для многих заемщиков несомненно представляется весьма затруднительным, а в иных случаях вряд ли даже возможным».⁶¹ Из общего числа 14 256 имений, заложенных к 1897 г. на сумму в 440 млн руб., только по 2866 со ссудой в 85.2 млн руб. не значилось никаких недоимок.⁶² Общая сумма последних в 1897 г. составила 16.1 млн руб., т. е. 3.6% от капитального долга в 450 млн руб.⁶³ Быстрый рост недоимок сопровождался назначением в продажу все возрастающего числа имений. Сотни быстро перешли в тысячи. Весной 1893 г. в продажу было опубликовано 739 имений, осенью уже 1291. На те же сроки три года спустя в 1896 г. было соответственно опубликовано уже 1895 и 2268 имений, т. е. 14.2 и 15.6% от общего числа залогов, тогда как в 1893 г. тот же процент равнялся 5.9 и 10.8%.⁶⁴

Конечно, в действительности продавались лишь считанные единицы. В мае 1896 г. пошло с молотка шесть, а в октябре — 9, да за банком еще осталось 17 имений.⁶⁵ Публикация стала сред-

⁶¹ Представление Министерства финансов в Финансовый комитет от 7 апреля «О мерах к облегчению положения заемщиков Государственного дворянского банка и об изменении порядка их ответственности по займам». ЦГИА, ф. 593, оп. 1, д. 351, л. 155 об.

⁶² ЦГИА, ф. 593, оп. 1, д. 351, л. 267 об.

⁶³ Справка Дворянского банка. ЦГИА, ф. 593, оп. 1, д. 351, л. 135. — Разница в цифре долга объясняется тем, что она менялась от месяца к месяцу. Между тем в документах не всегда указана точная дата, когда производился подсчет.

⁶⁴ Справка Дворянского банка. ЦГИА, ф. 593, оп. 1, д. 351, л. 136.

⁶⁵ Указанное представление Комитету финансов. ЦГИА, ф. 593, оп. 1, д. 351, л. 159.

ством острастки, которой перестали бояться. О сложившейся практике откровенно говорилось в записке: «...возникающая таким образом альтернатива, заставляющая или примириться с существующим фактом (неплатежа, — Ю. С.), или списывать недоимки продажей имений, побуждает, конечно, отдать предпочтение первому способу».⁶⁶

Недоимочная группа непрерывно увеличивалась несмотря на непрерывно получаемые льготы. Определилась не знавшая исключений закономерность, которая так формулировалась в записке: «...временно достигавшееся благодаря ранее неоднократно дарованным льготам равновесие в ... расчетах затем весьма скоро вновь испытывало отклонение в неблагоприятную сторону».⁶⁷

В сущности недалеко было уже до полной эмансипации должников от банка. Эффективных средств воздействия на клиентуру у него фактически не имелось. Он попал в тупик, из которого не видно было выхода. Оставалось только одно — массовая продажа имений несостоятельных должников. Но не говоря уже о том, что самодержавие никогда не пошло бы на это по политическим соображениям, это было неосуществимо еще и по той причине, что не нашлось бы покупателей на эти тысячи имений, сразу поступивших на рынок и стоивших многие десятки миллионов рублей.

Вся логика развития отношений банка и его клиентуры вела к тому, чтобы подкрепить шаткую финансовую основу деятельности банка общегосударственными средствами. Не произведи решительной ломки установившегося порядка, Витте все же сделал попытку паллиативными мерами предотвратить или хотя бы отдалить легко предвидимый финал. Для этого он считал действительно необходимым несколько приблизить к действительной жизни созданные в банке оранжерейные условия.

11 апреля Витте представил свою записку в Комитет финансов. Для ее обсуждения было решено вызвать с особого разрешения царя также всех губернских предводителей дворянства, которые должны были прибыть в Петербург не позднее 25 апреля. Этот момент и был выбран все более усиливающейся дворянской оппозицией для контрудара. В высших правительственно-бюрократических сферах во главе ее стояли бывший министр внутренних дел И. Н. Дурново, теперь состоявший председателем Комитета министров, и В. К. Плеве, в то время статс-секретарь.⁶⁸

С начала 1897 г. Плеве и подстрекаемый им И. Н. Дурново, а также бывший министр путей Сообщения А. К. Кривошеин тайно вели большую интригу, успешно завершившуюся в апреле

появлением рескрипта на имя И. Н. Дурново. Под его председательством учреждалось Особое совещание по делам дворянства, дабы вернуть сословию его прежнее значение.

Среди всех остальных государственных вопросов дворянский ставился на первое место. Апрельский рескрипт прозвучал как сигнал к генеральному наступлению. Подписанный 13 апреля, он не мог, конечно, не отозваться на предстоящем обсуждении предложений Витте.

Добившись столь значительного успеха, закулисные силы поспешили развить его и не медля приступили к действиям.

Представление Министерства финансов было избрано как первый объект нападения. Слушание дела намечалось на период после 25 апреля, а 27 апреля Дурново направил Витте записку, целиком отвергавшую проект Министерства финансов. Лишь одно его положение — относительно понижения уплачиваемого процента с 4 до 3½ оказалось председателю Комитета министров заслуживающим «полного внимания» — все остальное «не подлежало утверждению».⁶⁹ Но и по единственному принятому пункту высказывались коренные возражения.

Основное противоречие выявилось, когда Дурново, протестуя против использования средств от намечаемого понижения процента для покрытия недоимок, заявил, что факт накопления их, несмотря на все предоставленные льготы, говорит о фактической невозможности внести следуемые платежи «при испытываемых современным земледелием затруднениях».⁷⁰ («Главным образом допущено слабостью взысканий», — комментировал Витте, поставив против этого места большой вопросительный знак).⁷¹ Поэтому он настаивал на их немедленном понижении, не заботясь пока об уплате задолженности. А что иначе новая льгота, по его мнению, останется фикцией, Дурново подтверждал еще и тем соображением, не лишенным простодушной наивности, что «недоимки именно только числились за заемщиками, а не уплачивались ими, продолжая из года в год возрастать».⁷²

Тем более неприемлемыми представлялись Дурново меры, которые намечалось провести по проекту в целях усиления ответственности должников.

Отвергнув проект Министерства финансов, Дурново противопоставил ему собственный, служивший как бы завершением предыдущей эволюции отношений Дворянского банка и его клиентуры. Она необходимо вела к использованию средств казны для уплаты полагавшихся с помещиков платежей, и теперь Дурново

⁶⁶ Соображения статс-секретаря Дурново по проекту о мерах к облегчению положения заемщиков Государственного дворянского земельного банка. 27 апреля 1897 г. ЦГА, ф. 593, оп. 1, д. 351, л. 225 об.

⁷⁰ ЦГА, ф. 593, оп. 1, д. 351, л. 226 об.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же, л. 227.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же, л. 160 об.

⁶⁸ Ю. С. Витте. Воспоминания, т. II. М., 1960, стр. 35, 206.

считал возможным сделать, наконец, этот последний шаг. Он «не может не согласиться», — говорилось в представлении, — с мнением губернских предводителей, относящимся ко времени их февральского совещания 1896 г., что «коренное облегчение заемщиков из средств одного Дворянского банка совершенно недостижимо», и потому «по необходимости остается обратиться к содействию Государственного казначейства».⁷³ Заветное слово было сказано.

В осуществление предлагалось, во-первых, передать Дворянскому банку ежегодный пятипроцентный сбор с дохода от его заложных листов, т. е. около 900 тыс. руб.⁷⁴ Затем Дурново, по аналогии с наделением в 1894 г. собственным капиталом Крестьянского банка, на что ушла часть уплачиваемых крестьянством налогов, проектировал снабдить за счет казны собственным капиталом также и Дворянский банк.⁷⁵ Не устанавливая окончательной величины этого капитала, хотя и добавляя многозначительно, что Крестьянскому банку был даны 50 млн руб. при обороте в 1894 г. менее 70 млн руб., т. е. около одной седьмой части от оборота Дворянского банка, Дурново называл пока что 12 млн руб., т. е. сумму, соответствовавшую накопившимся недоимкам, заверяя, что в дальнейшем она будет возвращена.

Имевшийся у Витте богатый опыт в сношениях с теми, от имени кого действовал Дурново, дал ему достаточное основание резко определить обстановку и действительные цели председателя Комитета министров, отбросив шелуху словесности. «В сущности эти 12 млн руб. Банку как основной капитал не нужны. Хитрость (питая красными нитками) предположения сей записки заключается в том, что запасной капитал предполагается съесть — а, т. к. запасной капитал нужен — то пусть даст казна 12 м[ли]. Предположение о возврате сих 12 м[ли] р[уб]. — пустые слова».⁷⁶ Витте был абсолютно уверен, что для казны эти деньги погибнут навсегда.⁷⁷ Но гораздо больше, чем этой потерей, в сущности не такой уж значительной, он был обеспокоен общим направлением и духом записки и ее без труда предвидимыми последствиями, если бы она стала руководящим началом. Впереди могло быть только одно — расстройство финансов, экономический хаос, потому что, как показывал весь столетний опыт, дворянство с легкостью и без всякого видимого следа проглатывало одну сотню миллионов рублей за другой, которые в конце концов складывались в миллиарды. Крайне опасно было снять тормоса с этого аппетита, дать ему свободно развиваться. Именно эти опасения и отразило резюме Витте, сформулировавшего

в нем свои главные впечатления от чтения записки. «Основные мысли: 1) взять деньги из казны; 2) часть их в виде суммы возвратной; 3) а за сим après nous le deluge. Наш проект — льгота в пределах банка. Этот проект — Банк с карманом казны. Последний принцип — опасный — путь скользкий. Принцип этот не дворянский. — Никогда не поверю, что дворяне ему могут сочувствовать. Александр III прямо его (?) (принцип) отрицал. Указ о выигранном займе».⁷⁸ В последних фразах Витте и сам ударился в декламацию, но общая оценка записки была дана им вполне реалистическая. Он хорошо понимал, что речь идет не о вымогательстве очередной подачки, а о попытке создать правовую основу для предъявления казне многомиллионных претензий. В этом смысле она была как бы новым изданием записки предводителей 1896 г. Вновь возникло весьма трудное положение, которое тем более осложнилось, что почти сразу же после Дурново, если не одновременно, последовало выступление предводителей дворянства. Собранные в числе восемнадцати для обсуждения проекта Министерства финансов, они представили в конце апреля в Комитет финансов свои соображения. Хотя, очевидно, Дурново и предводители действовали независимо друг от друга, судя по некоторым различиям в их рассуждениях, в главном они сходились. Общность создавала основная мысль новой предводительской записки, что предложенное понижение в полпроцента «не окажет достаточно существенного влияния на положение задолженных землевладельцев» и что «всякое дальнейшее понижение процента нашло бы себе полное оправдание и соответствие в современной земельной ренте».⁷⁹

Все намеченные меры по укреплению дисциплины среди заемщиков банка, на что предводители как было заявлено в заключении, обратили гораздо большее внимание, чем на планируемое понижение платежей, были отвергнуты целиком и полностью.⁸⁰ Ободренные рескриптом 13 апреля, они снова требовали изменения всей финансово-экономической политики, указывая, что «всецело подтверждают и ныне заключения свои, изложенные ими в минувшем году, но по сие время не получившие удовлетворения».⁸¹ На фоне высказанных в 1896 г. притязаний возможные облегчения по проекту Министерства финансов казались им мелочью.

Давление с двух сторон, но в одном направлении заставило Витте пойти на попятную.

⁷³ Там же, л. 225.

⁷⁴ Заключение губернских предводителей по проекту министра финансов от 7 апреля 1897 г. ЦГА, ф. 593, оп. 1, д. 351, л. 255.

⁸⁰ ЦГА, ф. 593, оп. 1, д. 351, л. 258.

⁸¹ Там же, л. 259. — По-видимому, предводителям осталась неизвестной контрзаписка Витте, о которой там нет ни одного упоминания, хотя они, конечно, не могли оставить ее без ответа.

⁷³ Там же, л. 231 об.

⁷⁴ Там же, л. 232.

⁷⁵ Там же, л. 233.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же, лл. 234, 234 об.

К заседанию Комитета финансов он представил новые предложения, весьма серьезно отличавшиеся от первоначального проекта.

Получило удовлетворение требование Дурново относительно передачи Дворянскому банку 5% сбора с доходов от закладных листов. Весь раздел о новых правилах ответственности заемщиков выбрасывался целиком. Витте бил отбой по всей линии.⁸²

Попытка поставить банк на деловую основу, вывести устав из состояния прогрессирующего паралича явным образом провалилась. Новые льготы теперь ничем не уравновешивались. Свести в баланс концы с концами не представлялось возможным. Вплоть до 1913 г. платежи должны были в соответствии с новыми предложениями Министерства финансов превышать поступления.⁸³

Сползание по наклонной плоскости продолжалось, но Витте не удержался от того, чтобы не попробовать хотя бы приостановить это движение вниз. Идя на все уступки своим оппонентам, отказываясь урезать в чем-либо существующий для неисправных должников либеральный режим, он поместил в новый вариант пункт, ставивший как бы точку в длинном списке полученных клиентами банка льгот. «Принять к неперемennomу руководству; — гласило соответствующее место, — что по издании сего узаконения никакие дальнейшие изменения в постановлениях, относящихся к платежам («и каким-либо льготам», — было предумышленно приписано чьей-то рукой), по ссудам заемщиков Государственного дворянского земельного банка и Особого его отдела, не должны быть допущены впредь до полного завершения конверсий 4 1/2% и 4% закладных листов названного банка».⁸⁴

Видоизмененное представление Министерства финансов должно было слушаться в Финансовом комитете 5 мая 1897 г. За исход дела Витте мог быть спокоен. Финансовый комитет был органом, достаточно послушным министру финансов. Однако его ожидал еще один сюрприз. Когда, казалось бы, все было уже установлено и высказано, пятеро членов предводительского совещания представили Комитету в день заседания 5 мая отдельные записки, в которых крайне резким тоном осуждалась деятельность Витте и выставлялись требования, равнозначные отчасти принятию дворянства на государственное содержание.

Уверенно ожидая «всестороннего пересмотра всех правительственных мероприятий поощрению фабричной и заводской промышленности, предпринятых, как оказалось, в явный ущерб земледелию и сельской промышленности», в чем он видел главную цель Особого совещания по делам дворянства, курский гу-

⁸² Видоизмененное заключение Министра финансов к представлению, внесенному в Комитет финансов 7 апреля 1897 г. ЦГИА, ф. 593, оп. 1, д. 351, л. 259.

⁸³ ЦГИА, ф. 593, оп. 1, д. 351, л. 303 об.

⁸⁴ Там же, лл. 302—302 об.

бернский предводитель А. Дурново основной задачей теперь считал дать помещикам возможность «спокойно ждать наступления новой эры».⁸⁵ Предложенный А. Дурново способ достичь этого состоял в освобождении клиентов Дворянского банка до окончания Совещания от каких-либо финансовых забот, поскольку дело касалось Дворянского банка. Вся недомка причислялась к капитальному долгу, а та ее часть, которая превышала 12%, попросту списывалась. Банк терял таким образом 2 млн 666 тыс. руб. Далее планировалось в течение трех лет вообще избавить помещиков от взноса платежей в кассу банка, удлив на тот же срок погашение займа. Содержание записки А. Дурново встретило полное одобрение саратовского предводителя П. Кривского, который и засвидетельствовал это в постскрипуме к ней. На тех же точно началах было составлено представление в Комитет финансов тульского предводителя А. Арсеньева. Многократно высказанная дворянскими апологетами беззаботность относительно того, откуда и как будут добыты требуемые десятки миллионов, получила у него законченное выражение. Арсеньев вообще отказывался считаться с какими-либо резонами. «Не признаю возможным и уместным, — заявлял он, — обсуждать или указывать источники средств для покрытия насущных и неотложных нужд изнемогающего нашего землевладения, ибо я знаю один только источник: волю и милость самодержавного нашего государя».⁸⁶ В практической части записка повторяла предложение А. Дурново отсрочить на три года платежи заемщиков Дворянского банка, а кроме того, содержала пожелание, чтобы правительство образовало в губерниях особые капиталы для поддержания и развития дворянского землевладения. Аналогичные бумаги поступили в Комитет от рязанского и харьковского предводителей.

Неожиданное выступление пяти членов предводительского совещания меняло всю ситуацию. Уже под занавес предъявлялись требования, далеко превосходившие все то, что было заявлено до сих пор. Находясь, по-видимому, под впечатлением предстоящего созыва Совещания по делам дворянства, пятеро предводителей сочли обстановку подходящей для прорыва на главном направлении. Действуя с открытым забралом, они собирались взять штурмом Государственное казначейство.

Однако силу их натиска существенно ослабил недостаток

⁸⁵ Соображения курского губернского предводителя дворянства по поводу доклада министра финансов Финансовому комитету о мерах к облегчению заемщиков Государственного дворянского земельного банка. ЦГИА, ф. 593, оп. 1, д. 351, л. 292.

⁸⁶ Записка в Финансовый комитет предводителя дворянства Тульской губернии А. Арсеньева. Соображения по поводу представленного министром финансов проекта о мерах к облегчению положения заемщиков Государственного дворянского земельного банка. ЦГИА, ф. 593, оп. 1, д. 351, л. 295.

организованности. По-видимому, они не успели сговориться между собой, и потому вместо одного обращения в Комитет финансов последовало несколько. Кроме того, они вступали в противоречие с запиской, поданной ранее от имени всех собравшихся предводителей. Одновременное появление нескольких документов с изложением дворянских требований явным образом указывало на отсутствие единства в среде тех, кто их вырабатывал. Так в действительности и было, и на заседаниях Комитета финансов полемика развернулась главным образом не между Витте и авторами сепаратно поданных записок, а между их предводителем Л. М. Муромцевым и предводителями, стоявшими на почве совместного заключения. В этих прениях Витте остался в стороне. На заседании 5 мая он, в духе нового представления в Комитет финансов, без возражений принял положения записки восемнадцати и, идя даже дальше, упомянул о возможности использования государственных средств для устройства губернских дворянских касс, которые дали бы возможность принимать в сословную опеку имущества несостоятельных должников.⁸⁷

Поданные в последний момент записки рассматривались в Комитете 9 мая. В заседании, кроме членов Комитета и других приглашенных лиц, участвовали предводитель дворянства Петербургской губернии А. Зиновьев, Московской — князь П. Трубецкой, Рязанской — Л. Муромцев и Херсонской — Н. Сухомлинов. Председательствовал на заседании Д. М. Сольский.

От имени своих единомышленников, или, по его определению, группы старых предводителей дворянства, выдвинутую ими программу взялся отстаивать Л. М. Муромцев. Его выступление внесло в нее, однако, целый ряд новых элементов. Он по сути дела перевел обсуждение в несколько иную плоскость, заявив (в духе основной концепции Комиссии Н. С. Абазы), что прежде всего и главным образом следует озаботиться укреплением среднепоместного дворянства, так как именно оно представляло собой «опору трона», стража «охранительных начал».⁸⁸ Этой категории понижение платежей на половину процента будет, доказывал он, неощутительно, дав экономии около 60 руб. в год, и он вновь настаивал на полной отсрочке следуемых банку платежей.

Заметная разница между заявлением Муромцева и положениями обсуждаемых записок была тут же отмечена Витте. Он делал вывод, что отсрочка платежей должна коснуться только мелкопоместного дворянства и теперь интересовался, остаются ли в силе наряду с этим прежние требования, носившие гораздо более широкий и общий характер. Убедившись из ответа Муромцева в правильности первого, Витте высказал сомнение в основательности такого ограничения, так как положение крупного

землеустройства представлялось ему более затруднительным.⁸⁹ Делалось это не для того, конечно, чтобы вновь распространить требуемую отсрочку на все дворянство, но чтобы вылить нелогичность оказания помощи наименее в ней нуждающимся. Продолжая по-прежнему настаивать на своем предложении, Муромцев ничего не сумел сказать в опровержение сделанных возражений и повторно привел в обоснование лишь «общегосударственное» значение мелкопоместного дворянства.⁹⁰ Но и независимо от того, что говорили Витте и другие члены Комитета, шанс благополучно провести дело был сведен для Муромцева и его поручителей практически к нулю, когда московский предводитель князь П. Н. Трубецкой зачитал коллективное заявление, подписанное, кроме него, также петербургским предводителем А. Д. Зиновьевым и орловским — М. А. Стаховичем, в котором те безусловно отмежевывались от обсуждаемых записок и порицали выставленную в них программу.

Отсрочку платежей оправдывало бы, полагали они, лишь повальное разорение всего дворянства. Недопустимым рассматривался открытый переход дворянства на государственное содержание.⁹¹ Не утратив способности заглядывать хотя бы в ближайшее будущее, эти трое предводителей отдавали себе отчет в том, насколько однозвонно будет выглядеть этот ничем не маскируемый паразитизм большинства сословия, кормимого у всех на глазах за государственный счет, и насколько сильно это ослабит политические позиции дворянства. Проспая мера была бы лучшим свидетельством его банкротства как целого.

Изоляция Муромцева стала полной с присоединением к сделанному заявлению херсонского предводителя Н. Ф. Сухомлинова. «Или филантропия, или кредит», — ставил он альтернативу. «Нельзя смешивать эти два несовместимых предмета, — продолжал он, — чего для филантропии слишком мало, того уже слишком много для кредита».⁹²

Понимая, видимо, бесперспективность борьбы с авторами этой теперь уже самой последней записки, поданной от имени дворянства, Муромцев сложил оружие, заметив, что в ответе «пришлось бы коснуться струн», которые он не хотел «затрагивать».⁹³

Эта эффектная сцена столкновения двух дворянских фракций не должна внушить ложного представления о силе разделявших оба крыла разногласий. Группа, противопоставившая себя «старым» предводителям, вполне приготовившимся существовать по принципу «после нас хоть потоп», что так полно запечатлелось в записке Муромцева, опасалась — и вполне справедливо — идти

⁸⁷ Там же, л. 340 об.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же, лл. 338 об.—339 об.

⁹⁰ Там же, л. 340.

⁹¹ Там же, л. 339 об.

⁸⁷ Протоколы заседаний Комитета финансов 5 и 9 мая 1897 г. ЦГИА, ф. 593, оп. 1, д. 351, л. 336.

⁸⁸ Там же, л. 337.

напролом, с поднятым забралом. Не принимая того, что безнадолго скомпрометировало бы дворянство и не оставило бы на счет его истинной роли уже никаких иллюзий, она решительно защищала те меры, которые были намечены в общей записке руководителей дворянства, способные нанести по всей финансово-экономической политике гораздо более сильный удар, чем даже самые крупные податки, каких добивались Муромцев и его партнеры.

29 мая 1897 г. состоялось подписание указа о понижении платежей заемщиков Дворянского банка.

В обычное время его опубликование, очевидно, встретило бы благоприятный отклик, но теперь претензии зашли так далеко, что объявленное понижение платежей на полпроцента уже ни в какой степени не удовлетворяло аппетиты тех, кем, собственно, и было организовано Собрание по делам дворянства.

По поводу указа высказывалось нескрываемое разочарование. В нем видели помеху работе Собрания.⁹⁴

И самый факт его созыва, а тем более скрытая в то время от всех предыстория появления рескрипта 13 апреля означали усиление группы, представлявшей наиболее реакционные тенденции правящей верхушки, намеревавшейся теперь решительно склонить весы в свою пользу в борьбе с теми силами, которые хотели, пусть не последовательно и колеблясь, вести Россию дальше по пути буржуазного развития.

Назревало неизбежное столкновение с главной фигурой этого лагеря — Витте, и не было, конечно, случайностью, что от него эта группа держала свои действия в самой строгой тайне, и рескрипт 13 апреля был для него полной неожиданностью.

Министр финансов знал о его подготовке не больше, чем любой обыватель.

Да и вообще вся операция готовилась и проводилась на сугубо конспиративных началах. Посвящены в нее были единицы. Ее подлинными инициаторами выступили В. К. Плеве и И. Н. Дурново. Кроме того, определенную роль сыграл и А. К. Кривошеин, скандально удаленный в конце 1894 г. с поста министра путей сообщения за злоупотребления с корыстной целью⁹⁵ и теперь, видимо, надеявшийся поправить свою карьеру защитой дворянских домогательств. Важные события происходят в феврале 1897 г.

К этому времени относится один из наиболее значительных программных документов, вышедших из под пера апологетов дворянства — записка о роли дворянства, поданная Николаю А. К. Кривошеинным.

⁹⁴ Передышка. Гражданин, № 34, 4 мая 1897 г., стр. 3; Дневники, 3 июня. Гражданин, № 43, 5 июня 1897 г., стр. 21.

⁹⁵ См. об этом «Воспоминания» С. Ю. Витте, т. II, М., 1960, стр. 20—21. Говоря о нечистоплотных финансовых махинациях Кривошеина, Витте вместо с тем считал его «умным, деловым человеком» (там же, стр. 19).

Автору нельзя отказать в понимании некоторых основных тенденций и закономерностей современного исторического процесса и умения дать достаточно логический анализ существующего положения, имея все-таки при этом целью воспротивиться неизбежному. Кривошеин со всей отчетливостью сознавал связь судьбы самодержавия с той или иной эволюцией дворянства, обреченность которого в качестве сословия докапиталистической формации он не желал признавать, потому что только на этой неизменной основе он мыслил возможность дальнейшего существования самодержавия. В одиночестве царизм не мог устоять в борьбе с силами, шедшими ему стопам «демократического Запада».

Он нуждался в опоре, которой, доказывал Кривошеин, не могло быть крестьянство. Оно «не играло активной политической роли в борьбе против внутренних врагов» и, более того, без «благотворного руководства» само «готово поддаваться всякого рода вредным влияниям».⁹⁶ И, возвращаясь к простой формуле Павла I о ста тысячах полицейских, какими тот считал дворян, Кривошеин вменял в прямую обязанность дворянству взять под надзор и опеку не внушавшее доверия крестьянство.

Но между тем как «враги сословного и монархического строя России» множатся и все более крепнут, дворянство приходит во все больший упадок. «Может ли при таком порядке вещей, — задавал вопрос Кривошеин, — наше государство устоять против победоносного шествия демократизма и социализма?». Ответ давался тут же и самый категорический. «История всех веков и народов, где только являлось подобное положение, — внушал он царю, — говорит: нет, не может.

Не может, если дворянство слабо или дворянства вовсе нет, ибо тогда действительно новый мир разрушит старые начала и возгласит на их развалинах свои революционные и химерические доктрины».⁹⁷

А так как дворянство слабеет не только материально, но и отчасти даже переходит, указывал Кривошеин, в оппозицию к самодержавию, то, повторял он свою основную мысль для лучшего усвоения ее царем, «здесь-то и заключается опасность и серьезность положения, ибо падение дворянства всегда знаменует собой грядущую демократизацию государства и служит грозным предшественником падения монархии».⁹⁸ Однако непоправимого

⁹⁶ Записка А. К. Кривошеина Николаю II. ЦГАОР, ф. 543, оп. 1, д. 495, л. 50 об. — В самой записке не проставлены ни дата ее составления или подачи, ни имени автора. Установить авторство Кривошеина позволяют документы, содержащиеся в д. 494 того же фонда Царскосельского дворца. Здесь мы находим уже с подписью и датой несколько измененную редакцию цитируемой в тексте записки с указанием в сопроводительном письме к царю, что она была в феврале доведена до его сведения в несколько ином виде (там же, д. 494, л. 3).

⁹⁷ ЦГАОР, ф. 543, оп. 1, д. 495, л. 50 об.

⁹⁸ Там же, л. 51.

еще не произошло. «Есть еще время с помощью окрепшего и оздоровленного дворянства остановить победное шествие демократизма, стремящегося упразднить исторические устои...»⁹⁹ И здесь опять, спустя десять лет после А. Мещерского, он повторял слова о «последнем льготном часе». «Если упустить настоящее время для этого укрепления и оздоровления дворянства, оно уже никогда более не вернется; если допустить теперь дальнейшее падение дворянства, оно никогда уже более не воспрянет, и Россия пойдет по той же наклонной плоскости демократического социализма, по которой, к сожалению, бесповоротно идет Западная Европа».¹⁰⁰

Рисуя подобную перспективу, Кривошеин проявил несомненное умение усваивать исторический опыт и не был далек от истины. Отнюдь не все в правящих сферах понимали с такой же ясностью определенное в записке направление совершающейся эволюции и ее основу, невозможность для царизма существовать, опираясь только на силу государственного аппарата.

Перейдя после этих общих соображений к практике, Кривошеин призывал царя употребить радикальные средства спасения дворянства и для этого, по примеру Александра II, когда было решено приступить к эмансипации крестьянства, создать «Высший организационный комитет», куда вошли бы соответствующие министры и предводители дворянства, «наиболее преданные основным началам самодержавия и знакомые с сущностью дворянского вопроса».¹⁰¹

А пока от своего собственного лица Кривошеин предложил ряд мер, которые должны были повести к намеченной цели и которые лучше всего свидетельствовали, что укрепить дворянство не представлялось возможным, так как они были неисполнимы. Это был уже хорошо знакомый набор дворянских требований. Кривошеин не смог придумать ничего нового, ранее не опровергнутого и не отброшенного в правительственных инстанциях. Уже было признано невозможным установить неотчуждаемость дворянских земель и сделать недробимыми дворянские имения, достигшие определенного размера, как предлагал Кривошеин. На заседаниях Комиссии Н. С. Абазы обсуждение этих мер показало, что принятие их серьезно ущемило бы интересы самого дворянства. С большими трудностями должно было столкнуться и проведение такого мероприятия, как понижение платежей заемщиков Дворянского банка в соответствии с «действительной» доходностью имений, также не раз фигурировавшего в дворянских челобитных. Единственно, в чем Кривошеин мог претендовать на известную оригинальность, так это в предложении, кроме штатных земских начальников, учредить еще и внештатных и дать

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Там же, л. 51 об.

право всем им вместе надзирать за деятельностью правительственных и общественных уездных органов. Тем же полномочиями наделялись и уездные предводители дворянства.¹⁰²

Хорошо, конечно, знакомый с судьбой таких предложений в прошлом, Кривошеин подумывал о том, чтобы эти важнейшие акции провести келейно, не делая их предметом дискуссии, исход которой явно был весьма сомнительным.

Трезво учитывая обстановку, он писал царю в сопроводительном письме, что «меры эти несомненно встретят оценку, не лишнюю страстности и пристрастия, в случае обсуждения их коллегиальным порядком»¹⁰³ и могут осуществиться «только личной волею вашего величества, подобно тому, — пояснил Кривошеин, — как был учрежден институт земских начальников».¹⁰⁴

Николаю предстояло совершить, конечно, нечто гораздо большее, поскольку предлагаемые действия должны были существенно изменить основы экономического строя России и затрагивали огромные материальные интересы. Провести операцию такого масштаба, как акт личной воли в обход, а может быть и вопреки высшему аппарату управления, к чему толкал царя Кривошеин, было бы авантюрой, на которую нелегко было решиться постоянно колебавшемуся Николаю. А между тем это была лишь программа минимум, программу максимум, связанную, в частности, с установлением «правильных» отношений дворянства и крестьянства, должен был осуществлять, очевидно, Высший организационный комитет.

В своих главных чертах и идеях план Кривошеина был осуществлен Николаем, совещавшимся перед принятием окончательного решения, по-видимому, и с другими выразителями дворянских интересов. В конце февраля аудиенцию получил П. Кривский. Разговор велся о его записке, доложенной незадолго перед тем саратовскому дворянскому собранию.¹⁰⁵ Царь поручил ему встретиться затем с министром внутренних дел Горемыкиным.

Наконец, в начале апреля царь ознакомился с запиской о положении и роли дворянства, составленной И. Н. Дурново, к которой он отнесся с особым вниманием. Ее главный тезис формулировался в утверждении, что сохранение дворянского землевладения «представляется государственной потребностью первостепенной важности» в первую очередь с точки зрения задач местного управления, для которого дворяне подходят гораздо больше, чем чиновничество.¹⁰⁶ Еще более важным в глазах царя должно было выглядеть другое основание — мысль о том,

¹⁰² Записка А. К. Кривошеина Николаю II. Февраль 1897 г. ЦГАОР, ф. 543, оп. 1, д. 494, лл. 13—14.

¹⁰³ ЦГАОР, ф. 543, оп. 1, д. 494, лл. 3 об.—4.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ П. Кривский — И. Л. Горемыкину. ЦГИА, ф. 1626, оп. 1, д. 876, л. 1.

¹⁰⁶ Записка И. Н. Дурново о дворянстве, поданная царю 2 апреля 1897 г. ЦГИА, ф. 1283, оп. 1, д. 236, л. 2.

что с потерей земли дворянство деклассируется. Оно «сольется частью с чиновничьей, частью с торговой и промышленною средою» и таким образом исчезнет «крупная историческая сила, всегда служившая опорой самодержавию». Вместе с тем, снимая с них всякую ответственность за это, Дурново указывает на неизбежность «почти всеобщего в ближайшем будущем разорения и обезземеления поместных дворян». В объяснение причин он приводил как неблагоприятно сложившиеся условия хлебной торговли, так и неверную политику правительства, конспективно повторив в последнем случае аргументацию записки предводителей. Теперь правительство должно приступить к исправлению создавшегося положения, восстановить дворянство в его прежнем значении, создав для рассмотрения дворянского вопроса особое совещание. Дурново обрисовал и тот круг проблем, которыми оно должно будет заняться, указывая в качестве главной из них перевод дворянского землевладения на основу заповедности и единичности с предоставлением помещикам «дополнительных и существенных льгот по лежащим на них ипотечным долгам» за счет «пожертвованных из общих финансовых ресурсов государства».

Насколько близко содержание записки оказалось строю мысли самого царя видно из положенной им резолюции, выражавшей высшее одобрение всему изложенному. «Прочел с живейшим интересом и большим удовольствием»,¹⁰⁷ — написал Николай.

Накануне опубликования рескрипта слухи о нем распространились по Петербургу. Именно из этого источника узнал об этом акте Витте, находясь еще в полном неведении, что же он собой будет представлять. Встревоженный министр финансов обратился с письмом к другому видному правительственному деятелю — Победоносцеву. «В городе все поговаривают о каком-то указе, который должен появиться по дворянскому делу, — залагал он полученные с улицы сведения. — Очень этого боюсь». ¹⁰⁸ Страх его понятен в связи с теми дворянскими претензиями, которые были высказаны совсем недавно в записке предводителей, в большей части совершенно невыполнимыми, пока существовал хоть какой-то порядок в финансовом хозяйстве. Едва отбив этот натиск, он почти наверняка снова становился под удар. «Опять обещания, надежды, которые не будут выполнены уже потому, что они неисчерпаемы, а следовательно, последуют разочарования», — объяснял он причину своих опасений. «Всё это очень тревожно», — писал Витте в заключение, предвидя для себя новые большие хлопоты.

¹⁰⁷ Там же, л. 1.

¹⁰⁸ Витте — Победоносцеву, 12-го [1897]. Красный архив, 5(30), 1928, стр. 98. — Письмо, очевидно, было написано именно в апреле, как раз накануне опубликования рескрипта — «какого-то указа по дворянскому делу», как писал ничего толком не знавший о нем Витте.

Рескрипт оправдал самые худшие его ожидания. А тут еще разнесся слух о новом указе относительно дворянства, подготавливаемом Дурново к 6 мая — дню рождения царя. Это окончательно вывело Витте из равновесия. «Ведь это будет просто беда! — близкий к панике, писал он Победоносцеву. — Уже теперь рескриптом забаламучено море всяких вождедений, — что же будет потом? ... Ведь наверху по дальности расстояния, а И. Н. Дурново и К^о по близорукости, не видит, какую подняли смуту».¹⁰⁹

Весть о новом указе оказалась ложной, да и вряд ли после образования Особого совещания по делам дворянства, задуманного с таким широким размахом, как это видно из записки А. Кривошеина, существовала надобность в каких-либо новых мерах. Главное рескриптом было сделано. Та борьба, которая велась в верхах при выборе определяющего направления внутренней политики в ее важнейшем, аграрном, аспекте на этом этапе кончилась в пользу дворянской реакции. Дворянский вопрос был поставлен на повестку дня как самая важная и неотложная государственная проблема, решение его, как этого и добились предводители дворянской клики, намечалось произвести на основе капитальной реставрации старых порядков, возвращения всей страны к давно пройденному.

Таким именно масштабом измеряли значение рескрипта и в таком смысле толковали его «Московские ведомости». Теперь, писалось в газете, «вопрос о том, быть ли России самобытным, сословным государством или же подчиниться роковой и печальной судьбе бессословной Западной Европы — окончательно решен в смысле наших драгоценных исторических заветов».¹¹⁰

Одинаковым образом и «Гражданин» видел в рескрипте гарантию сохранения существующего государственного строя. Однако полному торжеству Менцерского, проповеди которого начинали вновь претворяться на практике, мешало теперь одно весьма существенное опасение. «А что, — задавал он вопрос, — если дворянство, о воссоздании коого так заботятся друзья порядка и аденты самодержавия, обратит свои воскресшие силы на

¹⁰⁹ Витте — Победоносцеву, 29 апреля [1895]. Красный архив, 5(30), 1928, стр. 97. — Это письмо публикатор датирует 1895 г., что, очевидно, неправильно. Оно безусловно относится к 1897 г. В 1895 г. в апреле никаких рескриптов по дворянскому делу, да еще способных возбудить такие волнения, не было, в чем легко убедиться, просматривая «Собрание узаконений и распоряжений правительства» и «Правительственный вестник». Трудно было ожидать, что, едва взойдя на престол, Николай II, у которого не было к этому моменту никакой собственной программы, мог сразу отважиться на столь значительную и радикальную меру. Зато это письмо всем своим содержанием полностью вписывается в контекст событий, связанных с появлением рескрипта 13 апреля 1897 г. Оно было написано по его горячим следам.

¹¹⁰ Дворянский вопрос, стр. 2, Московские ведомости, № 102, 15 апреля 1897 г.

либеральную политическую пропаганду...¹¹¹ Действительно, все более накапливались и становились все заметнее факты, заставлявшие усомниться в безусловной политической благонадежности всего дворянства. Опора, на которую возлагалось столько надежд, при ближайшем рассмотрении оказывалась не такой уж прочной. Та простота, с какой подошли к делу «Московские ведомости» и организаторы Особого совещания, была мнимой. В действительности стоило лишь заглянуть немного вперед, как это сделал Мецкерский, и сразу все становилось чрезвычайно сложной и трудной для решения задачей.

А главное, тот наставший для старорежимного дворянства «последний льготный час», о котором не раз говорилось в эти годы, уже давно прошел, если он вообще существовал когда-нибудь. Объективно в конце 90-х годов положение складывалось так, что дворянство еще могло добиться кое-каких тактических успехов, на том или ином участке улучшить свои позиции, на какой-то момент гальванизировать прошлое, но на этом его возможности исчерпывались. Широкая дворянская реконкиста была неосуществимой фантазией.

Самодержавию не дано было остановить поступательное развитие, и на исходе столетия Россия стояла на пороге событий, открывавших новую эпоху в ее истории. В последнее пятилетие XIX в. на исторической сцене происходит коренная перестановка и обложение действующих сил. К этому времени относится начало массового рабочего движения. Многим современникам стало понятно, что с российским пролетариатом в политическую жизнь вошла новая сила, способная радикально повлиять на общественную эволюцию. Пройдет еще немного лет, и социалистическая революция сделается реальной перспективой.

Последние годы века были свидетелями утверждения в России капитализма, покрывшего страну десятками огромных заводов и приступившего к образованию монополий. Он не претендовал еще на первое место в общественной иерархии, но действовать вопреки этой общественно-экономической формации, достигшей на рубеже веков полной зрелости, восстанавливать в сколько-нибудь широких масштабах порядки иной эпохи было совершенно безнадежным предприятием.

Наконец, в эти годы в России широко распространяется марксизм и начинается формирование марксистской партии. Лишь единицы могли тогда оценить значение этого факта, а между тем он означал, что пробил час и самодержавия и вообще всей старой России со всем, что в ней было старого и нового — всему этому оставалось жить всего двадцать лет.

¹¹¹ С чего начать, стр. 2. Гражданин, № 30, 20 апреля 1897 г.

В. В. АНАНЬИЧ

ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС ЦАРИЗМА В 1905—1906 гг.

С начала века и вплоть до первой мировой войны русское самодержавие не переживало более острого финансового кризиса, чем в 1905—1906 гг. Если учесть, что кризис этот был тесным образом связан с периодом наибольшего подъема первой русской революции, то естественно внимание, которое уделялось и уделяется ему в исторической литературе.¹

Особенность финансовой политики самодержавия еще с конца прошлого столетия состояла в широком привлечении в Россию иностранных капиталов, преимущественно в ссудной форме. С. Ю. Витте, сменивший в 1892 г. А. И. Вышнеградского на посту министра финансов, выступил со специальной программой экономического развития России за счет притока в русскую промышленность и железнодорожное строительство иностранных капиталов.² После 1892 г. последовала целая серия русских государственных и железнодорожных займов, размещавшихся, как правило, на парижском и отчасти на берлинском денежных рынках. Осуществлению этой программы должно было способствовать введение в России в результате денежной реформы 1897 г. золотой валюты и свободного размена кредитных билетов на золото. Золотая валюта и внешние займы стали своего рода основами всей финансовой системы Витте. «Без внешних займов, — писал в 1907 г. о своем финансовом кредо Витте, — наша бед-

¹ Достаточно полные сведения о степени изученности в советской исторической литературе экономического и финансового положения России в начале XX в. содержится в книге К. Н. Тарновского «Советская историография российского империализма» (М., 1964). Отметим лишь, что для настоящей статьи особое значение имели работы Б. А. Романова, в частности его монографии «Россия в Маньчжурии (1892—1906)» (Л., 1928), «Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895—1907» (М.—Л., 1955), а также составленный им сборник документов «Русские финансы и европейская биржа в 1904—1906 гг.» (М.—Л., 1926).

² Эта сторона деятельности Витте сделана предметом специального исследования в книге американского историка Теодора фон Лауэ (Th. H. von Laue. Sergei Witte and the Industrialization of Russia. New York—London, 1963).

ность обостряется и становится еще более чувствительной; внешние займы и приток иностранных капиталов своего рода мышьяк, под действием которого происходит наше экономическое и финансовое развитие. Печально, конечно, что мы не можем обойтись без такого лекарства. Но это все-таки лекарство из лучших. Это великодушное средство против бедности. Доказательство представляют Германия и Соединенные Штаты Америки, которые 50 лет назад еще считались бедными странами, а теперь стали опасными соперниками для самых богатых стран. А выросли они на притоке иностранных капиталов и сильно продолжают ими питаться... Огромное значение золотой валюты, — утверждал Витте, — заключается прежде всего в том, что она представляет золотой мост, перекинутый из богатых стран в бедные; при ней ускоряется выход из бедности, тогда как при бумажной валюте он замедляется». ³ Именно внешние займы были превращены Витте в один из основных источников образования так называемой свободной наличности, служившей рекламой финансового благополучия империи, а также источником, из которого черпались средства на такие общегосударственные мероприятия, как проведение денежной реформы, перевооружение армии, строительство Сибирской железнодорожной магистрали и т. д. ⁴

Основы провозглашенной Витте финансовой политики не претерпели значительных изменений после его ухода в 1903 г. с поста министра финансов и последовательно проводились в жизнь его преемниками Э. Д. Плесске, а затем В. Н. Коковцовым, возглавившим русское Министерство финансов в феврале 1904 г. ⁵

Регулярные займовые операции за границей наложили особый отпечаток на всю экономическую политику царизма. По мере того как неуклонно увеличивалось количество русских ценных бумаг, находившихся в обращении за пределами России, самодержавие все теснее связывало свою судьбу с западноевропейскими биржами и в первую очередь с французской. ⁶ Возрастала роль иностранных займов не только в экономической, но и в политической жизни российской империи, причем особенно заметно эта роль проявилась в период 1905—1906 гг., когда в один клубок

³ Записка С. Ю. Витте от 3/16 марта 1907 г. ЦГИА, ф. 1044, оп. 1, д. 237, лл. 12—13. — Витте утверждал, что со времени реформы 1897 г. и введения золотой валюты все проведенные им внешние займы «пошли исключительно на производительные цели» и не было сделано ни одного займа с целью поддержки валюты (там же).

⁴ См. всеподданнейшую докладную записку П. А. Сабурова от января 1903 г. ЦГИА, ф. 1044, оп. 1, д. 32, лл. 11—22.

⁵ В. Н. Коковцов занимал этот пост до января 1914 г. с небольшим перерывом с октября 1905 по апрель 1906 г., во время которого министром финансов в правительстве Витте был Н. П. Шинлов.

⁶ Попытки Витте в 1898—1902 гг. расширить сферу кредитования и выйти на международный денежный рынок окончились неудачей.

сплелись военное поражение и последовавший за ним глубочайший финансовый и внутрисоциальный кризис царизма.

Слабые стороны финансовой политики самодержавия дали себя знать еще в период экономического кризиса 1900—1903 гг. К концу 1902 г. рост государственных расходов и соответствующий ему рост налогового обложения приняли такой характер, что равновесие российского бюджета оказалось под угрозой. ⁷ Возникшая угроза нарушения бюджетного равновесия вызвала серьезное беспокойство в кругах, ответственных за финансовое положение страны. «Я с тревогой смотрю на наше экономическое и финансовое положение, — писал Коковцов в апреле 1903 г. в частном письме члену Комитета финансов П. А. Сабурову. — Вполне ясный отчет даю я себе и относительно трудностей нашего политического положения. Мне очевидна наша фактическая изолированность и то значение, которое она может и должна иметь в эпоху великих концентраций, трестов, синдикатов, союзов и т. д. ... Что же касается до самого бюджета и финансовой политики, — продолжал Коковцов, — то у меня слишком болит душа о ней и хочется крикнуть одно суммарное пожелание: пора, давно пора, умерить фантазии, которые ведут нас к явной гибели! Эти фантазии я вижу везде: в непомерном и неразумном усилении флота, в нашей активной политике за счет голодного мужицкого брюха, в никому не нужном мореплавании, в подачках и восполнениях развративших всех и вся, в роскоши чиновничества, и невольном стремлении брать деньги на все, вместо того, чтобы приостановить расходную сатурналию и начать ослаблять податной винт в меру естественного прироста в доходах». ⁸ Для сохранения прочного бюджетного равновесия Государственный совет утвердил решение о необходимости сокращения в 1903 г. государственных расходов. Однако начавшаяся в феврале 1904 г. русско-японская война, потребовавшая напряжения всех финансовых ресурсов, исключила возможность какого бы то ни было регулирования расходов. Издержки на военные нужды оказались настолько велики, что самодержавие не смогло вести ее без значительных позаимствований на иностранных биржах. С начала войны и до конца 1904 г. русское Министерство финансов сделало два крупных займа, один во Франции, а другой на берлинском денежном рынке. Однако занятых денег оказалось недостаточно для того, чтобы покрыть военные издержки.

Как видно из доклада Коковцова, представленного им в конце 1904 г. царю, русский министр финансов, рассматривая перспек-

⁷ Журнал Департамента государственной экономии о финансовых сметах министерств и главных управлений и о государственной росписи доходов и расходов на 1903 г. 30 декабря 1902 г./12 января 1903 г. ЦГАОР, ф. 543, оп. 1, д. 291, лл. 12—14.

⁸ Коковцов — Сабурову, 17/30 апреля 1903 г. ЦГИА, ф. 1044, оп. 1, д. 269, лл. 1—2 об.

тивы финансирования войны в 1905 г., все свои надежды возлагал на внешние рынки, где он рассчитывал получить в течение 1905 г. около 500 млн руб.⁹

Естественно, что такая программа должна была еще крепче связать самодержавие с иностранной, в первую очередь французской, биржей и вынуждала русский царизм оглядываться на своих французских кредиторов даже при решении некоторых внутриполитических вопросов. Не случайно на созванном Николаем II в 1904 г. совещании в связи с подготовкой проекта указа 12 декабря 1904 г. министр финансов Коковцов, высказавшийся наряду с Витте, Н. В. Муравьевым и другими за отказ от крайне реакционной внутренней политики в духе В. К. Плева, подчеркнул, что в результате такой политики правительство теряет «доверие в финансовых кругах за границей», а это при крайне неблагоприятном течении войны «может привести финансы к полному разорению».¹⁰

Французская биржа реагировала на события внутриполитической жизни России как самый чуткий барометр. Известие о событиях 9 января, по сообщению русского посла во Франции А. И. Нелидова, вызвало в финансовых кругах Парижа «сильнейшую тревогу». «В понедельник русские бумаги значительно понизились в цене, и хотя «до паники дело не дошло» и в следующие дни цена русских фондов несколько поднялась, Нелидов констатировал «удрученное настроение биржи».¹¹

Нелидов не мог или не хотел скрывать, что расстрел 9 января не встретил одобрения даже в кругах, которые невозможно было заподозрить в сочувствии революционному движению. Он так и передавал министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу, что тревожные известия из Петербурга о «развившихся там стачках и беспорядках и о кровавом их подавлении» были восприняты «с чувством соболезнования и уныния», и «даже искренно... преданные французы находили совершенно непонятными и непоследовательными распоряжения, в силу коих сначала в течение целой недели могла беспрепятственно подготовляться и распространяться огромная стачка рабочих, сопряженная с движением чисто революционного свойства, а затем разом приняты были для прекращения беспорядков столь строгие военные меры, что ими могло быть подавлено и настоящее вооруженное восстание».¹² Это был прямой упрек в адрес самодержавия за неуклю-

⁹ Всеподданнейшая записка Коковцова от 19 ноября/1 декабря 1904 г. Русские финансы и европейская биржа в 1904—1906 гг., М.—Л., 1926, стр. 140.

¹⁰ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. II, М., 1960, стр. 331.

¹¹ Нелидов — Ламздорфу, 13/26 января 1905 г. Историк-марксист, кн. 1, 1936, стр. 99—100; см. также: Н. Лукин. Русская революция 1905 г. и Западная Европа. Там же, стр. 37.

¹² Историк-марксист, кн. 1, 1936, стр. 99—100.

жие действия в борьбе с революционным движением, в результате которых оно опозорило себя на весь мир кровавой расправой. Упрек этот исходил, конечно, из французских правительственных и финансовых кругов, обеспокоенных не только за «репутацию» должника в глазах держателей русских фондов, но и возможностью роста революционного движения в России. В донесении Нелидова, помимо весьма недвусмысленно выраженного неодобрения действиями правительства 9 января, самодержавию подсказаны были и более гибкие методы борьбы с революционным движением. «Распорядители банков и биржевники, — писал Нелидов, — желают, разумеется, строжайших мер для скорейшего восстановления порядка и правильного течения дел. Люди же, нам сочувствующие, по более глубоко смотрящие на положение вещей, вполне допуская необходимость временного принятия исключительных мер, твердо надеются и убеждены, что при чутком понимании государем императором истинных нужд государства и народа, по упрочении спокойствия в столице и в местах, где порядок не может еще быть нарушен, высшие правительственные установления продолжать будут рассмотрение и приведение в действие благодетельных предначертаний, намеченных в высочайшем указе 12 декабря, широкое применение и развитие коих одно способно предотвратить в будущем возникновение и повторение печальных событий, ознаменовавших второе воскресение нынешнего года». «Если бы таково было действительное намерение императорского правительства, — продолжал свою мысль Нелидов, — сообщение в этом смысле произвело бы несомненно самое благоприятное впечатление на общественное мнение в Европе и послужило бы к упрочению сильно потрясенных основ, на которых зиждется сочувствие к нам французского народа и союз наш с его правительством».¹³ В том, что заказ о такого рода заявлении в печати был сделан через Нелидова французским правительством, не трудно убедиться, если проследить за ходом франко-русских отношений вскоре после событий 9 января.

В начале февраля в Петербург со специальной и в сущности политической миссией приехал представитель Парижско-Нидерландского банка и «глава русского синдиката в Париже» Эд. Неплин. Неплин потребовал от Коковцова принятия мер для предотвращения «катастрофического падения» на парижском рынке русских бумаг, которое происходит под влиянием революционного движения в России и военных неудач на Дальнем Востоке. В частности, он предложил русскому правительству, если оно не намерено отказываться «на долгий срок от заключения во Франции государственных займов» «значительно увеличить кредит на

¹³ Нелидов — Ламздорфу, 13/26 января 1905 г. Историк-марксист, кн. 1, 1936, стр. 99—100.

поддержку прессы» и «взять этот расход исключительно на средства русской казны», а также найти способ успокоить «денежную французскую публику». ¹⁴ Нецлин «совершенно открыто» заявил Коковцову, что «приехал с вѣдома французского правительства», виделся перед отъездом с Нелидовым, который должен был написать Коковцову специальное письмо и что «французское правительство чрезвычайно встревожено» развитием революционных событий в России и ему, Нецлину, «приходилось подмечать в широких кругах политических деятелей Франции сомнение в том, удастся ли русскому правительству овладеть положением, и не будет ли оно вынуждено и на каких именно основаниях уступить общественному движению и пойти навстречу его желаньям, вставши на путь конституционного образа правления». ¹⁵ Коковцов пропустил мимо ушей этот достаточно прозрачный намек на желательность введения каких-то конституционных преобразований, переадресовав Нецлина к председателю Комитета министров. Встречей с Витте французский банкир тоже не довольствовался и добился аудиенции у Николая II. Из Царского Села Нецлин приехал в Петербург в «радужном настроении», обещания Николая II его полностью удовлетворили и он был настроен «тотчас по своем возвращении» во Францию предпринять «самые решительные шаги к возобновлению переговоров» о русском займе. Царь заверил представителя Парижско-Нидерландского банка и даже «поручил ему передать» кому тот «признает нужным», что «революционное движение в стране гораздо менее глубоко, нежели предполагают в Париже» и правительство «справится с ним», что с прибытием на Дальний Восток русского флота следует ожидать «резкого поворота» в военных действиях в пользу России и, наконец, что он, Николай II, «сам серьезно думает о таких реформах, которые дадут большее удовлетворение общественному настроению». ¹⁶

Если довериться памяти Коковцова, то приезд Нецлина в Петербург следует поставить в прямую связь с таким чисто внутриполитическим актом, как рескрипт Николая II А. Г. Булыгину, положивший начало выработке проекта о созыве законосовещательной Государственной думы. В воспоминаниях Коковцова эти события прочно связаны друг с другом в строгой хронологической последовательности. Известие о визите Нецлина в Царское Село (по предположению Коковцова, благодаря Витте) попало в газеты, на страницах которых «на самые разнообразные лады» стала обсуждаться мысль о сочувствии царя «идеи преобразования в духе общественного доверия». И вдруг 18 февраля/3 марта «со-

вершенно неожиданно» был опубликован и «прозвучал резким диссонансом к этой мысли» рескрипт (манифест, — В. А.) на имя Булыгина о необходимости борьбы «всеми доступными власти способами» с забастовочным движением, в котором «ни одним словом не упоминалось о доверии к обществу и не возмещалось никаких реформ». «Витте был крайне смущен, — писал Коковцов, — тоном рескрипта, поехал в Царское Село и говорил об этом. Говорил и я на моем докладе, указавши на то, что в Париже просто не поймут этого после приема Нецлина. Государь не дал прямого ответа, обещал подумать, и через некоторое время — я не припоминаю теперь в точности этого промежутка времени — появился новый рескрипт на имя Булыгина, с повелением приступить к разработке предположений о привлечении населения к более „дейтельному и постоянному участию в делах законодательства“». ¹⁷ Рассказ этот Коковцова, по-видимому, не совсем точен. Во-первых, оба документа противоречащие друг другу по духу были опубликованы в печати в один и тот же день — 18 февраля/3 марта, а не последовательно один за другим. Во-вторых, из воспоминаний Витте известно, что он узнал о существовании манифеста о «нестроении и смутах» 17 февраля/2 марта в поезде по дороге в Царское Село, куда он ехал вместе с другими министрами на обсуждение мер, которые предполагалось принять «для успокоения общества». ¹⁸ В тот же день участники совещания были ознакомлены с проектом рескрипта Булыгину о привлечении населения к участию в законодательстве. ¹⁹ Проект этот, по свидетельству Витте, царь поручил составить Булыгину заранее в другом заседании, точной даты которого Витте не помнит, но на котором выступал и Коковцов и Булыгин — оба в пользу привлечения «выборных» от населения к законодательству. Причем Коковцов заявил, что «без такого шага будет трудно сделать заем, который является необходимым ввиду войны». ²⁰

И на предварительном заседании, и при обсуждении 17 февраля/2 марта проекта рескрипта Булыгину, Витте, по его утверждению, молчал. ²¹

Как видно, версия Витте и версия Коковцова относительно обстоятельств, связанных с появлением рескрипта Булыгину, который положил начало выработке проекта о созыве законосовещательной думы, во многих деталях отличаются друг от друга. Зато в главном они свидетельствуют одно и то же, а именно: что при обсуждении этого сугубо внутриполитического акта во-

¹⁴ В. Н. Коковцов. Из моего прошлого, т. I, Париж, 1933, стр. 62.

¹⁵ Там же. — Коковцов утверждает, что никакого письма на этот счет от Нелидова он не получал.

¹⁶ В. Н. Коковцов. Из моего прошлого, стр. 63.

¹⁷ Там же, стр. 64.

¹⁸ С. Ю. Витте. Воспоминания, стр. 376.

¹⁹ Там же, стр. 378.

²⁰ Там же, стр. 375.

²¹ Там же, стр. 375 и 378.

прос о предстоящем французском займе играл если не решающую, как это утверждает Коковцов, то по крайней мере значительную роль.

Хотел или не хотел Николай II брать у французской буржуазии уроки борьбы с революционным движением, по так просто отмахнуться от советов, поступавших из Парижа, он, разумеется, не мог.

В Петербурге, конечно, отдавали себе отчет в справедливости предостережений Нелидова о том, что стоит только начаться панике на Парижской бирже, и курсы русских бумаг лавиной «безудержно покатаются вниз с головокружительной быстротой» и тогда уже «ничто не сможет остановить их падения». «Мы будем иметь против себя всех, — предсказывал Нелидов неизбежные последствия финансового краха, — от последнего слуги и рабочего до самого богатого барина: они все делали вклады в русские фонды».²² Взяв уже однажды сочувственный тон в отношении реакции французских правительственных и финансовых кругов на события 9 января, Нелидов теперь, в феврале 1905 г., высказывался за то, чтобы следовать рекомендациям из Парижа и, в частности, безоговорочно поддержал требование парижских биржевиков об увеличении расходов на подкуп прессы.

Высказанное еще Неццином во время его приезда в Петербург, это требование затем было повторено в самой категорической форме синдиком биржевых маклеров Вернейлем, который нанес специальный визит Нелидову и без труда убедил русского посла в необходимости значительно увеличить субсидии французским газетам, повысив сумму ежегодных расходов до 2 или даже 3 млн франков.²³

После визита Вернейля Нелидов тотчас же телеграфировал в Петербург, а на следующий день 17 февраля/2 марта отправил Ламздорфу пространное письмо с призывом идти на жертвы ради сбережения «нескольких десятков миллионов», «действовать быстро» и «быть щедрыми».²⁴ Нелидов и агент русского Министерства финансов во Франции А. Г. Рафалович пришли к единодушному мнению о необходимости совершенно довериться Вернейлю и через него воздействовать на печать, сделав немедленно первый взнос в размере 200—300 тыс. франков, а затем уже обязать французских банкиров, как раз только что выехавших в Петербург для ведения переговоров о займе, «продолжать ежемесячные взносы на расходы по рекламе».²⁵

²² Нелидов — Ламздорфу, 17 февраля/2 марта 1905 г. Русские финансы..., стр. 157—158.

²³ Там же, стр. 159. — Одновременно Вернейль обратился с письмом на ту же тему к Витте.

²⁴ Нелидов — Ламздорфу, 17 февраля/2 марта 1905 г. Русские финансы..., стр. 159.

²⁵ Там же.

Одновременно Нелидов призывал свое правительство к устранению каких бы то ни было причин для беспокойства французской публики и банкиров, даже таких как «неизвестность относительно намерений правительства, неустойчивость положения, непрерывные перемены в высших административных сферах» и т. д.²⁶ В весьма осторожной форме посол намекал и на желательность заключения мира: «Восстановление мира также, конечно, внесло бы некоторое успокоение в настроение держателей русских фондов, — писал Нелидов, — хотя главный источник их беспокойства всегда будет корениться в нашем внутреннем положении».²⁷ Убедив русского посла в необходимости увеличить субсидии французским газетам и отправив соответствующее письмо Витте, Вернейль отнюдь не собирался пассивно ожидать окончательного решения этого вопроса в Петербурге, а почти сразу же принял меры к тому, чтобы заставить Коковцова действовать не откладывая дело в долгий ящик. 25 февраля/10 марта, в разгар переговоров в Петербурге о займе, парижская синдикальная палата решила воздержаться от участия в новом займе и не принимать его бумаги к котировке, если русское правительство не будет предоставлять «в распоряжение русского посольства на все время продолжения войны ежемесячно 250 тыс. франков для распределения в случае необходимости по первому требованию синдиката».²⁸ В Петербурге об этом решении стало известно в тот же день.²⁹ Впрочем, Коковцов и без того понимал безвыходность своего положения и еще 26 февраля/11 марта отправил Нелидову сообщение в Париж, что им уже дано распоряжение Рафаловичу воздействовать на французскую прессу и он счел возможным пойти на крупные расходы до 750 тыс. франков в течение 4 месяцев.³⁰ Коковцов не скрывал перед Нелидовым своего беспокойства за настроение французских промышленных кругов, которые по-прежнему были недовольны политикой русского Министерства финансов в деле размещения иностранных военных заказов.

Дело в том, что заказы Артиллерийского ведомства, которые Коковцов еще осенью 1904 г. обещал французским фабрикантам, в конечном счете были все-таки размещены в Германии. Цены, названные французскими фирмами, оказались на 30% выше тех,

²⁶ Там же, стр. 158.

²⁷ Там же.

²⁸ Нелидов — Ламздорфу, 25 февраля/10 марта 1905 г. АВВР, ф. Канцелярия, 1905 г., д. 86 б., л. 321—321 об.

²⁹ И Витте и Коковцов были весьма задеты этим унижением для русского правительства требованием Вернейля. По-видимому, действия Вернейля не одобрил в полной мере и Бомпар (см.: Бомпар — Делькассе, 27 февраля/12 марта 1905 г. Documents diplomatiques français, sér. 2, t. 6, № 145, p. 191; далее: DDF).

³⁰ Коковцов — Нелидову 26 февраля/11 марта 1905 г. Русские финансы..., стр. 161.

по которым германские промышленные предприятия взялись изготовить снаряды для русской артиллерии (изготовление шрапнели в Германии стоило 17 р. 50 к., во Франции — 23 р. 80 к.). Разница в стоимости всего заказа составляла 3 млн руб., и естественно, что русское правительство вынуждено было отказаться от услуг французской промышленности.³¹ В связи с этим теперь, в феврале—марте 1905 г., Коковцов явно опасался нападков французских фабрикантов на русское Министерство финансов и спешил сообщить Нелидову сведения, которые должны были несколько успокоить французские промышленные круги. Прежде всего, что готовился дополнительный заказ на снаряды и он, Коковцов, «дабы снять с Министерства финансов упрек в том, что оно будто бы не поддерживает французскую промышленность» настоятельно просил военного министра оказать на этот раз «предпочтение французским поставщикам перед германскими», хотя было известно, что выполнение заказа во Франции обойдется на 1 или 1.5 млн руб. дороже. «Я не знаю, конечно, будет ли уважено мое ходатайство по этому предмету, — писал Коковцов, — но не сомневаюсь, что с своей стороны мною уже сделано и делается все от меня зависящее, в интересах французской промышленности».³² Коковцов просил также Нелидова иметь в виду, что благодаря Министерству финансов во Франции был сделан заказ на 114 малых паровозов для железных дорог в Маньчжурии несмотря на то, что цена заказа была на 137 тыс. руб. дороже по сравнению с предложенной немецкими промышленниками.³³

Однако несмотря на принятые меры русскому Министерству финансов так и не удалось весной 1905 г. успокоить французскую биржу, хотя обнародование рескрипта от 18 февраля на имя Булыгина о привлечении населения к участию в законодательстве и произвело, как сообщал Нелидов, «весьма благоприятное впечатление на общественное мнение во Франции»,³⁴ отпущенных огромных средств на подкуп прессы позволил усилить контроль за поведением французских газет,³⁵ а Нелидов постарался использовать полученные им от Коковцова сведения о заказах, для того чтобы отвести претензии французских промышленников.³⁶

Новые неудачи на театре военных действий, мукденское поражение, и связанный с ним срыв переговоров о займе факти-

чески свели на нет результаты деятельности русского дипломатического и финансового ведомств.

Для переговоров о займе в Петербург во второй половине февраля (по ст. ст.) приехали представители трех крупнейших французских кредитных учреждений: Лионского кредита, Готтингер и Ко и Парижско-Нидерландского банка. Переговоры затянулись до последних чисел февраля,³⁷ и условия контракта были окончательно установлены только к 27 февраля/12 марта 1905 г.³⁸ На следующий день 28 февраля/13 марта банкиры были приняты председателем Комитета финансов Сольским, затем обедали у Коковцова и условились с ним о встрече 2 марта в 11 час. утра уже для подписания подготовленного контракта. Однако на следующий день утром банкиры не явились, известив Коковцова письменно, что «в ночь с 28 на первое марта ими был получен от своих учреждений приказ не подписывать контракта и вернуться в Париж».³⁹ Насколько удалось выяснить несколько позднее Нелидову, одной из основных причин срыва переговоров явилось поражение русских войск под Мукденом. После известия о результатах мукденского сражения «Лионский кредит, получивший отказы от многих своих клиентов, заранее записавшихся было на заем», решил отозвать своего представителя из Петербурга. Его примеру последовали остальные участники консорциума. Решение банкиров «испугало министра финансов» и Рувье будто бы высказался за то, чтобы отложить заключение займа.⁴⁰ Отсрочка русского займа произвела «весьма невыгодное» для России впечатление в парижских финансовых сферах,⁴¹ однако на этот раз, поведение банкиров не получило, по всей видимости, полной поддержки французского правительства, которое вскоре после разрыва переговоров предприняло шаги к тому, чтобы несколько притушить неожиданно возникший конфликт. Прежде всего французское Министерство финансов взяло на себя целиком все «заботы», связанные с подкупом прессы, благодаря чему

³⁷ См.: Бомпар — Делькассе, 25 февраля/10 марта 1905 г.; Бомпар — Делькассе, 26 февраля/11 марта 1905 г.; Делькассе — Бомпару, 26 февраля/11 марта 1905 г. DDF, sér. 2, t. 6, NN 139, 140, 141, pp. 186—187.

³⁸ Накануне, 26 февраля/11 марта, Бомпар телеграфировал в Париж о согласии русского министра финансов и банковской группы выпустить 600-миллионный 5%-й заем по цене 91 1/4% (см.: Бомпар — Делькассе, 26 февраля/11 марта 1905 г. DDF, sér. 2, t. 6, № 142, p. 187).

³⁹ Бомпар — Делькассе, 28 февраля/13 марта 1905 г. DDF, sér. 2, t. 6, № 148, p. 193; Коковцов — Нелидову, 10/23 мая 1905 г. Русские финансы..., стр. 180—184; см. также: Б. А. Романов. Очерки..., стр. 358—359.

⁴⁰ Нелидов — Ламадорфу, 10/23 марта 1905 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1905 г., д. 86а, лл. 91—94. — Позднее, летом 1905 г., при объяснении с Нелидовым Рувье отрицал свою причастность к срыву переговоров и «выразил удивление и неудовольствие по поводу возведения на него банкирами обвинения в несочувствии» этой операции (Нелидов — Коковцову, 28 мая/10 июня 1905 г. Русские финансы..., стр. 190).

⁴¹ Нелидов — Ламадорфу, 10/23 марта 1905 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1905 г., д. 86а, лл. 91—94.

³¹ Коковцов — Нелидову, 26 февраля/11 марта 1905 г. Русские финансы..., стр. 163—164.

³² Там же.

³³ Там же, стр. 164.

³⁴ Нелидов — Ламадорфу, 24 февраля/9 марта 1905 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1905 г., д. 86а, лл. 76—77.

³⁵ Нелидов — Коковцову, 3/16 марта 1905 г. Русские финансы..., стр. 172—174.

³⁶ Там же.

и русское правительство и русское посольство в Париже оказались совершенно в стороне от этой, по выражению Нелидова, «неприглядной домашней страши». ⁴² В конце марта президент французской республики Лубэ пригласил к себе Эдуарда Нецлина для объяснений о причинах перерыва в переговорах о займе и заявил банкиру, что осуществление операции «всцело отвечало бы интересам Франции, как по политическим соображениям, так и ввиду полной уверенности лично его и многочисленной части французского народа в полной обеспеченности сумм, помещенных в русские государственные процентные бумаги». ⁴³ Очевидно под влиянием этого разговора, в начале апреля Нецлин обратился к вице-директору Особенной канцелярии по кредитной части Вышнеградскому с вопросом о том, не хочет ли русское правительство прислать в Париж своего представителя для возобновления переговоров. Однако это предложение было отклонено Коковцовым, который заявил, что «если банкиры согласны на заключение займа», то им остается только «подписать уже выработанный по соглашению с ними контракт». ⁴⁴

После отъезда из Петербурга уполномоченных Парижских банков Коковцов демонстративно отказался от каких бы то ни было попыток возобновить переговоры во Франции с какими бы то ни было банкирскими домами. Так, русское правительство не сделало каких-либо значительных усилий ради того, чтобы воспользоваться услугами банкирского дома Госкье, изъявившего готовность прийти на помощь самодержавию как раз в момент разрыва переговоров с «русским синдикатом». ⁴⁵ Коковцов, конечно, понимал, что возобновление переговоров о займе в Париже неизбежно было бы сопряжено с пересмотром контракта в пользу банкиров, т. е. с новыми уступками финансового характера, и потому, видимо, предпочел отложить «дальнейшие переговоры о заграничном займе до более благоприятного момента», прибегнув пока к внутренним ресурсам. ⁴⁶

11/24 марта Коковцов внес на обсуждение Комитета финансов вопрос о выпуске внутреннего 5% займа на 200 млн руб. Министр финансов предложил проект свободного от налога долгосрочного займа, подлежащего погашению тиражами в течение 49 лет. Выпускная цена займа должна была составить 96%, а ко-

⁴² Нелидов — Коковцову, 10/23 марта 1905 г. Русские финансы... стр. 175.

⁴³ Всеподданнейшая докладная записка Коковцова, 17/30 марта 1905 г. ЦГИА, ф. 583, оп. 4, д. 318, л. 45—45 об.

⁴⁴ Коковцов — Нелидову, 10/23 мар. 1905 г. Русские финансы... стр. 183.

⁴⁵ Нелидов — Коковцову, 3/16 марта 1905 г. Русские финансы... стр. 173.

⁴⁶ Представление министра финансов в Комитет финансов о выпуске внутреннего 5%-го займа 1905 г., не позднее 11/24 марта 1905 г. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 436, лл. 1—3 об.

миссия банкирам — 1.5%. Предполагалось, что первая половина вырученной от реализации займа суммы поступит в распоряжение Государственного казначейства в конце марта, а вторая (по четвертям) — в конце апреля и мая. Коковцов подчеркнул, что «ввиду исключительных условий... выпуск сравнительно высокопроцентного займа представляется единственно возможною формою кредитной операции». Вместе с тем Коковцов утверждал, что «действительный платеж» по новому займу, «включая премию и погашения», не превысит 5.5% в год и будет выгоднее по сравнению с «последними заграничными займами», которые обходились «в 6 1/3, 6.5% годовых». ⁴⁷ Однако в эти предварительные подсчеты министра финансов позднее пришлось внести одну, по существенную поправку: при окончательной выработке контракта банкирский синдикат настоял на увеличении комиссионного вознаграждения с 1.5 до 2% и, таким образом, реализационная цена займа снизилась с 94.5 до 94%. Из всей суммы займа в 200 млн руб. синдикат банков первоначально взял на себя только 150 млн, в то время как остальные 50 млн руб. временно были переданы в фонд сберегательных касс. ⁴⁸ Условия нового займа достаточно выразительно свидетельствовали о тяжелом экономическом положении правительства, и даже в Комитете финансов заем был воспринят прежде всего как вынужденная мера, осуществление которой «неизбежно повлечет за собой удорожание ипотечного кредита... как государственного, так и частного, понижение правительственных фондов и вообще удорожит пользование капиталами в России». ⁴⁹

Впрочем, эта вынужденная операция на внутреннем рынке мало что изменила в положении русского Министерства финансов, и Коковцову сразу же вслед за ней, уже в который раз, пришлось обратиться за помощью к Мендельсону.

В ходе переговоров с Мендельсоном довольно скоро выяснилось, что у русского правительства нет почти никаких оснований рассчитывать на проведение в Германии долгосрочной кредитной операции, «без риска весьма сильно повлиять на цены» уже обращающихся там русских бумаг, и реален только краткосрочный заем. ⁵⁰ Поэтому Комитет финансов принял решение вновь, после длительного перерыва, прибегнуть к выпуску краткосрочных обязательств Государственного казначейства в форме векселей. ⁵¹

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Журнал Комитета финансов, 11/24 марта 1905 г. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 436, лл. 4—5 об.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Представление министра финансов в Комитет финансов, не позднее 8/21 апреля 1905 г. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 437, лл. 1—6.

⁵¹ Журнал Комитета финансов, 8/21 апреля 1905 г. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 437, лл. 7—10. — Русское правительство прибегало к выпуску краткосрочных обязательств Государственного казначейства, как правило, в ис-

Именным высочайшим указом 10/23 апреля министру финансов «ввиду исключительных обстоятельств» было предоставлено полномочие на выпуск краткосрочных обязательств на сумму не свыше 200 млн руб. для последующего размещения их через Мендельсона. Однако 5%-е краткосрочные обязательства Государственного казначейства пока что удалось реализовать в Берлине не на всю сумму, а только на 150 млн руб. (324 млн марок), сроком от 9 до 12 месяцев с последующим погашением в декабре 1905—марте 1906 г.⁵² Комиссия в пользу приобретательной векселей была установлена от 0.5 до 1% и в пользу банкиров — 0.5% с нарицательной суммы реализуемых векселей. Кроме того, на счет русского правительства были отнесены вексельный сбор 0.5% и мелкие операционные расходы. В итоге, по произведенным в Кредитной канцелярии подсчетам, при средней длительности векселей в 290 дней пользование этим кредитом обошлось русскому правительству в 7.28% годовых.⁵³

Весьма вероятно, что именно известие об обращении Коковцова в Берлин побудило французское правительство принять меры к возобновлению прерванных франко-русских переговоров о займе. Во всяком случае в Париже в первых числах мая (по и. ст.) было известно не только о факте поездки представителя Мендельсона Артура Фишеля в Петербург для подготовки займа, но и были известны примерные его условия, о которых, широчем, уже писала немецкая печать.⁵⁴

В парижских политических и финансовых кругах по обыкновению ревниво отнеслись к операции в Берлине, особенно после того как распространилось известие о том, что «значительная часть» обязательств Государственного казначейства «тотчас перешла из вторых рук для продажи в Париж».⁵⁵ «Французский финансовый мир, — писал в Петербург 5/18 мая 1905 г. Нелидов, — находится по отношению к русским делам в довольно неловком положении, созданном, с одной стороны, незаключением в марте предположенного займа, с другой — продажей в Берлине вновь выпущенных краткосрочных обязательств казначейства... Бан-

ключительных случаях. Впервые они были выпущены в период Отечественной войны 1812 г., последние перед 1905 г. выпуски обязательств производились в 1870—1880 гг. (См.: ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 437, лл. 7—10; ф. 587, оп. 56, д. 1201, лл. 14—18).

⁵² Малюков — Тимашову..., 21 февраля/6 марта 1906 г. ЦГИА, ф. 587, оп. 56, д. 1653, лл. 3—4.

⁵³ ЦГИА, ф. 587, оп. 56, д. 1653, лл. 3—4.

⁵⁴ Биур — Делькассе, 21 апреля/4 мая 1905 г. DDF, sér. 2, t. 6, № 395, pp. 466—467.

⁵⁵ Нелидов — Ламадорфу, 5/18 мая 1905 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1905 г., д. 86а, лл. 136—138. — «Мы даем деньги, а немцы извлекают из этого политические выгоды», — сокрушался по этому поводу Делькассе (см. помету Делькассе на донесении Биюра 21 апреля/4 мая 1905 г. DDF, sér. 2, t. 6, № 395, pp. 466—467).

киры сетуют, что у нас не прямо обратились к ним, а главную прибыль от этой операции предоставили немцам».⁵⁶

Вскоре после заключения немецкого займа Нелидов и Рафаловичу были сделаны заявления соответственно директором Французского банка Палланом и управляющим Парижско-Нидерландским банком Бенаком о желательности возобновления переговоров русского финансового ведомства с французским о новых финансовых сделках.⁵⁷ Причем Бенак заверил Рафаловича, что достаточно Коковцову обратиться через Нелидова к Рувье, объяснить французскому министру, в чем именно нуждается русское правительство, как тот «призовет в свой кабинет» Мазера и еще трех-четырех банкиров, «скажет им, что нужно, и операция совершится без труда».⁵⁸ «Словом, в воздухе опять запахло займом», — подводил Рафалович итоги своим наблюдениям за настроением французских финансовых и политических кругов.⁵⁹

В Петербурге, разумеется, не собирались упускать возможность возобновить переговоры о займе во Франции. И Коковцов, следуя рекомендации управляющего Парижско-Нидерландским банком, поспешил дать необходимые инструкции Нелидову для переговоров с Рувье.⁶⁰ Вместе с тем, поскольку в данный момент русское Министерство финансов располагало средствами «для ведения войны в течение нескольких месяцев», Коковцов хотел непременно добиться того, чтобы первый шаг к возобновлению переговоров был сделан французскими банкирами.⁶¹ Однако ожидания Коковцова оказались напрасными: никакого предложения со стороны французских банкиров в мае—июне 1905 г. так и не последовало. Цусимское поражение русского флота повлекло за собой новую длительную отсрочку переговоров — теперь уже вплоть до заключения мира. Правда, и после Цусимы Рафалович сообщал в Петербург о «желании» банкиров, «подогретом завистью к Мендельсону и его успехам», «провести крупную операцию с Россией и использовать нынешнее состояние рынка», но уже с оговоркой: «За всем этим скрыта мысль, что мир неизбежен».⁶² «Бывшие министры и депутаты, которых я вчера видел, — писал Рафалович Коковцову о своих впечатлениях от встреч на приеме в Елисейском дворце 19 мая/1 июня 1905 г., — расточали

⁵⁶ Нелидов — Ламадорфу, 5/18 мая 1905 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1905 г., д. 86а, лл. 136—138.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Рафалович — Коковцову, 2/15 мая 1905 г. Русские финансы..., стр. 178.

⁵⁹ Рафалович — Коковцову, 16/29 мая 1905 г. Русские финансы..., стр. 185.

⁶⁰ Коковцов — Нелидову, 10/23 мая 1905 г. Русские финансы..., стр. 180—184.

⁶¹ Там же, см. также: Путилов — Рафаловичу, 28 мая/10 июня 1905 г. Русские финансы..., стр. 188—189.

⁶² Рафалович — Коковцову, 20 мая/2 июня 1905 г. Русские финансы..., стр. 187.

заверения в симпатиях и соболезнованиях по поводу наших поражений, но всякий раз настоятельно советуя прекратить войну, „которая вас ослабляет, тогда как Европа нуждается в вашей силе“.⁶³ Французские кредиторы, кроме того, не скрывали своего беспокойства в связи с ослаблением позиции правительства в самой России и ростом революционного движения в стране. «У французской публики относительно России, — сообщал Рафалович, — есть только одно предубеждение — это внутреннее состояние империи».⁶⁴

В этих донесениях Рафаловича, присланных в Петербург после Цусимского сражения, не было ничего такого уж нового. Они только свидетельствовали о нараставшей тревоге (первые признаки которой проявились еще в январе 1905 г.) французских финансовых и политических кругов за сохранение твердой власти в России как гарантии французских вкладов, сделанных в русские фонды, и основ франко-русского союза. Однако поскольку в своей финансовой политике самодержавие по-прежнему делало ставку на французскую биржу, оно не могло не считаться с настроениями своих кредиторов и, в частности, оставаться безразличным к реакции во Франции на события внутриполитической жизни России. Не случайно Витте, один из первых среди крупных представителей русской бюрократии выступивший против продолжения войны, пытаясь убедить Николая II в необходимости скорейшего заключения мира, запугивал царя перспективой роста революционного движения — с одной стороны, и опасностью конфликта с французской буржуазией — с другой. «Чтобы продолжать войну, — писал Витте Николаю II в последних числах февраля 1905 г., — нужны огромные деньги и обширный набор людей. Дальнейшие затраты совершенно расстроят финансовое и экономическое положение империи — составляющее центральный нерв жизни современных государств. Бедность населения увеличится и параллельно увеличится озлобление и помрачение духа. Россия потеряет кредит и все заграничные держатели наших фондов (между прочим, вся французская буржуазия) сделаются нашими врагами. ... вообще по теперешнему времени войско пужно в самой России».⁶⁵

В данном случае, говоря о французской буржуазии, Витте, конечно, сгущал краски, но была в том предостережении и доля истины. Во всяком случае если не после Мукденского поражения, то теперь, после Цусимы, в Петербурге отчетливо должны были понять, что до заключения мира о крупной финансовой операции нечего и помышлять.

⁶³ Рафалович — Коковцову, 20 мая/2 июня 1905 г. ЦГИА, ф. 560, оп. 22, д. 285, лл. 75—76, а также: Русские финансы. . . , стр. 186, 187.

⁶⁴ Русские финансы. . . , стр. 186.

⁶⁵ Всепогоднейшее письмо Витте от 28 февраля 1905 г. В кн.: С. Ю. Витте. Воспоминания, стр. 573—574.

По заключении же мира русское Министерство финансов могло рассчитывать не только на парижский, но и на лондонский рынок, как об этом конфиденциально сообщил в последних числах июня русскому послу в Лондоне Бенкендорфу глава крупнейшего банкирского дома Англии «Братья Баринг» лорд Ревлесток.⁶⁶

Таким образом, к началу июля 1905 г. вопрос о займе, а стало быть и о финансовом положении России, оказался в прямой зависимости от исхода мирных переговоров в Портсмуте. И Витте выехал 6/19 июля 1905 г. в качестве уполномоченного русского правительства на мирную конференцию в Америку в сознании того, что война ведется «на текущий долг, что министр финансов сколько бы то ни было серьезного займа в России сделать не может, так как он уже исчерпал все средства, а за границей никто более России денег не даст» и «дальнейшее ведение войны» возможно только «ценою полного финансового, а затем и экономического краха».⁶⁷ Если еще месяц назад Коковцов утверждал, что он вообще не намерен первым начинать переговоры с французскими банкирами, то Витте теперь должен был забыть о престиже и еще по дороге в Портсмут начать готовить почву для заключения нового займа в Париже. Здесь, «отказавшись от всяких приглашений и официальных приемов», Витте имел «частные свидания с многочисленными своими знакомыми из политического и финансового мира»,⁶⁸ дважды виделся с Рувье, был принят президентом республики и заручился обещанием последних «оказать, по заключении мира, полное содействие предполагаемой денежной операции».⁶⁹

Между тем финансовое положение самодержавия становилось все более критическим. Только успел Витте вступить на американскую землю, как его настигла телеграмма Коковцова с напоминанием о том, что после окончания переговоров он должен сделать все возможное для заключения займа во Франции. «Усерднейше прошу Вас, — телеграфировал Коковцов, — на обратном пути настаивать в Париже на необходимости займа как единственном способе не толкать нас на финансовые безрассудства».⁷⁰ Витте едва ли нуждался в такого рода подстегивании, ибо ни по дороге в Портсмут, ни в ходе мирной конференции он не упускал

⁶⁶ В. А. Романов. Очерки. . . , стр. 477.

⁶⁷ С. Ю. Витте. Воспоминания, стр. 399.

⁶⁸ Нелидов — Ламздорфу, 14/27 июля 1906 г. АВПР, ф. Канцелярия, 1905 г., д. 86, лл. 217—218.

⁶⁹ С. Ю. Витте. Справка о том, как был заключен внешний заем 1906 г., спасший финансовое положение России. Пгр., 1913, стр. 5.

⁷⁰ Красный архив, т. 6, стр. 22—23. — Пока же Коковцов вновь был вынужден обратиться к внутренним ресурсам. Примечательно, что как раз в день отъезда Витте, 6/19 июля, Комитет финансов принял решение о выпуске второго (на тех же условиях, что и первый) двухсотмиллионного 5%-го внутреннего займа. Эмиссия была разрешена высочайшим указом 29 июля/11 августа 1905 г. См. Журнал Комитета финансов, 6/19 июля 1905 г. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 445.

из виду вопрос о предстоящем займе. В Америке Витте возобновил прерванные после 1902 г. переговоры с Морганом об открытии для России американского денежного рынка и получил согласие последнего на участие в предстоящей операции, которой Витте не прочь был придать теперь международный характер.⁷¹ С этим проектом Витте и выступил в сентябре 1905 г. в Париже («по дороге домой») перед Нецлином, а также перед главой французского правительства Рувье и президентом республики Лубэ. Заключение мира было встречено во французских финансовых и правительственных кругах с большим одобрением, и банкиры в принципе дали согласие вернуться к переговорам о новом займе. Однако и Рувье и Лубэ обратили внимание Витте на два обстоятельства, которые могли, с их точки зрения, все-таки помешать новой операции. Во-первых, назревавший франко-германский конфликт из-за Марокко. И в этом случае Рувье прямо просил Витте о посредничестве и поддержке интересов Франции.⁷² А во-вторых, развивавшаяся в России революция. В том, что говорил Лубэ о внутреннем положении России, явно звучала нота недовольства негибкими методами борьбы русского правительства с революционным движением. Лубэ прямо заявил Витте, что, по его мнению, «без системы представительства и конституции Россия более идти не может». «Я его спросил, — писал позднее в своих воспоминаниях Витте, — говорил ли он по этому поводу когда-нибудь с государем. Он мне ответил, что говорил, выражая то же мнение. На мой вопрос: „Что же вам сказал государь?“ — он ответил: „Государь сказал: „Вы так думаете?““. Я ему ответил: „Не только думаю, но в этом убежден“. Последующие события, — заключил он, — кажется оправдали мое мнение».⁷³

Заявление Лубэ, конечно, отражало настроения влиятельных кругов французского общества, которые и без того были хорошо известны русскому правительству и были им приняты во внимание при подготовке нового займа.

Вскоре после возвращения Витте в Россию Коковцов направил французским банкирам приглашение приехать в Петербург. К сожалению, это приглашение — письмо Коковцова Нецлину — не найдено еще в наших архивах и о его содержании можно судить только по пересказу, содержащемуся в воспоминаниях Коковцова. Хотя Коковцов и утверждает, что он не обмолвился в этом письме о готовившихся «в окружении Витте» переменах внутреннего строя, потому что «почти ничего не знал о том, что замышлялось» в связи с подготовкой манифеста, тем не менее в общей форме (и Коковцов это признавал) он достаточно ясно намекнул своим французским кредиторам на возможность либе-

ральных преобразований в системе государственного управления России. Коковцов подчеркнул в письме Нецлину, что «заключенный мир» и «решимость» царя «вступить на путь участия народа в работе по законодательству, — хотя бы на первых порах с характером совещательным, — создают более благоприятную почву для финансовой ликвидации войны», в чем заинтересована не только Россия, но и все страны, связанные с нею «общностью интересов».⁷⁴

Представители европейских банков приехали в Петербург для выработки контракта русского займа 7/20 октября.⁷⁵ В тот же день началась стачка на Московско-Казанской железной дороге. И банкиры сразу же на себе ощутили дыхание нарастающей в России революции. Они доехали до Петербурга по железной дороге, но «на пути их поезд был несколько раз задержан не только на станциях, но даже просто в поле... Вместо обычного утреннего часа, они прибыли под вечер и не успели разместиться в своих комнатах в Европейской гостинице, как везде потухло электричество». Некоторые из участников консорциума, под впечатлением увиденного в России, решили наутро, не вступая в переговоры, немедленно возвращаться назад. Однако, по мнению главы консорциума Нецлина, сложившемуся у него после консультаций во французском посольстве и разговоров с некоторыми французскими журналистами, революционное движение в России «перешло уже свою высшую точку нарастания» и должно было «скоро пойти на убыль, в особенности под влиянием ожидаемого манифеста о „даровании политических свобод“». Поэтому Нецлин высказался в пользу того, чтобы «вести переговоры как можно быстрее, не останавливаясь на мелочах и поспешить вернуться в Париж, с тем чтобы там осуществить заем» как только оправдаются благоприятные с его точки зрения прогнозы.⁷⁶ Решительно против спешного отъезда из Петербурга высказался также представитель Лионского кредита Бонзон, заявивший, «что неблагоприятная обстановка может оказаться даже весьма выгодной для французских держателей будущих русских бумаг, так как министр финансов будет, вероятно, более уступчив».⁷⁷ В течение почти десяти дней в обстановке всероссийской политической стачки длились переговоры представителей консорциума с русским правительством. Прогнозы и надежды участников консорциума не оправдались, революционное движение не только не шло на убыль, а нарастало и набирало силу. Революция проникла и сквозь стены государственного банка. Вечером 16/29 октября делегация служащих потребовала от управляющего С. И. Тимашева закрыть банк и прекратить операции, угрожая в противном

⁷¹ В. Н. Коковцов. Из моего прошлого, стр. 85.

⁷² В. А. Романов. Очерки..., стр. 600.

⁷³ В. Н. Коковцов. Из моего прошлого, стр. 96.

⁷⁴ Там же, стр. 96.

⁷¹ В. А. Романов. Очерки..., стр. 575—577.

⁷² Более подробно о переговорах в Париже и посредничестве Витте в марокканском вопросе см.: В. А. Романов. Очерки..., стр. 586—591.

⁷³ С. Ю. Витте. Воспоминания, стр. 455.

случае забастовкой. Попытки Тимашева убедить делегатов отказаться от выдвинутого ими требования со ссылками на «тяжелые последствия», которые может повлечь за собой закрытие банка, ни к чему не привели. 17/30 октября утром на «большой лестнице банка образовался многолюдный митинг», публика, явившаяся для совершения операций, покинула банк, и он фактически прекратил работу. «Около полудня, — вспоминал впоследствии о событиях 17/30 октября Тимашев, — приехал в банк министр финансов Коковцов, — почти весь персонал банка собрался в большом зале совета, зал был переполнен, стояли вплотную, здесь министр произнес речь, не скажу, чтобы она имела успех, после отъезда министра служащие не расходились, образовался второй, еще более многолюдный митинг, где говорились зажигательные слова, сильно возбуждавшие собрание».⁷⁸ Только последовавшее вечером 17/30 октября сообщение об издании манифеста предотвратило развитие назревавшей забастовки.

Едва не развернувшаяся забастовка служащих Государственного банка — лишь маленький штрих к событиям мощной Октябрьской стачки 1905 г., но штрих в данном случае весьма характерный. Какое значение могли иметь в эти дни переговоры министра финансов о займе с иностранными банкирами, если сам министр оказался перед реальной угрозой потерять управление центральным финансовым учреждением страны — Государственным банком? И действительно, последнее совещание консорциума, как это видно из воспоминаний Коковцова, проходило уже в такой обстановке, когда все участники заседания отчетливо понимали обреченность задуманной финансовой операции. «Мы просидели до полуночи в сущности совершенно напрасно, — писал Коковцов, — спорили о мелочах, говорили о разных тонкостях редакции контракта, но все сознавали, что мы тратим время попусту. Сама внешняя обстановка была в высшей степени тягостна: нас окружал давящий мрак, электричество не горело, у подъезда стоял, по желанию генерал-губернатора Трепова, усиленный наряд полиции, под эскортом которого наши французские гости вернулись в Европейскую гостиницу, и мы расстались с тем, что наутро участник этой экспедиции, специалист по контрактным тонкостям, служащий Парижско-Нидерландского банка г. Жюль-Жак готовит основания договора. На самом деле, никакой новой встречи между нами не произошло.

Утром Нецлин сказал мне по телефону, что чувствует себя совершенно разбитым от всех переживаемых впечатлений, просит отложить свидание до следующего дня, а когда наступил этот

⁷⁸ Записки С. И. Тимашева 1903—1906 гг. ЦГАЛИ, ф. 1208, оп. 1, д. 48, лл. 26—27; см. также официальное письмо Тимашева от 20 октября 1905 г. о событиях, происходивших в Государственном банке с 14/27 по 18/31 октября, адресованное Е. Д. Львову. ЦГИА, ф. 587, оп. 56, д. 234, лл. 9—19.

«следующий» день, то в двенадцатом часу я получил от него письмо из Европейской гостиницы с уведомлением, что им удалось нанять финляндский пароход, с которым они и выехали спешно из России. Так кончилась печально, — заключил свой рассказ Коковцов, — эта эпопея переговоров о займе».⁷⁹ Финансовую сделку пришлось отложить на неопределенное время. Продолжительные переговоры участников консорциума с русским Министерством финансов закончились соглашением, в силу которого они должны были возобновить переговоры «когда обстоятельства это позволят». Соглашение состоялось как раз в день опубликования манифеста 17 октября, на который участники консорциума возлагали такие надежды.⁸⁰ Однако, пожалуй, наиболее важным событием в переговорах, которые вели банкиры в Петербурге, были не официальные встречи с Коковцовым и даже не подписание практически ни к чему не обязывавшего банкиров соглашения, а свидание Нецлина с Витте, состоявшееся за 36 часов до назначения того председателем Совета министров. Свидание, подробности которого остались неизвестными даже Коковцову, узнавшему от Нецлина «под величайшим секретом» только самые общие сведения о его разговоре с Витте. Между тем Витте не только сообщил французскому банкиру о предстоящем уходе Коковцова с поста министра финансов и о своем назначении, но и выступил перед ним как лицо, в руках которого через несколько часов должны оказаться все нити управления государственной машиной. А в качестве такового он рекомендовал банкирам «немедленно» покинуть Петербург и поручил Нецлину от имени его, Витте, передать главе французского правительства «две вещи»: первое — Рувье может «положиться» на его обещание, что «ничто не произойдет в отношениях между Францией, Россией и Германией без ведома или за спиной французского правительства»; и второе — «Французы, и правительство первое, должны понять, что они все потеряют здесь, если у нас будет настоящая революция. Они заинтересованы в первую голову, чтобы у нас этого не случилось. Пресса может многое, и французское правительство столь же заинтересовано, как и мы, чтобы она вела себя должным образом. Лозунг должен быть такой: разумные реформы необходимы и будут осуществлены, но что реформами, вырванными посредством насилия и кровопролития, нельзя ничего достигнуть и что подобные меры никогда не служили ко благу народов».⁸¹

И для Витте и для его собеседника за этой изложенной в самой общей форме программой сотрудничества нового русского правительства с французским стояли совершенно конкретные вещи. А именно: что правительство Витте намерено подавить

⁷⁹ В. Н. Коковцов. Из моего прошлого, стр. 98.

⁸⁰ Б. А. Романов. Очерки..., стр. 601.

⁸¹ Там же, а также: DDF, sér. 2, t. 8, № 110, pp. 149—151.

революцию силой и Витте не собирается считаться с тем, как отнесется к этому общественное мнение во Франции, что французское правительство, заинтересованное в скорейшем подавлении русской революции, при первом же благоприятном случае должно обеспечить проведение займа и обуздать свою собственную прессу. Авансом же за помощь Франции, на которую Витте теперь делал главную ставку в лагере международной контрреволюции, русский премьер еще раз присягал в верности франко-русскому союзу. А это означало, что французское правительство могло в перспективе рассчитывать на поддержку России в мароккском вопросе, о чем Рувье просил Витте еще во время остановки того в Париже по дороге из Портсмута в Петербург.

Непонятным остается только одно, на что рассчитывал Витте, когда в разговоре с Нецлином заявил, что он может ждать с займом «еще несколько месяцев».⁸² Размах революционного движения в ноябре—декабре 1905 г. привел к тому, что финансовое положение царизма с каждым днем «становилось все более и более шатким», царизм оказался на грани банкротства, и месяц спустя после отъезда из Петербурга европейских банкиров вслед им в Париж был направлен Коковцов вымаливать срочную финансовую поддержку.

Угроза финансового банкротства приняла совершенно реальный характер к началу декабря 1905 г.

По условиям эмиссионного закона 1897 г. сумма не обеспеченных золотом рубль за рубль кредитных билетов не должна была превышать 300 млн руб. С целью охранения золотого запаса, с началом военных действий в 1904 г. Государственный банк перешел к так называемой «новой кассовой политике», суть которой состояла в том, чтобы во всех случаях, когда банку не предъявляется прямое требование об уплате непременно золотом, производить платежи лишь кредитными билетами. Результатом этой политики явилось увеличение с начала войны и по октябрь 1905 г. почти вдвое кредитных билетов, находившихся в обращении, при сравнительно незначительном увеличении в результате займовых операций золотого запаса. В октябре—ноябре 1905 г. золотой запас начал сокращаться, в то время как количество кредитных билетов продолжало расти. Под влиянием разраставшегося революционного движения доходы начали поступать в казну «чрезвычайно скудно», «сберегательные кассы стали выдерживать систематическую осаду на их средства, и каждый день стал давать небывалую до того картину — предъявления требований о выплате вкладов золотом».⁸³ «Уже ночью, задолго до открытия операций, к ним стекались густые толпы вкладчиков».⁸⁴ Отлив

⁸² Там же.

⁸³ В. Н. Коковцов. Из моего прошлого, стр. 111—112.

⁸⁴ Записки С. И. Тимашева 1903—1906 гг. ЦГАЛИ, ф. 1208, оп. 1, д. 48, л. 31.

денег из Государственного банка «по счетам сберегательных касс достиг колоссальных размеров», крупные требования на деньги исходили также от частных банков.⁸⁵

Особенно интенсивный отлив золота из сберегательных касс происходил в конце ноября—начале декабря 1905 г.;⁸⁶ в частности, как это отмечалось в постановлении Государственного совета, по поводу отчета Государственного банка за 1905 г. и под влиянием опубликованного 2/15 декабря 1905 г. во многих столичных, а затем и в провинциальных газетах «Финансового манифеста» Петербургского совета рабочих депутатов, призывавшего население к истребованию вкладов из сберегательных касс и обмену кредитных билетов на золото. «Среди населения возникла беспрецедентная в истории нашего государственного кредита паника, — говорилось в постановлении, — вызванная этим преступным воззванием и сопутствовавшая ему противоправительственной агитацией крайних партий: истребование вкладов из государственных касс приняло стихийный характер и выразилось к концу отчетного года в громадной цифре 148 с лишком миллионов: одновременно с сим значительно увеличилось предъявление кредитных билетов к размену, увеличились требования производства платежей золотом и весьма сильно возросли операции по продаже валюты, обусловленные отливом капиталов за границу».⁸⁷

«Новый... совершенно неожиданный удар», по определению управляющего Государственным банком С. И. Тимашева, был нанесен золотому обращению из Берлина, банкирами, производившими «крупные обороты по поручению Государственного банка и казначейства». «В ноябре приехал в Петербург представитель нашего главного берлинского корреспондента, — писал в своих воспоминаниях Тимашев, — и заявил требование о высылке большой партии золота натурой. Хорошо помню тяжелые объяснения с этим господином, в очень ласковой, неприятно слащавой форме мне предъявлен был в сущности ультиматум с угрозой прекратить операции за наш счет, т. е. оплату купонов русских займов и наших тратт, если золото не будет выслано в кратчайший срок.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Положение Государственного банка и денежного обращения с октября 1905 г. по апрель 1906 г. ЦГИА, ф. 587, оп. 56, д. 503, лл. 24—25. — С 16/29 ноября по 1/14 декабря — 48 млн руб.; с 1/14 по 16/29 декабря — 62,8 млн руб.

⁸⁷ Об отчете Государственного банка за 1905 г. Журнал Государственного совета от 7/20 июня 1907 г. ЦГИА, ф. 587, оп. 56, д. 65, лл. 27—28. — По мнению В. А. Романова, «финансовый манифест» не сыграл сколько-нибудь значительной роли «в полете царизма к банкротству», поскольку финансовый бойкот правительства и до того осуществлялся «в массовых масштабах уже не первый день» спасшими свое состояние представителями «господствующих классов» (В. А. Романов. Очерки... стр. 611—612).

Пришлось подчиниться...⁸⁸ Тимашев не назвал стоимость отпущенного в Берлин золота и только упомянул о снаряжении «нескольких транспортов», однако в начале декабря (по ст. ст.) в американских газетах появилось сообщение о доставке в Берлин на протяжении недели большой партии русского золота на 60 млн руб.⁸⁹ В ответ на запрос, сделанный в связи с этим русским агентом в Америке Г. А. Виленкиным, министр финансов телеграфировал 12/25 декабря 1905 г. в Вашингтон: «Сведения о доставке золота в Берлин верно, но указываемая вами цифра преувеличена. Цель — облегчить рынок, показать несколько первичной публике, что средств на оплату обязательств более чем достаточно. Полезно, чтобы вами в этом смысле было сделано заявление в газетах».⁹⁰ Вероятно Шипов, сменивший в октябре 1905 г. Кокцова на посту министра финансов, отдавал себе отчет в том, насколько курьезно звучало это объяснение отправки большой партии русского золота в Берлин почти в разгар финансового кризиса. Но что ему оставалось делать? Не мог же он открыто заявить о безвыходном положении русского правительства, равно как и не мог вступать в конфликт с берлинскими банкирами, поскольку как раз в конце ноября — начале декабря Министерство финансов вело переговоры о новых кредитах у Мендельсона.

После провала переговоров о международном займе правительство Витте оказалось перед необходимостью изыскать где бы то ни было около 200 млн руб., чтобы дотянуть до конца 1905 г. Выпуск третьего долгосрочного внутреннего займа Шипов считал «невозможным» как по финансовым, так и по политическим соображениям.⁹¹ 18 ноября/1 декабря Комитет финансов принял решение об увеличении выпуска краткосрочных обязательств Государственного казначейства сверх разрешенных указом 10/23 апреля 1905 г. еще на 150 млн руб., с тем, чтобы общая стоимость находившихся в обращении обязательств не превышала 350 млн руб.⁹² 25 ноября/8 декабря царь санкционировал это решение, однако всего неделю спустя, 3/16 декабря, оно было пересмотрено Комитетом финансов, и 9/22 декабря Николай II

утвердил новое «положение» Комитета финансов о выпуске краткосрочных обязательств Государственного казначейства не на 150, а на 200 млн руб. По высочайшему указу 9/22 декабря, стоимость выпущенных в обращение как в иностранной, так и в русской валюте, краткосрочных обязательств не должна была превышать 400 млн руб. Государственному банку вменялось в обязанность принимать краткосрочные обязательства для учета как от Государственного казначейства, так и от частных лиц на условиях, установленных министром финансов.⁹³

И на этот раз основные надежды в смысле реализации обязательств русского Министерства финансов возлагало на Берлин. Через Мендельсона предполагалось разместить обязательства на сумму до 200 млн руб., с тем чтобы постепенно заменить ими обязательства, приобретенные Мендельсоном в апреле на сумму в 150 млн руб. (сроки которых начинали истекать) и на 50 млн руб. усилить заграничную наличность казны. На остальные 200 млн руб. первоначально решено было выпустить обязательства в русской валюте и учесть их в Государственном банке.⁹⁴

По договоренности с Мендельсоном, новые обязательства (векселя) выпускались сроком на 9 месяцев, размер процента по ним устанавливался 5,5% годовых «с добавлением комиссии в пользу приобретателей 1¼% для векселей, принятых до 30 декабря 1905 г., и 1% для остальных обязательств и, наконец, 0,5% комиссии в пользу Мендельсона».⁹⁵

Однако размещение новых обязательств у Мендельсона оказалось «малоуспешным». До конца года их удалось реализовать всего на 52.750 тыс. марок и, таким образом, операция в Берлине в том виде, как она была задумана, не удалась.⁹⁶ Но и в случае полного успеха берлинской операции министр финансов, видимо, не рассчитывал с ее помощью выбраться из финансового кризиса.

3/16 декабря 1905 г. Шипов вынужден был поставить в Комитете финансов вопрос о возможном прекращении размена кредитных билетов на золото причем, судя по воспоминаниям Кокцова, министр финансов «заклучил свой доклад категорическим требованием прекратить размен». Витте также заявил, что «не возражает против предложенной меры, хотя и сознает все ее печальные последствия» и только после выступления других членов

⁸⁸ Журнал Комитета финансов, 3/16 декабря 1905 г. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 451, лл. 1—2.

⁸⁹ Журнал Комитета финансов, 5/18 января 1906 г. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 451, лл. 1—3.

⁹⁰ Журнал Комитета финансов, 3/16 декабря 1905 г. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 451, лл. 1—2.

⁹¹ Журнал Комитета финансов, 5/18 января 1906 г. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 451, лл. 1—3. — Только к апрелю 1906 г. на германском рынке было реализовано на 89,2 млн руб. обязательств Государственного казначейства, в русской валюте их было выпущено к тому же времени на 90,5 млн руб. (см. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 458, лл. 1—2).

⁸⁸ Записки С. И. Тимашева 1903—1906 гг. ЦГАЛИ, ф. 1208, оп. 1, д. 48, л. 34.

⁸⁹ Виленкин — Шипову, 9/22 декабря 1905 г. ЦГИА, ф. 560, оп. 22, д. 278, л. 45. — В конце ноября Тимашев получил распоряжение министра финансов о высылке в Берлин слитков золота из золотого запаса Государственного банка на 50 млн руб. и о допониравании этого золота в Рейхсбанке на счета банкиров Мендельсон и К^о (Шипов — Тимашеву, 24 ноября/7 декабря 1905 г. ЦГИА, ф. 588, оп. 3, д. 1876, л. 1).

⁹⁰ Шипов — Виленкину, 12/25 декабря 1905 г. ЦГИА, ф. 560, оп. 22, д. 278, л. 46.

⁹¹ Представление министра финансов в Комитет финансов, не позднее 18 ноября/1 декабря 1905 г. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 447, лл. 1—3.

⁹² Журнал Комитета финансов, 18 ноября/1 декабря 1905 г. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 447, л. 9.

Комитета финансов, высказавшихся против прекращения размена, решено было отложить окончательное решение вопроса и создать специальную комиссию в составе Шипова, Коковцова и П. Х. Шванебаха для наблюдения за состоянием денежного обращения и изыскания мер, которые предотвратили бы надвигающееся банкротство.⁹⁷ Однако министр финансов, не дожидаясь решения комиссии, предпринял шаги к ограничению размена в провинции, прямо противоречившие эмиссионному закону 1897 г. 7/20 декабря Государственный банк разослал своим отделениям циркуляр, предписывавший максимальное ограничение выдачи золота под предлогом того, что «банк может не удовлетворять полностью требования на золото, вызываемые агитацией крайних партий».⁹⁸

Между тем в результате изучения денежных операций комиссия пришла к выводу, что эмиссионное право Государственного банка почти исчерпано. На 8/21 декабря выпуск кредитных билетов превысил 1250 млн руб., в то время как золотая наличность исчислялась в 1076 млн руб. Причем из этой суммы 252 млн руб. должны были быть в ближайшее время затрачены на уплату долга Кредитной канцелярии иностранным банкирам (36 млн руб.), платежи по обязательствам Государственного казначейства (150 млн руб.) и расчеты за продажу на срок тратт (66 млн руб.). Кроме того, 149 млн руб. должны были быть израсходованы на выплату металлической валюты по операции репорта. Таким образом, свободная наличность золота составляла не более 675 млн руб.⁹⁹ Тем не менее и Коковцов и Шванебах решительно высказались против прекращения размена, хотя Шипов по-прежнему считал «предпочтительным» его приостановку и расширение эмиссионного права.¹⁰⁰

В заседании Комитета финансов 9/22 декабря 1905 г. было принято решение «попытаться подкрепить» золотой фонд Государственного банка и казначейства хотя бы небольшим иностранным займом, который «дал бы возможность усилить выпуск кредитных билетов» без нарушения эмиссионного закона и «выиграть время», необходимое для подавления революции.¹⁰¹ В том же

⁹⁷ В. Н. Коковцов. Из моего прошлого, стр. 113—115; см. также: Журнал Комитета финансов, 3/16 декабря 1905 г.; А. Л. Сидоров. Финансовое положение русского самодержавия в период русско-японской войны и первой русской революции. Исторический архив, 1955, № 2, стр. 125—126. — Полемика, о которой пишет Коковцов, не нашла своего отражения в журнале заседания, что же касается доклада Шипова, то он отсутствует в деле, материалы которого опубликованы А. Л. Сидоровым.

⁹⁸ Циркуляр о порядке производства кассовых выдач от 7/20 декабря 1905 г., № 9а. ЦГИА, ф. 587, оп. 56, д. 104, л. 51—51 об.

⁹⁹ Журнал Комитета финансов, 14/27 декабря 1905 г. Исторический архив, 1955, № 2, стр. 127—128.

¹⁰⁰ В. Н. Коковцов. Из моего прошлого, стр. 116.

¹⁰¹ Там же, стр. 116.

заседании, по свидетельству Коковцова, он докладывал предварительные результаты работы комиссии. Однако в фонде Комитета финансов следы этого выступления Коковцова до сих пор не обнаружены. Найден и опубликован А. Л. Сидоровым журнал заседания Комитета финансов 14/27 декабря, специально посвященный обсуждению записки Коковцова, Шванебаха и Шипова, о котором в воспоминаниях Коковцова не сказано ни слова.¹⁰² Журнал 14/27 декабря не подписан Коковцовым.¹⁰³ Это дает основания предполагать, что 14/27 Коковцов даже не присутствовал на заседании Комитета финансов. Таким образом, если Коковцов прав, то записка комиссии обсуждалась в Комитете финансов дважды 9/22 и 14/27 декабря и оба раза с одним и тем же результатом. Несмотря на то, что в дни декабрьского вооруженного восстания правительство находилось почти на волоске от финансового банкротства, было решено использовать оставшийся в распоряжении русского Государственного казначейства золотой запас до предела и не объявлять о прекращении размена лишь бы не давать в руки революционеров явного свидетельства непрочности самодержавия. На заседании Комитета финансов 14/27 декабря Шванебах прямо заявил, что прекращение платежей золотом может быть использовано в революционной пропаганде как свидетельство государственного банкротства. «Для революционеров, которые во всеуслышание предсказывают это, — говорил Шванебах, — прекращение размена явится прямым торжеством и опаснейшим в их руках козырем... До крайности было бы прискорбно предоставить революционерам столь острое орудие смуты как раз в тот момент, когда правительство, решившись побороть оружием вооруженные мятежи в Москве и в Балтийском крае, еще не нанесло мятежникам ни на том, ни на другом театре действий решительного поражения». Поэтому Шванебах призывал воздержаться от «провокационных прекращений размена... вопреки всяким указаниям финансовой техники», чтобы не дать «революционерам повод выставлять перед народом еще и финансовую победу над правительством».¹⁰⁴ Однако в связи с тем, что установленный законом предел эмиссионного права Государственного банка был почти исчерпан, Комитет финансов принял решение о выпуске кредитных билетов на сумму не свыше 150 млн руб. без золотого покрытия, которые обеспечивались принимавшимися Государственным банком в обеспечение выданных краткосрочными обязательствами по учету и ссудам, а также краткосрочными обязательствами Государственного казначейства и должны были быть при первой же возможности изъяты из обращения. Два дня спустя 16/29 декабря Николай II уже подписал указ, разрешавший министру

¹⁰² Исторический архив, 1955, № 2, стр. 127—128.

¹⁰³ См.: ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 454, лл. 26—28.

¹⁰⁴ Исторический архив, 1955, № 2, стр. 130.

финансов эту операцию,¹⁰⁵ который, впрочем, решено было скрыть от публики и не предавать гласности до тех пор, пока это не будет «признано... своевременным», пока к тому не вынудят обстоятельства.¹⁰⁶ Вместе с тем Комитет финансов уполномочил министра «принять все меры для сокращения отлива золота из страны», действуя в пределах законов о денежном обращении.¹⁰⁷ Разумеется, в Комитете финансов рассматривали все эти меры только как способ отсрочить банкротство и дотянуть до получения финансовой помощи извне, на которую и была сделана основная ставка.

К 15/28 декабря, когда в Москву из Петербурга прибыл семейный полк с артиллерией и правительство, воспользовавшись перевесом в силе, начало подавление московского восстания, для срочной поездки в Париж за займом был снаряжен Коковцов, в тот же день вечером получивший последние инструкции и назначения от самого царя. Николай поручил Коковцову передать французскому правительству, что он, Николай, «придает особое значение успеху» возложенного на Коковцова поручения, т. е. заключения займа; и со своей стороны готов «поддержать» французское правительство в той форме, которая тому «сейчас наиболее желательна». «Вот теперь начинается на днях Алжезирасская конференция, — уточнил свою мысль Николай. — Я думаю, что моя поддержка, особенно ясно заявленная французскому правительству, помимо обыкновенной передачи через министерство и нашего посла, могла бы быть особенно полезна».¹⁰⁸

Коковцов выехал из Петербурга в сопровождении своего секретаря Л. Ф. Дорлиака 17 декабря (ст. ст.) и прибыл в Париж вечером 19-го, в день жестокой расправы карателей с рабочими, оборонявшими последний очаг сопротивления на Пресне — Прохоровскую мануфактуру. И ему вслед тотчас же была послана депеша с известием о подавлении московского восстания, которую Коковцов успел предъяснить французским банкирам как свидетельство того, что «Москва окончательно успокоена» и революционное движение в России «идет резко на убыль».¹⁰⁹ Однако ни этот «аргумент», ни попытки Коковцова запугать банкиров тем, что с прекращением размена на золото наступит «денежная анархия», в результате которой «держатели внешних займов потеряют больше кого-либо», не дали решительно никаких результатов.

¹⁰⁵ ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 454, л. 20. — Интересно отметить, что сам журнал заседания Комитета финансов 14/27 декабря был представлен царю и утвержден им только 30 декабря 1905 г./12 января 1906 г.

¹⁰⁶ Именной высочайший указ 16/29 декабря так и не был опубликован, в течение двух лет его держали в тайне, а затем 30 ноября/13 декабря 1907 г. он был уничтожен собственноручно царем (ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 454, л. 56—57).

¹⁰⁷ Исторический архив, 1955, № 2, стр. 132.

¹⁰⁸ В. Н. Коковцов. Из моего прошлого, стр. 119.

¹⁰⁹ Там же, стр. 120.

Банкиры категорически отказались вести переговоры о займе, заявив, что их не очень-то беспокоит прекращение размена, ибо «по внешним займам» Россия «во всяком случае будет платить золотом».¹¹⁰ А Недлин прямо заявил Коковцову, что только французское правительство может убедить банкиров согласиться на заключение займа и то при условии, что «оно даст банкам моральную гарантию за то, что они не потеряют своих денег».¹¹¹ Проведя два дня в бесплодных переговорах с банкирами, Коковцов вечером 21 декабря/3 января направился в качестве просителя на набережную Орсе на прием к председателю Совета министров Франции Рувье. Коковцов явился в точно назначенное время, но его «не хотели пускать, говоря, что председатель совета на охоте» и в этот день «вовсе не будет в министерстве». Два часа Коковцов провел в унизительном ожидании и «собирался было уже уходить», когда его вдруг «позвали» все-таки в кабинет Рувье и перед ним предстала «грузная фигура человека огромного роста, с неприветливым лицом, в охотничьем костюме с медленною, как будто спростонья, речью».¹¹² Рувье согласился взять на себя заботы по организации во Франции теперь же небольшого, а после завершения Алжезирасской конференции крупного займа для окончательного подавления революции. Однако, в свою очередь, он потребовал от Коковцова заверения в безоговорочной поддержке русским правительством Франции в марокканском вопросе. «Я уверен, что Россия будет с нами, — заявил Рувье, — но для нас важно, чтобы мы могли рассчитывать не только на благожелательное отношение ее, но имели уверенность в том, что ее представитель не станет сноситься с своим правительством в какой-либо острый момент переговоров, но займет сразу определенное положение на нашей стороне, и всей конференции будет ясно, что мы поддержаны Россией и можем опереться на ее слово».¹¹³ Коковцов без колебаний заверил Рувье в готовности русского правительства оказать полную поддержку своей союзнице в марокканском деле. Более того, Коковцов подчеркнул, что получил на этот счет соответствующую инструкцию от царя, «принимает на себя всю ответственность» за сделанное заявление и готов даже подтвердить его соответствующим письмом. Что же касается русского представителя на конференции, то ему должно быть от Ламздорфа известно распоряжение царя и, стало быть, никакие новые инструкции просто не нужны. «Теперь мы с вами заключили договор, — ответил на это Рувье, — вы уже выполнили ваше обязательство, дело за мной, и я уверен, что его так же честно выполню как вы свое».¹¹⁴

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Там же, стр. 119.

¹¹² Там же, стр. 122.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же.

С этим рассказом о первой встрече с Рувье из воспоминаний Коковцова не вполне вяжется его телеграмма Витте, отправленная в тот же день вечером, сразу же после беседы с Рувье. «Успеху моего трудного положения, — поспешил сообщить Коковцов в Петербург, — могло бы значительно содействовать получение мною права заявить Рувье конфиденциально, что в мароккском вопросе Франция может рассчитывать на моральную поддержку России в смысле влияния ее на Германию. К этому вопросу Рувье возвращался дважды».¹¹⁵ Возможно, что телеграмма Коковцова носила чисто перестраховочный характер или он не совсем точно передал в своих воспоминаниях содержание первого разговора с Рувье,¹¹⁶ но во всяком случае несомненно одно, что именно в эти дни между Коковцовым и Рувье состоялось устное соглашение, в результате которого программа обновления франко-русского союза, предложенная Витте в октябре 1905 г., вступила в действие.

На пятый день пребывания Коковцова в Париже: «произошла полная перемена декораций». Утром французские банкиры Нецлин, Мазера, Ульман, Доризон и Готтингер, «получили приглашение явиться в Министерство иностранных дел». Переговоры с банкирами вел сам Рувье, который предложил им удовлетворить просьбу русского правительства. Попытка некоторых банкиров не соглашаться на требование Рувье и доказывать, что французские банки не так уж заинтересованы в сохранении золотого обращения в России «вызвала такое решительное возражение» с его стороны и «такую энергичную реплику, что устойчивое положение денежного обращения в России нужно для Франции и для ее правительства, что вся оппозиция смолкла» и представители банков заявили о своей готовности вести переговоры с Коковцовым, лишь бы он «не требовал слишком большой суммы и не связывал их прямым обязательством заключить большой заем при полной неизвестности того, чем кончится революционное движение в России».¹¹⁷ В тот же день вечером в помещении Парижско-Нидерландского банка началось обсуждение условий контракта, который был подписан 29 декабря 1905 г./11 января 1906 г. на 100 млн руб. (267 млн франков).¹¹⁸

¹¹⁵ Русские финансы... стр. 239.

¹¹⁶ Кстати сказать, в воспоминаниях Коковцова речь идет только об одной встрече с Рувье, в то время как Коковцов встречался с ним в эти дни несколько раз.

¹¹⁷ В. Н. Коковцов. Из моего прошлого, стр. 124—125.

¹¹⁸ По условиям контракта во Франции размещались выпущенные на основе указа 9/22 декабря обязательства (векселя) Государственного казначейства сроком на 12 месяцев (до 13 января н. ст. 1907 г.) с учетом из 5,5%, при комиссионном вознаграждении в $1\frac{3}{4}$ %. 0,5% вексельного сбора и около $\frac{1}{8}$ % операционных издержек. Общая стоимость займа была определена Кредитной канцелярией примерно в 7,82% годовых. Вырученная

Между тем в Петербурге с тревогой следили за переговорами Коковцова и делали все возможное, для того чтобы способствовать их успеху. На следующий же день после встречи с Рувье Коковцову было передано по телеграфу подтверждение о готовности русского правительства оказать Франции в мароккском вопросе «моральную поддержку в смысле влияния на германское правительство».¹¹⁹ А еще два дня спустя Ламздорф и Витте подготовили проект телеграммы царя германскому императору, которая должна была побудить Вильгельма к уступкам.¹²⁰ Однако ни у Витте, ни у кого-либо другого из членов его кабинета не было твердой уверенности в успехе миссии Коковцова, а время шло и золотой запас таил на глазах. К 23 декабря 1905 г./5 января 1906 г. количество выпущенных в обращение ценных бумаг превысило норму, установленную законом 1897 г. почти на 50 млн руб., и правительство задержало очередную публикацию баланса Государственного банка, скрыв от публики фактически уже наступившее банкротство.¹²¹ «По-видимому, операция не удастся, — писал Витте 25 декабря 1905 г./7 января 1906 г. Николаю II по поводу парижских переговоров. — Придется прекратить размен на золото и из-за сего произойдет много бедствий. Хотя бы удалось отсрочить этот момент до более спокойного положения. Нам в будущем году, помимо бюджета, потребуется около миллиарда, — а где их взять?».¹²² Участники собравшегося 27 декабря 1905 г./9 января 1906 г. объединенного заседания Комитета финансов и Департамента экономики Государственного совета все без исключения признали необходимость прекращения размена. «Различие во мнениях заключалось лишь в том, что одни полагали, что на это нужно решиться немедленно, другие думали, что, может быть, следует еще подождать». Окончательное решение вопроса было отложено до следующего заседания. «Как это мне ни больно видеть, — писал в тот же день вечером Николаю II Витте, — что плоды моего двенадцатилетнего управления финансами разбились прахом, тем не менее я со страхом вижу, что придется прекратить обмен и подвергнуть Россию всем последствиям этого ужасного явления, разве только случится что-либо необык-

но векселям сумма должна была поступить в распоряжение Министерства финансов по четвертям 5 апреля, 5 мая, 5 июня и 5 июля н. ст. 1906 г. (Малошевский — Тимашеву, 21 февраля/6 марта 1906 г. ЦГИА, ф. 587, оп. 56, д. 1653, лл. 3—4).

¹¹⁹ Витте — Коковцову, 22 декабря 1905 г./4 января 1906 г. Русские финансы... стр. 239.

¹²⁰ Всеподданнейшая докладная записка Витте 25 декабря 1905 г./7 января 1906 г. ЦГАОР, ф. 543, оп. 1, д. 317, лл. 2—3.

¹²¹ Б. А. Романов. Россия в Маньчжурии (1892—1906). Л., 1928, стр. 529.

¹²² Всеподданнейшая докладная записка Витте 25 декабря 1905 г./7 января 1906 г. ЦГАОР, ф. 543, оп. 1, д. 317, лл. 2—3.

повенное к нашему счастью». ¹²³ Положение в Петербурге было настолько напряженным, что и после заключения займа «там не могли ждать, пока документы по совершенной в Париже операции придут в Петербург почтой» и спешили показать на балансе «Государственного банка 50 млн руб. за границей». ¹²⁴ Однако это удалось сделать только 2/15 января 1906 г., когда было покончено с последними формальностями, связанными с заключением займа. В эти нелегкие для самодержавия дни на рубеже старого 1905 и нового 1906 г. правительство Витте было близко к тому, чтобы обнародовать именной высочайший указ 16/29 декабря и открыто заявить о расширении эмиссионной операции Государственного банка. ¹²⁵ По-видимому, как раз в это время и была составлена сохранившаяся в делах Государственного банка, не подписанная и не датированная, принадлежавшая, надо полагать, все тому же Тимашеву записка следующего содержания: «Немедленное опубликование балансов Государственного банка на 23 декабря 1905 г. и на 1 января 1906 г. представляется, безусловно, необходимым. 1. Отсутствие баланса на 23 декабря вызовет толки о превышении эмиссионного права. 2. Получение золота за границей не изменит положения, так как провод его декабрем безусловно невозможен. 3. Если бы этот провод был сделан, то доверие к балансу Государственного банка и его администрации было бы совершенно подорвано. 4. Расширение эмиссионного права все равно неизбежно, иначе в ближайшем будущем будут те же затруднения. 5. Распубликование указа 16 декабря не только не вызовет тревоги, но, напротив, утвердит намерение правительства сохранить размен, так как всем ясно, что без такого расширения эмиссионного права мы не можем выдержать. Финансовый комитет, очевидно, не найдет другого выхода из настоящего положения». ¹²⁶

Однако ни баланс на 23 декабря 1905 г./5 января 1906 г., ни указ 16/29 декабря 1905 г. так и не увидели свет. В самые последние дни 1905 г. правительство Витте предприняло новые меры к сохранению золотого запаса. 29 декабря 1905 г./11 января 1906 г. на объединенном заседании Комитета финансов и Департамента государственной экономики Государственного совета было принято решение о сокращении обыкновенных и чрезвычайных расходов военного и морского министерств «впредь до улучшения финансового положения империи», ¹²⁷ а 31 декабря 1905 г./13 января

¹²³ Всеподданнейшая докладная записка Витте 27 декабря 1905 г./9 января 1906 г. ЦГАОР, ф. 543, оп. 1, д. 317, лл. 6—7.

¹²⁴ В. А. Романов. Очерки... стр. 616.

¹²⁵ См.: Витте — Коковцову, 2/15 января 1906 г. Русские финансы... стр. 251.

¹²⁶ ЦГИА, ф. 587, оп. 56, д. 1667, л. 18.

¹²⁷ Журнал Комитета финансов и Департамента государственной экономики Государственного совета, 29 декабря 1905 г./11 января 1906 г., Исторический архив, 1955, № 2, стр. 141—142.

1906 г. Государственный банк разослал еще одну циркулярную депешу, обязывавшую «банковые и казначейские кассы удовлетворять требования на золото самыми незначительными суммами». ¹²⁸

Таким образом, налицо были и эмиссия сверх установленной законом 1897 г. нормы и практическое прекращение размена. Всю первую половину января в Комитете финансов продолжались споры о том, объявлять или не объявлять официально о расширении эмиссионного права Государственного банка. В. Н. Коковцов, вернувшийся в Петербург в первых числах января (ст. ст.) из Берлина (где он после парижских переговоров заключил соглашение с Мендельсоном об отсрочке платежей по краткосрочным обязательствам, размещенным у германских банкиров), ¹²⁹ столкнулся в Финансовом комитете с обстановкой, весьма похожей на ту, которая была перед его отъездом. Несмотря на то, что проведенную операцию, Шипов после возвращения Коковцова вновь внес на обсуждение Комитета финансов «проект указа о приостановлении размена, настойчиво мотивируя его необходимость недостаточностью займа и плохими сведениями из отделений Государственного банка и казначейств». ¹³⁰ Однако в результате обсуждения предложений Шипова члены Комитета финансов приняли решение «собираться ежедневно, следить за ходом дела, по размену пока не приостанавливать». ¹³¹ Отсрочка решения вопроса о размене дала повод Тимашеву настаивать на безотлагательном расширении эмиссионного права Государственного банка. Тимашев констатировал продолжение отлива золота по самым различным каналам и считал необходимым объявить о расширении эмиссионного права именно теперь, после получения парижского аванса, «когда дышится легче», а не «в последнюю отчаянную минуту», которая вновь может наступить. ¹³² 8/21 января эмиссион-

¹²⁸ ЦГИА, ф. 587, оп. 56, д. 104, л. 53—53 об.

¹²⁹ Коковцов дал согласие на увеличение комиссионного вознаграждения германским банкирам с 0.5 до $\frac{5}{8}$ %, если они разместят до 18/31 января 1906 г. краткосрочные обязательства (сверх реализованных в декабре на 52 750 тыс. марок) еще на сумму в 32 400 тыс. марок. Комиссионное вознаграждение банкирам должно было возрасти до $\frac{3}{4}$ % в случае, если банкиры до 30 января/12 февраля 1906 г. заявят о своей готовности взять обязательства еще на сумму в 32 400 тыс. марок. Кроме того, было условлено, что приобретатели обязательств сохранят право на дополнительное вознаграждение в $\frac{1}{4}$ % вплоть до 17/30 апреля 1906 г. (ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 455, лл. 1—3).

¹³⁰ В. Н. Коковцов. Из моего прошлого, стр. 133.

¹³¹ Там же.

¹³² Записка С. И. Тимашева «О расширении эмиссионного права Государственного банка», не позднее 9/22 января 1906 г. ЦГИА, ф. 587, оп. 56, д. 1667, лл. 14—16.

ная политика Государственного банка обсуждалась в соединенном заседании Комитета финансов и Департамента государственной комиссии Государственного совета. В нашем распоряжении имеется два варианта журнала этого заседания. Первый в качестве «проекта» 9/22 января был прислан при сопроводительном письме для ознакомления Тимашеву и отложился в фонде Государственного банка, не получив, надо полагать, дальнейшего движения.¹³³ Второй, хранящийся в фонде Комитета финансов, очевидно, следует считать окончательным, ибо в таком виде он и был представлен царю на утверждение.¹³⁴ Впрочем, оба варианта журнала, хотя и не совпадают текстуально, по содержанию своему существенно не отличались друг от друга. Первый вариант дает более полное представление об обстановке заседания 8/21 января 1906 г., на котором были высказаны соображения как за расширение эмиссионного права Государственного банка, так и против. С одной стороны, продолжавшийся отлив звонкого металла (около 2 млн руб. в день) и сокращение золотой наличности угрожали поставить банк перед необходимостью прекращения размена, по сравнению с которым расширение эмиссионного права, с точки зрения участников заседания, было «меньшим бедствием».¹³⁵ С другой стороны, поскольку только что проведенная в Париже операция была обусловлена необходимостью сохранить существовавшее денежное обращение, на заседании было высказано опасение, что не только прекращение размена, но и расширение эмиссионного права Государственного банка может «неблагоприятно повлиять на заграничные финансовые сферы и затруднить переговоры о новых кредитных операциях».¹³⁶ В связи с этим соединенное заседание Комитета финансов и Департамента государственной экономики приняло решение «закончить все подготовительные меры» к расширению эмиссионного права, «не предпринимая», однако, вопроса о времени приведения этих мер в исполнение.¹³⁷ На заседании был выработан проект нового эмиссионного закона, который предусматривал обеспечение золотом не менее половины находившихся в обращении кредитных билетов, при условии, что общая сумма их не будет превышать 1400 млн руб.¹³⁸

¹³³ На сопроводительном письме Тимашеву карандашная помета: «Не состоялось» (ЦГИА, ф. 587, оп. 56, д. 1667, лл. 20—30).

¹³⁴ Этот вариант журнала соединенного заседания 8/21 января опубликован А. Л. Сидоровым (Исторический архив, 1955, № 2, стр. 142—145).

¹³⁵ Журнал соединенного заседания Комитета финансов и Департамента государственной экономики Государственного совета, 8/21 января 1906 г. ЦГИА, ф. 587, оп. 56, д. 1667, лл. 20—30.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Первоначально предполагалось установить предельную сумму выпуска кредитных билетов в размере 1500 млн руб. (ср.: Исторический архив, 1955, № 2, стр. 144; ЦГИА, ф. 587, оп. 56, д. 1667, лл. 20—30).

Его осуществление позволило бы правительству сделать дополнительные выпуски кредитных билетов на значительные суммы, а также допустить сокращение золотого запаса примерно до 750 млн руб.

Как уже говорилось выше, первый, более пространный вариант журнала заседания 8/21 января, видимо, не был представлен царю, как не был представлен и составленный на его основе проект правительственного сообщения о расширении эмиссионного права Государственного банка.¹³⁹ 13/26 января царем был утвержден второй, более лаконичный вариант журнала заседания 8/21 января 1906 г.¹⁴⁰ Отныне министру финансов «по соглашению с председателем Совета министров, в случае признания ими необходимости расширения права Государственного банка по выпуску кредитных билетов» достаточно было представить на подпись царя подготовленный для этого случая проект именного высочайшего указа, чтобы новый эмиссионный закон вступил в силу.¹⁴¹

Подготовив, таким образом, на крайний случай реформу денежного обращения, правительство Витте вместе с тем стремилось во что бы то ни стало отсрочить банкротство и выиграть время до получения крупного заграничного займа. В тот же день, 13/26 января, царь утвердил сводный журнал соединенных заседаний Комитета финансов и Департамента государственной экономики Государственного совета 28 и 29 декабря 1905 г. и 5 и 8 января 1906 г. (ст. ст.), предусматривавший принятие «неотложных мер» для задержки отлива золота из касс Государственного банка. Было намечено: «1) повышение нормы учетного процента, взимаемого по активным операциям банка; 2) стеснение выдачи ссуд под процентные бумаги; 3) стеснение продажи иностранной валюты и воздействие на частные банки в смысле пересрочки их заграничных кредитов для сохранения золота, полученного по репорту; 4) затруднение в разумных пределах выдачи золотой монеты из касс Государственного банка».¹⁴² Во исполнение этого последнего пункта, 28 января/10 февраля 1906 г. управляющим конторами и отделениями Государственного банка был разослан новый циркуляр, подтверждавший циркулярное распоряжение 31 декабря 1905 г./13 января 1906 г. о том, чтобы требования на золото удовлетворять «самыми незначительными суммами». Более того, конторам и отделениям банка было предложено «стягивать» золото из мелких казначейств, находящихся во второ-

¹³⁹ Сохранился черновой карандашный набросок проекта правительственного сообщения о расширении эмиссионного права Государственного банка (ЦГИА, ф. 587, оп. 56, д. 1667, лл. 31—33).

¹⁴⁰ См.: ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 454, л. 44.

¹⁴¹ Исторический архив, 1955, № 2, стр. 145; Проект именного высочайшего указа о расширении эмиссионного права Государственного банка. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 454, л. 49.

¹⁴² Исторический архив, 1955, № 2, стр. 148.

степенных пунктах, сократив их наличие до «возможного минимума».¹⁴³

Предприняв, таким образом, целую серию мер для сохранения золотого запаса и держа наготове на случай катастрофы проект нового эмиссионного закона, правительство Витте почти сразу же после возвращения Коковцова из поездки во Францию вплотную занялось подготовкой крупного заграничного займа, всеми силами стремясь придать ему международный характер. Однако главная роль в подготовке этого займа оставалась, разумеется, за Парижской биржей и французским правительством. А оно ждало от России выполнения данного ею обязательства — поддержать Францию в мароккском вопросе, от решения которого зависела теперь целиком судьба русского займа, а значит и финансовое положение самодержавия. И Витте с самого начала взял в свои руки не только непосредственную подготовку займа в Париже, но и политическое обеспечение его в Марокко. «Мне теперь крайне и безусловно необходимо иметь постоянные сведения о ходе и шансах к благоприятному окончанию Мароккской конференции, — писал он 5/18 февраля министру иностранных дел Ламздорфу. — Это ныне центральный вопрос нашего политического положения».¹⁴⁴ Только что избавившись от страха перед неминуемым, казалось, банкротством в декабре 1905 г., русский премьер с января 1906 г. пребывал теперь в постоянном беспокойстве за то, чтобы поскорее и «успокоительно» кончилась Мароккская конференция, прекрасно сознавая, что если она затянется надолго, русские «финансы не выдержат».¹⁴⁵ При этом спешить с займом царское правительство побуждало не только финансовое положение, но и перспектива созыва в апреле 1906 г. Государственной думы, самый факт существования которой мог осложнить проведение заграничной финансовой операции.

Поскольку критическое финансовое положение царизма не было секретом, а обещание французского правительства помочь в организации русского займа только после завершения Алжезирской конференции очень скоро перестало быть секретом, Витте не делал никаких попыток как-то маскировать перед немцами позицию России в мароккском конфликте. Он даже нарочито демонстрировал перед правительством Вильгельма II очевидную связь мароккского конфликта с внутриполитическим положением самодержавия. Пытаясь повлиять на германскую дипломатию и склонить ее к уступкам в Алжезирасе, Витте прежде всего под-

¹⁴³ Циркуляр управляющим конторами и отделениями Государственного банка «О порядке производства кассовых выдач», 28 января/10 февраля 1906 г. ЦГИА, ф. 587, оп. 56, д. 104, л. 50—50 об.

¹⁴⁴ Витте — Ламздорфу, 5/18 февраля 1906 г. ЦГАОР, ф. 568, оп. 1, д. 281, л. 445.

¹⁴⁵ Витте — Ламздорфу, 13/26 января 1906 г. ЦГАОР, ф. 568, оп. 1, д. 281, л. 441.

черкивал, что революционное движение в России представляет опасность и для Германии и затрагивает ее интересы как монархической державы.¹⁴⁶

Стремясь во что бы то ни стало «добыть деньги до созыва Государственной думы», Витте обратился с личным письмом к Вильгельму, в котором просил германского императора способствовать благополучному окончанию Алжезирской конференции и тем помочь в заключении займа до созыва Думы, чтобы русскому правительству не пришлось решать этот вопрос, имея дело «с мало дисциплинированной и политически невоспитанной толпой».¹⁴⁷

«Уверен, — писал Витте, — что революционеры избрали Россию для испробования своих сил, и если они не потерпят поражения, то революция перейдет за наши границы: тому пример французская революция. Поэтому желательно, чтобы воцарилась у нас тишина».¹⁴⁸

Если бы удалось в полной мере, как это пытался Витте, использовать ненависть Вильгельма к русскому революционному движению и тем самым повлиять на позицию германской делегации в Алжезирасе, то русская сторона могла бы ограничиться ролью посредника во франко-германском конфликте и, не обостряя отношений с Германией, выполнить свои обязательства перед Францией. Однако в полной мере это не удалось: обращения Витте к Вильгельму не дали значительных результатов, и русской дипломатии пришлось выступать в мароккском конфликте открыто и определенно на стороне Франции, сделав всю ставку на помощь французской буржуазии.

Если политическое обеспечение займа Витте осуществлял фактически в открытую, то его непосредственная подготовка до поры до времени была законспирирована. Ее Витте начал совершенно секретно и непосредственно через Рувье. В январе 1906 г. русский финансовый агент в Париже Рафалович нанес специальный визит Рувье, результаты которого Рафалович лаконично передал в одной только фразе, сказанной Рувье. — «Поддержка в Алжезирасе и — русский заем». После этого Рафалович был вызван в Петербург и вернулся в Париж уже со специальным посланием Витте, которое немедленно вручил Рувье. В послании Витте настаивал на срочности операции и принял на себя известные обязательства.¹⁴⁹ По согласованию с Витте и Рувье 2/15 февраля прямо в Царское Село, без остановки в Петербурге, секретно, под фамилией своего лакея Бернара, приехал Нецлин. Нецлин остановился в запасном

¹⁴⁶ С. Ю. Витте. Справка о том, как был заключен внешний заем 1906 г., спасший положение России, стр. 13—14.

¹⁴⁷ Там же, стр. 13.

¹⁴⁸ Там же, стр. 14.

¹⁴⁹ Рафалович — Витте, 11/24 марта 1906 г. ЦГИА, ф. 1622, оп. 1, д. 879, л. 2—2 об.

доме дворце великого князя Владимира Александровича, где в течение двух дней вел переговоры с Витте, Шиповым и Ламздорфом, во время которых были выработаны предварительные условия предстоящего займа,¹⁵⁰ 6/19 февраля Нецлин уже вернулся в Париж. «Но переговоры с банкирами он мог начать не иначе как с разрешения на то... министра финансов», поскольку «операция подобного масштаба» была признана принадлежащей «исключительно компетенции правительства».¹⁵¹ А это означало — Алжезирас! Попытки Витте добиться открытия переговоров о займе до окончания работы конференции оказались безуспешными. Более того, вопрос о займе осложнился еще в связи с отставкой 20 февраля/8 марта 1906 г. правительства Рувье. Смена кабинета не изменила отношения во Франции к русскому займу, однако многое пришлось начинать сначала. Встречи русского посла с новым премьером Саррреном и министром финансов Пуанкаре состоялись лишь в начале марта. Пуанкаре еще входил в курс дела и он сразу же обещал свою помощь, но только после завершения Алжезирасской конференции. Между тем время шло, и перед самодержавием опять реально возникла перспектива очень близкого финансового краха. Трудности и неудачи в переговорах о займе держали Витте все это время, в январе—марте 1906 г., почти в том же паническом состоянии, в котором он пребывал в декабре 1905 г., о чем свидетельствуют крохотные, но звучащие весьма выразительно, адресованные Ламздорфу и бережно им сохраненные карандашные записки Витте, написанные во время заседаний Совета министров 27 января/9 февраля и 10/23 марта 1906 г.: «Алжезирас, ради бога!», «Ради бога, Алжезирас!».¹⁵²

«В оптимистические телеграммы Нелидова, — писал Витте Ламздорфу 15/28 марта 1906 г., — относительно готовности французского правительства разрешить нам сделать во Франции заем, я, признаюсь, понемногу теряю веру. Боюсь, что Нелидов излишне доверяет французам. Пожалуй, кончится тем, что во Франции мы ничего не добьемся, а с Германней он нас, пожалуй, и посорит... Мы находимся на волоске от денежного (а следовательно, и общего) кризиса. Перебиваемся с недели на неделю, но всему есть предел. Об этом я кричу уже три месяца».¹⁵³

Когда 18/31 марта в Алжезирасе, наконец, было достигнуто соглашение, и Пуанкаре разрешил Нелидову начать переговоры с банкирами, самодержавие находилось уже на краю банкротства. «Как бы в ближайшие недели чего не случилось, чтобы опять сор-

вало дело! Тогда пропадем», — реагировал Витте на известие о приближающемся окончании конференции.¹⁵⁴ Однако возникшие на пути царизма трудности, связанные с переговорами о займе, теперь уже носили второстепенный характер.

В последних числах марта Коковцов выехал в Париж для окончательного завершения операции, которую он, испытав горечь новых унижений при переговорах с членами французского кабинета, особенно Клемансо, довел до подписания контракта. Практически для выпуска займа было все готово еще 3/16 апреля 1906 г., однако указ о его выпуске был опубликован только 9/22 апреля, на следующий день после подписания в Париже протокола совещания начальников русского и французского штабов, состоявшегося по предложению французского правительства как раз в самый момент завершения переговоров о займе.¹⁵⁵

Российский государственный 5%-й заем 1906 г. был заключен на сумму в 2,25 млрд франков, из которых 1,2 млрд взяла на себя Франция, 330 млн — Англия, 165 млн — Австрия, 55 млн — Голландия и 500 млн — русские банки. Придать займу международный характер так и не удалось — отказались от участия в нем немецкие, итальянские, американские и швейцарские банки. Вместо международного получился явно антантовский заем, замаскированный участием в нем австрийских банков.¹⁵⁶

Несмотря на огромный размер только что совершенного займа, и после него финансовое положение царизма продолжало оставаться нелегким. К концу 1906 г. котировка русских ценных бумаг на бирже все еще была значительно ниже того уровня, на котором она находилась к началу войны. «Расценки государственных бумаг России», судя по заявлению Шипова, сделанному им на заседании Комитета финансов 18 ноября/1 декабря 1906 г., упали «ниже займов Китая, Турции, Балканских государств, южноамериканских республик».¹⁵⁷ Примечательно, что наряду

¹⁵⁴ Витте — Ламздорфу, 18/31 марта 1906 г. ЦГАОР, ф. 568, оп. 1, д. 381, лл. 480—481.

¹⁵⁵ Б. А. Романов. Очерки..., стр. 634.

¹⁵⁶ Там же, стр. 633—634.

¹⁵⁷ Журнал Комитета финансов, 18 ноября/1 декабря 1906 г. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 464, л. 7 об. — Характеризуя финансовое положение страны, Шипов отметил, что если в марте 1904 г. Государственная 4%-я рента расценивалась по 93,5%, а закладные листы Государственного дворянского земельного банка по $91\frac{7}{8}\%$, то в ноябре 1906 г. эти же бумаги

соответственно стоили $74\frac{1}{4}\%$ и 68%. Учетный процент Государственного банка для трехмесячных векселей поднялся за это время с 5,5 до 7,5%. Наконец, свободная наличность Государственного казначейства на 1 января 1904 г. достигала 381,3 млн руб., а на 1 января 1906 г., по отчету Государственного контроля за 1905 г., был исчислен недостаток средств Государственного казначейства в размере 158 млн руб. (Журнал Комитета финансов, 18 ноября/1 декабря 1906 г. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 464, л. 5 об.).

¹⁵⁰ См.: В. Н. Коковцов. Из моего прошлого, стр. 145—146.

¹⁵¹ Б. А. Романов. Очерки..., стр. 625—626.

¹⁵² Витте — Ламздорфу, 27 января/9 февраля и 10/23 марта 1906 г. ЦГАОР, ф. 568, оп. 1, д. 381, лл. 444, 468.

¹⁵³ Витте — Ламздорфу, 15/28 марта 1906 г. ЦГАОР, ф. 568, оп. 1, д. 381, лл. 473—474.

с другими фондами в начале ноября 1906 г. на Петербургской бирже наблюдалось понижение цен и на 5%-й заем 1906 г., вызванное «не столько крупными предложениями этого займа, сколько полным отсутствием на него покупателей». Опасаясь, чтобы «резкое падение» курса нового займа не оказало влияния на «общее настроение» фондового рынка, министр финансов образовал специальный «синдикат из двух крупных частных банков с Государственным банком во главе» для обеспечения устойчивого курса этого займа. Поскольку оба частных банка, вошедшие в синдикат, не имели свободных средств, необходимые суммы для покупки облигаций займа авансировал Государственный банк при условии, что окончательные расчеты по операции будут произведены после ликвидации синдиката. Суммы, в пределах которой синдикат мог совершать покупки облигаций, была определена в 4,5 млн руб.,¹⁵⁸ однако в декабре 1907 г. она была увеличена вдвое, а операции синдиката распространены и на 5%-е внутренние займы 1905 г.¹⁵⁹ И все-таки всеми правдами и неправдами самодержавие постепенно выбиралось из пропасти финансового кризиса.

Итак, в апреле 1906 г. французская биржа вторично спасла царизм от неминуемого финансового банкротства. Теперь, разумеется, можно только строить предположения о том, что произошло бы в случае провала переговоров о займах во Франции в декабре 1905 г. или в апреле 1906 г. и как отразилось бы финансовое банкротство правительства Витте на ходе первой русской революции. Несомненно только одно, что даже самый факт официального правительственного заявления о прекращении размена способствовал бы дальнейшему обострению внутриполитического кризиса в стране.

¹⁵⁸ Всеподданнейшая докладная записка Коковцова, не позднее 3/16 ноября 1906 г. ЦГИА, ф. 587, оп. 56, д. 350, л. 40 и об.

¹⁵⁹ Всеподданнейшая докладная записка Коковцова, не позднее 28 декабря/10 января 1908 г. ЦГИА, ф. 587, оп. 56, д. 350, л. 9—9 об.

Р. Ш. ГАНЕЛИН

ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА И АМЕРИКАНСКИЙ КАПИТАЛ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

(конец 1915—начало 1916 г.)

Финансово-экономические отношения царской России с нейтральной Америкой во время первой мировой войны¹ развивались в тесной связи с внутриполитическим положением в России в военные годы, с отношениями между царизмом и буржуазией, внутренней борьбой в правительственных и буржуазных верхах по вопросу о войне, мире и внешнеполитической ориентации.

Вопрос о привлечении американского капитала в Россию, представлявший собой стержень всей системы русско-американских финансово-экономических отношений, оказывался в России частью более общего вопроса о роли иностранного капитала в послевоенной правительственной экономической политике, как представляли ее себе в царских ведомствах и в буржуазной среде.

Послевоенную экономическую политику царизма пытались себе представить и американские дельцы, надеясь использовать в интересах американского капитала покровительство царизма монополиям, которое они наблюдали во время войны и на продолжение которого рассчитывали после ее окончания.

Впрочем, в рассматриваемых здесь эпизодах с большой яркостью предстает перед нами и другая сторона отношений царизма и монополий, характерная для развития государственно-монополистического капитализма в России. Даже в затруднительных, почти кризисных обстоятельствах военного времени российское финансовое ведомство продолжало рассматривать крупнейшие банковские монополии России чуть ли не как подчиненные ему органы и соответственно этому пыталось строить свою политику. Естественно, что это отражалось и на отношении царизма к связанным с Россией иностранным монополиям, весьма осложняя процесс усиления зависимости царизма от иностранного капитала во время первой мировой войны.

¹ Периоду войны уделено значительное место в недавно вышедшей работе В. В. Лобедова «Русско-американские экономические отношения» (М., 1964).

В ноябре 1915 г. в США под эгидой Нэйшил сити банк, одного из крупнейших по тем временам американских банков, была образована Американская международная корпорация — учреждение, во многих отношениях любопытное и примечательное. Корпорация являла собой пример монополистического объединения, созданного крупнейшими промышленными и банковскими монополиями США со специальной целью — иметь в ее лице орудие экспансии за рубежом. В этом смысле Американская международная корпорация была, по замыслу ее учредителей, до некоторой степени аналогична созданной в США в 1890-х годах Чайна девелопмент компани (China development company). В российской практике этому соответствовало созданное в Москве в 1909 г. «Русское экспортное товарищество», в котором принимало участие свыше 40 крупнейших мануфактурных предприятий.²

Американская международная корпорация отличалась от них разве только степенью зависимости от патронирующего общества: ее зависимость от Нэйшил сити банк и его руководителя Ф. Вандерлина была почти полной. Среди ее учредителей наиболее значительную роль играла группа компаний, в правлениях которых Вандерлин в том или ином качестве фигурировал собственной персоной.

Почти одновременно с организацией этой корпорации, недели за две до ее официального утверждения, Вандерлин обеспечил себе контроль над существовавшей в США Международной банковской корпорацией (International banking corporation), которая занималась финансовыми операциями в странах тихоокеанского бассейна.³ Но Россия, по планам Вандерлина, в сферу влияния Международной банковской корпорации не входила. Иначе обстояло дело с Американской международной корпорацией.

То обстоятельство, что именно Россия рассматривалась организаторами этого монополистического объединения как главный объект его деятельности, сразу же нашло свое отражение в печати. В таком духе писали об Американской международной корпорации различные американские газеты, «Вестник Русско-американской торговой палаты» и даже такой посторонний, казалось бы, этому делу, но очень осведомленный в вопросах нейтральной торговли военной поры орган, как шведский журнал «Svensk Export», который расценивал образование корпорации, созданной «для развития внешней торговли Америки, особенно

² Всеподданнейший доклад министра торговли и промышленности «О мерах развития торговых сношений с Ближним Востоком». Одобрен 8 марта 1910 г. ЦГИА, ф. 40, оп. 1, д. 65, л. 35.
³ ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 67.

с Россией», как появление «нового и могущественного фактора в мировой торговле».⁴

В русских правительственных кругах образование корпорации было поставлено в связь с общими экономическими планами, которые были у царизма в этот период, а в них расчет на привлечение американского капитала занимал определенное место.

Агент Министерства торговли и промышленности в США Медзыховский 12/25 ноября 1915 г. составил об учреждении корпорации специальное допосещение министру торговли и промышленности В. Н. Шаховскому.⁵ В нем он ставил вопрос о характере новой корпорации в самом широком плане, излагая свои соображения даже о внутриамериканских экономических причинах ее создания. Описывая положение американской промышленности, Медзыховский делил все промышленные предприятия США на три категории. К первой он относил предприятия западных штатов, которые оправдись после кризиса начала века только за счет общего экономического подъема страны. Ко второй — предприятия восточных штатов, которые, обогатившись на военных заказах, стали тратить прибыли на расширение собственного производства и скупку более слабых предприятий. «Особый интерес для России» представляла, как считал Медзыховский, третья категория предприятий — «предприятия консервативного направления», которые произвели накопление средств, не расширяя в значительных размерах своего производства.

«Жесточайший кризис», которого Медзыховский, «вопреки настойчивым утверждениям американских экономистов», ждал «с заключением европейского мира для американской промышленности», должен был, по его расчету, для предприятий третьей категории оказаться наименее губительным. «Обладая запасом накопленного золота», они, с его точки зрения, в случае кризиса перепроизводства в США всегда могли бы «без напряжения довести до минимума свое производство в Америке» и «перенести свою деятельность за границу». Там, за границей, Медзыховский видел два основных объекта приложения «американских промышленных капиталов» — Южную Америку и Россию, из коих «первенство» считал он, имеет для американцев Россия. Мотивировал он это тем, что «капиталы, помещенные в России, будут иметь для вкладчиков исключительно коммерческое значение, в то время как с помещением капиталов в Южной Америке связаны чрезвычайно сложные политические вопросы».

Здесь Медзыховский вступал уже в сферу российских внутриполитических дел, касаясь вопроса об отношении в России к иностранному капиталу и к различным его национальным разновид-

⁴ Перевод из журнала «Svensk Export», № 544, январь 1916 г. ЦГИА, ф. 560, оп. 28, д. 1189, лл. 168—169.
⁵ ЦГИА, ф. 23, оп. 11, д. 227, лл. 24—25.

ностями. Отражившийся в словах Медзыховского взгляд на проблему привлечения американского капитала в Россию был характерен для тех, кто стоял за предпочтение именно американцев. Этот взгляд определялся не только традиционной точкой зрения русских правительственных сфер, согласно которой американский капитал в России — в отличие от германского, англо-французского и даже самого американского в других странах — не имел перед собой политических целей, но и уверенностью в том, что для инвесторов прочность социального строя и политического режима в стране, ставшей объектом приложения капитала, значительно важнее возможностей установления в ней политического влияния собственной страны. А в прочности царизма Медзыховский не мог усомниться, даже если бы он этого и хотел!

«Вот в этот момент самых разпоречивых предположений о будущности американской промышленности по восстановлении европейского мира возникает Американская международная корпорация. Явление в высшей степени симптоматическое как в отношении приближающегося мирного времени и предчувствуемого промышленного кризиса, так же точно в отношении изыскания средств и путей к размещению огромного золотого запаса, накопленного (если не награбленного) за время войны», — не без язвительности по американскому адресу писал Медзыховский. «Характерным является тот факт, что в комментариях к уставу корпорации красной нитью проходит огромный интерес к России», — продолжал он с удовлетворением.

Но тут-то и возникало противоречие между намерениями создателей корпорации и тем, чего хотели бы от нее в правящих кругах России. Хотя устав корпорации на первый план выдвигал именно «размещение капитала за границей», которое соответствовало планам русской стороны, Медзыховский считал это «лишь флагом», а подлинную «основную цель этой организации, в которую вошли главнейшие американские банки», он видел «в спасении от краха промышленных предприятий второй категории, с коими названные банки органически связаны». Речи о вывозе капиталов тут уже быть не могло. В отличие от любезных Медзыховскому предприятий третьей категории, эти предприятия располагали не резервами капитала, а недавно расширенными производственными мощностями и нуждались в товарном экспорте. «Иными словами, — писал Медзыховский, — *основная деятельность корпорации будет направлена* главным образом к завоеванию русского рынка⁶ путем одного лишь ввоза изделий тех промышленных предприятий, перепроизводство коих после заключения мира потребует иностранных рынков сбыта». Между

⁶ Курсивом выделены слова, подчеркнутые карандашом в известной нам копии донесения.

тем в расчетах русской стороны приток американского капитала как раз и должен был использоваться для промышленного строительства и сокращения благодаря этому в будущем ввоза промышленных изделий. Такова была если не официальная, то преобладающая в официальных кругах точка зрения на этот вопрос, которой соответствовала программа действий, предложенная Медзыховским в связи с созданием Американской международной корпорации.

Он предлагал «противопоставить» американскому товарному экспорту «охранительные и даже *запретительные таможенные тарифы*».⁷ «При этом последнем условии, — писал он, — американские капиталы не найдут применения для поддержки искусственно созданных предприятий и направятся в Россию, причем подобная политика привлечет не только капитал, принадлежащий консервативным предприятиям третьей категории, но и частный капитал, который не найдет выгодного применения в собственной стране».

Каких-либо других документов, которые повлекло бы за собой донесение Медзыховского, мы не нашли ни в специальном деле под названием «Об учреждении Американской международной корпорации в Нью-Йорке», в котором оно само (в копии) содержится, ни в других делах.⁸ Тем не менее нам представляется возможным утверждать, что программа Медзыховского весьма точно отражала точку зрения заинтересованных петербургских ведомств. В своем месте мы покажем, что в письмах из Петербурга в Америку представитель Нэйшил сити банк Мезерв развивал соображения, сводившиеся к тому, что в России очень заинтересованы в притоке американского капитала, возможности же ввоза в Россию промышленных изделий будут после войны закрыты. Следовательно, рассуждал он, если США не желают вообще потерять «русский бизнес», нужно приступить к капиталовложениям в русскую экономику. Поскольку письма Мезерва в этом смысле совершенно соответствовали программе Медзыховского, а писались они на основании бесед с чинами кредитной канцелярии и другими представителями петербургских официальных кругов, остается допустить, что предложенная Медзыховским программа либо превратилась в официальную точку зрения, пройдя через министерский и межминистерский конвейер, либо заранее отвечала этой точке зрения. Нельзя при этом не отметить, что русские собеседники Мезерва весьма успешно использо-

⁷ Курсив — подчеркнутое карандашом. На полях против подчеркнутого знака вопроса и восклицания.

⁸ Известно лишь, что Сазонов проявил к донесению Медзыховского, присланному из Министерства торговли и промышленности в Министерство иностранных дел, специальный интерес, пометив на сопроводительном письме: «Пр[ошу] вернуть мне» (АВПР, ф. II Д-т 1-5, 1916 г., д. 5, л. 1).

вали его как рупор для сообщения в Америку выгодных им взглядов, которые он передавал туда как свои собственные.

Как бы то ни было, сейчас же после создания Американской международной корпорации прежняя русская правительственная политика привлечения американского капитала была публично подтверждена в Америке — и в весьма сильной форме. Это было сделано в речи товарища председателя Русско-Американской торговой палаты А. В. Бера 6 декабря 1915 г. (и. ст.) при открытии в Нью-Йорке конференции по международной торговле, организованной Национальной ассоциацией промышленников. В своей речи Бер, человек одинаково близкий и к деловым, и к официальным кругам, призывал американских капиталистов в Россию, обещая им, что «при квалифицированной первоклассной рабочей силе, которая может быть папята за 25% той цены, которую платят в Америке, при неистощимых запасах всех видов сырья, угля и водяной силы» они «не могут не получить великолепного вознаграждения».⁹ Распшинаясь перед своими слушателями, Бер приводил и такой аргумент, который обычно применялся в России для «внутреннего употребления», а в Америке совершенно не имел смысла и мог даже обернуться своей противоположностью. «Когда американские доллары идут в Россию для инвестирования, они не несут на себе политического пятна. Америка — единственная в мире страна, откуда Россия может ждать капитала, не имеющего под собой какой-нибудь политической подкладки», — внушал Бер собранию финансовых хозяев Америки, потеряв чувство места.¹⁰

Но и в этой речи, вопреки ее общему тону, все же прозвучала фраза о том, что от американцев в России ждут развертывания производства таких товаров, которые сейчас «приходится ввозить из Америки и других стран».¹¹ Так одна из главных мыслей донесения Медзыховского в Петербург оказалась почти сейчас же произнесенной вслух в Нью-Йорке. Но что касается «охранительных и даже запретительных тарифов», которые предлагал Медзыховский как средство принудительного воздействия на американцев, то об этом, конечно, пока нельзя было говорить вслух (недаром против этих слов донесения появился карандашный вопросительный знак). Впрочем, ведь и сам Медзыховский имел в виду послевоенное будущее, до которого было еще далеко. А пока в тарифной сфере американцев нужно было не пугать, а, наоборот, посулить им подачку, подобно тому, как это сделал Витте в 1905 г.¹²

⁹ ЦГИА, ф. 23, оп. 11, д. 227, л. 4.

¹⁰ Там же, л. 1.

¹¹ Там же, л. 4.

¹² См.: В. А. Романов. Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1895—1907. М.—Л., 1955, стр. 502—503.

Действительно, как свидетельствует один из документов позднейшего происхождения, именно в это время, во всяком случае не позднее ноября 1915 г., американскому послу в России Мари было заявлено, что русское правительство ждет от США предложения относительно открытия переговоров о торговом соглашении, о чем Мари представил доклад своему правительству.¹³

Понятно поэтому, что петроградский представитель Нэйшил сити банк Мезерв, восприняв полученную им 13/26 ноября 1915 г. телеграмму председателя правления этого банка Вандерлипа об учреждении Американской международной корпорации как директиву о всемерной активизации своих действий по всем направлениям, считал ситуацию в Петрограде весьма для этого благоприятной. А так как незадолго до того Мезерв получил и очередную телеграмму из Нью-Йорка по вопросу об открытии в Петрограде отделения Нэйшил сити банк, он сейчас же развернул бурную деятельность. При этом имелось в виду, что через отделение банка будут производиться все финансовые операции, связанные с организацией и функционированием русских предприятий Американской международной корпорации. Тем самым Петроградское отделение сразу же получило бы значительные суммы вкладов, проценты по которым не платились бы на сторону, а оставались в пределах сферы влияния банка, поскольку корпорация им в сущности патронировалась. И в тактическом отношении такие действия как бы в четыре руки (формально ведь корпорация и банк были друг от друга независимы) давали Сити банк серьезные преимущества.

Еще до учреждения Американской международной корпорации Вандерлип предписал Мезерву поторопить Министерство финансов с разрешением на открытие русского отделения Нэйшил сити банк. Предписание это содержалось в той же телеграмме Вандерлипа, где он сообщал о сделанном им русскому финансовому представителю в США Г. А. Вилленкину предложении соро-

¹³ Письмо вновь назначенного американского посла Фрэнсиса госсекретарю Лансингу, 6 д., получено 2 мая 1916 г. (и. ст.), о первой беседе с Сазоновым, в которой Сазонов в ответ на упоминание Фрэнсиса об этом заявлении с русской стороны ответил, что оно было сделано шесть месяцев тому назад (The Lansing papers, v. 2, Washington, 1940, p. 309). Как явствует из дневниковых записей самого Мари, вопрос о торговом соглашении был поднят американской стороной. Вел это дело в Вашингтоне Лансинг, который, еще не став государственным секретарем и будучи лишь советником Госдепартамента, фактически вдохновлял всю его политику. По указанию Лансинга, 23 июня 1915 г. Мари обратился к Сазонову с вопросом об отношении России к возможности такого соглашения и в тот же день сообщил в Вашингтон, что русское правительство относится к этому «в самом дружественном духе» (G. T. M a r y e. Nearing the end in imperial Russia. Philadelphia, 1929, pp. 143; 190). О ноябрьском разговоре с Сазоновым у Мари ничего не находим.

капиталистического кредита сроком на полгода, с помощью которого Нэйшл сити банк рассчитывал привязать к себе Россию и в дело долгосрочного ее кредитования в Америке. Мезерв получил эту телеграмму 31 октября/13 ноября 1915 г.¹⁴ По-видимому, из Нью-Йорка обратились в Министерство финансов не только через Мезерва, но и через Виленкина, потому что уже на следующий день сам министр финансов Барк позвонил Мезерву по телефону и сообщил, что он может начать в кредитной канцелярии переговоры об уставе Петроградского отделения своего банка.

Вандерлип предписал Мезерву не допускать никаких ограничений по части вкладов, а также не соглашаться на создание гарантийного фонда по образцу того, который представил русскому правительству Лионский кредит, единственный иностранный банк, имевший отделение в России. Против включения в устав таких условий, которыми Нэйшл сити банк был и без того связан американским банковским законодательством, Мезерв мог, конечно, не возражать.

Беседа с вице-директором кредитной канцелярии Мебесом 2/15 ноября показалась Мезерву «в высшей степени удовлетворительной». Мебес даже заявил на прощанье, что он и представления не имел о строгости банковского законодательства США и желал бы установления такого же надзора за банками со стороны правительства в России. Мезерв кончил свое допосещение Вандерлипу оптимистической фразой о том, что в Министерстве финансов «очень хотят, чтобы Нэйшл сити банк открыл здесь отделение и что сейчас можно получить удовлетворительный устав».¹⁵ Но оптимизм как Вандерлипа, так и Мезерва был необоснован. Прежде всего он был связан с расчетами на успех кредитных операций, а они пока не удавались. А кроме того, сейчас же сказались конкурентные противоречия с русскими банками и с некоторыми иностранцами, что крайне осложнило все дело. Мебес при первой же встрече с Мезервом заявил, что русские банки потребуют от правительства ограничения размеров депозитов в Петроградском отделении Нэйшл сити банк и вообще они-де будут бояться отвлечения своих вкладов «столь могущественным банком», а потому не согласятся ли американцы на ограничение выплачиваемых клиентам процентов. Мебес требовал также гарантийного фонда, и Мезерв усматривал в этом пожелание дать американцам преимущество перед Лионским кредитом.¹⁶

¹⁴ Приводится в письме: Мезерв — Вандерлипу, 1/14 ноября 1915 г. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 66.

¹⁵ Мезерв — Вандерлипу, 3/16 ноября 1915 г. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 26, лл. 68—69.

¹⁶ Мезерв — Вандерлипу, 11/24 ноября 1915 г. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 79.

К тому же Мезерв узнал, что Гарантии траст компании и Лондон сити энд Мидленд банк собираются открыть свои отделения в Петрограде, что активизируется в России и Ферст нэйшл банк оф Бостон.¹⁷

Известия о намерениях конкурентов, и прежде всего американских, подстегнули Нэйшл сити банк. Подгоняемый из Нью-Йорка, Мезерв писал туда: «Упорно работаю над уставом, пытаюсь исключить статью, ограничивающую вклады, но боюсь, что потребуются еще много встреч для окончательного решения этого вопроса».¹⁸ Через месяц Мезерву удалось добиться лишь уменьшения размеров гарантийного фонда. Проект устава, обещанный Министерством финансов, был по-прежнему аналогичен уставу, по которому действовал Лионский кредит. Обойти французов, таким образом, не удалось, а когда Мезерв 9/22 декабря телеграфировал об этом в Нью-Йорк, то перед ним возникла тень и английской конкуренции. Телеграмма до Вандерлипа не дошла, и Мезерв не видел этому никакой причины, «если она не была задержана в Англии». А так как подобное случалось с его телеграммами и раньше, он знал, что «если беда в этом, то повторять телеграмму было бы бесполезно».¹⁹

Насколько можно судить по сохранившимся материалам фонда Петроградской конторы Нэйшл сити банк (переписка Мезерва до открытия конторы входит в его состав), вопрос об открытии отделения банка в России с этих пор на несколько месяцев повис в воздухе.

Так же внезапно, как и следы переговоров об открытии отделения, обрываются в фонде Петроградской конторы Нэйшл сити банк документальные следы проходивших параллельно переговоров о займе.

Трехмесячный пробел — с начала сентября до декабря (причем за сентябрь и декабрь имеется по одному документу) — наблюдаем мы и в фонде Русско-Азиатского банка, где в специальном деле собирались документы, отражавшие ход переговоров об американских кредитах между Гаранти траст компании, русскими банками во главе с Русско-Азиатским и Министерством финансов. Поэтому ход переговоров в конце 1915 г. может быть восстановлен лишь с помощью представления министра финансов П. Л. Барка Комитету финансов от 10 марта 1916 г. «О совершении кредитных операций в Америке», документа обзорного характера, пространного, но составленного в итоговой форме,

¹⁷ Мезерв — Вандерлипу, 10/23 ноября 1915 г. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 76.

¹⁸ Мезерв — Вандерлипу, 11/24 ноября 1915 г., № 56. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 79.

¹⁹ Мезерв — Вандерлипу, 19 декабря 1915 г./1 января 1916 г. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 104.

т. е. излагающего условия американских предложений, взгляды Министерства финансов и результаты переговоров, без дат и строгого соблюдения хронологической последовательности.²⁰

Не далее, как 7/20 ноября Мезерв телеграфировал Вандерлипу: «Наконец, уладил все окончательно. На сегодняшнем заседании ваши предложения приняты... Все препятствия будут устранены».²¹

Свою радость по этому поводу Мезерв объяснял тем, что успех достигнут вопреки «многочисленным сильным посторонним течениям», подразумевая, по-видимому, в частности, и английскую конкуренцию.

Считая вопрос о краткосрочном займе уже решенным в пользу своего банка, он сейчас же начал заботиться о большом займе с таким дополнительным обеспечением, которое дало бы возможность американскому синдикату банков успешно и быстро разместить заем среди подписчиков, вследствие чего сами банки могли бы сейчас же взяться за дальнейшие русские финансовые операции, в частности за железнодорожное строительство. «Я приступил уже к попыткам вдолбить здесь эту истину (to drive home this truth here)», — докладывал Мезерв Вандерлипу 11/24 ноября.²² В тот же день, в ответ на телеграмму продолжавшего волноваться Вандерлипа, Мезерв подтвердил свою телеграмму от 7/20 ноября о согласии Министерства финансов на условия Нэйшл сити бэнк. «Они считают, что все решено принятием ваших условий», — телеграфировал он.²³ К этому дню — 11/24 ноября эти условия в том виде, как они были сообщены Министерству финансов, предусматривали предоставление без дополнительного обеспечения уже не 25, а 40 млн долларов. Они-то и были, по словам Мезерва, приняты.²⁴

А через 20 дней все переменялось. Министерство финансов вообще отказалось от краткосрочного займа. Единственное условие, при котором Министерство финансов соглашалось взять краткосрочный кредит, состояло в том, чтобы он рассматривался лишь как подготовительная мера для крупной кредитной операции с обязательной его консолидацией. Но с американской стороны такое обязательство дать отказывались, мотивируя это

невыясненностью вопроса о том, какое обеспечение предложила бы Россия для большого займа.²⁵

Хотя руководство Сити бэнк официально выступало от имени синдиката, в который, кроме Сити бэнк, наряду с Морганом и Киддер-Пибоди входила Гаранти траст компания, в Министерстве финансов ничуть не обманывались насчет того, что «в группе банков не было единогласия», и резонно считали, что наряду с общеконкурентными соображениями единство внутри синдиката между Сити бэнк и Гаранти подрывалось еще и тем обстоятельством, что Сити бэнк был заинтересован главным образом в большом займе, а Гаранти траст, наоборот, — в краткосрочной операции такого типа, как осуществленная с Гаранти в эти дни — в ноябре 1915 г. — на сумму в 5 млн долларов. «Интересы различных банков в этих двух операциях противоположны», — указывалось в мартовском представлении Барка Комитету финансов. При всем том отказ от краткосрочного займа, хоть он и представлял собой со стороны Министерства финансов маневр, не был связан с использованием противоречий между банками, поскольку к Гаранти траст отказ этот относился в той же мере, что и к Нэйшл сити бэнк.

Вообще у Гаранти траст компании дела в Петрограде обстояли не лучше, чем у Нэйшл сити бэнк. Связь Министерства финансов с Гаранти траст была с самого начала установлена и поддерживалась через шведского банкира Олафа Ашберга. Являясь одним из учредителей Шведско-Русско-Азиатской компании с отделениями в Петрограде, Стокгольме и Нью-Йорке, связанной с Русско-Азиатским банком, и одновременно американской фирмы «Джон Мак-Грегор Грант инкорпорейтед», Ашберг имел собственный русско-американский бизнес и часто бывал в Петрограде. Здесь-то он и получил «задание» русского правительства «добиться займа в США для России» с установлением «прямой» (читай: минуя Англию) связи между Россией и американскими банками.²⁶ Приехав с этой целью в Америку, Ашберг, по логике вещей, прежде всего обратился к еврейской группе Кун, Либ и Ко, считавшейся гермаофильской и потому слабо связанной с Антантой. Но глава этой группы ответил Ашбергу отказом по мотивам бесправия евреев в России. Тогда Ашберг обратился к Гаранти траст и ее руководителю Сэбину, нашел там поддержку и привез в Россию представителя Гаранти Мэрфи.

От имени Гаранти траст Ашберг и Мэрфи предложили план кредитования русских закупок и заказов в США, производимых через посредство Шведско-Русско-Азиатской компании. План этот состоял в том, чтобы синдикат американских банков, «руко-

²⁵ Представление Барка Комитету финансов; 10/23 марта 1916 г. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 531, лл. 13—19 об.
²⁶ O. A. Schberg. En vandrande Jude från Glasbruksgatan. Stockholm, 1946, s. 117.

²⁰ ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 531, лл. 13—19 об.

²¹ Приводится в письме: Мезерв — Вандерлипу, 7/20 ноября 1915 г. (ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 73).

²² Мезерв — Вандерлипу, 11/24 ноября 1915 г., № 55. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 78.

²³ Приводится в письме: Мезерв — Вандерлипу, 11/24 ноября 1915 г., № 56. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 79.

²⁴ См. нашу статью «Финансово-экономические отношения России и США после начала первой мировой войны (август 1914—ноябрь 1915 г.)» в кн.: Из истории империализма в России. Тр. ЛОИИ, вып. 1, М.—Л., 1959, стр. 306—307.

водство которым будет осуществляться Гаранти траст компани оф Нью-Йорк», кредитовал в США русские банки, которые предоставляли бы доллары иностранному отделению кредитной канцелярии, получая контрвалюту в рублях. В качестве дополнительного обеспечения Гаранти траст требовала гарантированных железнодорожных облигаций. Сумма предложения достигала 60 млн долларов, срок был полугодовым. Договоренность с Русско-Азиатским банком была достигнута без труда,²⁷ основания операции были тогда же согласованы с Барком,²⁸ но сколько Ашберг ни торопился с осуществлением операции, никаких заказов его компании не давали.²⁹ В сентябре Министерство финансов одобрило в принципе условия Ашберга,³⁰ но к проведению операции так и не приступало, и Путилов уже решил соблазнить Барка разработанным им новым бескредитным планом русско-американского экономического сближения, по которому главная роль отводилась не Гаранти траст компани, а самому Русско-Азиатскому банку.³¹ Лишь в ноябре операция с Ашбергом была осуществлена всего на 5 млн долларов.

Отказ Министерства финансов от краткосрочного кредита Сити банк — независимо от того, был или не был связан этот отказ с совершением операции с Гаранти, оставлял для Сити банк возможность предоставления лишь большого займа. Но и эта возможность висела на волоске. Заем был очень нужен России, но и он, по мнению Мезерва, мог быть получен из другого источника. 1/14 декабря он телеграфировал Вандерлипу: «Советую поспешность, какая только возможна. Полагаю, что вы никогда не будете иметь более свободного поля действия. Не можете ли выдвинуть такие условия большого займа, на которых вы были бы согласны взять по меньшей мере сто миллионов? В этом случае я могу немедленно начать с министром финансов работу над предложением». Воспроизведя эту телеграмму в письме, Мезерв приписал: «Здесь появилась причина постороннего происхождения — в письме изложить ее я не могу, — по которой мне представляется благоразумным советовать вам всячески поспешить с займом».³²

²⁷ Русско-Азиатский банк — Ашбергу, 25 июля/8 июля 1915 г. ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 19 (после обработки фонда), лл. 13—14.

²⁸ См. упоминание об июльском письме Барка Ашбергу в письме Мезерва и Мэрша Барку от 11/24 января 1916 г. (ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 19, л. 71).

²⁹ Телеграммы Ашберга Путилову, 4/17 августа и 14/27 августа (1915 г.) и др. ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 19, лл. 29, 36 и сл.

³⁰ Кредитная канцелярия — Русско-Азиатскому банку, 8 сентября 1915 г. ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 19, лл. 51—52.

³¹ См. проект письма Русско-Азиатского банка министру финансов, 6 октября 1915 г. ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 19, лл. 55—56.

³² Мезерв — Вандерлипу, 1/14 декабря 1915 г., № 62. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 90.

Причина, назвать которую Мезерв не хотел, заключалась, как нам представляется, в том, что со дня на день в Петрограде должен был снова появиться Ашберг, успевший еще раз побывать в Нью-Йорке у Сэбина. Теперь ему в помощь Сэбин отправил в Россию своего близкого друга Рольфа Мэрша.³³ У Мезерва были основания опасаться своих конкурентов: хотя утверждение Ашберга-мемуариста о том, что Гаранти во время этой его поездки в США предложила России заем в 200 млн долларов, явно преувеличено, все же предложения Гаранти определенно достигали суммы в 60 млн долларов, да и срок кредита, в конце концов, мог быть изменен... Назвать вещи своими именами в письме к Вандерлипу Мезерв не мог, потому, прежде всего, что осведомленность русской стороны о страхе Сити банк перед конкуренцией Гаранти, конечно, не помогла бы ему в переговорах с министерством финансов.

На призыв Мезерва поспешить Вандерлипу, по-видимому, откликнулся с очень большой срочностью. Во всяком случае, уже 13/26 декабря Мезерв сообщал ему: «Министерство финансов и кредитная канцелярия работают над вашими телеграммами №№ 26 и 27, и я надеюсь, что завтра они будут готовы к разговору по этому вопросу».³⁴ В этих двух не дошедших до нас телеграммах, судя по всему, содержалось новое предложение Вандерлипа. Сообщенное также Виленину в Нью-Йорке, оно предусматривало приобретение синдикатом пятипроцентных бонн Государственного казначейства сроком на три года по цене 90 за 100. По истечении срока эти бонны могли бы быть конвертированы по цене 95 за 100 в пятипроцентные облигации русских железных дорог. Но эти облигации, погашаемые через 25 лет, должны были опять-таки иметь уже нам известное дополнительное обеспечение в виде первой закладной на казенные железные дороги (Николаевскую, Екатерининскую и др.). Что этим своим предложением Вандерлипу по-прежнему надеялся обойти Гаранти, особенно ясно видно из сообщения Виленина, согласно которому «синдикат с Национальным городским банком во главе» изменил свой взгляд и находит теперь «необходимым, чтобы большой заем предшествовал бы займу Ашберга».³⁵ Еще совсем недавно в первые дни ноября (ст. ст.) Вандерлипу усиленно предлагал России начать именно с краткосрочного кредитования в своем банке, надеясь этим привязать к себе Россию и в деле с большим займом.

³³ O. A s c h b e r g. En vandrande Jude från Glasbruksgatan, стр. 122. — Ашберг выехал из Стокгольма в Петроград 5/18 декабря (Директор Русско-Азиатского банка Герценберг — посланнику в Стокгольме А. В. Пелюдову, 16 февраля 1916 г. по ст. ст. ЦГИА, ф. 560, оп. 2, д. 389, лл. 231—233).

³⁴ Мезерв — Вандерлипу, 13/26 декабря, № 66. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 26, лл. 96—97.

³⁵ Представление Барка Комитету финансов, 10/23 марта 1916 г. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 531, лл. 13—19 об.

Теперь, когда Министерство финансов заявило, что оно вообще отказывается от краткосрочного кредита, Вандерлип решил и эту новую ситуацию использовать против Ашберга и Гаранти, да еще сделал хорошую мину при плохой игре, словно и не замечая русского отказа.

Но и на сей раз обойти Гаранти траст компании Вандерлипу не удалось. Ашберг, прибыв в Петроград, тоже не терял времени даром. Уже 10/23 декабря Путилов и представитель Гаранти траст выработали проект соглашения о кредите между Русско-Азиатским банком и Гаранти, который подлежал утверждению ее главы Сэбина.³⁶ Что Путилов действовал по согласованию с кредитной канцелярией — вне всякого сомнения. А кредитная канцелярия, по-видимому, вновь стала склоняться к принятию услуг компании Ашберга в деле размещения заказов и производства закупок, а вместе с ними и кредита Гаранти из-за того, что промышленные связи Нэйшнл сити бэнк в «русском деле» фактически не проявлялись. Замысел Вандерлипа, состоявший в том, чтобы использовать эти связи против Гаранти траст с помощью созданной им Американской международной корпорации, практически не был реализован. Действия корпорации разворачивались гораздо медленнее, чем рассчитывал Вандерлип, и «участие американского промышленного капитала в экономическом развитии России», о котором мечтали в официальных и капиталистических кругах России, все еще представлялось вопросом будущего.

Наряду с вопросами о займе и об открытии Петроградского отделения Мезерв занялся присканием концессий для Американской международной корпорации и связанных с ней капиталистических предприятий США. «Я имею сейчас много предложений насчет железнодорожных концессий и меньшее число насчет горных и лесных, я получаю такие предложения ежедневно. Зная, как это долго — исследовать какое-либо значительное предложение, и чувствуя, что после конца войны возможности получения концессий для иностранцев вовсе не будут так благоприятны, как теперь, я почел за благо посоветовать вам елико возможно поторопиться с отправкой сюда экспертов», — писал он Вандерлипу.³⁷ Для геологического обследования получаемых концессионных предложений Мезерв хотел, чтобы Американская международная корпорация добилась открытия в России отделения Плавильной и рафинировочной компании США.³⁸

³⁶ Перевод письма Гаранти траст компании от 10/23 декабря 1915 г. в Русско-Азиатский банк. ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 19, л. 62.

³⁷ Мезерв — Вандерлипу, 13/26 декабря 1915 г., № 66. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 96.

³⁸ Мезерв — Вандерлипу, 13/26 декабря 1915 г., № 66. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 26; л. 96 Мезерв — Мейну, 13/26 декабря 1915 г. Там же, д. 23, л. 357; Мейн — Мезерву, 4 января 1916 г. (п. ст.). Там же, д. 26, л. 238; Мезерв — Вандерлипу, 6/19 января 1916 г. Там же, л. 109.

Чтобы облегчить американскому капиталу концессионные дела, Вандерлип предписал Мезерву войти в контакт с Русско-Азиатским и Сибирским торговыми банками. Путилов ответил ни к чему не обязывающим любезным заявлением. А руководство Сибирского торгового банка, как сообщил Мезерв, уже проявило крайнюю заинтересованность в том, чтобы «Нэйшнл сити бэнк все свои дела в Сибири и в Северной России вел через них». Это было, конечно, совсем не то, чего хотелось бы Вандерлипу, и Мезерв понимал это, но нельзя было не считаться с тем, что «у этого банка сильные связи на Урале и в Сибири», что он «заинтересован во многих значительных предложениях», которые «могут заинтересовать Американскую международную корпорацию». И Мезерву приходилось писать Вандерлипу, что «было бы весьма мудро пойти на нечто вроде союза» не только с Сибирским банком, но и с крупнейшим уральским горнопромышленником Ф. А. Ивановым, тесно связанным с этим банком («если вы хотите принять какие-либо предложения по горной части на Урале»),³⁹ хотя не далее как накануне Мезерв отравил Вандерлипу газетную вырезку, из которой явствовало, что Иванов отнюдь не принадлежал к безоговорочным сторонникам привлечения американских капиталов.

Действия Мезерва пока не шли в сущности дальше серьезной экономической рекогносцировки, но сама эта рекогносцировка имела, по-видимому, для американского капитала особое значение. «Моя работа в России оказывается, как я и ожидал, самой интересной работой за всю мою жизнь, — писал Мезерв. — Об этом ничего не слышно, но здесь зреют миллионы». ⁴⁰ «Я страшно заинтересован моей работой здесь», — сообщал он Мейну.⁴¹

На пороге нового 1916 г. Мезерв решил заняться общей оценкой перспектив для американского капитала в России. Прежде всего эти перспективы, естественно, стояли в связи с позицией правительства и руководящих капиталистических сфер России, внутренней экономической политикой царизма и его планами на будущее в этой области. Все это должно было проявиться в заключениях Мезерва. Более того в своих оценках перспектив для американского капитала в России Мезерв находился под несомненным влиянием точки зрения русской стороны, поскольку эта точка зрения отвечала интересам тех американских деловых кругов, которые рассчитывали на непосредственное приложение в России своих капиталов. Что касается позиции правительства, то нам приходилось уже характеризовать ее как благоприятную

³⁹ Мезерв — Вандерлипу, 13/26 декабря 1915 г., № 67. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 98.

⁴⁰ Мезерв — вашингтонскому банкиру Гиббсу, 25 ноября/8 декабря 1915 г. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 23, л. 234.

⁴¹ Мезерв — Мейну, 13/26 декабря 1915 г. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 23, л. 357.

привлечению американского капитала в различные отрасли хозяйства. Такой же выглядела она и в беседе американского посла с самим царем, состоявшейся несколько позже, весной 1916 г.⁴² В сущности эта позиция определялась мнением о том, что введенный в страну иностранный капитал легко может быть включен в систему внутренней экономической политики правительства и функционировать в ее рамках, неизбежно подчиняясь в той или иной степени правительственному регулированию.

Несколько сложнее была позиция буржуазных кругов. В целом также благоприятная, она не была теперь столь же безоговорочной, какой представлялась вскоре после начала войны. В этом сказались, по-видимому, и накопление в руках буржуазии все больших денежных средств (отчасти инфляционного происхождения), и рост буржуазной оппозиции царизму. Заседание руководящих частных банков, созванное Министерством финансов 7/20 ноября для рассмотрения условий американского займа, вызвало в буржуазных кругах широкий отклик. А затем 1/14 декабря А. И. Гучков собрал у себя дома представителей ведомств, банков и крупных торгово-промышленных организаций и сообщил, что консорциум американских банков выражает желание вложить в русскую промышленность до 100 миллионов долларов.⁴³

Помимо состоявшегося тут же обсуждения «на самом высоком уровне», в одной из двух крупнейших представительных организаций русской буржуазии — Совете съездов представителей биржевой торговли и сельского хозяйства — состоялось специальное заседание ее Сибирского бюро, обсуждавшее вопрос о привлечении американского капитала в Сибирь. В целом его привлечение было признано «крайне желательным», решено было через А. И. Гучкова предложить американским финансовым кругам возможности капиталовложений в железнодорожное дело, золотодобычу, холодильное и элеваторное дело. Но попавшие в газетные отчеты два выступления участников заседания выглядели несколько иначе. Ф. А. Иванов, тот самый, на которого Мезерв возлагал свои надежды в связи с горным делом в Сибири и на Урале, выдвинул такие оговорки, которые фактически сводили на нет благоприятный для американцев конечный итог совещания. Он заявил, что следует допустить финансирование «лишь крупных и точно очерченных предприятий, как например железные дороги». Если принять во внимание, что на заседании специально подчеркивалась необходимость сохранения в русских руках управления предприятиями с участием иностранного капитала, то смысл позиции Иванова ясен. Лидер уральских горнопромышленников опасался бесконтрольного проникновения аме-

риканского капитала в горное дело путем захвата мелких предприятий, которые, разумеется, легко могли быть превращены в крупные и стать источником конкуренции. Иностраный капитал в крупных русских предприятиях он считал менее опасным, но примечательно, что и здесь он привел в качестве примера железные дороги, а горного дела не упомянул вовсе. Еще менее благоприятным с американской точки зрения было выступление проф. М. И. Боголепова, одного из признанных в буржуазных кругах ученых-финансистов. На заседании, посвященном привлечению американского капитала, он вдруг заявил, что для развития промышленности в Сибири следует установить отношения с пресловутой французской организацией сенатора Мелина, которая, как известно, имела своей целью развитие французской экономической экспансии в России.

В том же духе были выдержаны и высказывания по поводу привлечения американского капитала, прозвучавшие на совещании у Гучкова.⁴⁴ В принципе все приветствовали его привлечение, но многие — с оговорками. Почти совершенно скептическую позицию занимал и здесь лишь проф. Боголепов. Председатель Совета съездов биржевой торговли и сельского хозяйства, бывший министр торговли и промышленности в кабинете С. Ю. Витте, В. И. Тимирязев, а также видный деятель ряда акционерных обществ, в прошлом товарищ министра финансов в министерстве Витте, В. И. Ковалевский излагали традиционную со времен Витте правительственную точку зрения на американский капитал как на безопасный с точки зрения последствий его внедрения, такой, который будет способствовать экономическому развитию страны и не только сам не повлечет отношений зависимости, но и поможет ликвидации зависимости русской промышленности от капитала европейских стран.

Но и они охотнее всего как о сфере приложения американских капиталов говорили о железнодорожном строительстве. Имея в виду железнодорожное строительство в Сибири и в северной части европейской России, В. И. Ковалевский говорил: «Вот в этом деле американцы и могли бы оказать нам существенную услугу, не налагая ярма на нашу промышленность, а, напротив, способствуя ее дальнейшему росту». «Так не хотелось бы менять одно ярмо — немецкое — на другое», — восклицал он и продолжал с осязательным вздохом: «Но если понадобится и сюда (в промышленность, — Р. Г.) привлечь американский капитал, кроме железнодорожного дела, то, конечно, прежде всего для широкого развития двух основ всей промышленности — минерального топлива и металлургии, далее — для специальных отраслей нашего машиностроения и химических производств». В. И. Тимирязев также требовал привлечения американского капитала в та-

⁴² G. T. Maguе. Nearing the end in imperial Russia, p. 475.

⁴³ Биржевые ведомости, утр. вып., 2/15 декабря 1915 г.

⁴⁴ Биржевые ведомости, утр. вып., 5/18 декабря 1915 г.

кие отрасли, которые требуется развивать «для эмансипации от иностранной зависимости». И тут же сам ставил «вопрос о том, не повлечет ли за собою привлечение американских капиталов нового экономического закрепощения России». Выход из лабиринта собственных противоречивых рассуждений Тимирязев находил в принятии традиционной официальной точки зрения о предпочтительности импорта капиталов импорту товаров. Следует иметь в виду, заявлял он, что «самое вредное для страны» — это зависимость от импорта из-за границы товаров. Что же касается американского предложения о капиталовложениях, то «оно не только не опасно, а напротив, может принести при известных ограничительных условиях одну только выгоду России». За рассуждениями об угрозе зависимости, которые иногда вдруг начинали вестись в правительственных и буржуазных кругах, крылась, помимо соображений общегосударственных, боязнь иностранной конкуренции — все равно в форме ли импорта товаров или ввоза капиталов. Но капиталовложения считались предпочтительными, в частности, и потому, что к ним можно было применить традиционную систему правительственных ограничительных мер, которая была, конечно, гораздо гибче, нежели система полузапретительного или запретительного внешнеторгового тарифа.

Составлявший стержень экономической концепции Витте расчет на то, что иностранный капитал внутри России ликвидирует ее зависимость от различных отраслей промышленности передовых капиталистических стран и их финансового капитала, расчет, который перед войной как бы несколько утратил свое значение, теперь опять обрел его. Поэтому хоть и со скрипом, но все же настужь открывались ворота перед американским капиталом. Не случайно, что без каких бы то ни было оговорок приветствовали его привлечение не сами крупные капиталисты, а буржуазные политические деятели, выражавшие общеклассовые интересы буржуазии, как например А. И. Шингарев и Е. П. Ковалевский. Последний в несколько парадоксальной форме очень точно сформулировал суть дела, заявив: «Привлечение американского капитала в русскую промышленность можно лишь приветствовать, тем более что оно представляется совершенно неизбежным».⁴⁶

Сами же представители промышленных и банковских монополий, расширяя свое господство над военной экономикой, не прочь были придать собственным конкурентным соображениям подчеркнутую национальную форму, требуя себе за это от правительства большей свободы. Так, на состоявшемся несколько позднее, в июне 1916 г., третьем съезде представителей акционерных коммерческих банков председатель съезда Я. И. Утин, призывая сосредоточить «главное внимание» на том, чтобы банки получили «свободную, не стесненную никакими излишними тормозами»

возможность деятельности, требуя создания «здоровой атмосферы доверия к ним» и введения необходимых «гарантий» в «новый банковый устав», мотивировал это стоящей перед банками «патриотической задачей». А заключалась она в борьбе за «экономическую и, в частности, промышленную самостоятельность», которая-де представляет собой «основу политической независимости и безопасности» страны. «России, — заявлял Утин, — должна покончить с состоянием промышленного несовершенства, должна вывести свою промышленную жизнь из зависимого положения от соседей, и в особенности соседей-врагов, на простор свободного самостоятельного развития. Пора перестать смотреть из чужих рук... на полпути мы не остановимся, и перед нами после войны необозримое поле деятельности».⁴⁶

Среди материалов, которыми располагал Мезерв, столь определенных высказываний не было, но наличие такой тенденции ему удалось, по-видимому, уловить. И, препроводив в Нью-Йорк переводы газетных сообщений об отношении в русских деловых кругах к привлечению американского капитала, он на следующий же день, 13/26 декабря, сделал в письме к Вандерлину уже отмеченную нами рекомендацию поторопиться с получением концессий в России, потому что после окончания войны это будет не так-то просто. В тот же день своему другу и партнеру Мейну, который запросил его мнение о деловых перспективах в Европе, он сообщил, что хотя в целом «ответить еще не может» («так много вещей, которые нужно принять для этого во внимание»), по отношению России он «склонен считать», что здесь американским капиталом будут сооружены заводы».⁴⁷

Перед Вандерлином свой взгляд на перспективы американского капитала в России Мезерв сформулировал в специальном письме 22 декабря 1915 г./4 января 1916 г. Он исходил из того, что после войны в России в большей мере, чем в любой другой европейской стране, будет ощущаться стремление к экономической независимости от Запада. Кроме «крутых правительственных мер» для регулирования внешней торговли (а в России, считал он, за время войны привыкнут к контролю за отливом денег за границу), Мезерв имел также в виду правительственную политику покровительства монополиям и их всемерной поддержки. Понимая, что эта политика проводится под флагом ликвидации зависимости России от иностранной промышленности, Мезерв тем не менее именно здесь и видел возможность широкого внедрения американского капитала в русскую экономику. Он планировал приток американского капитала в русскую промышленность

⁴⁶ Обзор деятельности съездов представителей акционерных коммерческих банков и их органов. 1 июля 1916 г.—1 января 1918 г. Пгр., 1918, стр. 45.

⁴⁷ Мезерв — Мейну, 13/26 декабря 1915 г. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 23, л. 357.

как органически связанный с успешием процесса ее монополизации, исходя из монополистического характера самого американского капитала. В его чисто практическом понимании это звучало так, что американские дельцы, дескать, «привыкли к крупным компаниям». Поэтому он предлагал «сбйчас же» приступить к организации «русско-американской компании, которая консолидировала бы (в России, — Р. Г.) несколько крупных действующих концернов». Термин «концерн» употреблялся Мезервом не в строгом смысле слова, а в часто применяемом в США ко всем вообще монополистическим предприятиям без различия их характера. Подлинный концерн должен был получиться как раз вследствие предлагаемой Мезервом «консолидации», задуманной как объединение предприятий смежных отраслей.

С осуществлением этого плана, относившегося к предприятиям черной и цветной металлургии и угледобывающим, он предлагал поторопиться. Он мотивировал это появлением в России такого мнения, что ведущиеся годами разговоры о притоке американского капитала — «только разговоры».

Некоторые препятствия существовали и на пути к овладению «самым большим полем действия в России», каковым Мезерв считал железнодорожное строительство. Он «недавно счел для себя особенно обязательным» обратить внимание влиятельных кругов, с которыми он был связан, на то, что «американцы являются специалистами мирового масштаба в области частных железных дорог». Результаты этих бесед были хотя и удовлетворительными («американцев встретят с открытыми объятиями»), но не полностью: действовать предстояло с большой осторожностью и оглядкой — «в том же духе, как если бы вы согласились, чтобы русские прибыли в Америку и начали там строительство частных железных дорог на свои деньги». «В чужой стране всегда существует опасность нечаянно восстановить против себя людей», — с наивным видом объяснял это Мезерв. Кончал он свое письмо строгим предупреждением: «Если мы и на этот раз потерпим неудачу, то я полагаю, что большой русский бизнес будет потерян для Америки навсегда».⁴⁸ Но в пост-скриптуме он несколько смягчил строгость своего предупреждения, указав и на другую сторону дела. Поторопиться, — объяснял он, — не только необходимо, но еще и выгодно ввиду весьма низкого по сравнению с долларом курса рубля. А посему «настоящий момент представляется выгодным для того, чтобы внедриться в здешнюю промышленность покупками участия в ней».

Сам Мезерв отнюдь не был расположен упустить эту возможность. Вместе с некоторыми своими американскими партнерами он принимал активное участие в различного рода предприя-

тиях, сделках вокруг военных поставок, приобрел с этой целью «ход» ко двору и т. д.

Но все это были мелочи, американский большой бизнес в дело еще не вступал. Новая монополистическая организация США — Американская международная корпорация, детище Вандерлина, набирала жизненные силы довольно медленно. Период ее организации затянулся, несмотря на избыток средств у Нэйшнл сити бэнк. Не только в этом заключалась, однако, причина оттяжки, и вообще дело здесь было не в одних только сроках. Не меньшее значение имело несоответствие намерений. Планы экспансии американского капитала в России совпадали с русскими планами его привлечения далеко не полностью. В России рассчитывали на немедленный приток американского капитала, а в капиталистических кругах США — на промышленный экспорт в Россию после войны. Американская международная корпорация не торопилась, операций с военными поставками она даже попросту избегала, считая, по-видимому, что участием в поставках можно лишь нанести урон своей репутации в России: так неудовлетворительно обстояло с ними дело. Элемент сознательной медлительности был не только заложен в самой идее создания Американской международной корпорации, но и вообще присущ русским планам американских монополий, приуроченным собственно к послевоенному периоду. Сама война рассматривалась при этом не столько как благоприятный момент для осуществления «русского дела», сколько как создающая благоприятные возможности для этого на послевоенное будущее. На протяжении 1916 г. американский капитал и американская дипломатия, естественно, не занимали еще той определенной позиции в вопросе о продолжении войны Россией, какую заняли в дальнейшем, сумма уже размещенных в США военных заказов союзников была столь значительна, что дальнейшее их размещение сталкивалось с большими трудностями. В сочетании с германофильскими тенденциями, еще сильными в 1916 г. в официально нейтральной Америке, все это делало ее оплотом для «эмансипации» от союзников в глазах тех кругов в России, которые по разным причинам стремились к этому.

Эти обстоятельства весьма усложняли общеполитическую обстановку, в которой проходили переговоры об американском займе. Шансы Сити бэнк и Гарантс траст были на этом этапе переговоров в сущности равны: расчет Вандерлина на то, что преимущества широких промышленных связей его банка дадут возможность сделать Россию сферой единоличного влияния Сити бэнк, пока не оправдывался.

Инициатива в ведении переговоров с американской стороны в значительной мере перешла к Ашбергу и представителю Гарантс в Петрограде Мэршу. Противоречия внутри синдиката отнюдь не ослабели, но к этому моменту (самый конец 1915 и на-

⁴⁸ ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 105.

чало 1916 г.) он стал действительно синдикатом, не в пример совсем недавнему прошлому, когда, выступая от его имени, каждый из американских банков (к Сити банк это относилось в особенности) почти неприкрыто действовал лишь в собственных интересах.

В предложениях синдиката, сделанных в Вашингтоне Вилекину, восстановилась прежняя, нарушенная было, последовательность операций — сначала операция Ашберга (в размере 30 млн долларов с публичным понижением процента с 9 до 7, возмещаемым, однако, русским правительством Гаранти «частным образом»), а затем — железнодорожный заем. Сознавая, по-видимому, свои преимущества, обусловленные противоречиями между американскими банками, Министерство финансов демонстративно хладнокровно ответило на это, что оно вообще предпочитает ограничиться всего одной операцией — выпуском гарантированных облигаций одного из частных обществ — Московско-Казанской, Московско-Киево-Воронежской или Московско-Виндаво-Рыбинской железных дорог.

В переговорах с Мэршем, Ашбергом и Мезервом в Петрограде Министерство финансов также продолжало считать главным предметом обсуждения «большой заем», хотя Мэрш и счел для себя выгодным прямо раскрыть русской стороне отношения внутри синдиката («из объяснений г. Мэрша представлялось очевидным, что группа Гаранти траст компани более заинтересована в операции трассировочной, проектированной Ашбергом»).⁴⁹ Впрочем, в Министерстве финансов и без того существовало весьма полное представление об этом.

Русская сторона занимала такую позицию, что переговоры ведутся с официальными представителями синдиката, составленного на предмет реализации «большого займа». Что же касается предусмотренного синдикатским соглашением между американцами предварительного совершения операции Ашберга, то Министерство финансов, беря в расчет противоречия внутри синдиката, в сущности игнорировало это обстоятельство, хотя оно и было сообщено ему в качестве одного из условий синдикатского предложения. Для Нэйшнл сити банк это было, конечно, выгодно, и Мэршу несколько раз приходилось хватать Мезерва за руку, чтобы помешать ему сорвать кредит Ашберга или по крайней мере воспрепятствовать немедленному совершению этой операции.

Переговоры эти заняли январь, февраль и первые числа марта (по ст. ст.). Первоначальное предложение синдиката, по форме аналогичное кредитованию железнодорожных обществ русскими банками, предусматривало заем русскому правительству

⁴⁹ Представление Барка Комитету финансов 10/23 марта 1916 г. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 531, лл. 13—19 об.

в форме пятипроцентных гарантированных правительством трехгодичных обязательств частных железнодорожных обществ на 100 млн долларов. Помимо этих обязательств, синдикат требовал таких же обязательств в размере суммы займа в качестве дополнительного обеспечения. И те, и другие обязательства должны были остаться в депозите синдиката, который для размещения на рынке среди подписчиков намеревался выпустить специальные свидетельства от своего собственного имени.⁵⁰

Несмотря на очевидную крайнюю невыгодность этого предложения, Министерство финансов склонно было его принять. Русская сторона прельстилась двумя намеками на будущее, хоть они и были сделаны американским синдикатом так, что ни к чему его не обязывали.

Первый из этих намеков заключался в том, что по истечении трехлетнего срока обязательства могли бы быть «по желанию американского синдиката» конвертированы в двадцатипятилетние (в этом случае депонированные в качестве дополнительного обеспечения облигации подлежали возврату). Но синдикат мог — и такое «желание» с его стороны было не менее вероятным, чем первое, — просто через три года предъявить обязательства к оплате. Второй намек состоял в намерении синдиката, получив опцион еще на 100 млн долларов, повторить операцию «на совершенно аналогичных условиях». Вряд ли можно было, конечно, считать, что оба эти намека открывали блестящие виды на будущее для русского кредита в Америке, хоть Мэрш и Мезерв всячески на этом настаивали.⁵¹ Но Министерство финансов в тот момент расценивало все это, по-видимому, несколько иначе. Как видно из письма директора Кредитной канцелярии Д. Никифорова директору Департамента железнодорожных дел Н. Е. Гиацингову от 29 января, в Кредитной канцелярии были настолько убеждены в том, что синдикат воспользуется опционом, и так к этому стремились, что вдобавок к обществам Московско-Казанской, Московско-Киево-Воронежской и Московско-Виндаво-Рыбинской дорог, от имени которых предполагался выпуск на первые 100 млн долларов, наметили уже общества и на вторые 100 млн — Владикавказской, Северо-Донецкой, Рязанско-Уральской и Юго-Восточных дорог. Ради успешного завершения всего дела Кредитная канцелярия считала необходимым согласиться и на гарантию правительством необычно высокого процента по облигационным капиталам железнодорожных обществ — 5%. «Необходимо иметь в виду, — писал Никифоров, — что только при повышении означенного процента гарантии может быть заключено соглашение с американскими банкирами, дости-

⁵⁰ Представление Барка Комитету финансов 10/23 марта 1916 г. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 531, лл. 13—19 об.

⁵¹ См. их письмо Барку 11/26 января 1916 г. (ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 19, л. 75).

жение коего представляется чрезвычайно важным не только в смысле получения валюты в Америке, но также как первый шаг к закреплению за нами американского денежного рынка для дальнейших железнодорожных эмиссий». ⁵²

Письмо Барку от 11/26 января, которое возбудило в Кредитной канцелярии надежду на скорое совершение большого займа и немедленно повлекло за собой обращение Никифорова к Гиацн-тову, вслед за Мезервом подписал и Мэрш. Но с его стороны это было если не ошибкой, то во всяком случае недостаточно осторожным шагом, так как руководство Гаранти траст компании 14/27 января телеграфировало ему следующее недвусмысленное указание: «Хоть мы и стремимся к одновременному, если это возможно, проведению займа Ашберга и большого займа, мы считаем опасным откладывать проведение одного дела до другого. Поэтому без колебаний и энергично жмите на заем Ашберга». ⁵³ Следствием этой телеграммы явились одинаковые письма за двойной подписью Мэрша и Мезерва Барку и Никифорову от 16/29 января, в которых было заявлено недвусмысленное требование совершить операцию Ашберга «немедленно», «одновременно» вести переговоры об условиях большого займа. ⁵⁴ В тот момент Мэрш и Мезерв вслед за своими нью-йоркскими патронами торговались между собой на этой позиции. Вновь появился на свет проект договора о кредите Ашберга между Гаранти траст компании и крупнейшими петроградскими банками — Русско-Азиатским, Азовско-Донским, Международным, Учетным и ссудным, Русским для внешней торговли, Русским торгово-промышленным и Сибирским торговым. ⁵⁵

Все эти документы были, по-видимому, заготовлены к посещению Мэршем и Мезервом Кредитной канцелярии 18/31 января. Но ее директор Никифоров заговорил с американцами не о кредите Ашберга, а о большом займе, заявив, что проведение обеих операций возможно лишь одновременно, и принялся в буквальном смысле диктовать представителям синдиката меморандум относительно приемлемых для Министерства финансов условий большого займа (сумма дополнительного обеспечения, названная Никифоровым, составляла 110 млн долларов, а чистая выручка от займа, на которую он рассчитывал, — всего 83 333 тыс. долларов). Мэрш и Мезерв немедленно телеграфировали об этом

в Нью-Йорк. ⁵⁶ И опять Мэршу было телеграфно предписано руководством Гаранти траст заботиться прежде всего о деле Ашберга. Отчетливо формулируя сущность синдикатского соглашения, отнюдь не уничтожившего противоречий между его участниками, руководство Гаранти траст телеграфировало своему представителю: «Мы заинтересованы в кредите Ашберга вместе с Сити банк, а также стараемся провести большой заем и ждем от вас, что вы полностью будете сотрудничать с Мезервом в этом отношении, но ничто не должно помешать совершению кредита Ашберга по возможности скорее, и мы имеем положительное уверение Сити банк насчет его сотрудничества». ⁵⁷ Чего на самом деле стоило «сотрудничество» обеих монополий, видно из намерения Гаранти траст после совершения операции Ашберга просто-напросто отозвать Мэрша из России, отнюдь не оставляя его там с целью «помочь Мезерву в завершении большого займа». ⁵⁸

Но как бы то ни было, теперь, после того как Министерство финансов связало проведение обеих операций воедино, идти к Барку без твердых предложений относительно большого займа было невозможно. Мэрш понимал это не хуже, чем Мезерв, и даже считал в тот момент нужным проявить в этом инициативу. ⁵⁹ И Барку со ссылкой на его требование были предъявлены выработанные синдикатом условия, в основном совпадающие с пожеланиями Министерства финансов. ⁶⁰ При этом оба американца делали вид, что не понимают позиции Барка, и продолжали требовать срочного совершения операции Ашберга. Что на самом деле они прекрасно это понимали, видно и из тревожного письма к Барку от 25 января/7 февраля, составленного, по-видимому, русскими банками, ⁶¹ и из телеграммы самого Мэрша руководителем Гаранти траст Сэбину и Мэрфи от 3/16 февраля. ⁶² Единство действий между Мэршем и Мезервом длилось недолго. Позиция Барка, связавшего обе операции, лишь способствовала его прекращению. Прошло всего несколько дней после совместного демарша, а Мэрш уже жаловался своим патронам, что Мезерв от имени Сити банк ухудшает условия большого займа и тем мешает операции Ашберга. Он даже винил Мезерва в том,

⁵² Мэрш и Мезерв — Никифорову, 18/31 января 1916 г. ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 19, лл. 112—113.

⁵³ Телеграмма Гаранти траст компании Мэршу, 20 января/2 февраля 1916 г. ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 19, л. 116 (курсив наш, — Р. Г.).

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Мэрш — Мезерву, не позже 28 января/10 февраля 1916 г. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 23, л. 373.

⁵⁶ Мезерв и Мэрш — Барку и Никифорову, 28 января/10 февраля 1916 г. ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 19, лл. 119—120.

⁵⁷ Там же, лл. 117—118. — Машинписный экземпляр на английском языке не подписан.

⁵⁸ ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 19, л. 122.

⁵² Никифоров — Гиацн-тову, 29 января 1916 г. ЦГИА, ф. 268, оп. 3, д. 871, лл. 378—379.

⁵³ Копия телеграммы Гаранти траст компании Мэршу, 14/27 января 1916 г. ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 19, л. 84.

⁵⁴ Мэрш и Мезерв — Никифорову; Мэрш и Мезерв — Барку, 16/29 января 1916 г. ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 19, лл. 86—89.

⁵⁵ Экземпляры этого проекта вместе с дополнительными к нему документами сохранились в фондах Русско-Азиатского (ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 19, лл. 90—111) и Азовско-Донского (ЦГИА, ф. 616, оп. 5, д. 391, лл. 2—13) банков.

что Барк связал обе операции («Мезерв целиком ответствен за это»)⁶³.

Сити банк, действительно, сейчас же начал ухудшать свои условия. Сначала было предъявлено требование о том, чтобы полагающиеся синдикату обязательства были выданы не от каждого железнодорожного общества в отдельности, а от всех обществ, участвующих в займе, с их взаимной ответственностью и за подписью русского посла в Вашингтоне. Вместо свидетельств от своего собственного имени, о которых шла речь ранее, синдикат предполагал, теперь непосредственно выпустить на рынок русские обязательства, которые требовались ему для этой цели в самых разнообразных кулурах, вплоть до самых мелких. На депонируемых в качестве дополнительного обеспечения облигациях синдикат требовал надписи о том, что они обеспечиваются всем имуществом и состоянием дороги наравне с облигациями предыдущих выпусков, а не вслед за ними, как это обычно указывалось.⁶⁴

Не отклоняя в принципе и этого нового предложения, Министерство финансов возражало против требований о взаимном поручительстве железнодорожных обществ и о выпуске обязательств на рынок. В представлении Комитету финансов Барк мотивировал свое возражение тем, что в таком случае оказались бы выпущенными на один и тот же предмет двойные обязательства, что противоречит-де русским законам. Впрочем, Барк видел способ это обойти. Он имел в виду выработать такие формы параллельных обязательств, которые исключали бы возможность взыскания процентов и капитала в двойном размере. При этом условии он предполагал получить необходимое для соответствующего изменения основных положений уставов железнодорожных обществ согласие Второго департамента Государственного совета. В том, что общие собрания акционеров этих обществ утвердят изменения в своих уставах, Барк, по-видимому, ничуть не сомневался. Аналогичного утверждения требовало установление особой правительственной гарантии своевременной уплаты капитала по обязательствам железнодорожных обществ (помимо гарантии процентов), поскольку было совершенно очевидно, что сами общества не смогут через три года погасить кредиты, использовать которые предполагалось на долгосрочные сооружения.

Проведение этих законодательных мер — при всей их необычности — Министерство финансов считало, видимо, вполне возможным. Во всяком случае на таких именно основаниях оно продолжало переговоры с американцами. Дело шло, казалось бы, на лад. Синдикат принял русское предложение о тексте облигаций

⁶³ Там же.

⁶⁴ Представление Барка Комитету финансов, 10/23 марта 1916 г. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 531, лл. 13—19 об.

(«обеспечиваются всем состоянием и имуществом общества» без слов «наравне с предыдущими выпусками», которых требовал синдикат, но с исключением обычного: «вслед за предыдущими выпусками»)⁶⁵ согласился с пожеланием Министерства финансов об увеличении срока конверсионного займа (буде он состоится!) с 25 до 60 лет. Но вдруг с американской стороны последовало требование о полном изменении ее же собственных предложений. Сумма займа не должна была теперь превышать 50 млн долларов, был повышен размер дополнительного обеспечения (125 вместо 120% открываемого кредита). Именены были и другие условия. Синдикат предлагал на выбор: либо через три года заем мог быть конвертирован по желанию синдиката в 5½-процентные обязательства Государственного казначейства с десятилетним сроком погашения, либо синдикат получает опцион на право конверсии трехлетних обязательств в семилетние по паритету, но из 6% годовых.

Совершенно очевидно, что измененные предложения синдиката в их окончательном виде совершенно не соответствовали тем целям, которые преследовало, хлопоча об американском займе, Министерство финансов (вспомним, например, как формулировал эти цели в письме Гиаццинову Никифоров). Ведь новые американские условия не только наполовину уменьшали сумму кредита, но и закрывали в сущности какие бы то ни было перспективы на долгосрочное кредитование России в Америке. О закреплении же за Россией американского денежного рынка — а в письме Никифорова ставился вопрос именно об этом — конечно, и речи быть не могло при таком начале дела. Это выглядело тем досаднее, что как раз в эти дни прибыла телеграмма посла в Вашингтоне Ю. Бахметова о том, что Морган, Сити банк и Гаранти траст предлагают свои услуги для реализации в США русского внутреннего займа, но только после совершения русской финансовой операции в США.⁶⁶

Что же оставалось теперь делать Кредитной канцелярии Министерства финансов, кроме как усилить игру на противоречиях между двумя американскими кредитными учреждениями, тем более что противоречия эти развивались и сами по себе? До уменьшения руководством Сити банк предлагаемой суммы большого займа Мэрри требовал от правления Гаранти траст, чтобы Сити банк прекратил ухудшать свои условия, и жаловался в Нью-Йорк на Мезерва («действует преимущественно в пользу большого

⁶⁵ Чтобы склонить руководство синдиката согласиться на это, Мэрри 3/16 февраля 1916 г. продюжнил Мезерву проект телеграммы в Нью-Йорк, в котором объяснялось, что синдикат и без того получает в свои руки вкладные на все имущество дорог, участвующих в займе (ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 23, л. 372).

⁶⁶ Телеграмма Ю. Бахметова, 15/28 февраля 1916 г. АВПР, ф. Канцелярии, 1916 г., д. 53, л. 37.

займа, не очень-то помогая кредиту Ашберга»). Он все еще советовал на то, что хоть кредит Ашберга и «представляется весьма обещающим», но совершение операции «ожидает достижения договоренности о принципах большого займа».⁶⁷ Новые, вовсе ухудшенные условия Сити банк, естественно, поколебали положение Мезерва в Петрограде и понизили шансы Мэрша и Ашберга: Еще в начале февраля (ст. ст.), как раз после того как Барк отказался от проведения операции Ашберга до соглашения о большом займе, Ашбергу отказывались продлить право жительства в Петрограде как лицу иудейского вероисповедания, полицейский пристав выселял его из гостиницы, требуя, чтобы он покинул Россию,⁶⁸ а русский посланник в Швеции А. В. Неклюдов, хлопотавший за Ашберга, находясь в Петрограде, передавал от него Барку почти робкую просьбу: «Г. Ашеберг желая бы иметь указания Министерства финансов, чего он должен стараться достичь и какие предложения американских банков могут почитаться Министерством приемлемыми».⁶⁹ А уже 23 февраля (ст. ст.), как это видно из письма Русско-Азиатского банка в кредитную канцелярию, условия кредита Ашберга считались русской стороной принятыми.⁷⁰

Условия эти, разработанные еще в 1915 г. в проекте договора между Гаранти траст компании и 7 крупнейшими русскими банками,⁷¹ ясно показывают, что, выдвигая их, Гаранти траст стремилась, елико возможно, подменить своим кредитом большой заем, и Мэрш, который, как мы увидим, уверял Мезерва, что принятие кредита Ашберга не только не повредит, но и поспособствует совершению большого займа, по меньшей мере кривил душой. Гаранти траст соглашалась акцептовать выставленные на нее русскими банками тратты на 30 млн долларов. Девяностодневные тратты могли быть пятикратно возобновляемы, так что общий срок кредита составлял полтора года. Кредит стоил бы русскому правительству 7% (5% годовых по траттам плюс 1/2% комиссии с каждой тратты). В качестве дополнительного обеспечения банки должны были представить Гаранти траст 4 1/2-процентные облигации железнодорожных обществ с таким

⁶⁷ Телеграмма Мэрша Гаранти траст компании, 12/25 февраля 1916 г. ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 19, л. 124.

⁶⁸ Директор Русско-Азиатского банка Герценберг — посланнику в Швеции А. В. Неклюдову, 16 февраля 1916 г. (ст. ст.). ЦГИА, ф. 560, оп. 22, д. 389, лл. 231—233.

⁶⁹ Записка секретаря Барка Дюшена, не ранее 16 февраля 1916 г. ЦГИА, ф. 560, оп. 22, д. 389, л. 234. — Неклюдов сообщил также, что «по мнению Ашберга американские банки охотно идут навстречу реализации русского займа». Нам представляется, что смиренная поза агента русского правительства, выполняющего поручения Министерства финансов, которую принял в этом эпизоде Ашберг, в значительной мере соответствовала его действительной роли.

⁷⁰ ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 19, л. 126.

⁷¹ Там же, лл. 90—111; ф. 616, оп. 5, д. 391, лл. 2—13.

расчетом, чтобы 82% их номинальной стоимости равнялись сумме тратт. Русское правительство должно было гарантировать не только уплату капитала и процентов по этим облигациям, но и все соглашение в целом. Гаранти траст получала опцион на увеличение суммы кредита до 60 млн долларов, для чего могла образовать в США свой синдикат. Вся долларова выручка поступала русскому правительству и могла быть израсходована лишь на оплату заказов и закупок, производимых в Америке через Ашберга.

Осуществление операции Ашберга требовало с русской стороны проведения некоторых подготовительных мероприятий. Ведь ее участниками должны были стать, кроме Министерства финансов, не только железнодорожные общества, но и частные коммерческие банки, официально выступавшие в качестве заемщиков, и при всем том на самом деле операция должна была совершаться за счет Министерства финансов. Банки кредитовали бы железнодорожные общества в рублях, получив для этого средства в Государственном банке. Железнодорожные общества предоставили бы для передачи Гаранти траст свои обязательства, считая их по 66%-й номинальной стоимости. По истечении полутора лет Министерство финансов должно было предоставить банкам необходимые суммы в долларах в Америке на покрытие тратт, и банки вернули бы тогда взятые в Государственном банке суммы в рублях (курсы были около двух рублей за доллар). На случай, если бы железнодорожные общества не смогли бы погасить своей задолженности банкам по открытым им для осуществления операции Ашберга кредитам, Министерство финансов обязывалось открыть банкам специальный кредит на соответствующую сумму. Обо всем этом была достигнута полная и точная договоренность, банки безоговорочно следовали предначертаниям Министерства финансов, система российского государственно-монополистического капитализма готова была безотказно сработать и на этот раз. Свидетельства тому проект официального письма банков — участников операции — Министерству финансов и приложенный к нему проект условий открытия кредитов обществам железных дорог.⁷²

Есть, впрочем, еще один источник, освещающий историю совсем было уже сконструированной операции Ашберга с несколько неожиданной, казалось бы, стороны. Мы имеем в виду показания, данные в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства пресловутым А. Д. Протопоповым. Описывая обстоятельства своего знакомства с известным банкиром-распутинцем Д. Л. Рубинштейном, Протопопов заявил, что знакомство это состоялось на заседании банкиров, которое было создано им, Протопоповым, «для проведения при их посредстве

⁷² Там же.

русского займа в Америке», и тут же стал излагать условия кредита Ашберга (сам Ашберг, по его словам, «был указан Барком»).⁷³ Проект этой операции Протопопов поставил в связь с финансовыми нуждами железнодорожных обществ, лишившихся в связи с войной ежегодных французских кредитов в 500 млн франков, обусловленных на пять лет в 1913 г. соглашением Коковцова с французскими банкирами.⁷⁴ Такая постановка вопроса Протопоповым была вполне обоснованной, поскольку, как мы видели, в сущности все проекты финансовых операций в США либо связывались Министерством финансов с действительными потребностями железнодорожного хозяйства, либо намечались к осуществлению в форме железнодорожных займов как наиболее приемлемой и широко применявшейся в практике русского государственного кредитования за границей (чаще всего это, разумеется, совпадало).

Вообще, хотя Протопопов часто жаловался в показаниях на свою память, он довольно точно и полно, правда без дат и почти без всяких хронологических признаков, изложил сущность дела, чем косвенно подтвердил свое в нем участие. Но почему именно он оказался в роли промотора «операции Ашберга», созвал для ее осуществления совещание банкиров и сам на нем председательствовал, как это видно из его показания 1917 г.? Неужели Министерство финансов не могло почему-то на сей раз обойтись обычными способами, которыми оно приводило в движение систему частных коммерческих банков всегда, когда это ему требовалось? Возможность ответа на этот вопрос находим в указании Протопопова о том, что он действовал по «поручению совещания по обороне постараться добыть американскую валюту без посредства Англии».⁷⁵ Конечно, и Министерство финансов во всех своих предыдущих действиях преследовало ту же самую цель — иметь в Америке источник средств, независимый от Англии. Но если при этом имелось в виду лишь получение большей свободы финансовых маневров внутри Антанты, то в устах Протопопова те же слова имели иной смысл, хотя сам он вряд ли хотел его вложить в свои показания Следственной комиссии.

Смысл поручения, которое получил Протопопов, состоял в том, чтобы открыть для царизма пусть пока и не обильный, но зато перспективный, а главное нейтральный, а потому постоянный источник кредитования, такой, который не зависел бы от коле-

⁷³ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, т. IV. М.—Л., 1927, стр. 32. — Между прочим, Протопопов заявил: «Предполагалась возможность провести заем в сумме 60 млн долл. Позже я слышал от Путилова, что для начала заем может быть сделан лишь в сумме 10 млн долл.»

⁷⁴ Падение царского режима..., т. IV, стр. 49.

⁷⁵ Там же, стр. 32.

баний военно-политической линии царизма, от его усилий в войне, от возможных превратностей во внутриантантовских отношениях и вообще давал бы царизму некоторую возможность уже не только финансовую, но и внешнеполитического маневрирования, причем не обязательно в пределах Антанты.

И хотя действовал Протопопов по поручению совещания по обороне, стоял за этим поручением скорее всего царское высшее правительство, точнее говоря его «дамская половина» (как выразился Протопопов по другому поводу), где распутинцы, одержавшие в январе большую свою победу — назначение премьером Б. В. Штюрмера, продолжали если не хлопотать, то по крайней мере мечтать о мире для спасения монархии. И, может быть, поиски нейтральных денежных рынков представляли собой то единственные шаги, которые они могли делать на этом пути беспрепятственно и всерьез.

То обстоятельство, что именно совещание банкиров о кредите Ашберга послужило поводом и местом для знакомства Протопопова с Рубинштейном, также придает всей этой ситуации совершенно определенный колорит.

Что касается Рубинштейна, наиболее преуспевшего из числа левнувших к Распутину банковских дельцов, то он сам, его влияние и его предполагаемые германские связи были «притчей во языцех». Арест его военными властями летом 1916 г. по обвинению в связях с германским капиталом никого не удивил, как, впрочем, и освобождение усилиями Александры Федоровны и Распутина.

Иное дело Протопопов. Потом, возглавив Министерство внутренних дел, он стал одной из самых мрачных фигур последнего часа русского самодержавия. А пока, на путях к министерскому креслу, он был фигурой уникальной и обманчивой. Его не видно было ни в толпе сновавших вокруг трона распутинско-банковских людшек, ни среди причастных к распутинщине государственных мужей. Наоборот, товарищ председателя Думы, он вместе со своей партией октябристов входил в прогрессивный блок и пользовался в думских и, в частности, в буржуазных думских кругах заметным влиянием. И в Думе, и в Совещании по обороне, в которое он входил, он неизменно занимал умеренную, центральную позицию. Это-то и помогало ему быть своим человеком и в думском лагере, и в придворном. Крупнейший фабрикант-суконщик России, в марте 1916 г. он стал председателем Совета съездов металлообрабатывающей промышленности, в который входили А. И. Путилов и А. И. Вышнеградский. В этом была своя закономерность: не только металлургам понадобилась думская фигура в председатели, но и Протопопову полезны были связи с петроградскими монополистическими магнатами, которые, не в пример крикливым представителям буржуазной общественности, старались во всех случаях ладить с царизмом, делали перед

буржуазными коллегами вид, что они высокомерно пренебрегают «политикой». Протопопов рекомендовал царю в министры и Родзянко, но мало кто знал, что Распутин, Бадмаев и пресловутый генерал Курлов уже давно готовили почву для этого назначения, види в Протопопове своего человека, который станет спасать самодержавие по разработанной ими программе.

Вот почему проводимое именно Протопоповым совещание банкиров для осуществления кредита Ашберга могло иметь особый смысл.

Теперь настал, пожалуй, момент сообщить, что русский посланник в Швеции Неклюдов, который вместе с путиловским Русско-Азиатским банком усиленно «насаждал» Ашберга в Петрограде, пользовался в Стокгольме особой популярностью в прогерманских кругах⁷⁶ и был уже причастен к контактам с немцами,⁷⁷ а также высказать подозрение насчет того, что попытка высылки Ашберга из Петербурга имела причины более глубокие, нежели чисто паспортные, и была до некоторой степени аналогична делу Рубинштейна. Подозрение это представляется тем более обоснованным, что Ашберг, как он сам пишет в своих воспоминаниях, благодаря связям с пограничной службой, которые были налажены для него его петроградскими друзьями, мог без досмотра переправлять любые бумаги из России и в Россию, а возглавлявшийся Ашбергом стокгольмский Новый банк сбывал немцам русскую валюту.⁷⁸

Что в Петрограде явственно ощущали нейтрально-германофильский душок, исходивший от американцев, были весьма к нему чувствительны, хотя и относились по-разному — об этом свидетельствуют, в частности, записи в дневнике американского посла Мари. Впервые американской дипломатии пришлось столкнуться с возможностью неодобрительной реакции в России на герmano-американские связи еще в самом начале войны, когда США взяли на себя представительство германских и австрийских интересов в России и как бы в связи с этим после двухлетнего отсутствия туда срочно отправился американский посол.⁷⁹ В дальнейшем Мари жаловался в своем дневнике на трудности, создаваемые для него в Петрограде посредническими демаршами президента Вильсона.⁸⁰ Но наряду с этим он писал о «влиятель-

⁷⁶ Это отметил, проезжая через Стокгольм в сентябре 1914 г., американский посол в России Мари (G. T. M a r y e. Nearing the end in imperial Russia, стр. 31).

⁷⁷ См. телеграммы А. В. Неклюдова С. Д. Сазонову от 7/20 июля, 15/28 июля и письмо от 18/31 июля 1915 г. Константинополь и проливы. По секретным документам бывш. Министерства иностранных дел. Под ред. Е. А. Адамова, т. II, М., 1926, стр. 375—379.

⁷⁸ O. A s c h b e r g. En vandrande Jude från Glasbruksgatan, стр. 116.

⁷⁹ G. T. M a r y e. Nearing the end in imperial Russia, стр. 17—21.

⁸⁰ Так, 8 сентября 1915 г. он писал об отрицательной реакции в Петрограде на американские демарши, принимавшей несколько причудливую

ных русских», действующих в пользу сепаратного мира.⁸¹ В феврале 1916 г. госдепартамент неожиданно отозвал из Петрограда наиболее опытного и влиятельного из чинов американского посольства Чарльза Вильсона. Все сходилось во мнении, что причина этого — проантантовская позиция Вильсона. Великая княжна Мария Павловна заявляла, что Вильсона заменит «друг, а возможно, агент Германии», и передавала якобы сказанные ей слова самого царя о том, что госдепартамент убрал Вильсона «по приказу из Берлина» и вообще-де политика США в целом благоприятна Германии.⁸² Но Мария Павловна была на первых ролях в антираспутинской великокняжеской партии. Тесно связанная с союзными послами, впоследствии она оказалась чуть ли не заговорщицей, и как раз то, что возмущало ее в политике США, делало американский денежный рынок особенно ценным для сторонников финансовой и иной «эмансипации» от союзников по Антанте.

14 марта (ст. ст.) предстояло заседание Комитета финансов для рассмотрения неоднократно нами упоминавшегося представления Барка «О совершении кредитных операций в Америке». Представителям американских банков в Петрограде содержание представления, а следовательно и подлинная точка зрения и истинные намерения Барка, естественно, не были известны. Мэрш считал кредит Ашберга решенным делом, большим же займом интересовался лишь постольку, поскольку боялся, что в хлопотах о нем Мезерв тем или иным способом сорвет операцию Гаранти траст компании. Мезерв в свою очередь, хоть он и оптимистически смотрел на перспективы большого займа, был, действительно, не прочь при случае повредить делу Мэрша и Ашберга. В наиболее ответственные моменты переговоров они старались попросту не отходить друг от друга, посещая вдвоем не только кредитную канцелярию, но и русские банки.⁸³ За несколько дней до заседания Комитета финансов, когда Мэрш уже наслаждался уверенностью, что соглашение о кредите Ашберга накануне заключения, а большой заем — дело неопределенного будущего, он получил от Мезерва копию документа, уже отправленного тем Барку. Документ этот вызвал у Мэрша серьезное беспокойство, которое он с трудом скрывал в написанном сейчас же письме Мезерву (встречаясь чуть ли не ежедневно, они тем не менее прибегли теперь к официальной переписке). «Я бы предложил — и должен настаивать на этом, — чтобы впредь Вы заранее представляли на мое рассмотрение все заявления, устные или письменные, ко-

форму запоздалого недовольства Портсмутским миром, ссылаясь на появившуюся в этот день в «Новом времени» антиамериканскую статью (G. T. M a r y e. Nearing the end in imperial Russia, стр. 238).

⁸¹ G. T. M a r y e. Nearing the end in imperial Russia, стр. 413.

⁸² Там же, стр. 462—463.

⁸³ См.: Мэрш — Мезерву, б. д. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 23, л. 370.

торые Вы предполагаете сделать относительно кредита Ашберга, — писал Мэрш. — ... Я очень надеюсь на заключение этого соглашения в течение ближайших десяти дней. ... То, что я узнал, не оставляет, однако, сомнений, что и Ваш заем также будет прият. ...»⁸⁴ Не говоря уже о том, что внутрисиндикатские противоречия предстают здесь перед нами безо всякого флера (когда представитель одного из банков, входящих в созданный для осуществления займа синдикат, обращаясь к представителю другого банка, постоянно употребляет выражение «Ваш заем»), в письме весьма полно отразилась уверенность как Мэрша, так и Мезерва в своем успехе и затаенная надежда каждого из них на провал партнера. Не в беседах ли с чинами Кредитной канцелярии черпали они оба свою уверенность и свои надежды? И не на этот ли именно «конфиденциальный источник» ссылался Мэрш, когда жаловался в Нью-Йорк на то, что Мезерв и Сити банк ухудшили своих условий большого займа «первируют правительство».⁸⁵

Успокоительные заверения Мэрша, который утверждал, что заключение соглашения о кредите Ашберга приблизит успех большого займа, вероятно, звучали для Мезерва если не лицемерно, то весьма наивно. Он-то сам исходил ведь из того, что Барк предпочитает большой заем, поэтому он и не постеснялся, по-видимому, «вызвать путаницу в уме министра» насчет кредита Ашберга, в чем обвинял его Мэрш. Мезерв был так уверен в своем успехе, что 8/21 марта, через два дня после письма Мэрша, отправил Вандерлипу письмо, в котором рекомендовал в случае совершения операции открытие в Петрограде отделения Нэйшнл Сити банк.⁸⁶ И если уж говорить о наивности, то на самом деле Мезерв выглядел еще наивнее, чем должен был ему казаться Мэрш: в представлении Барка Комитету финансов, без сомнения уже заготовленном к тому сроку Кредитной канцелярией, условия большого займа признавались неприемлемыми.

В этом представлении от 10/23 марта в соответствии с известной нам уже точкой зрения Министерства финансов указывалось, что заем этот «представляет известный интерес в качестве операции подготовительной, имеющей целью завязать отношения с американским денежным рынком». В содержавшейся в представлении «характеристике американского рынка» отмечалась склонность американской буржуазной «публики, воспитанной на акциях с их хотя и неустойчивым, но зачастую крупным доходом», к «дивидендным ценностям» и игнорирование ею «твердо-процентных бумаг». В качестве другого препятствия к проведе-

⁸⁴ Мэрш — Мезерву, 6/19 марта 1916 г. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 23, лл. 371—371 об.

⁸⁵ Телеграмма Мэрша — Сабину и Марфи, 3/16 февраля 1916 г. ЦГИА, ф. 630, оп. 2, д. 19, л. 122.

⁸⁶ ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 26, лл. 114—117.

нию в США кредитных операций широкого масштаба отмечалась большая zahraniчная задолженность Америки («при таких условиях экспорт собственных капиталов производится с особой осторожностью»). Анализируя довоенный вывоз капитала из США, авторы представления делали не лишнее интереса в устах чиновников русской Кредитной канцелярии замечание о том, что этот вывоз был обусловлен не столько избытком капитала, сколько политическими причинами экспансионистского характера, т. е., иными словами, служил средством для проведения захватнической политики. «Если не считать временных покупок английских и японских фондов, вызванных политическими симпатиями, Америка помещала свои капиталы лишь в предприятия соседних с нею стран, стремясь создать себе на этой почве расширение сферы своего экономического влияния», — указывалось в подписанном Барком документе. А он, служивший при Витте председателем правления Учетно-судного банка Персии, хорошо знал толк в таких вещах!

Далее следовало указание на то, что Россия как сфера экономического влияния до войны представляла собой для американского капитала «малый интерес» и не пользовалась «симпатией» среди американских капиталистов из-за еврейского вопроса.

Война, говорилось в представлении, при том, что она создала для Америки «блестящую экономическую конъюнктуру», отразилась на условиях американского денежного рынка лишь «в некоторой степени». Колоссальный рост товарного экспорта, казалось бы, давал большие возможности для вывоза капитала, но в действительности этого не получалось из-за массовой продажи в Нью-Йорке американских ценных бумаг, находившихся в европейских руках.

Вывод из «характеристики американского рынка», сделанный в связи с намеченной целью завязать с этим рынком отношения, гласил: «Хотя... возможность размещения миллиардных займов не имеет реальных оснований, тем не менее при известных благоприятных обстоятельствах и военных успехах совершение кредитных операций в более скромной сумме 200—300 млн долларов представляется, вероятно, осуществимым. Если означенные операции удались бы, то при громадных платежах по военным заказам, исчисляемым в сумме около 1500 млн руб., это отразилось бы на соответственном сокращении размеров вынужденного для нас вывоза золота, между тем как отказ от предложения синдиката может затруднить в будущем совершение кредитных операций на американском рынке».

И «тем не менее» последний, пятидесятиллионный, вариант условий большого займа Барк признавал «неприемлемым». Он приводил этому три причины: незначительность суммы, невыгодность условий — дороговизну «при отсутствии для синдиката обязательной консолидации в долгосрочный заем», а также

необходимость гарантии правительства в уплате капитала, вследствие чего через три года казне лемниуемо пришлось бы приобрести облигации железнодорожных обществ, «хотя бы за счет — сберегательных касс».

Но была и четвертая причина, не названная Барком в представлении, но высказанная на заседании Комитета финансов — сентябрьское (1915 г.) финансовое соглашение с Англией, которым «в значительной степени», как указывалось в журнале заседания, обеспечивались все платежи по русским военным заказам в США. Эта оценка отнюдь не носила, как может на первый взгляд показаться, оптимистический по отношению к английским кредитам характер. А. Л. Сидоров в своей книге «Финансовое положение России в годы первой мировой войны» обстоятельно показал тягостные для России стороны этого финансового соглашения. Через четыре дня после заседания Комитета финансов об американских кредитах Совет министров 18 марта (ст. ст.) обсуждал общий вопрос о кредитном обеспечении всех заграничных заказов в целом. При этом, в частности, отмечалось, что передача заказов в США в счет английских кредитов «весьма затруднительна», так как английское правительство относится к размещению заказов за пределами Англии «до крайности ревниво».⁸⁷ Тем более настоятельной представлялась необходимость финансовой эмансипации от Англии в США, и потому наличие соглашения с Англией никак, казалось бы, не могло способствовать отклонению американских кредитов. Но была у этого дела еще одна сторона, которая, как нам представляется, его объясняет. Размещение русских заказов США, а главное их исполнение и доставка, как нам приходилось уже отмечать, сталкивались со значительными трудностями и независимо от кредитного вопроса. А для того объема заказов и поставок, в котором они реально осуществлялись, английских кредитов в сущности хватало. В этом-то и состоял смысл сказанного на заседании Комитета финансов. И потому в своих поисках независимых от Англии источников денег в Америке на будущее Барк, как это ни парадоксально выглядит, пытался пока опереться на финансовое соглашение с самой Англией.

Итак, условия большого займа Барк рекомендовал Комитету финансов отклонить. Что же касается кредита Ашберга, то Барк в своем представлении, как мы уже указывали, рекомендовал принять его.

Единственным источником сведений о ходе заседания Комитета, состоявшегося 14/27 марта, является для нас весьма краткий официальный журнал этого заседания.⁸⁸ В основных пунктах

⁸⁷ А. Л. Сидоров. Финансовое положение России в годы первой мировой войны. М., 1960, стр. 315.

⁸⁸ ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 531, лл. 1—3.

журнал этот повторяет представление Барка, хотя рекомендации его, как сейчас увидим, были Комитетом в их значительной части, казалось бы, отвергнуты. Журнал содержит слишком мало сведений, для того чтобы судить, каким образом это случилось, имелись ли в Комитете какие-либо разногласия.

Одно явственно видно из журнала, — что ход заседания направляла рука Барка. В обоснование стремления своего министерства к закреплению на американском рынке, несмотря на все связанные с этим трудности, Барк сказал на заседании несколько больше, чем было написано в его официальном представлении. Его позиция сводилась в сущности к тому, что именно для внедрения на американский рынок необходимо теперь проявить перед американцами твердость в вопросе об условиях займа вплоть до отказа от него.

При этом Барк давал понять, что отказ не обескуражит американцев, бояться прекращения с их стороны переговоров не следует. Ввиду экспансионистских планов и намерений американского капитала, «при наблюдающемся в последнее время в Америке все возрастающем интересе к России» нужно лишь торговаться. А возможности выжидать обеспечиваются английскими кредитами.

Здесь Барку подыграл Сазонов, которого он специально пригласил, испросив особым всеподданнейшим докладом разрешение на участие в заседании министра иностранных дел «для всестороннего освещения взаимоотношений России и Америки» (Сазонов не был членом Комитета финансов).⁸⁹ Как бы независимо от Барка и чуть ли не возражая ему (Барка можно было понять так, что он если не за разрыв, то за перерыв в переговорах), Сазонов заявил, что «по общеполитическим соображениям» переговоры с американскими банками надо продолжать «в целях завязать в дальнейшем более тесные экономические отношения с Америкой для использования нового денежного рынка, что в значительной степени освободило бы Россию от зависимости в области финансов от отдельных держав, хотя бы нам союзных».⁹⁰ Комитет финансов разделил точку зрения Сазонова и присоединился к его желанию, признав целесообразным продолжение переговоров с синдикатом американских банков о займе на сумму не менее 100 млн долларов. Признано было желательным курс реализации несколько повысить, а обеспечение долгосрочными железнодорожными облигациями понизить к номиналу долга.

В сущности это было возвращение к январским условиям Барка, на которых Министерство финансов продолжало настаивать.

⁸⁹ Там же, л. 11.

⁹⁰ Журнал заседания Комитета финансов, 14/20 марта 1916 г. ЦГИА, ф. 563, оп. 2, д. 531, лл. 1—3.

вать. А если иногда оно и проявляло перед американцами готовность несколько отступить от этих условий, то ведь не могло же оно всецело полагаться на английские кредиты на путях к предстоявшей вскоре межсоюзнической финансовой конференции. И, наоборот, именно в предвидении этой конференции продолжающиеся переговоры с американцами могли оказаться полезными. Так мог ответить Барк на упреки в известной уступчивости, к которым он всегда был очень чувствителен.

В общем относительно решения Комитета финансов по этому вопросу можно сказать, что Барку только того и надо было. Путь на американский денежный рынок лежал лишь через переговоры с синдикатом в лице Нэйшил сити банк. Именно эти переговоры следовало, с точки зрения Барка, продолжать в первую очередь, и он располагал теперь на этот счет решением Комитета финансов, принятым к тому же не по его инициативе, а в поддержку мнения «чужого» министра. Отсюда и тот оборот, который приняло на заседании дело с кредитом Ашберга. В принципе, как будто бы одобрив кредит Ашберга в полном соответствии с представлением Барка, Комитет финансов «признал, однако, предпочтительным производить операцию Ашберга совместно с большим займом, так как эта операция в случае заключения ее отдельно от займа могла бы повредить не окончившимся еще переговорам». Этошло уже вразрез с рекомендацией Барка, но он, по-видимому, легко ею поступился, во всяком случае в журнале заседания нет никаких следов его возражений или несогласия. Да это и неудивительно: ведь Министерство финансов лишь продлило себе возможность играть на противоречиях между двумя американскими банковскими монополиями. Практический смысл сделанной Комитетом финансов оговорки в этом и состоял, хотя продиктована она была несомненным предпочтением, которое Комитет вслед за Барком отдавал операции Нэйшил сити банк.

Сколько ни старался Мэрш и Мезерв обойти друг друга, ни одному из них сделать это не удалось, на сей раз их обоим обошел Барк. Но тогда возникает вопрос, почему Барк в ходе предшествовавших переговоров дал Мэршу свое согласие на проведение операции Ашберга и теперь в представлении Комитету финансов ему оставалось лишь признаться в этом вместо того, чтобы уже в этом документе связать операцию Ашберга с большим займом, как это и сделал Комитет финансов? Как он вообще мог дать свое согласие без ведома Комитета финансов, да еще на операцию, осуществление которой требовало, как он сам признавал, изменений в законодательстве? Не было ли здесь «внеминистерских влияний» распутинско-дворцового происхождения, которые, как нам представляется, распространялись на вопрос о кредитовании в США и особенно на дело о кредите Ашберга? Может быть, не сумев тогда устоять перед ними, Барк, обладавший репутацией англофила, теперь позвал себе на помощь Са-

зонова, пользовавшегося той же репутацией (не распутинским ли кругам оба они были ею обязаны?), и в результате заседания спрятался за решение Комитета финансов?

Пресловутое англофильство Барка и Сазонова имело в этом случае лишь тот смысл, что в отличие от тех представителей дворцовых кругов, которые финансовую опору на США могли рассматривать как шаг на пути к возможному выходу из Антанты, — они, Барк и Сазонов, вкладывали в формулу Сазонова «общеполитические соображения» иной смысл — открытием для России нового денежного рынка укрепить ее положение в Антанте.

Что забота об успехе большого займа не оставляла Барка буквально ни на минуту, видно, в частности, из того, что в самый день заседания Комитета финансов он послал Мезерва к председателю Азовско-Донского банка Б. А. Каменке за новым вариантом условий.⁹¹ Поскольку Каменка вместе с Путиловым был одним из руководителей банковской группы в предполагавшейся операции Ашберга, можно предположить, что Барк, не рассчитывая еще на решение Комитета финансов об одновременности обеих операций, пытался пустить Мезерва по следу Мэрша и Ашберга и тем затруднить их положение.

Наутро после заседания Барк сам позвонил по телефону Мезерву и немедленно пригласил его к себе. Свидание их по случайной причине не состоялось, и Барк дал знать Мезерву, чтобы он отправился к директору Кредитной канцелярии Никифорову. Там Мезерв был принят двумя влиятельными чиновниками Тимковским и Новицким, от которых и узнал официально, что Комитетом финансов его условия отклонены. Одновременно ему было от имени Никифорова заявлено, что в качестве приемлемых могут рассматриваться лишь три формы кредитования: 1) предоставление кредита под обязательства Государственного казначейства, 2) покупка гарантированных русским правительством железнодорожных займов, 3) покупка краткосрочных обязательств частных железных дорог с дополнительным обеспечением облигациями железнодорожных займов в размере 145% к сумме займа при условии, чтобы Нэйшил сити банк на основе русских ценностей выпустил на американский рынок обязательства от своего собственного имени.

На следующий день 16/29 марта Мезерв был с утра принят Барком. Он стал было излагать министру результаты своей встречи с Каменкой, но тот сейчас же заявил, что план Каменки теперь «невозможен». Тогда Мезерв упомянул о третьем из сделанных ему накануне предложений Никифорова. Барк, в ответ на это, просил Мезерва прислать к нему Никифорова для обсу-

⁹¹ Мезерв — Вандерлипу, 16/29 марта 1916 г. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 26, лл. 148—150.

ждения этого предложения так, как если бы впервые о нем слышал. Выйдя от Барка, Мезерв отправился в Кредитную канцелярию, где Тимковский и Новицкий вручили ему выработанный ими после консультации с Никифоровым текст телеграммы о согласии на немедленное осуществление займа на основе третьего варианта в размере 50 млн долларов, которую Мезерв мог отправить в Нью-Йорк от своего имени.⁹²

Мезерва заверили, что такой заем «совершенно приемлем». Никифоров заявил, что пойдет к Барку для того только, чтобы «посмотреть, нет ли в телеграмме каких-нибудь деталей», которые министр «пожелал бы изменить», и предложил Мезерву снова явиться во второй половине того же дня, чтобы самому проследить за отправкой телеграммы (Кредитная канцелярия брала это на себя). В ожидании Никифорова Мезерв беседовал с чинами Кредитной канцелярии, которые уверяли его, что «не может быть сомнений относительно принятия Барком нынешнего предложения, поскольку этот способ обычно употребляется здесь при кредитовании банками железнодорожных обществ, вследствие чего они все к нему привыкли». Тут же было подчеркнуто, что займы такого типа «исключительно надежны», так как дополнительное обеспечение в столь большом размере к сумме займа — 145% — заставляет железнодорожные общества погашать по истечении срока свои обязательства, если банки этого требуют. Эти соображения могли лишь еще больше раззадорить Мезерва, который, помимо чисто финансовой операции, должен был вновь увидеть здесь возможности для внедрения американского капитала в русское железнодорожное дело (а он всегда имел особый интерес к тому, чтобы связать операции с ценными бумагами русских железнодорожных обществ с непосредственным участием американских предпринимателей в железнодорожном строительстве в России).⁹³

Поставить свой нью-йоркский банк в смысле участия в русском железнодорожном деле на одну доску с русскими банками, роль которых в железнодорожном строительстве и вообще в железнодорожном хозяйстве не могла быть для Мезерва секретом, было очень заманчиво.

⁹² Там же.

⁹³ В январе, начиная новый тур переговоров с Министерством финансов, Мезерв получил письмо от только что вернувшегося из России Дж. Х. Робертса, соладельца чикагской железнодорожностроительной фирмы «Робертс бразерс рейлрод конструкторс» о его желании принять участие в железнодорожном строительстве в России вместе с Ф. Хольбруком, одним из партнеров фирмы Хольбрук, Кэбот и Роллинс. (ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 23, л. 476). Хольбрук на сей раз отправился в Петроград как представитель Американской международной корпорации. Еще осенью 1915 г. его фирма вела переговоры о строительстве новых линий Московско-Казанской дороги.

Но вот вернулся Никифоров, и вмиг лошнули все надежды Мезерва.

Правка, которую внес Барк в текст телеграммы, совершенно изменяла дело. Прежде всего Барк в соответствии с решением Комитета финансов требовал не 50, а 100 млн долларов.⁹⁴ Условие о выпуске обязательств железнодорожных обществ в крупных купюрах Барк дополнил и уточнил в том смысле, что каждое общество выдавало одну купюру на всю сумму своего обязательства. Понятно, что возможность продажи таких обязательств, к тому же запрещавшаяся специальным условием, исключалась совершенно. По-видимому, Барк, исходя из своей оценки американских экспансионистских планов, готов был дойти до крайности, каковой несомненно являлась предложенная им форма обязательств русских частных железных дорог, только чтобы предотвратить их свободное обращение в США.

Процент по этим обязательствам Барк понизил с 7½ до 7, а размер обеспечения — со 145 до 125%, предложив на 100 млн займа облигаций дополнительного обеспечения лишь на 125 млн. Это последнее изменение — в вопросе о размере дополнительного обеспечения Мезерв объявил в письме Вандерлипу «роковым», поскольку Барк не желал распространить на американские банки те условия, на которых проводили аналогичные операции русские банки.⁹⁵ «Вы увидите, что изменения как раз таковы, чтобы сделать предложение невозможным», — разочарованно заключал Мезерв свое письмо Вандерлипу.⁹⁶

Он сам был совершенно убежден, что все дело ему сорвали англичане. В этом его неоднократно уверяли в Кредитной канцелярии, всякий раз нарочито подчеркивая, что Англия не только удовлетворяет текущие русские потребности в валюте, но и обещает после войны консолидировать получаемые ею краткосрочные обязательства.⁹⁷ Мезерв целиком принимал это на веру. «В марте Россия согласилась или была готова согласиться на требования нью-йоркских банкиров, — рассказывал он о своих злоключениях месяц спустя новому послу США в Петрограде Франсису, — но затем отказалась это сделать, и единственное

⁹⁴ Непонятно, каким образом Никифоров и его сотрудники собирались ограничиться пятьюдесятью миллионами, если только это не было в какой-то момент санкционировано Барком; даже совершенно невероятное предположение о том, что они не знали решения Комитета финансов, в данном случае невозможно: они ведь сами сообщили о нем Мезерву.

⁹⁵ Позиция Барка в этом вопросе легко объяснима: ведь с русскими банками всегда можно было в крайнем случае поладить тем или иным «домашним способом», которых в распоряжении министра финансов был целый арсенал.

⁹⁶ Мезерв — Вандерлипу, 16/29 марта 1916 г. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 26, лл. 148—150.

⁹⁷ Мезерв — Вандерлипу, 6/19 апреля 1916 г., № 85. ЦГИА, ф. 624, оп. 1, д. 26, л. 124.

объяснение этого изменения позиции — влияние Англии, которая хочет, чтобы все внешние сношения торгового или финансового характера, которые имеет Россия, шли через Лондон».⁹⁸

Конечно, именно английские кредиты, как мы это видели, дали возможность на заседании Комитета финансов отклонить ухудшенные американские условия, но Мезерв в своей оценке положения игнорировал то обстоятельство (или не знал о нем), что Комитет все же решил добиваться американского займа. Да и в действиях Барка в роковой для Мезерва день 16/29 марта ощущалось не столько английское влияние, сколько стремление добиться у Нейшил сити банк лучших условий.

Барку надо было обладать очень уж большой уверенностью в реальной заинтересованности американских банков в кредитовании России, в важном значении, которое придавали на Уолл-стрите связанным с этим замыслам, чтобы подвергать Мезерва столь сильным искушениям и испытаниям, не боясь при этом, что американцы вообще откажутся от своих русских планов. И министр, надо сказать, не ошибался. Развитие русско-американских отношений в 1916—1917 гг. подтвердило это.

⁹⁸ Франсис — гос. секретарю, 2 мая 1916 г. The Lansing papers, v. 2, p. 311.

В. С. ДЯКИН

К ВОПРОСУ О «ЗАГОВОРЕ ЦАРИЗМА» НАКАПУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Политика царизма в конце 1916—начале 1917 г. до настоящего времени освещается в советской исторической литературе с позиций схемы «двух заговоров» накануне Февральской революции. Эта схема была выдвинута в начале 1920-х годов М. Н. Покровским. По его мнению, Россия вступила в первую мировую войну в интересах «торгового капитала» (выразителем интересов которого он считал самодержавие), но по мере продолжения войны этот «торговый капитал», лишившийся сферы приложения своих сил, «начинал скучать и горько осуждать войну».¹ Промышленная буржуазия, согласно схеме М. Н. Покровского, напротив, становится с середины 1915 г. «хозяйкой положения, хозяйкой тыла, хозяйкой снабжения армии»² и выступает за продолжение войны.

Из противоположного подхода торгового и промышленного капитала к войне М. Н. Покровский и выводил свою схему «двух заговоров», первый из которых — заговор царизма («торгового капитала») имел целью заключение сепаратного мира, а второй заговор — промышленного капитала и военщины — носил ответный характер и должен был помешать выходу России из войны. Главным в обоих «заговорах» М. Н. Покровский считал внешнеполитический аспект, полагая, что «опасность массового взрыва совершенно ушла из поля зрения» царизма и буржуазии, «забывших, что на свете есть рабочие, есть революционный пролетариат».³ Схема «двух заговоров» была положена в основу изображения кризиса верхов накануне Февральской революции и в первом томе «Истории гражданской войны в СССР», вышедшем в свет в 1935 г. Однако содержание этой схемы коренным образом изменилось. Оба заговора рассматривались в «Истории гражданской войны» как «заговоры против революции». В этой связи

¹ М. Н. Покровский. Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX в. М., 1924, стр. 201.

² Там же, стр. 189.

³ Там же, стр. 200—201.

заклучение сепаратного мира с Германией рисовалось уже не как цель «заговора царизма», а как средство, для того чтобы «обрушиться против революции».⁴ Главным в обоих «заговорах» становился, таким образом, их внутривполитический аспект.

С середины 1930-х годов схема «двух заговоров» стала общезначательной. Только в последние годы против нее выступил Е. Д. Черменский. Однако оспаривая существование единого «заговора буржуазии» Е. Д. Черменский не только поддерживает версию о «заговоре царизма», включавшем в себя заключение сепаратного мира с Германией, но и стремится подкрепить ее с помощью новых аргументов, оставшихся незамеченными его предшественниками.⁵ Правда, в 1964 г., в докладе на научной сессии, посвященной 50-летию первой мировой войны, и в 1965 г., во втором издании своей книги «История СССР. Период империализма», Е. Д. Черменский выступил с менее категорическими формулировками, подчеркивая сохранение колебаний в политике царизма до самого момента революции.⁶

Схема «заговора царизма» и у М. Н. Покровского, и в «Истории гражданской войны», и у Е. Д. Черменского характеризуется следующими основными моментами.

1. Тесная связь между внешнеполитическими планами (сепаратный мир) и внутривполитическим курсом (отказ от соглашения с оппозицией, разгон Государственной думы и буржуазных организаций и т. п.).

2. Существование определенного плана внутривполитических мероприятий, положенного в основу действий царизма. М. Н. Покровский при этом имел в виду план, изложенный в мемуарах бывшего директора Департамента полиции П. Г. Курлова,⁷ Е. Д. Черменский — записку, вышедшую из кружка правых, возглавлявшегося А. А. Римским-Корсаковым,⁸ а авторы «Истории гражданской войны» — нечто неопределенное, связываемое ими с именами министров внутренних дел А. Н. Хвостова и А. Д. Протопопова.⁹

3. Утверждение, что царизмом были предприняты реальные шаги для осуществления как внешнеполитического, так и внутривполитического планов его «заговора».

⁴ История гражданской войны в СССР, т. I, М., 1935, стр. 55.

⁵ Е. Д. Черменский. Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. в России. Пособие для учителей. М., 1959, стр. 97—98.

⁶ Е. Д. Черменский. История СССР. Период империализма. М., 1965, стр. 524; см. также: Научная сессия по истории первой мировой войны. Тезисы докладов. Секция III. М., 1964, стр. 157—158.

⁷ М. Н. Покровский. Очерки..., стр. 206—207.

⁸ Е. Д. Черменский. 1) Февральская буржуазно-демократическая революция..., стр. 96—97; 2) История СССР, стр. 523.

⁹ История гражданской войны, т. I, стр. 55—57.

Нет никакого сомнения в том, что царское правительство боялось выступления революционного пролетариата и готовилось к их подавлению. Еще в октябре 1916 г. по представлению Министерства внутренних дел Совет министров постановил усилить полицию в 50 губерниях страны, увеличив, в частности, штат петроградской полиции до 6688 человек.¹⁰ В ноябре петроградскому градоначальнику было поручено выработать план действий на случай революционных выступлений. В январе 1917 г. такой план был выработан комиссией во главе с командующим петроградским военным округом генералом Хабаловым и утвержден Николаем.¹¹ В то же время, как мы покажем в дальнейшем, царское правительство и большинство лидеров правых недооценивали остроту революционного кризиса. Это было одной из причин, в силу которых они считали возможным отвергать компромисс с буржуазной и думской оппозицией.

Однако ни разработка плана подавления революционных выступлений, ни отказ от компромисса с оппозицией не означали существования «заговора царизма».

Обратимся в первую очередь к внутривполитическому аспекту действий царизма. Поражения русской армии в первой мировой войне резко обострили конфликт между царизмом и буржуазией. Этот конфликт обуславливался тем, что буржуазные лидеры решили «воспользоваться поражениями и растущей революцией, чтобы добиться у испуганной монархии уступок и дележа власти с буржуазией», в то время как самодержавие и крепостники-помещики стремились «не отдать» России либеральной буржуазии.¹² Политика царизма по отношению к буржуазной оппозиции не оставалась неизменной на протяжении всего периода мировой войны, а главное — в правящих кругах все время происходила борьба двух тенденций в этом вопросе: тенденции к полному игнорированию буржуазного общественного мнения, и тенденции к расколу оппозиции, к сговору с наиболее умеренной ее частью на базе уступок, не затрагивающих основ самодержавия.

Своеобразие обстановки, вызванное развертыванием кризиса верхов во время войны заключалось в том, что военные поражения царизма «озлобили против него все классы населения».¹³ Летом 1915 г. в Государственной думе образовался буржуазно-помещичий «прогрессивный блок», объединивший вокруг программы умеренных реформ большинство Думы от кадетов до «левого» крыла расколовшейся фракции националистов. В оппозиции царизму участвовали, внося в нее свои специфические черты, три социальные группы — буржуазия, определявшая основное социальное

¹⁰ Собрание узаконений. 1916 г., № 307, ст. 2426, стр. 3075—3085.

¹¹ Падение царского режима, т. 4. М.—Л., 1926, стр. 92—93.

¹² В. И. Ленин, ПСС, т. 27, стр. 28.

¹³ Там же, т. 31, стр. 15.

лицо всего оппозиционного лагеря; буржуазная и земская интеллигенция, давшая ему главных политических лидеров, формулировавшая его цели и лозунги, и дворянство, наиболее пассивный и умеренный элемент, который, однако, своим присоединением к оппозиции завершил изоляцию царизма.

Для политики царизма в конце 1915 г. и в первой половине 1916 г. характерно стремление использовать и усилить разногласия в оппозиционном лагере. Поэтому отказ от уступок прогрессивному блоку по существу сопровождался жестами «доброжелательства» по отношению к Думе, попытками восстановить право-октябристское большинство в ней и укрепить лояльность введумских элементов, составлявших обычно опору правительства. Наиболее эффективным жестом в этом направлении было назначение 18 сентября 1916 г. управляющим Министерством внутренних дел А. Д. Протопопова, октябриста, товарища председателя Думы, председателя Совета съездов металлообрабатывающей промышленности. Выдвигавшая Протопопова в Министерство внутренних дел и намечавшая его в будущем в премьеры распутинская клика надеялась с его помощью найти пути сближения с правыми кругами думской и буржуазной оппозиции.

Однако меры, на которые при этом рассчитывал Протопопов, хотя и привлекли вначале на его сторону часть наиболее умеренных буржуазных элементов, были совершенно недостаточны для оппозиции в целом. Осенью 1916 г. нарастание революционного кризиса заставляло оппозицию активизировать свои выступления против правительства, чтобы не оказаться полностью изолированными от широких масс. В этих условиях вступление Протопопова в правительство вызвало лишь раздражение лидеров прогрессивного блока лично против него и еще больше обострило конфликт между Думой и правительством. 1 ноября, при открытии очередной сессии Думы, блок начал ожесточенную кампанию против правительства, и особенно против Штюрмера и Протопопова. 9 ноября Николай уволил Штюрмера в отставку и назначил его преемником министра путей сообщения А. Ф. Трепова.

Уже в предвидении созыва думской сессии, а особенно после ее начала и отставки Штюрмера, в правящих кругах усилилась борьба группировок, выступавших за различные пути выхода из политического кризиса. Течение, склонное к соглашению с наиболее умеренными кругами оппозиции, было представлено членами императорской фамилии, рядом военных и бюрократов, в числе которых находился и новый премьер. Еще в конце июня 1916 г. на Николая было оказано сильное давление в пользу уступок оппозиции. В бумагах генерала Н. И. Иванова сохранился попавший к нему из Ставки проект манифеста, в котором провозглашались: образование Совета министров из лиц, «пользующихся доверием страны», учреждение особой должности верхов-

ного министра государственной обороны и политическая амнистия.¹⁴ Идея об особом «верховном министре государственной обороны» дает основания связать этот проект манифеста с именем начальника штаба Ставки генерала М. В. Алексеева, который как раз 15 июня представил Николаю доклад о необходимости введения должности такого министра и сосредоточении в его руках диктаторской власти.¹⁵

Следующая, гораздо более настойчивая попытка давления на Николая относилась к концу октября—началу ноября и была предпринята членами императорского дома, среди которых все более возрастало беспокойство за судьбу монархического режима в стране. Позднее великий князь Александр Михайлович высказал смысл этого беспокойства Николаю и Александре, заявив им: «Я вижу, что вы готовы погибнуть вместе с вашим мужем, но не забывайте о нас. Разве все мы должны страдать за ваше слепое безрассудство? Вы не имеете права увлекать за собой ваших родственников в пропасть».¹⁶ Недовольство матери Николая Марии Федоровны и других его родственников вызывало прежде всего влияние Распутина и безоговорочное подчинение Николаю Александре. В этом они видели причину отказа Николая от необходимых уступок общественному мнению, которые помогли бы царизму выйти из кризиса.

Какие-то разговоры об этом несомненно велись в Киеве, где 28—29 октября Николай встретился с матерью, Александром Михайловичем, Павлом Александровичем и Марией Павловной.¹⁷ 1 ноября в Ставку приехал Николай Михайлович и привез письмо Николаю, в котором просил его оградить себя от распутинского влияния, идущего через Александру.¹⁸ Николай Михайлович не только не уточнил, как именно он предлагает это сделать, но и не сказал ни слова на эту тему в разговоре с Николаем, да и письмо отдал с явной нерешительностью.¹⁹ Тем не менее Александра пришла в ярость, когда Николай, не удосужившись прочитать письмо, переслал его ей. «Почему ты не оставил его среди разговора, — возмущалась она, — и не сказал ему, что если он еще раз коснется этого предмета или меня, то ты сошлешь его в Сибирь, так как это уже граничит с государственной изменой...»²⁰

¹⁴ Доклад члена Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства генерала Апушкина по делу генерала Иванова. Вопросы архивоведения, 1962, № 1, стр. 104.

¹⁵ Монархия перед крушением. М.—Л., 1927, стр. 259—266.

¹⁶ Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. Париж, 1933, стр. 280—281.

¹⁷ Переписка Николая и Александры Романовых, т. 5, М.—Л., 1927, стр. 111, 117. (Далее: Переписка Романовых).

¹⁸ Николай II и великие князья. Л.—М., 1925, стр. 123.

¹⁹ Переписка Романовых, т. 5, стр. 134.

²⁰ Там же, стр. 130.

Еще большую тревогу вызвал у Александры приезд в Ставку 7 ноября Николай Николаевича.²¹ Наученный выволочкой за письмо Николая Михайловича, Николай ни слова не написал жене о разговоре с бывшим верховным главнокомандующим, лаконично сообщив лишь, что «все разговоры прошли благополучно».²² Между тем Николай Николаевич говорил позднее великому князю Андрею Владимировичу, что он при этой встрече требовал от царя создания ответственного министерства.²³ 11 ноября прислал письмо, еще один член царского дома Георгий Михайлович, также предлагавший в качестве единственной меры, «которая может предотвратить общую катастрофу», создание ответственного министерства.²⁴ Наконец, 26 ноября жена великого князя Кирилла Виктория Федоровна разговаривала с Александрой, пытаясь убедить ее пойти на уступки. Александра ответила, что против самодержавия выступает лишь «петроградская кучка аристократов, играющая в бридж и ничего не понимающая».²⁵

С действиями родственников Николая тесно связано еще одно выступление, которое могло иметь место только в специфических условиях самодержавной России. Еще в конце XIX в. Николай случайно обратил внимание на чиновника А. А. Клопова, получившего с тех пор право писать Николаю, выступая как бы его личным информатором о настроениях в стране. Во второй половине октября готовилась аудиенция Клопова у Николая. Готовил ее, очевидно, генерал Алексеев, а посредником между ним и Клоповым был князь Львов. Перед аудиенцией Клопов поехал в Крым (где жили многие великие князья) и в Киев, т. е. к Марии Федоровне, матери Николая.²⁶ В конце октября 1916 г. Клопов послал Николаю записку, в которой уговаривал царя согласиться на создание министерства из лиц, пользующихся доверием Думы. Эта записка была одобрена и отредактирована Николаем Михайловичем.²⁷ Видимо, в связи с этой запиской Клопов переслал Николаю (как написанный якобы им самим) проект рескрипта на имя генерала Алексеева с поручением составить правительство из «государственных и общественных деятелей, объединенных единым пониманием стоящих перед

²¹ Там же, стр. 136.

²² Там же, стр. 141.

²³ Из дневника Андрея Владимировича. Красный архив, 1928, № 4(26), стр. 197.

²⁴ Николай II и великие князья, стр. 123.

²⁵ Русские ведомости, 10 марта 1917 г., № 55.

²⁶ См. телеграммы Львова — Клопову и Клопова — Львову, 24, 25, 27 октября и 5 ноября 1916 г. ЦГИА, ф. 12564, оп. 1, д. 73, лл. 287—289, 312.

²⁷ Записка А. А. Клопова, без даты и подписи. Автором ее мог быть и не сам Клопов. Датируется, по отметке на ней Николая Михайловича, 26 октября 1916 г. (ЦГИА, ф. 1099, оп. 1, д. 14, лл. 45—48).

Россией задач и способных опираться на большинство Думы».²⁸ Записка Клопова была передана Николаем Протопопову, и тот с помощью видного деятеля Министерства внутренних дел Гурьянда составил позднее специальный ответ, опровергавший доводы о необходимости уступок оппозиции.²⁹

Возглавив 9 ноября Совет министров, Трепов поставил перед собой цель расколоть блок ценой отдельных уступок его правому крылу и создать в Думе новое право-октябристское большинство. Видимо, этими планами Трепова объясняется поведение группы правого центра в Государственном совете (так называемых нейдгардтцев), не захотевшей объединиться с крайне правыми,³⁰ и попытка националистов-балашовцев войти в прогрессивный блок,³¹ усилив в нем правое крыло. Сам Трепов перед отъездом в Ставку в связи со своим назначением вел беседу с «видным членом блока», расширявшая его о желательных для блока кандидатах в премьеры³² (и явно рассчитывая на поддержку). Сразу после назначения Трепов нанес визит Родзянко, заявив ему о желании наладить отношения с Думой.³³

Размеры уступок, на которые соглашался Трепов, были невелики. Практически речь шла о замене некоторых нелюбимых оппозицией министров и о привлечении в кабинет наиболее умеренных думских деятелей.³⁴ Трепов предпочитал соблюдать видимость «благожелательного» отношения к Думе — не пользоваться ст. 87 «Основных законов Российской империи» для проведения законопроектов в обход Думы, не требовать закрытия дверей Думы при обсуждении острых вопросов; не раздражать оппозицию разрешением съезда правых, избегать выступлений министров, способных «неблагоприятно отразиться на взаимоотношениях правительства и законодательных установлений».³⁵ За это он требовал отказа от большей части законодательной программы блока, ограничившись в правительственной декларации обещанием рассмотреть вопрос о мелкой земской единице и реформе городского положения и заявив, что «едва ли есть время более

²⁸ Проект не датирован, но он не может относиться ко времени до 24 октября, когда кадеты приняли формулу о правительстве, «способном опираться на большинство Думы». С 8 ноября Алексеев заболел и был заменен генералом Гурко вплоть до 23 февраля 1917 г. Следовательно, проект рескрипта мог относиться только к рубежу октябрь—ноябрь. (ЦГИА, ф. 1099, оп. 1, д. 16, л. 1).

²⁹ Падение царского режима, т. 4, стр. 41; т. 5, стр. 270—271.

³⁰ Биржевые ведомости, 8 ноября 1916 г., № 15911.

³¹ Падение царского режима, т. 7, стр. 150.

³² Биржевые ведомости, 15 ноября 1916 г., № 15925.

³³ Красный архив, 1933, № 1(56), стр. 418—421.

³⁴ Утро России, 13 ноября 1916 г., № 317.

³⁵ Особый журнал Совета министров, 18 ноября 1916 г. ЦГИА, ф. 1276, оп. 20, д. 122, лл. 103—104.

широким программам в той или другой области государственной деятельности».³⁶

Тем не менее у Трепова были известные шансы на успех. Некоторые члены блока в Государственном совете выступали за сотрудничество с Треповым.³⁷ Другие представители правой части блока были более сдержанны. Националисты высказывались за выжидательную позицию и параллельную работу Думы и правительства. При этом они положительно оценивали самого Трепова. Шульгин говорил, что премьером назначен «не предатель, не распутинец, не взяточник, человек, к делу способный»,³⁸ а А. И. Савенко восхищался «сильной личностью» Трепова, сравнивая его со Столыпиным. Готовность удовлетвориться частичными уступками Трепова выражали земцы-октябристы.³⁹

Левые октябристы и кадеты внутри блока и оказавшиеся с ноября вне его прогрессисты в основном были неудовлетворены совершившимися переменами. Тем не менее боясь чрезмерной непримиримостью толкнуть правое крыло блока в объятия Трепова, кадеты согласились с тем, что если кабинет будет очищен от «темных сил» (т. е. если будет удален Протопопов), то правое крыло блока будет вести параллельную работу с правительством, а кадеты, заявив в Думе о сохранении своих прежних взглядов, подчинятся дисциплине блока.⁴⁰

Трепов мог также рассчитывать на определенную поддержку буржуазии вне Думы. Наиболее важной для Трепова была позиция петроградской финансовой олигархии. Здесь большую активность проявил связанный с банковскими кругами лидер фракции центра Думы П. Н. Крупенский, близкий к придворным кругам. Он выступил учредителем клуба «Экономическое возрождение России». Хотя формальное учреждение клуба относилось к весне, действительное его открытие состоялось 6 ноября, причем деньги для этого были получены Крупенским от Трепова.⁴¹ В своей речи при открытии клуба Крупенский говорил, что целью его является сближение власти, промышленников и сельских хозяев. На открытии клуба присутствовали министры, многие члены Государственного совета и Думы, а в совет его были избраны бывшие министры А. В. Кривошеин и князь Н. Б. Щербатов, член Государственного совета граф Д. А. Олсуфьев и представители банковского мира — А. И. Путилов, Е. Г. Шайкевич, Я. И. Утин, А. И. Вышнеградский, И. Х. Озеров и др.⁴² Клуб

³⁶ Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв четвертый. Сессия пятая. Пгр., 1916, стлб. 251—258.

³⁷ Красный архив, 1933, № 1(56), стр. 122.

³⁸ Там же, стр. 124.

³⁹ Речь, 12 ноября 1916 г., № 312.

⁴⁰ Информационная записка 18 ноября 1916 г. ЦГАОР, ДП ОО, 1916 г., л. 307А, т. 3, ч. 2, лл. 93—96.

⁴¹ Падение царского режима, т. 4, стр. 33.

⁴² Речь, 7 ноября 1916 г., № 307.

привлек к себе большое число членов из верхов буржуазии и землевладельцев. К середине декабря число членов клуба достигло 900 человек.⁴³

Если, таким образом, правое крыло блока в своем стремлении к компромиссу с Треповым отражало настроения как дворянских, так и определенных буржуазных кругов, то даже оно, а тем более кадеты не могли не считаться и с другой тенденцией, с активизацией тех кругов буржуазии (а особенно интеллигенции), которые в своей оппозиционности обгоняли Думу и блок и критиковали их слева. В такой обстановке блок должен был настаивать на принятии определенного минимума своих требований как условия соглашения с Треповым. Таким условием была отставка Протопопова.

Между тем события в правящем лагере развивались в сторону, противоположную той, о которой мечтала буржуазная оппозиция. В первый момент после падения Штюмера Николай был готов пожертвовать и Протопоповым и просил Александру не вмешивать Распутина в вопрос о составе правительства. «Ответственность несу я, — рискнул напомнить он, — и поэтому я желаю быть свободным в своем выборе».⁴⁴ По слухам, дошедшим до Протопопова, Николай даже подписал было его отставку.⁴⁵ Неуверенность Протопопова в своем положении дошла до того, что 14 или 15 ноября он наведывался к октябристу Савичу узнать, что слышно о переменах в Министерстве внутренних дел.⁴⁶ Но усилия Трепова и министра юстиции А. А. Макарова, добивавшихся отставки Протопопова и некоторых других членов кабинета,⁴⁷ натолкнулись на упорное противодействие Александры и Распутина. Александра просила Николая не смещать Протопопова и самым бурным образом отреагировала на попытку царя высвободиться из-под влияния Распутина. «Ах, милый, — писала она, — я так горячо молю бога, чтобы он просветил тебя, что в Нем (Распутине, — В. Д.) наше спасение: не будь Его здесь, не знаю, что было бы с нами. Он спасает нас Своими молитвами, мудрыми советами. Он — наша опора и помощь».⁴⁸ Заступаясь за Протопопова, Александра подчеркивала, что речь идет о принципе самодержавия: «Помни, что дело не в Протоп. или з, у, з. Это — вопрос о монархии и твоём престиже, которые не должны быть поколеблены во время сессии Думы. Не думай, что на этом одном кончится: они по одному удалят всех тех, кто тебе предан, а за тем и нас самих... Снова повторяю, что тут дело не в Прот., а в том, чтоб ты был тверд и

⁴³ Финансовая газета, 19 декабря 1916 г., № 381.

⁴⁴ Переписка Романовых, т. 5, стр. 146.

⁴⁵ Падение царского режима, т. 4, стр. 30.

⁴⁶ Утро России, 16 ноября 1916 г., № 320.

⁴⁷ Падение царского режима, т. 1, стр. 176.

⁴⁸ Переписка Романовых, т. 5, стр. 149—150.

не уступал — «царь правит, а не Дума».⁴⁹ 12 ноября Александра выехала в Ставку и вплоть до 4 декабря не отпускала Николая от себя, чтобы не допустить посторонних влияний.

Со своей стороны Распутин поддерживал самодержавные принципы Николая, на которые воздействовала Александра. Распутин посылал в Ставку для передачи царской чете телеграммы, в которых писал: «Ваш корабль и никто не имеет власти на него сести», «Верьте, не убойтесь страха, словно языцы. Сдайте не свое маленькому в целости, как от Отца получил, так и его сын получит».⁵⁰ На Распутинна не произвела большого впечатления направленная против него на шумевшая речь Пуришкевича в Думе 19 ноября, и он продолжал советовать не считаться с настроением страны: «Надо, — телеграфировал он в Ставку дворцовому коменданту В. Н. Воейкову, близкому к Николаю, — быть сплоченными друзьями. Хоть маленький кружок, да единомышленники, а их много, да разбросаны силы».⁵¹

Выступления против «темных сил» (речи Пуришкевича и В. А. Бобринского в Думе, а затем резолюции Государственного совета 22 ноября и дворянского съезда 1 декабря) дали Трепову повод вновь усилить давление на Николая, добиваясь отставки Протопопова. В докладе Николаю он объяснял холодную встречу правительственной декларации в Думе неприязнью депутатов к Протопопову⁵² и даже сумел заставить Протопопова поехать к Николаю с просьбой об отставке. Николай, однако, отверг теперь возможность ухода Протопопова, не желая уступать Думе.⁵³ Видимо, не имели под собой реального основания слухи о том, что в конце ноября Николай был склонен пойти на соглашение с Думой, хотя эти слухи были широко распространены. 4 декабря, уезжая вновь в Ставку, Николай обещал Александре «стать резким и ядовитым».⁵⁴

Сторонники соглашения с правым крылом оппозиции думали, что все еще поправимо, если царь согласится дать ответственное министерство, а единственным препятствием на пути к этому они считали влияние Александры и Распутина. «Пока книга не будет уничтожена и Валиде укрощена, ничего сделать нельзя» — писала З. Н. Юсупова своему сыну Феликсу, подразумевая под «книгой» Распутинна, а под «Валиде» Александру.⁵⁵ Стремясь убрать Распутинна с дороги, Трепов пытался откупиться от него, предложив 200 тыс. руб. за то, чтобы он не вмешивался

⁴⁹ Там же, стр. 153.

⁵⁰ Былое, 1917, № 5—6, стр. 229, 230.

⁵¹ Там же.

⁵² Докладная записка Трепова, 26 ноября 1916 г. ЦГИА, ф. 1276, оп. 10, д. 7, лл. 412—413.

⁵³ Падение царского режима, т. 4, стр. 17.

⁵⁴ Переписка Романовых, т. 5, стр. 158.

⁵⁵ Красный архив, 1926, № 1(14), стр. 236.

в политику.⁵⁶ В это же время оформился заговор с целью убийства Распутинна.

Непосредственными участниками заговора были великий князь Дмитрий Павлович, представитель высшей российской знати Ф. Ф. Юсупов-Сумароков-Эльстон, женатый на родственнице Николая — дочери Александра Михайловича Ирине, Пуришкевич, капитан Сухотин и врач из санитарного поезда Пуришкевича Лазаверт. По словам кадета В. А. Маклакова, которого Юсупов и Пуришкевич посвятили в свои планы, Дмитрий Павлович был рад отказу Маклакова принять непосредственное участие в убийстве, считая необходимым, чтобы оно осталось делом рук «истинных монархистов», не допускающим превратного толкования.⁵⁷ Однако круг лиц, знавших о предстоящем убийстве, был достаточно широк. О нем (через Маклакова) знал Милюков и, возможно, ряд других кадетов. Пуришкевич рассказал о нем Шульгину, отказавшемуся принять участие в заговоре.⁵⁸ Он же намекнул о предстоящем убийстве Сэмюэлю Хору, представителю английской разведки в России.⁵⁹ По-видимому, и среди императорской семьи не только Дмитрий Павлович был посвящен в планы убийства. Во всяком случае заслуживает внимания дошедший до Александры слух, будто Николай Николаевич собрался 17 декабря снова приехать в Ставку.⁶⁰

В ночь с 16 на 17 декабря заговорщики заманили Распутинна к Юсупову и убили. Убийство Распутинна не дало и не могло дать того эффекта, на который рассчитывали его организаторы. Хотя Александра была потрясена его смертью, она продолжала отстаивать прежний политический курс. Она и Протопопов начали создавать вокруг Распутинна ореол «мученика».

В то же время сразу после его убийства начали выдвигаться претенденты на его место. 20 декабря в петроградских салонах снова появился сошедший было со сцены юродивый «Вася-босоножка»,⁶¹ а в январе из Калужской губернии был вновь выписан косноязычный старец Коляба (Митя из Козельска), который пользовался громкой известностью в 1905—1906 гг.⁶² Тогда же Протопопов попытался выписать из-за границы своего старого знакомого хироманта Шарля Перрена, который тоже предназначался на роль заместителя Распутинна.⁶³

⁵⁶ Падение царского режима, т. 2, стр. 60—61.

⁵⁷ В. А. Маклаков. Необходимые дополнения к воспоминаниям Пуришкевича и кн. Юсупова об убийстве Распутинна. Современные записки, т. XXXIV, Париж, стр. 275—276.

⁵⁸ В. В. Шульгин. Дни. Л., 1925, стр. 83.

⁵⁹ S. Hoare. The Fourth Seal. The end of Russian chapter. London, 1930, p. 68.

⁶⁰ Переписка Романовых, т. 5, стр. 189.

⁶¹ Русская воля, 22 декабря 1916 г., № 8.

⁶² Русские ведомости, 12 января 1917 г., № 9.

⁶³ Выписка из протокола допроса С. А. Соколова 30 июля 1917 г. ЦГАОР, ф. 1467, оп. 1, д. 552, л. 64.

Николай не решился на суровые меры против убийц. Пуриткевич успел сразу же уехать на фронт и был вообще не тронут, Юсупов был выслан в свое имение, а Дмитрий Павлович — в действующую армию в Персию. Стремясь избавить Дмитрия Павловича и от этого наказания, а кроме того, еще раз попытаться оказать давление на Николая, члены императорского дома решили выступить с коллективным письмом. К совещаниям был привлечен и Родзянко, с которым и раньше поддерживался контакт через Николая Михайловича,⁶⁴ однако какого-либо активного участия в развернувшихся событиях Родзянко не принял.⁶⁵ Между 24 и 29 декабря было выработано письмо великих князей Николаю. Не подписавший его Александр Михайлович написал особое письмо, которое, впрочем, решился вручить лишь в феврале.⁶⁶ Слухи о совещаниях, проходивших во дворце Марии Павловны, тогда же стали широко циркулировать в Петрограде.

Французский посол М. Палеолог, посетивший Марию Павловну 28 декабря, описал напряженную атмосферу, царившую в ее дворце, и придал своему обмену репликами с ней такой вид, что создается впечатление, будто члены императорской семьи замышляли убийство то ли одной Александры, то ли и Николая.⁶⁷ Видимо, ближе к истине утверждения близкого к военным кругам члена Думы И. П. Демидова, говорившего позднее, что великие князья обсуждали план отстранения Александры с помощью гвардейских частей, которые должен был привести Дмитрий Павлович. Дмитрий не согласился сделать это, и план был оставлен.⁶⁸

Великокняжеская фронда была пресечена Николаем. Вслед за ссылкой в Персию Дмитрия был отправлен (1 января 1917 г.) в свое имение Николай Михайлович, а Кирилл выслан из Петрограда под благовидным предлогом. Во второй половине января уехал из столицы и Андрей Владимирович.⁶⁹

Тем не менее попытки добиться соглашения с оппозицией и воздействовать в этом духе на Николая продолжались. Кривошеин, Бобринский и главноуправляющий Собственной канцелярией Николай А. С. Танеев вели в январе переговоры с представителями блока, выясняя приемлемые для них условия соглашения с правительством и его состав.⁷⁰ Возможно, в связи

⁶⁴ Переписка Романовых, т. 5, стр. 143.

⁶⁵ С. Мельгунов. На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1934, стр. 141.

⁶⁶ Красный архив, 1928, № 1(26), стр. 191—192; Николай II и великие князья, стр. 117—122.

⁶⁷ М. Палеолог. Царская Россия накануне революции. М.—Пгр., 1923, стр. 294—297.

⁶⁸ Последние новости (Париж), 3 сентября 1924 г., № 1336.

⁶⁹ Красный архив, 1928, № 1(26), стр. 192, 194.

⁷⁰ Информационная записка, б. д., до 14 февраля 1917 г. ЦГАОР, ДП ОО, 1917 г., д. 307А, лл. 88—91.

с этими встречами вся буржуазная пресса заговорила около 20 января о предстоящей очередной реорганизации кабинета с назначением премьером либо Бобринского, либо Трепова, причем из кабинета должны были якобы быть удалены самые непопулярные министры. В случае создания кабинета Бобринского в него, будто бы, должны были войти некоторые наиболее умеренные общественные деятели, в числе которых называли видного московского промышленника Г. А. Крестовникова.⁷¹ К 25 января толки о новом правительстве прекратились. В феврале разговоры о возможности соглашения с блоком вели с Шульгиным Игнатъев и бывший товарищ министра внутренних дел князь Волконский.⁷²

Поскольку члены императорской семьи были скомпрометированы участием в убийстве Распутина и в составлении коллективного письма Николаю, для новых попыток убедить царя в необходимости уступок был опять выдвинут Клопов, которому была 29 января устроена аудиенция. Во время этой аудиенции и в ряде писем, переданных Николаю между 19 января и 13 февраля, Клопов выдвигал идею о необходимости создания ответственного министерства, немедленного созыва Думы и провозглашения амнистии. В письме от 7 февраля в качестве подходящего кандидата в премьеры ответственного министерства был назван Г. Е. Львов.⁷³ Тексты всех писем Клопова и план его разговора с Николаем были согласованы с Михаилом Александровичем.⁷⁴ Одновременно Клопов по-прежнему поддерживал связь с Львовым, который явно участвовал в разработке плана действий Клопова,⁷⁵ а Михаил встречался с Родзянко.⁷⁶ Возможно, по согласованию с Михаилом Родзянко организовал в январе—феврале кампанию выступлений дворянства в поддержку требований прогрессивного блока.⁷⁷ Эта кампания завершилась 9 и 10 февраля передачей московским предводителем дворянства Базилевским адреса московских дворян Николаю и аудиенцией Родзянко, из которой он вынес впечатление, что «никакие слова, ни убеждения не могут больше действовать».⁷⁸

⁷¹ Утро России, 19 января 1917 г., № 19.

⁷² В. В. Шульгин. Дни, стр. 90.

⁷³ Письма Клопова Николаю 19 и 29 января, 6, 7 и 13 февраля 1917 г. ЦГИА, ф. 1099, оп. 1, д. 15, лл. 1—3, 8—9, 12—13, 18—22 и 24—25; Конспект разговора Николая и Клопова 29 января 1917 г. Там же, д. 20, лл. 1—4.

⁷⁴ Клопов — Михаилу Александровичу, 19 января и 7 февраля 1917 г. ЦГИА, ф. 1099, оп. 1, д. 3, лл. 1, 2.

⁷⁵ Телеграмма Львова — Клопову, 19 января и 10 февраля 1917 г. ЦГИА, ф. 12564, оп. 1, д. 73, лл. 362, 390.

⁷⁶ М. В. Родзянко. Крушение империи. Л., 1929, стр. 208—209.

⁷⁷ Для организации этой кампании Родзянко устроил 4 января совещание с руководителями дворянства А. Д. Самариным и П. А. Базилевским. Во время совещания к нему приезжал Михаил (Дневник Базилевского. РО ГБЛ, ф. 15, п. IV, ед. хр. 1, лл. 78—80).

⁷⁸ Красный архив, 1926, № 1(14), стр. 245—246.

Настойчивые попытки сторонников соглашения с блоком воздействовать на Николая не увенчались успехом, но и среди тех, кто выступал против компромисса с думской оппозицией, также не было единства. В течение долгого времени основой концепции Протопопова была недооценка революционной ситуации в стране. Протопопов считал, что все дело в действиях сравнительно небольшой группы людей (человек в 300) и что, уняв их, он сможет предотвратить революцию.⁷⁹ В связи с заметкой одной из газет, радовавшейся выступлению дворянского съезда против «темных сил», Протопопов написал на полях обзора печати: «Вся эта оппозиция выросла на иве расстройств продовольственной части и тягот военных. Число ее вожаков невелико. Выразители ее — Дума, частица Государственного совета и группа дворян (далеко не все, не купечество, не капитал, не деревня)... Власть сильнее оппозиции и должна в это верить, тогда поверят и другие».⁸⁰ Говоря о слабости оппозиции Протопопов был прав. Но он полагал, что и рабочее движение направляется вождями этой оппозиции, и потому надеялся, усмирив либеральную оппозицию, тем самым «оттянуть революцию».⁸¹

Из этих представлений исходил план действий Протопопова — проведение (или, вернее, провозглашение) ряда реформ, способных укрепить лояльные элементы, преследование политических выступлений буржуазных организаций и самоуправлений, опора на черносотенные организации. Основными элементами программы реформ Протопопова были привлечение крупного капитала к более значительному участию в следующей Думе, предоставление свободы торговли и отмена ограничений для евреев.⁸² Кроме того, он планировал перевести духовенство на государственное жалование,⁸³ что в еще большей степени сделало бы его опорой правительственной политики, а также думал вернуться к идее наделения крестьян-фронтовиков за счет земель немецких колонистов и Крестьянского банка⁸⁴ (этот план обсуждался весной 1915 г. по инициативе Кривошеина). В январе 1917 г. в печати появились слухи о том, что Протопопов внес предложение провести более широкую земельную реформу на основе «принудительного отчуждения по справедливой оценке» помещичьих земель. Этот план расценивался прежде всего как средство припугнуть фрондирующее дворянство.⁸⁵ Сам

⁷⁹ Протокол допроса А. И. Опоприенко. ЦГАОР, ф. 1467, оп. 1, д. 447, л. 10.

⁸⁰ Доклад комиссара Временного правительства над Министерством двора в Чрезвычайную следственную комиссию 4 мая 1917 г. ЦГАОР, ф. 1467, оп. 1, д. 450, л. 46.

⁸¹ Падение царского режима, т. 4, стр. 6.

⁸² Там же, т. 1, стр. 113, 116, 120.

⁸³ Там же, стр. 173.

⁸⁴ Там же, т. 4, стр. 84—85.

⁸⁵ Русское слово, 25 января 1917 г., № 20.

Протопопов утверждал позднее, что Николай дал согласие на составление закона о земельной реформе такого типа для трех прибалтийских губерний.⁸⁶ В конце декабря 1916 г. Протопопов предложил Николаю свой план введения вместо парламентской ответственности министров, которой добивалась оппозиция, их «судебной ответственности» не только за незаконные, но и за нецелесообразные действия, причем Думе предоставлялось право возбуждать требование о такой ответственности. Этот план сохранял нетронутыми принципы самодержавия, поскольку дела о нецелесообразности действий министров должны были бы рассматриваться в особом «верховном судилище», назначенном царем, а решения этого «судилища» могли быть царем отменены.⁸⁷

Понимая, что его предложения о реформах встретят противодействие в правых кругах, и стремясь представить эти предложения как «голос масс», Протопопов инсценировал выступление московского Отечественного патриотического союза,⁸⁸ лидер которого — Орлов был к нему близок. 25 января Отечественный союз представил Протопопову записку о политическом положении, которую тот через Вырубову переслал Александру.⁸⁹ В записке выдвигались идеи Протопопова об опоре на «независимый и состоятельный торговый класс» и о необходимости привлечения на сторону правительства еврейской буржуазии, для чего предлагалось уравнять ее в имущественных правах с буржуазией православного вероисповедания.⁹⁰

Меры борьбы с политическими выступлениями оппозиционных лидеров включали, по мысли Протопопова, прежде всего роспуск Думы, поскольку в новой Думе Протопопов рассчитывал получить «благонадежное (консервативное) большинство».⁹¹ Практические шаги по подготовке выборов в новую Думу предпринимались Протопоповым начиная с октября 1916 г., но особую активность он проявил в декабре, в частности разослав губернаторам циркуляр о предоставлении сведений о составе избирателей и о возможных результатах выборов.⁹² Второй составной частью борьбы с оппозицией были меры по пресечению ее выступлений в местных самоуправлениях. 11 января Протопопов разослал циркуляр, требуя от органов Министерства внутренних дел на местах не допускать постановки на земских собраниях и в городских думах политических вопросов, немедленно доно-

⁸⁶ «Предсмертная записка» Протопопова. Голос минувшего на чужой стороне, 1926, № 2, стр. 180.

⁸⁷ Там же, стр. 186—187.

⁸⁸ Падение царского режима, т. 4, стр. 489.

⁸⁹ Там же, т. 1, стр. 164—165; т. 2, стр. 277.

⁹⁰ Новое время, 7 февраля 1917 г., № 14701.

⁹¹ Падение царского режима, т. 4, стр. 60.

⁹² Там же, т. 2, стр. 293.

силь в МВД о каждом случае, когда такие вопросы все же будут поставлены, и привлекать виновных в этом городских голов к судебной ответственности.⁹³ Наконец, Протопопов стремился усилить нажим на земский и городской союзы и военно-промышленные комитеты, используя для этого продовольственный вопрос, сокращая государственные ассигнования, лишая служащих союзов отсрочек по военной службе и ведя агитацию, направленную против буржуазных организаций и в защиту самодержавия.

Важная роль в такой агитации отводилась черносотенным группам. В первый момент после назначения Протопопова черносотенцы испугались его «либеральной» репутации. Но Протопопов заверял их в том, что он продолжит традиционную политику Министерства внутренних дел и будет субсидировать организации монархистов. В дальнейшем один из лидеров Союза русского народа Г. Г. Замысловский признавал, что ни он, ни Н. Е. Марков 2-й не могут в этом смысле пожаловаться на Протопопова.⁹⁴ Узнав о благоприятном впечатлении, произведенном на Александру верноподданнической телеграммой астраханского монархиста Тихановича-Савицкого, Протопопов решил организовать целый поток таких телеграмм, чтобы подкрепить свои утверждения о лояльности основных масс населения. С этой целью Протопопов обратился опять к Отечественному союзу Орлова, местные отделы которого получили указание слать телеграммы по образцу, разработанному полицейскими специалистами — Белецким и генералом Комиссаровым.⁹⁵ Эта кампания верноподданнических выступлений черносотенных групп, представлявших только самих себя, лишь усугубляла положение царизма, порождая у самих ее инициаторов иллюзию «массовой» поддержки и мешая оценить всю глубину революционного кризиса.

Правые в Государственном совете, группировавшиеся вокруг кружка Римского-Корсакова и вокруг Н. Маклакова, бывшего министра внутренних дел, который с осени 1916 г. снова приобрел все большее влияние при дворе, сходились с Протопоповым в неприятии к Думе и в недооценке революционного настроения широких масс. Н. Маклаков был, по его словам, «совершенно уверен в том, что в низших слоях... совершенно патриархальный взгляд на дело».⁹⁶ Поэтому он тоже, подобно Протопопову, убеждал Николая, что «внутренняя смута сильна не собой, она сильна слабостью и нерешительностью власти, неизменно упускающей дорогое время бесповоротно и не имеющей

для борьбы веры в себя и в свои права».⁹⁷ Но правые с подозрением и неприязнью относились к проектам Протопопова о земельной реформе и об отмене ограничений для евреев.⁹⁸ Кроме того, они выступали не за расширение, хотя бы фиктивное, прав Думы (судебная ответственность министров), а за их сужение, за превращение Думы в законосовещательный орган.

Еще в сентябре приезжавший в Петроград бывший председатель Совета министров И. Л. Горемыкин советовал вообще не созывать Думу.⁹⁹ В конце премьерства Штюрмера член кружка Римского-Корсакова М. Я. Говорухо-Отрок составил записку, в которой предложил план мероприятий, направленных на подавление революционного движения и усмирение буржуазной оппозиции.¹⁰⁰ Говорухо-Отрок рекомендовал назначить на все важнейшие посты людей, «не только известных своей издавна засвидетельствованной преданностью единой царской самодержавной власти, но и способных решительно и без колебаний на борьбу с наступающим мятежом и анархией». Эти люди должны придерживаться взгляда, что «никакая иная примирительная политика невозможна». В записке предлагалось распустить Думу без указания срока нового созыва и предупредить о предстоящем превращении ее из законодательной в законосовещательную, закрыть левую (имелась в виду буржуазная) прессу и содействовать усилению правых газет, назначить правительственных комиссаров во все общественные учреждения «для совершенного пресечения революционной пропаганды», обновить состав Государственного совета, усилив в нем правую группу, и принять меры против «выступлений революционной толпы». Записка эта была передана Штюрмеру для представления Николаю. То ли считая ее несвоевременной, то ли решив предложить упомянутые в ней меры от своего имени, Штюрмер не передал записки, вызвав этим раздражение правой камарильи. В связи с этим записка была вручена князю Н. Д. Голицыну, заместителю Александры по комитету помощи военнопленным, который и пе-

⁹⁷ Н. Маклаков — Николаю, 21 декабря 1916 г. ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 1288, лл. 10—11.

⁹⁸ Русское слово, 11 февраля 1917 г., № 34.

⁹⁹ Информационная записка, 6 ноября 1916 г. ЦГАОР, ДП ОО, 1916 г., д. 307А, т. 3, ч. 2, лл. 37—38.

¹⁰⁰ Эта записка была опубликована в книге А. А. Блока «Последние дни императорской власти» (Пгр., 1921) как записка, вышедшая из кружка Римского-Корсакова. Автор записки Блок не указывал, поскольку он не был известен С. П. Белецкому, со слов которого устанавливались ее происхождение и дальнейшая судьба (см.: Падение царского режима, т. 3, стр. 407; т. 4, стр. 382; т. 5, стр. 247). Говорухо-Отрока считают обычно автором только примечания к пункту 2-му этой записки, но, как видно из показаний Н. А. Маклакова, весь текст и записки и примечания принадлежал Говорухо-Отроку (там же, т. 5, стр. 286—289).

⁹³ Циркуляр Министерства внутренних дел, 11 января 1917 г. ЦГАОР, ф. 1467, оп. 1, д. 782, лл. 14—16.

⁹⁴ Падение царского режима, т. 4, стр. 484—485.

⁹⁵ Там же, стр. 486—487.

⁹⁶ Там же, т. 3, стр. 93.

редал ее Александре. Когда именно это произошло, к сожалению, неизвестно.¹⁰¹

Видимо, в конце декабря в кружке Римского-Корсакова была выработана другая записка, содержащая предложения правых по борьбе с оппозицией. 15 января Римский-Корсаков передал ее Протопопову. Записка была разослана и другим видным деятелям правящих кругов. В записке предлагалось пересмотреть законы о Государственной думе, произвести чистку государственного аппарата от недостаточно надежных людей, усилить правое крыло Государственного совета, направить все силы «к водворению порядка и спокойствия в стране», для чего поддерживать правую и преследовать буржуазную прессу, ослабить земский и городской союзы, усилить полицию и т. п.¹⁰² Сходные меры предлагались и в записке, составленной черносотенным членом Государственной думы Митроцким от имени «православных русских кругов Клева». Передавая ее 14 января Николаю, председатель Государственного совета И. Г. Щегловитов, один из крупнейших лидеров правых, характеризовал записку «как новое доказательство того, что истинные сыны нашей родины мыслят вовсе не так, как о том от имени всей страны решаются докладывать вашему величеству многие лица».¹⁰³ 16 января Н. Маклаков передал Николаю записку Говорухо-Отрока.¹⁰⁴ За изменение правил выборов в Думу и превращение ее в сословную высказывался Марков 2-й.¹⁰⁵

Следует отметить, что позиция Говорухо-Отрока отличалась от взглядов его коллег по Государственному совету. К своей осенней записке он приложил объяснение к пункту 2, касавшему роспуска и реформы Думы. В отличие от Маклакова, Римского-Корсакова и Протопопова Говорухо-Отрок видел основную опасность не в Думе и либеральной оппозиции, а в народном движении. Но Говорухо-Отрок считал бессмысленными попытки сговориться с буржуазной оппозицией, ибо «эти элементы столь слабы, столь разрозненны и, надо говорить прямо, столь бедны, что торжество их было бы столь же кратковременно, сколь и непрочно». Уступки либеральной оппозиции Говорухо-

¹⁰¹ В своих показаниях Белоцкий говорил, что Голицын передал записку Александре в последние дни премьерства Штюермера, т. е. в ноябре (Падение царского режима, т. 5, стр. 248). В переписке Николая и Александры нет, однако, никаких намеков на то, что Александрой было получено что-либо подобное, а по словам Маклакова, Говорухо-Отрок и в январе 1917 г. считал, что его записка не дошла до Николая (там же, стр. 287).

¹⁰² Записка Римского-Корсакова. Красный архив, 1927, № 1(20), стр. 242—244.

¹⁰³ «Записка, достойная внимания». Красный архив, 1926, № 5(18), стр. 207—210.

¹⁰⁴ Падение царского режима, т. 5, стр. 286. — Дата передачи установлена по дневнику Николая (Красный архив, 1927, № 1(20), стр. 129).

¹⁰⁵ Красный архив, 1927, № 1(20), стр. 242.

Отрок считал началом необратимого процесса полевения страны. Поэтому, несмотря на отличие в исходной точке рассуждений Говорухо-Отрока, вывод его совпадал с общим мнением правых — восстановление самодержавия в полном его объеме.¹⁰⁶

В последние месяцы существования монархии курс царского правительства все больше поворачивал вправо и позиции сторонников компромисса с оппозицией становились все более слабыми. В особенности усилило реакционные тенденции в правительственной политике убийство Распутина. Судьба Трепова была решена еще до этого убийства. 14 декабря Николай писал: «Противно иметь дело с человеком, которого не любишь и не доверяешь, как Трен. Но раньше всего надо найти ему преемника, а потом вытолкать его, — после того, как он сделает грязную работу. Я подразумеваю — дать ему отставку, когда он закроет Думу. Пусть вся ответственность и все затруднения падут на его плечи, а не на плечи того, который займет его место».¹⁰⁷

Сразу же после убийства Распутина Николай утвердил Протопопова, числившегося до того управляющим Министерством внутренних дел, министром внутренних дел, подчеркнув этим прочность его положения, и уволил в отставку ближайшего союзника Трепова — Макарова, назначив на его место распутинского ставленника Н. А. Добровольского. Комментируя отставку Макарова и обыгрывая его знаменитую фразу «так было и так будет», газета «Утро России» писала, что отставка этого реакционера, оказавшегося теперь недостаточно реакционным, показывает, что «видимо, так, как будет, никогда еще не было».¹⁰⁸ В последних числах декабря, пытаясь укрепить свои позиции, Трепов предпринял новую попытку добиться соглашения с блоком,¹⁰⁹ но потерпел неудачу. 27 декабря Трепов и Игнатьев ушли в отставку. Новым, последним премьером царского Совета министров был назначен князь Н. Д. Голицын, прямой ставленник Александры.¹¹⁰ Вся оппозиционная пресса расценила изменения в составе Совета министров как «поворот направо кругом», как такое изменение политического курса, в результате которого «вырисовываются все ярче контуры доконституционного прошлого».¹¹¹

1 января 1917 г. был опубликован указ об изменении состава Государственного совета. Этого изменения различные представители правых добивались в течение последних месяцев 1916 г.

¹⁰⁶ А. А. Блок. Последние дни императорской власти. Пгр., 1921, стр. 126—139.

¹⁰⁷ Переписка Романовых, т. 5, стр. 192.

¹⁰⁸ Утро России, 22 декабря 1916 г., № 356.

¹⁰⁹ Информационная записка, б. д., до 14 февраля 1917 г. ЦГАОР, ДП ОО, 1917 г., д. 307А, лл. 88—91.

¹¹⁰ Падение царского режима, т. 4, стр. 25.

¹¹¹ См., например: Речь, 28 декабря 1916 г., № 356.

Еще в октябре Протопопов подавал Александре записку, в которой указывал, что в правом крыле Государственного совета не хватает 10—15 голосов для большинства.¹¹² Записку Николаю о необходимости перемен в Государственном совете подавал в декабре Бадмаев.¹¹³ Кружки правых передавали свои предложения через Распутина, который, однако, сомневался в результатах задуманной операции, заявляя, что «правые тоже дураки. Все равно они ничего не сделают».¹¹⁴ Окончательный список новых членов Государственного совета был составлен в соответствии с пожеланиями Щогловитова,¹¹⁵ ставшего в конце декабря—начале января сильнейшей фигурой в правительственных сферах и назначенного председателем Государственного совета вместо «недостаточно твердого» Куломзина. Из состава Гос. Совета было выведено 8 членов группы центра, 4 правых (не посещавших заседаний по глубокой дрехлости) и 4 беспартийных. Вместо них были назначены исключительно правые деятели.¹¹⁶ В результате новых назначений правые и нейдгардтцы располагали большинством в верхней палате.

Первые же шаги правительства Голицына подчеркнули усиление крайне правых тенденций. 3 января Совет министров решил отложить очередную сессию Думы, открытие которой намечалось на 12 января. При этом большинство министров высказалось за отсрочку до 31 января, а «распутинская группа» (Протопопов, Добровольский, Раев, Кульчицкий) — до 14 февраля.¹¹⁷ Смысл отсрочки был несколько прикрыт опубликованием рескрипта Николая 6 января на имя Голицына о ближайших задачах правительства, в котором содержалась традиционная фраза о «благожелательном, прямом и достойном» отношении к Думе.¹¹⁸ Но за этим рескриптом последовали возвращение А. А. Катенина на пост председателя комитета по делам печати (он был смещен с этого поста в период уступок Думе в 1915 г.), высылка А. Амфитеатрова за фельетон против Протопопова,¹¹⁹ предупреждение о судебной ответственности гласных городских дум за внесение политических резолюций.¹²⁰

С середины января активизируется деятельность правящих кругов по подготовке вооруженного подавления революционных выступлений. Представив Николаю упоминавшийся в начале

статьи план подавления революционных выступлений в Петрограде, Протопопов сразу же стал добиваться выделения столицы в особый военный округ, не подчиненный Северному фронту, чтобы сделать командующего округом генерала Хабалова независимым от генерала Рузского, которому Протопопов не доверял.¹²¹ По его настоянию Верховный военный совет 3 февраля вывел Петроградский округ из подчинения Северному фронту.¹²²

С самого начала составной частью политики Протопопова было стремление изолировать буржуазную оппозицию от народных масс. Считая, что «связующим звеном между революционно настроенным рабочим населением и оппозицией» служит рабочая группа при Центральном военно-промышленном комитете,¹²³ Протопопов с января 1917 г. усилил преследования этой группы. В начале января полиция потребовала от председателя ЦВПК А. И. Гучкова, чтобы ЦВПК сообщал о времени и месте заседаний рабочей группы,¹²⁴ собираясь поставить их под контроль. 6 января были арестованы члены рабочей группы Московского ВПК и ряд рабочих, присутствовавших на ее заседании. Члены группы были затем освобождены, а другие участники заседания оставлены под арестом.¹²⁵ После стачки 9 января полицейские власти переходят к более активным действиям. В середине января были арестованы члены рабочей группы при Самарском ВПК.¹²⁶ Протопопов приказал спешно представить материалы о деятельности рабочих групп.¹²⁷ В поисках компрометирующих данных полиция явилась 20 января на заседание рабочей группы ЦВПК и разогнала его.¹²⁸ В распоряжении Протопопова оказались сведения о том, что рабочая группа ЦВПК готовит демонстрацию ко дню открытия Думы 14 февраля. В связи с этим Протопопов добился от Совета министров решения об усилении борьбы против рабочих групп,¹²⁹ а затем согласия Николая на арест рабочей группы ЦВПК.¹³⁰ В ночь на 27 января большинство членов группы было арестовано, причем в официальном сообщении МВД группе было вменено в вину, что она «стала обращаться в центральную организацию по подготовке и осуществлению рабочего движения в империю».¹³¹

Сразу после ареста рабочей группы Николай через Протопопова (и, вероятно, не без его совета) поручил Н. Маклакову со-

¹¹² Падение царского режима, т. 2, стр. 309.

¹¹³ Памятная записка Бадмаева, 26 декабря 1916 г. В кн.: За кулисами царизма. Л., 1925, стр. 35—36.

¹¹⁴ Падение царского режима, т. 2, стр. 59.

¹¹⁵ Там же, т. 4, стр. 458.

¹¹⁶ Речь, 1 и 14 января 1917 г., №№ 1 и 12.

¹¹⁷ Памятная записка И. Н. Лодыженского о заседании Совета министров 3 января 1917 г. Былое, 1919, № 15, стр. 7.

¹¹⁸ Речь, 8 января 1917 г., № 7.

¹¹⁹ Русские ведомости, 7 февраля 1917 г., № 30.

¹²⁰ Там же, 8 февраля 1917 г., № 31.

¹²¹ Падение царского режима, т. 4, стр. 93.

¹²² Речь, 7 февраля 1917 г., № 36.

¹²³ Падение царского режима, т. 4, стр. 87.

¹²⁴ Речь, 6 января 1917 г., № 5.

¹²⁵ Русские ведомости, 9 января 1917 г., прил. к № 6.

¹²⁶ Там же, 17 января 1917 г., № 13.

¹²⁷ Там же, 18 января 1917 г., № 14.

¹²⁸ Там же, 21 января 1917 г., № 17.

¹²⁹ Русская воля, 28 января 1917 г., № 27.

¹³⁰ Падение царского режима, т. 4, стр. 88.

¹³¹ Речь, 30 января 1917 г., № 28.

ставить проект манифеста о роспуске Государственной думы.¹³² Маклаков с радостью принял поручение и воспользовался случаем, чтобы еще раз подчеркнуть необходимость «не теряя ни минуты крепко обдумать весь план дальнейших действий правительственной власти». «Власть, — писал он, — больше, чем когда-либо должна быть сосредоточена, убеждена, скована единой целью восстановить государственный порядок, чего бы это ни стоило, и быть уверенной в победе над внутренним врагом, который давно становится и опаснее, и ожесточеннее, и наглее врага внешнего».¹³³

11 февраля Маклаков передал Николаю составленный им проект манифеста,¹³⁴ в котором Дума обвинялась в том, что она вместо «попечения о благе народном» «уклонилась в область политических стремлений и, на радость внешним врагам нашим, вступила в борьбу за власть с правительством, преисполненным искреннего желания дружной и совместной с ней работы». Выборы в новую Думу предполагалось отложить до декабря.¹³⁵

Явная реакционность внутриполитического курса царизма в последние месяцы перед Февральской революцией не подлежит сомнению. Однако в ней не было той целенаправленности и решительности, которые позволили бы характеризовать эту политику как «заговор царизма». Меры, намечавшиеся для подавления рабочего движения, не выходили за рамки традиционной карательной политики самодержавия. По отношению к буржуазной и думской оппозиции в правящих кругах так и не смогли выработать единой политики. Не даром 9 февраля Н. Маклаков все еще только призывал «обдумать весь план дальнейших действий».

Одобрив планы Протопопова на случай вооруженного подавления рабочих волнений и поручая Маклакову выработку манифеста о роспуске Думы, Николай, однако, стремился оттянуть решительное столкновение с оппозицией. Он поэтому сказал Маклакову, что манифест нужен ему лишь «на всякий случай»¹³⁶ и, действительно, не прибег к роспуску Думы, пойдя на созыв ее очередной сессии 14 февраля.

Все более отчетливо проявлялся развал власти. Важнейшая фигура правительства — Протопопов открыто игнорировал Совет министров, не принимая участия в его заседаниях и ведя закулисную политику.¹³⁷ Его коллеги платили ему тем же, demonstra-

¹³² Падение царского режима, т. 5, стр. 208.

¹³³ Н. Маклаков — Николаю, 9 февраля 1917 г. *Монархия перед крушением*, стр. 97—98.

¹³⁴ Н. Маклаков называл даты 9 и 11—12 февраля. В дневнике Николая встреча с Маклаковым записана под 11 февраля. (См.: *Падение царского режима*, т. 5, стр. 208, 287; *Красный архив*, 1927, № 1 (20), стр. 133).

¹³⁵ Проект манифеста о роспуске Думы. ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 1003, лл. 1—2.

¹³⁶ *Падение царского режима*, т. 5, стр. 208.

¹³⁷ Там же, т. 2, стр. 260.

тивно избегая участия в устраиваемых им официальных приемах. Министры уклонялись от работы в своих ведомствах, уходя в отпуск или сказываясь больными, поскольку для них становилось ясным, что именно они должны делать. Только А. А. Риттих, назначенный при Трепове министром земледелия вместо Бобринского, и Э. Б. Кригер-Войновский, сменивший Трепова в Министерстве путей сообщения, проявляли активность. Высшие чиновники министерств Юстиции и Просвещения считали своих министров временными людьми и избегали разработки крупных вопросов. В министерствах Финансов, Иностранных дел и Торговли ждали падения министров, а в Министерстве внутренних дел не знали, кому представлять доклады, так как и Протопопов, и его товарищи отказывались их принимать. Два товарища министра внутренних дел князь Волконский и Бальц вышли в отставку, не желая работать с Протопоповым. «Бюрократия, — констатировали «Русские ведомости», — теряет то единственное, чем она гордилась и в чем старалась найти искупление своим грехам — внешний порядок и формальную работоспособность».¹³⁸ Вслед за «министерской чехардой» создавалась «губернаторская чехарда». Лишь 38 губернаторов и вице-губернаторов сидели на своих местах с довоенного времени. В 1914 г. были назначены 12, в 1915 г. — 33, за девять месяцев 1916 г. — 43 высших представителя власти в губерниях.¹³⁹ При этом губернаторы плохо осведомляли правительство о положении дел на местах, не желая сообщать о неблагополучии, им же ставившемся в вину.¹⁴⁰

Различия во взглядах, существовавшие между Протопоповым и правыми из Государственного совета, личные трения между ним, Н. Маклаковым и Щегловитовым, широко распространявшиеся оппозицией слухи о психическом расстройстве Протопопова, вели к постоянным столкновениям в камарилье. Наибольшие колебания в отношении к Протопопову испытывали националисты-балашовцы, и вообще подумывавшие о тех путях выхода из кризиса, которые предлагала группа Трепова.¹⁴¹ Резкие разногласия между Союзом русского народа и Отечественным союзом еще больше усилились, когда Орлов выступил с протопоповским планом решения еврейского вопроса. Хулиганская выходка Маркова 2-го, который 22 ноября с думской трибуны назвал Родзянко болваном и мерзавцем,¹⁴² привела к расколу правой фракции Думы, из которой к 28 ноября вышло 35 человек.¹⁴³

¹³⁸ *Русские ведомости*, 5 января 1917 г., № 4.

¹³⁹ *Речь*, 3 января 1917 г., № 2.

¹⁴⁰ Дневник П. А. Базилевского. РО ГБЛ, ф. 15, л. IV, ед. хр. 1, л. 73.

¹⁴¹ Информационная записка, 14 января 1917 г. ЦГАОР, ф. 1467, оп. 1, д. 578, лл. 26—27.

¹⁴² Государственная дума. Сессия V, стлб. 370.

¹⁴³ Информационная записка, 28 ноября 1916 г. ЦГАОР, ДП ОО, 1916 г., д. 307А, т. 3, ч. 2, л. 132.

В обстановке этого развала царские власти не справлялись даже со своими карательными функциями, не решаясь заткнуть рот оппозиции. Буржуазная пресса выступала со все более резкой критикой всей системы управления страной, обходя цензурные ограничения с помощью прозрачного для всех «эзоповского языка». 22 января орган Рябушинского «Утро России» выпустил специальный номер, посвященный обоснованию требования ответственного министерства, вообще не сдав его на просмотр в цензуру. Никакой кары за это не последовало. То, что не могло все же попасть на страницы печати, распространялось нелегально. «С ноября 1916 г., — отмечала охранка, — публика в широких размерах проявляет интерес к политиканству, удовлетворяя его не бледными сообщениями газет, а всевозможными литографированными («речи» депутатов) и рукописными „новостями“». ¹⁴⁴ Особенно широко распространялись речи Милюкова, Чхеидзе и других в заседании 1 ноября, а затем речь Пуришкевича 19 ноября. К середине ноября экземпляры речи Милюкова были распространены вплоть до Поволжья, речь Пуришкевича через неделю стала известна в Курской губернии. За прочтение текста речи Милюкова в Петрограде брали по 3 руб., в провинции запретные речи продавались по 0.5—1 руб. за экземпляр, в связи с чем за их распространение взялся «промысловый люд», вставлявший отсебятину, чтобы было «погорячее». ¹⁴⁵ Широкое распространение получил отчет о заседании 1 ноября и в армии. ¹⁴⁶ В светских салонах открыто ругали императрицу, и Александра не без оснований жаловалась, что «никто не заступает, не делает выговоров, не наказывает, не ссылает, не штрафует этих типов». ¹⁴⁷ Фактически, несмотря на отдельные эффектные жесты вроде изменения состава Государственного совета и арест рабочей группы ЦВПК, царское правительство в последние месяцы существования самодержавного режима уже не контролировало развертывания событий не только в «низах», но и в «верхах» российского общества. В. И. Ленин говорил позднее, что к концу февраля 1917 г. правительство Николая Романова отличалось «беспомощностью», «дикой растерянностью», «полной потерей головы». ¹⁴⁸

Если даже внутренняя политика царизма, где было много противоречивых планов отдельных лиц и групп, но не было единого плана действий правящих кругов, не подходит под определе-

¹⁴⁴ Сведения петроградского охранного отделения в связи с приездом союзных делегаций. Буржуазия накануне Февральской революции. Центрархив, М.—Л., 1927, стр. 125.

¹⁴⁵ Русские ведомости, 8 декабря 1916 г., № 283.

¹⁴⁶ А. И. Деникин. Очерки русской смуты, т. I. Париж, 1921, стр. 35—36.

¹⁴⁷ Переписка Романовых, т. 5, стр. 198.

¹⁴⁸ В. И. Ленин, ПСС, т. 37, стр. 152.

ние «заговора», то еще в меньшей степени можно отнести такое определение к его политике в вопросе о сепаратном мире.

Большое внимание вопросу о сепаратном мире уделял в свое время В. И. Ленин. При этом он тщательно различал объективные тенденции поворота от империалистической войны к империалистическому миру и конкретные слухи о тех или иных переговорах между Россией и Германией. В статье «О сепаратном мире», опубликованной 6 ноября 1916 г. в газете «Социал-демократ», В. И. Ленин отмечал, что «царизм предпочел бы, конечно, сначала вполне разбить Германию, чтобы „взять“ как можно больше, и всю Галицию, и всю Польшу, и всю Армению, и Константинополь, и „добить“ Австрию и т. д.». Но если, подчеркивал В. И. Ленин, царизм убедился, что победить Германию он не в состоянии, «тогда царизм не может не искать мира с Германией». ¹⁴⁹ Поэтому В. И. Ленин с большим вниманием отнесся к сообщениям швейцарской газеты об идущих, якобы, в Швейцарии переговорах между Буловым, Штюрмером и Гирсом (русским послом в Италии). В то же время В. И. Ленин отмечал, что слухи эти «проверить по существу дела невозможно» и что «однаково возможен обман и со стороны России, которая не может признаться в ведении переговоров о сепаратном мире, и со стороны Германии, которая не может не попытаться рассорить Россию с Англией независимо от того, ведутся ли переговоры и насколько успешно». ¹⁵⁰

Вернувшись к этой теме в январе 1917 г. в брошюре «Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический», В. И. Ленин перечислил объективные признаки поворота в мировой политике к империалистическому миру, в том числе «успешные попытки Германии отколоть от ее главного империалистского соперника, Англии, того или другого союзника». ¹⁵¹ Оценивая шансы заключения сепаратного мира между Германией и Россией, В. И. Ленин написал: «Смея „право“ России на Константинополь признано всеми союзниками, создание Германией особого государства польского — эти признаки указывают как будто на то, что переговоры о сепаратном мире кончились неудачей». ¹⁵² Высказав мысль, что могло иметь место тайное соглашение о мире, В. И. Ленин тут же подчеркнул, что «верно это предположение или нет, решить нельзя». ¹⁵³ Наконец, в статье «Поворот в мировой политике», опубликованной 31 января 1917 г., В. И. Ленин вновь высказал мысль о возможности тайного соглашения, снова оговорив, что было ли оно заключено в действительности «знать нельзя», но что

¹⁴⁹ Там же, т. 30, стр. 188, 190.

¹⁵⁰ Там же, стр. 184.

¹⁵¹ Там же, стр. 241 (курсив наш, — В. Д.).

¹⁵² Там же, стр. 242.

¹⁵³ Там же, стр. 243.

для общей оценки международного положения это и несущественно, ибо ничего не меняет в объективном ходе развития событий.¹⁵⁴ В. И. Ленин при этом указывал, что страх перед революцией мог помешать царизму пойти на заключение сепаратного мира из-за неуверенности в позиции армии, «с генералами которой переписывается Гучков, а офицеры которой теперь больше из вчерашних гимназистов».¹⁵⁵

Итак, В. И. Ленин не связывал свой вывод о повороте к империалистическому миру с достоверностью слухов о сепаратном мире между Россией и Германией, указывая на объективные причины, которые должны были как толкать царизм к поискам такого мира, так и противодействовать его заключению. При этом самый слух о переговорах был почерпнут В. И. Лениным из швейцарской газеты, по-видимому, как указывал В. П. Семенович, из «Бернер Тагевахт».¹⁵⁶

Неофициальные контакты между Россией и Германией сохранялись и в годы войны. Александра в течение всей войны получала (через Данию и Швецию) письма от своего брата Эриста Гессенского, от Макса Баденского, от своей сестры Ирины Прусской, поддерживала связь с Германией через Комитет по делам военнопленных.¹⁵⁷ Самые письма германских родственников Александры были ею уничтожены и содержание их нам неизвестно, в пересказах же их в письмах Александры Николаю речь идет о семейных новостях, хотя один раз она упомянула и о попытке Эриста Гессенского устроить дипломатическую встречу русских и германских представителей в апреле 1915 г. В 1915 г. Германия неоднократно проявляла инициативу в попытках зондирующих переговоров о сепаратном мире. В начале 1916 г. такие попытки делались Г. Стиппесом. Во всех этих случаях инициатива исходила от Германии, а реакция русского правительства была отрицательной.¹⁵⁸ Одновременно германская дипломатия предпринимала аналогичные шаги в сторону Франции и Англии, поскольку целью всех этих попыток было расколоть антигерманскую коалицию и победить противников поодиночке.¹⁵⁹

В России, бесспорно, существовали круги, сохранившие и во время войны симпатии к Германии прежде всего как к оплоту монархического принципа. Мы имеем в виду крайне правых. В июле 1914 г. во время кризиса, вызванного австрийским ульти-

матумом Сербии, газета «Земщина» выступала против войны с Германией, заявляя, что такая война будет лишь «во славу Израиля» и что война России и Германии — это война «двух цивилизаций».¹⁶⁰ «Русское знамя» в эти же дни говорило о неестественности союза с Францией, который поддерживает «вредные для нашего государства разрушительные идеи».¹⁶¹ Даже в конце сентября 1914 г. «Русское знамя» все еще выступало против «бесповоротного полного разгрома монархической идеи и Германии как ее очага».¹⁶²

После образования прогрессивного блока и выдвижения им требования реорганизации правительства правые стали открыто выражать недовольство продолжением войны. «Земщина» в сентябре 1915 г. писала, что если правительство будет изменено в духе требований блока, то «стоит ли продолжать войну? — ведь все равно попадем под власть немцев и евреев»,¹⁶³ а известный черносотенец Н. А. Павлов («дворянин Павлов») заявлял, что неизвестно, «что будет хуже: победа Германии или республика, т. е. победа Милюковых?».¹⁶⁴ В связи с этим вновь стали появляться утверждения, что война России и Германии есть результат «заговора жидовства», стремившегося сравнить два оплота монархизма и христианства.¹⁶⁵ Князь Жевахов (будущий товарищ обер-прокурора Синода) выступал с аналогичными заявлениями в офицерском собрании в Ставке.¹⁶⁶ С лета 1916 г. резко усиливается антианглийская кампания правых. Петроградская охранка в октябре 1916 г. доносила, что «в обществе вращается множество памфлетов, направленных против Англии и требующих окончания войны и прочного мира с центральными державами».¹⁶⁷ В 1917 г. правые стали открыто высказывать сомнения в возможности победы¹⁶⁸ и подчеркивать военные успехи Германии.¹⁶⁹

Сведения о настроениях в России в пользу сепаратного мира просачивались в Германию. Адмирал Тирпиц в своих воспоминаниях утверждал, что осенью 1916 г. он разговаривал с русским, симпатизирующим Германии, и пришел к выводу о возможности заключения мира.¹⁷⁰ Если верить Эрцбергеру, то в сентябре он получил сообщение непосредственно из Петрограда, будто бы по

¹⁵⁴ Там же, стр. 342.

¹⁵⁵ Там же, стр. 341.

¹⁵⁶ В. П. Семенович. Политика Романовых накануне революции. М.—Л., 1926, стр. 53.

¹⁵⁷ См.: Переписка Романовых, т. 3, стр. 140, 174, 247, 332, 444; т. 4, стр. 125, 368.

¹⁵⁸ Эти попытки подробно описаны в книгах В. П. Семеновича, отметившего и отрицательную позицию царского правительства.

¹⁵⁹ См.: А. Манусевич. Попытки Германии расколоть Антанту в первый период мировой войны. Исторический журнал, 1944, № 7—8.

¹⁶⁰ Земщина, 17 и 19 июля 1914 г., №№ 1726 и 1728.

¹⁶¹ Русское знамя, 10 июля 1914 г., № 154.

¹⁶² Там же, 30 сентября 1914 г., № 220.

¹⁶³ Земщина, 24 сентября 1915 г., № 2138.

¹⁶⁴ Московские ведомости, 24 ноября 1915 г., № 270.

¹⁶⁵ Земщина, 9 декабря 1915 г., № 2211 и 12 июля 1916 г., № 2410.

¹⁶⁶ Кн. Н. Д. Жевахов. Воспоминания, т. I. Мюнхен, 1923, стр. 45.

¹⁶⁷ Доклад петроградского охранного отделения. Октябрь 1916 г. Красный архив, 1926, № 4 (17), стр. 25.

¹⁶⁸ Земщина, 11 января 1917 г., № 2573.

¹⁶⁹ Там же, 23 февраля 1917 г., № 2614.

¹⁷⁰ A. von Tirpitz. Erinnerungen. Leipzig, 1920, S. 270.

словам каких-то видных чиновников война надоела и Россия охотно заключила бы мир.¹⁷¹ Тот же Эрцбергер писал, что русский посланник в Швеции А. В. Неклюдов выражал удивление по поводу неловкой тактики немцев, которые своими преждевременными выступлениями в прессе компрометируют людей, выступающих в России в пользу мира.¹⁷²

В этой атмосфере казались правдоподобными утверждения лидеров прогрессивного блока, будто правые оказывают активное давление на Николая с целью заключения сепаратного мира. В частности утверждалось, что Н. Маклаков, Щегловитов и Таубе подавали записку, в которой высказывались за прекращение войны.¹⁷³ При этом имелось в виду особое мнение этих лиц, заявленное в конце 1914 г. при обсуждении польского вопроса, в котором на самом деле говорилось о необходимости разгрома Германии.¹⁷⁴ Выступая со своими обвинениями, лидеры блока заведомо знали, что они не соответствуют действительности.¹⁷⁵ Очевидно, столь же неосновательны были заявления и о другой записке правых за 150 подписями, в которой якобы содержалось требование сепаратного мира.¹⁷⁶ Лидеры блока так и не рискнули назвать ни одного из подписавших будто бы эту записку. Из сказанного ясно, с какой осторожностью следует подходить к разного рода слухам, появлявшимся в прессе в годы войны и подхватывавшимся либеральной оппозицией.

Большой интерес представляют переговоры, которые с 1/13 мая по 27 мая/9 июня 1916 г. известный журналист и предприниматель И. И. Колышко вел с германским капиталистом Г. Стиннесом. Перед отъездом в Стокгольм Колышко был принят Штюмером и вел переговоры с его введомом. При этом он говорил Стиннесу, что обсудил со Штюмером причины, затрудняющие заключение сепаратного мира, в числе которых была им названа и позиция Николая. Колышко сообщил Стиннесу, что для того чтобы обойти русское Министерство иностранных дел, он будет вести переписку со Штюмером через ближайшего сотрудника последнего, известного авантюриста И. Ф. Манасевича-Мануйлова, и рекомендовал Стиннесу познакомиться с Манасевичем.¹⁷⁷

Расчищая дорогу для дальнейших переговоров, Штюмер в июне—июле воспротивился принятию Советом министров декла-

¹⁷¹ М. Э. Эрцбергер. Германия и Антанта. М.—Пгр., 1923, стр. 202—203.

¹⁷² Там же, стр. 203—204.

¹⁷³ Государственная дума. Сессия IV, стлб. 2423.

¹⁷⁴ Русско-польские отношения в период мировой войны. М.—Л., 1926, стр. 19—23.

¹⁷⁵ См.: Речь, 7 марта 1916 г., № 65.

¹⁷⁶ Государственная дума. Сессия IV, стлб. 2582.

¹⁷⁷ Стиннес — Циммерману, 4/17 июня 1916 г. L'Allemagne et les problèmes de la paix pendant la première guerre mondiale. Documents extraits des archives de l'office allemand des Affaires étrangères. Paris, 1962, pp. 370—373.

рации по польскому вопросу и добился увольнения С. Д. Сазонова с поста министра иностранных дел, взяв этот пост в свои руки. Этот шаг Штюмера вызвал резкое недовольство Распутина.¹⁷⁸ В августе были сделаны приготовления, для того чтобы послать за границу с секретной миссией Манасевича-Мануйлова, для которого уже был заготовлен заграничный паспорт и разрешение на переезд границы без досмотра.¹⁷⁹ Любопытно, что тогда же Воейков стал широко высказывать уверенность, будто «война совершенно определенно кончится к ноябрю, а теперь, в августе, будет начало конца».¹⁸⁰ Это высказывание приобретает особый интерес, поскольку, подготавливая поездку Манасевича-Мануйлова по официальным каналам (через директора канцелярии Министерства иностранных дел при Ставке Базили), Штюмер, видимо, не рискнул сам назвать его имя, и кандидатура Манасевича была указана Базили ближайшим помощником Воейкова генералом Спиридовичем. Надо отметить, что Базили и Спиридович впоследствии давали противоречивые показания о целях поездки Манасевича-Мануйлова. Базили (может быть, искренне) говорил, что речь шла о попытке завязать отношения с «одной из балканских стран»,¹⁸¹ а Спиридович уверял, будто целью поездки была организация шпионажа.¹⁸²

Представляется неясным, действовал Штюмер с ведома Николая или нет. Во всяком случае весь этот эпизод остался без последствий, ибо 19 августа Манасевич был арестован за шантаж. Вместе него никто послан не был.¹⁸³

Сведения о встрече Колышко и Стиннеса просочились на страницы печати весной 1917 г. Однако им не было придано большого значения, и эта встреча рассматривалась лишь как подготовка состоявшихся в конце июня переговоров Протопопова с Ф. Варбургом. Последние произошли во время возвращения Протопопова и

¹⁷⁸ Падение царского режима, т. 2, стр. 52; Переписка Романовых, т. 5, стр. 142.

¹⁷⁹ Протокол допроса Лебедева, 10 апреля 1917 г. ЦГАОР, ф. 1467, оп. 1, д. 553, лл. 16—17.

¹⁸⁰ Переписка Романовых, т. 4, стр. 380.

¹⁸¹ Протокол допроса Базили, 14 апреля 1917 г. ЦГАОР, ф. 1467, оп. 1, д. 553, л. 18.

¹⁸² Протокол допроса Спиридовича, 16 мая 1917 г. ЦГАОР, ф. 1467, оп. 1, д. 553, л. 21.

¹⁸³ С именем Манасевича-Мануйлова связан еще один эпизод, получивший название «съезда докторов». Во второй половине июля (н. ст.) 1916 г. доверенное лицо Вильгельма II Карл Рене обратился с предложением о переговорах к корреспонденту «Нового времени» в Копенгагене А. Каро. В их переписке переговоры фигурировали под названием «консультаций докторов». Каро переслал всю переписку Манасевичу-Мануйлову. Очевидно, у него были основания полагать, что именно через Манасевича-Мануйлова предложение о переговорах попадет в нужные руки. Оно, однако, не дошло до Манасевича из-за его ареста (Копии писем Каро — Манасевичу-Мануйлову и телеграмм Рене — Каро и Каро — Рене. ЦГАОР, ф. 1467, оп. 1, д. 553, лл. 3—6).

ряда других членов делегации Думы и Государственного совета из Англии в Россию. Первоначально им не было придано серьезного значения ни Сазоновым,¹⁸⁴ ни английским послом в Петрограде Дж. Бьюкененом,¹⁸⁵ ни членами прогрессивного блока. Позже, уже в показаниях в Чрезвычайной следственной комиссии, Миллюков называл переговоры Протопопова и Варбурга «случайным эпизодом», «политически не важным».¹⁸⁶ Шум вокруг этой встречи был принят оппозицией в ходе ее кампании, имевшей целью свалить Протопопова.

Между тем встреча Протопопова и Варбурга действительно была случайной. Согласно донесению Фрица Варбурга, она произошла после того, как член русской делегации Олсуфьев заявил представителю акционерного общества «Мазут» в Швеции М. С. Гуревичу (видимо, русскому резиденту), что он хотел бы для полноты впечатлений о настроениях в Европе встретиться с каким-нибудь немцем. Гуревич организовал в номере гостиницы у директора «Мазута» Л. С. Поляка, также возвращавшегося в Россию, встречу Варбурга с Олсуфьевым и Протопоповым, причем Варбург первоначально ожидал увидеть одного Олсуфьева.¹⁸⁷ Нужно отметить, что Протопопов не делал тайны из своей встречи с Варбургом, не только сообщив о ней английскому посольству в Петрограде,¹⁸⁸ но и рассказывая о свидании буквально каждому встречному. Не вполне ясна роль Неклюдова. Он несомненно поддерживал контакты с германскими представителями в Швеции (так, он заранее знал или имел основания считать, что германский посланник Люциус не придет на встречу с Протопоповым). Такие контакты были тем более нормальны, что именно через Швецию осуществлялись сношения русского и германского Красного Креста и т. п. Но когда Протопопов, защищаясь от нападок оппозиции, просил Неклюдова подтвердить, что предупредил его о своей встрече, Неклюдов категорически отрицал это и даже утверждал, что никогда не слышал имени Варбурга,¹⁸⁹ забыв, как годом раньше сам же извещал Министерство иностранных дел о предложении Монкевица устроить встречу Варбурга с каким-нибудь русским финансистом.¹⁹⁰ По-видимому, Неклюдов боялся, что могли всплыть на поверхность какие-либо его разговоры

¹⁸⁴ Протокол допроса Сазонова, 24 марта 1917 г. ЦГАОР, ф. 1467, оп. 1, д. 547, л. 7.

¹⁸⁵ Бьюкенен — Грею, 15/28 июля 1916 г. Константинополь и проливы, т. 1, М., 1925, стр. 406.

¹⁸⁶ Падение царского режима, т. 6, стр. 339, 341.

¹⁸⁷ Люциус — Бетман-Гольвегу, 25 июля/8 июля 1916 г. L'Allemagne... pp. 391—394.

¹⁸⁸ Голос России, 19 марта 1921 г.

¹⁸⁹ Неклюдов — Нератову, 30 ноября/13 декабря 1916 г. Константинополь и проливы, т. 1, стр. 408.

¹⁹⁰ Неклюдов — Сазонову, 15/28 июля 1915 г. Константинополь и проливы, т. 2, стр. 376—377.

с Варбургом (или другим германским представителем) вроде тех, о которых писал Эрихбергер. Что касается возвышения Протопопова, то мы уже указывали на его связь с внутриполитическими планами царизма. Свидание с Варбургом дало Протопопову повод представиться Николаю и произвести во время аудиенции хорошее впечатление. Было ли это впечатление связано именно с его разговором с Варбургом, мы не знаем. Но любопытно, что в декабре, когда блок повел кампанию против Протопопова, тот специальным письмом просил Воейкова довести до сведения Николая, что он ничего не скрывал от Неклюдова. Протопопов явно боялся, как бы Николай не поверил в его причастность к каким-либо тайным переговорам.¹⁹¹

После переговоров Спиннеса и Колышко и встречи Варбурга с Олсуфьевым и Протопоповым и вплоть до января 1917 г. не было встреч между германскими и русскими представителями. Вильгельм II неоднократно напоминал руководителям своего ведомства иностранных дел о необходимости не упускать из виду задачу заключения сепаратного мира с Россией. Под этим углом зрения в августе—октябре 1916 г. шла переписка между германским Министерством иностранных дел и Верховным командованием по вопросу о Польше. Руководители дипломатической службы и сам Бетман-Гольвег подчеркивали, что подготавливаемый манифест об отделении Польши от России затруднит переговоры о мире.¹⁹² Военные руководители, однако, настаивали на таком манифесте, нуждаясь в дополнительных контингентах войск, которые они рассчитывали набрать после провозглашения польской «независимости». В конце концов точка зрения военных победила, и опубликование германского манифеста о Польше вызвало резкую реакцию в России.

Отказываясь выступить на протяжении второй половины 1916 г. с новой инициативой в пользу сепаратного мира, Бетман-Гольвег исходил из того, что все его прежние предложения встретили на берегах Невы «эхю насмешек»¹⁹³ и что следует дожидаться психологически благоприятного момента для нового демарша.

¹⁹¹ Копия письма Протопопова — Воейкову (6 д.), копия телеграммы Воейкова — Протопопову, 10 декабря 1916 г. ЦГАОР, ф. 1467, оп. 1, д. 448, лл. 77, 78. — Что касается телеграммы на имя Протопопова, полученных из Швеции по каналам Министерства иностранных дел, которые Миллюков считал относящимися к сепаратным переговорам (Падение царского режима, т. 6, стр. 339), то они в действительности были донесениями агентуры, занимавшейся сложной за политэмигрантами (Постановление следователя Чрезвычайной следственной комиссии Г. П. Гирчича, 2 октября 1917 г. ЦГАОР, ф. 1467, оп. 1, д. 552, лл. 110—115).

¹⁹² Бетман-Гольвег — Гинденбургу, 27 сентября/10 октября 1916 г. L'Allemagne... p. 512.

¹⁹³ Бетман-Гольвег — Фердинанду Болгарскому, 10/23 октября 1916 г. L'Allemagne... p. 522.

Такой момент мог, по его мнению, наступить зимой 1917 г.¹⁹⁴ При этом Бетман-Гольвег считал, что желания правых кругов в России заключить мир будет недостаточно, для того чтобы склонить к этому Николая, и необходимо переубедить русскую либеральную партию, выступающую за продолжение войны. Именно с этой точки зрения Бетман-Гольвег радовался назначению Протопопова министром внутренних дел — не из-за него самого, а из-за того, что видел в этом сближение Штюрмера с «левыми» и надеялся, что Штюрмер сумеет сдвинуть их с прежней позиции войны до победы.¹⁹⁵ Кроме того Бетман-Гольвег надеялся, что вслед за Протопоповым в кабинет Штюрмера войдет Коковцов,¹⁹⁶ которого в Германии считали сторонником мира.

В поябре в Софии и Берлине возникла идея использовать для нового демарша болгарского дипломата Ризова, пользовавшегося репутацией русофила. При этом фон Ягов подчеркивал, что выбор Ризова связан с необходимостью убедить в бессмысленности продолжения войны русских либералов, в частности Милюкова, с которым Ризов хорошо знаком.¹⁹⁷ В январе 1917 г. Ризов тайно выехал в Скандинавию, причем германское Министерство иностранных дел, извещая своих представителей об этом, называло целью поездки Ризова получение информации о положении в России от его русских друзей.¹⁹⁸ Вслед за тем Ризов явился сначала к Неклюдову, а затем к рускому посланнику в Норвегии К. Н. Гулькевичу с предложением телеграфировать в Петроград о желании Германии заключить мир с Россией.¹⁹⁹

Если германская дипломатия вплоть до поездки Ризова не предпринимала попыток начать переговоры о сепаратном мире, то русская дипломатия со своей стороны была еще более сдержанной. Е. Д. Черменский обратил внимание на опубликованную в 1926 г. «Предсмертную записку» Протопопова, считая ее важным аргументом в пользу существования «заговора царизма» с целью заключения сепаратного мира. Действительно, в предисловии П. Я. Рысса к этой записке передается рассказ Протопопова о том, что в декабре 1916 г. он советовал Николаю заявить союзникам, что Россия не в состоянии больше вести войну. Протопопов считал нужным предложить союзникам заключить мир

¹⁹⁴ Бетман-Гольвег — Гинденбургу, 27 сентября/10 октября 1916 г. L'Allemagne... , p. 512.

¹⁹⁵ Бетман-Гольвег — Фердинанду Болгарскому, 10/23 октября 1916 г. L'Allemagne... , p. 523.

¹⁹⁶ Бетман-Гольвег — Вильгельму, 19 сентября/2 октября 1916 г.; Гинденбургу, 27 сентября/10 октября 1916 г. L'Allemagne... , pp. 488, 512.

¹⁹⁷ Оберндорф — в Министерство иностранных дел, 2/15 ноября 1916 г.; Ягов — посольству в Софии, 5/18 ноября 1916 г. L'Allemagne... , pp. 564, 570—571.

¹⁹⁸ Циммерман — посольствам в Христиании и Копенгагене, 18/31 января 1917 г. L'Allemagne... , p. 689.

¹⁹⁹ Гулькевич — Покровскому, 22 января/4 февраля 1917 г. Константинополь и проливы, т. 2, стр. 384.

с Германией и предупредить, что если они откажутся, то Россия через несколько месяцев будет вынуждена выйти из войны одна.²⁰⁰ По словам Протопопова, Николай согласился с ним. Видимо, с этими предложениями Протопопова связаны, слухи о предстоящем заключении мира, ходившие в окружении его и Александры,²⁰¹ и слова Распутина о решении подписать мир с Германией, сказанные им Ф. Юсупову.²⁰² Но из этого рассказа Протопопова вытекает (в противоположность тому, что видит в нем Е. Д. Черменский), что до декабря 1916 г. Николай и его правительство еще не имели в виду окончания войны до разгрома Германии, а в декабре речь шла еще не о сепаратном мире, а о действиях совместно с союзниками. Курс на сепаратные переговоры мог быть взят (если он вообще имел место) лишь некоторое время спустя.

В этой связи показательна реакция русской дипломатии на демарш Ризова. Гулькевич считал необходимым тут же рассказать о нем союзным послам,²⁰³ отвергая, таким образом, возможность принятия предложения о сепаратных переговорах. Министр иностранных дел Н. Н. Покровский, с одной стороны, предложил Неклюдову и Гулькевичу, если Ризов повторит демарш, добиться от него более точной формулировки условий²⁰⁴ (но не предлагал проявлять инициативу самим!), а с другой — уже после переданных через Ризова германских предложений выражал во всеподданнейшей записке уверенность в победе над Германией и ставил вопрос о подготовке к октябрю 1917 г. экспедиционного корпуса для десанта в Константинополь.²⁰⁵ В ответ на эту записку Базили передавал 26 февраля Покровскому мнение начальника штаба Ставки генерала Алексева, что «судьба настоящей войны зависит от нанесения решительного удара немцам» и только после этого можно будет думать о десанте в проливах.²⁰⁶

Нет оснований утверждать, что Николай и Александра занимали в этом вопросе иную позицию, чем официальные руководители армии и дипломатического ведомства. Английский и французский послы, с тревогой следившие за развитием событий в России и не питавшие симпатий к царской чете, сходились во мнении, что Николай и Александра не хотят сепаратного мира.

²⁰⁰ Голос минувшего на чужой стороне, 1926, № 2, стр. 169.

²⁰¹ Протокол допроса полковника Пирани. ЦГАОР, ф. 1467, оп. 1, д. 446, л. 42.

²⁰² Записки П. М. Романова. Красный архив, 1931, № 6 (49), стр. 99.

²⁰³ Гулькевич — Покровскому, 24 января/6 февраля 1917 г. Константинополь и проливы, т. 2, стр. 385.

²⁰⁴ В. П. Семеновиков. Романовы и германские влияния. М.—Л., 1929, стр. 72.

²⁰⁵ Всеподданнейшая записка Покровского, 21 февраля 1917 г. Константинополь и проливы, т. 2, стр. 387—390.

²⁰⁶ Базили — Покровскому, 26 февраля 1917 г. Константинополь и проливы, т. 2, стр. 391—393.

В январе—феврале 1917 г. Палеолог сообщал в Париж, что отношение к войне — это единственное, в чем Николай солидарен с либеральной оппозицией,²⁰⁷ а Бьюкенен в это же время докладывал в Лондон: «Единственный пункт, в котором мы можем рассчитывать на его (Николай, — В. Д.) твердость — это война — и это в тем большей степени, что сама императрица, которая в действительности правит Россией, держится здравых взглядов на этот вопрос».²⁰⁸

Следует остановиться на двух аргументах, приводимых в пользу того, что в последние дни существования царизма были предприняты шаги для выхода России из войны. В публикации «Константинополь и проливы» приводится телеграмма английского посланника в Копенгагене Р. Паджета министру иностранных дел Э. Грею от 28 января/10 февраля 1917 г. Паджет утверждал, будто в Швеции идут переговоры между чинами русского и германского министерств иностранных дел.²⁰⁹ Мы видели, что даже переговоры без участия официальных лиц, если они действительно имели место, оставляли следы в документах. В данном же случае, несмотря на участие якобы в переговорах чиновников Министерства иностранных дел, в русских документах никаких следов не осталось. Насколько можно судить по очень обстоятельной монографии прогрессивного западногерманского историка Ф. Фишера,²¹⁰ нет таких документов и в германских архивах. Может быть, в основу этого слуха легли сведения, просочившиеся в Скандинавию о шагах, предпринятых Ризовым как раз в это время. Кроме того, не исключена возможность сознательной дезинформации, направленной на подрыв отношений между Россией и ее союзниками. Позднее, в июле 1917 г., Морской генеральный штаб утверждал, что одной из функций миссии Варбурга в Копенгагене и Стокгольме было именно распространение слухов о готовности России заключить сепаратный мир.²¹¹

Наибольшее значение советские историки придают обычно рассказу австрийского министра иностранных дел О. Чернина, согласно которому 13/26 февраля представитель нейтральной державы передал ему предложение от неназванного им государства заключить сепаратный мир с Австро-Венгрией и предупредил, что это предложение потеряет смысл, если станет известным

²⁰⁷ Последние новости (Париж), 10 апреля 1924 г.

²⁰⁸ Дж. Бьюкенен. Мемуары дипломата. М.—Л., 1924, стр. 180.

²⁰⁹ Паджет — Грею, 28 января/10 февраля 1917 г. Константинополь и проливы, т. 2, стр. 386.

²¹⁰ F. Fischer. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland, 1914/1918. Düsseldorf, 1961. — Публикация документов, которой мы пользовались выше (L'Allemagne...), доведена до середины января 1917 г., но Ф. Фишер пользовался теми же самыми архивными фондами.

²¹¹ Морской генеральный штаб — Чрезвычайной следственной комиссии, 5 июля 1917 г. ЦГАОР, ф. 1467, оп. 1, д. 552, л. 52.

«третьей державе, дружественной нам или той». Чернин расценил это предложение как исходящее из России. Он послал телеграмму (куда именно — он не сообщает), в которой соглашался на мир, но заявлял, что Австро-Венгрия неотделима от своих союзников. 24 февраля/9 марта Чернин получил ответ (откуда — опять-таки не сообщает), в котором оставался открытым вопрос о том, согласны ли авторы предложения распространить его и на союзников Габсбургской монархии.²¹² Из сообщения Чернина не ясно, и видимо было не ясно и ему самому, исходило ли предложение непосредственно от царского правительства или от каких-нибудь лиц, которые, как признает Чернин в другой ситуации (связанной с Италией), могли действовать без ведома правительства.²¹³

Опираясь на этот рассказ, И. И. Минц в «Истории гражданской войны» утверждал, что телеграмма 13 февраля была началом осуществления той программы борьбы с оппозицией, которая содержалась в письме Н. Маклакова Николаю от 9 февраля, где говорилось, что «враг внутренний» наглей и опаснее «врага внешнего».²¹⁴ Исключительно на совпадении дат строил свою схему и В. П. Семенов, утверждавший, будто на совещании правых 24 февраля (день получения Черниным второй телеграммы) было принято решение о сепаратном мире, хотя он сам должен был признать, что ему неизвестно, о чем говорилось на этом совещании.²¹⁵

По нашему мнению рассказ Чернина никак не может служить доводом в пользу готовности России в феврале 1917 г. выйти из войны. Даже если телеграммы, о которых он рассказывает, были посланы с ведома Николая и царского правительства, речь в них шла не о желании России заключить сепаратный мир с центральными державами, а о попытке втайне от Германии («третьей державы», дружественной Австро-Венгрии) начать переговоры с Австро-Венгрией, т. е. о расколе центральных держав.

Итак, нам представляется, что если в научный оборот не будут введены новые достоверные факты, нет оснований утверждать, будто царское правительство или придворная камарилья, помимо правительства, предпринимали реальные шаги для заключения сепаратного мира. Хотя у самодержавия были объективные причины стремиться к выходу из войны, хотя в среде правых существовало очень сильное настроение в пользу такого шага, хотя, наконец, Протопопов предлагал в декабре взять курс на мир и, возможно, получил принципиальное согласие Николая, практически царизм, насколько мы можем судить на основании имеющихся фактов, не встал на путь сепаратного выхода из войны.

²¹² О. Чернин. В дни мировой войны. Пгр., 1923, стр. 156—158.

²¹³ Там же, стр. 155.

²¹⁴ История гражданской войны в СССР, т. I, стр. 56.

²¹⁵ В. П. Семенов. Политика Романовых, стр. 60—61, 140.

Естественно, встает вопрос, почему же царизм не пошел на «заговор», не начал сепаратные переговоры о мире, не разработал и не попытался решительно провести в жизнь план разгрома всякой оппозиции режиму. В том, что касается вопроса о выходе из войны, дело заключалось прежде всего в страхе, что заключение сепаратного мира с Германией на условиях, которые она навяжет, приведет к свержению монархии буржуазной оппозицией и генералитетом, настроенными за продолжение войны. Царизм побоялся встать на путь сепаратного мира «по соображению о том, что при теперешнем состоянии России ее правительством могли бы тогда оказаться Милюков с Гучковым или Милюков с Керенским».²¹⁶

В вопросах же внутренней политики Николай, Александра и их окружение, при всем их страхе перед народными массами, все же недооценили остроту революционного кризиса, обращая внимание в первую очередь на оппозицию Думы и петроградского великосветского общества. Этому немало способствовала инспирированная Протопоповым и другими деятелями камарильи кампания верноподданнических писем и телеграмм от черносотенных организаций. Типичной для царской четы была реакция Александры на одну из таких телеграмм, полученную в середине декабря: «Одни, — писала она по этому поводу, — гнилые, слабые, безразличное общество, другие — здоровые, благомыслящие, преданные подданные — их-то и надо слушать, их голос — голос России, а вовсе не голос общества или Думы».²¹⁷ Это заблуждение разделял и Николай, который в конце декабря говорил своему флигель-адъютанту Н. П. Саблину, что «нарочно выбирает лиц, которых общественное мнение не любит и ненавидит, считая, что Россия одобрит эти назначения, а все неудовольствие идет исключительно из Петрограда».²¹⁸

При такой оценке ситуации Николай, очевидно, мог полагать, будто «положение не так трагично и все устроится»²¹⁹ и, полностью разделяя ненависть правых к Думе и либеральной оппозиции, не спешить с решительными мерами против нее, тем более что срок полномочий Думы истекал. Ее роспуск в ближайшее время мог быть осуществлен на «законных основаниях». К тому же Николай явно надеялся, что в случае отсрочки столкновения с оппозицией, оно произойдет в более благоприятных для царизма условиях. Выжидательная политика Николая основывалась (и в этом, очевидно, ключ к его тактике в январе—феврале) на расчете на успех весеннего наступления русской армии, о чем Николай говорил близкому к нему бывшему могилевскому губер-

натору Пильцу, а Щегловитов — министру народного здравия Г. Е. Рейну,²²⁰ также очень близкому к Николаю и Александре. Кстати сказать, либеральная оппозиция, мечтавшая о победе, в то же время очень боялась успеха этого наступления, думая, что его результаты «сразу в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство».²²¹ Именно на это и рассчитывал со своей стороны Николай. Эти надежды могли, кстати, сыграть роль и в подходе Николая к вопросу о сепаратном мире.

Выжидательная тактика Николая, противоречивые, часто взаимоисключающие планы Протопопова, Римского-Корсакова, Говорухо-Отрока и других были проявлениями глубокого кризиса власти, оказавшейся накануне Февраля в безвыходном тупике. Россия приближалась к революции. Ее дыхание все явственнее ощущалось на петроградских улицах, о ней все чаще и чаще говорили и писали буржуазные лидеры и перепуганные обыватели. «За эти три месяца, — записывала в декабре 1916 г. в своем дневнике племянница Родзянко З. В. Арапова, — произошла громадная перемена в настроениях общества, даже страшно становится, как мы неотвратимо, скачками летим к революции».²²² В это же самое время Милюков говорил о думской трибуне: «Мы переживаем теперь страшный момент. На наших глазах общественная борьба выступает из рамок законности и возрождаются явные формы 1905 г.»²²³ В январе Шингарев телеграммой спешно вызвал из Киева в Петроград Шульгина и заявил ему: «Мы идем к революции».²²⁴

Царское правительство (как и буржуазная оппозиция) шло навстречу революционной буре в состоянии разброда и растерянности. Перед лицом поднимающегося на борьбу пролетариата Николай и его окружение упрямо отказывались пойти на уступки либеральной буржуазии, не меньше самодержавия боявшейся рабочего класса. Но, единые в своем нежелании поступиться хотя бы частью традиционных привилегий, представители реакционного лагеря не могли стовориться между собой о методах подавления оппозиции. Склока в правительстве и камарилье продолжалась до последнего часа царизма. Самодержавный режим прогнил до такой степени, что оказался неспособным не только осуществить, но даже выработать план своего спасения.

²²⁰ Г. Е. Рейн. Из пережитого. 1907—1918, т. 2. Берлин (без года издания), стр. 161—162.

²²¹ Машинописная копия письма Милюкова (без указания адресата и даты). Архивная датировка — август 1917 г. ЦГАОР, ф. 579, оп. 1, л. 6392, л. 1.

²²² Дневник Араповой. РО ГБЛ, ф. 12, кор. 1, ед. хр. 9, л. 63.

²²³ Государственная дума. Сессия V, стлб. 1178.

²²⁴ В. В. Шульгин. Дни, стр. 86.

²¹⁶ В. И. Ленин, ПСС, т. 30, стр. 243.

²¹⁷ Переписка Романовых, т. 5, стр. 189—190.

²¹⁸ Из дневника Андрея Владимировича. Красный архив, 1928, № 1 (26), стр. 191.

²¹⁹ М. Палеолог. Царская Россия накануне революции, стр. 303.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ** — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук. СПб., 1836.
АВПР — Архив внешней политики России.
АН — Акты исторические, собранные и изданные Археографической экспедицией. СПб., 1841—1842.
АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. М., 1952—1964.
БАН — Библиотека Академии наук СССР.
ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина.
ГКЭ — Грамоты Коллегии экономии.
ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подготовил к печати Л. В. Черепнин. М.—Л., 1950.
ДРК — Древнейшая разрядная книга официальной редакции (по 1565 г.). М., 1901.
ИРЛИ — Институт русской литературы Академии наук СССР.
ЛГПИ — Ленинградский государственный педагогический институт.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова.
ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.
МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
МГИАН — Московский государственный историко-архивный институт.
НПК — Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией. СПб., 1859—1915.
ОР — Отдел рукописей.
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
ПСС — Полное собрание сочинений.
РАНИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией.
Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества.
РО — Рукописный отдел.
СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. М., 1813—1894.
ТКДТ — Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. Подготовил к печати А. А. Зимин. М.—Л., 1950.

ТОДРЛ

ЦГАДА
ЦГАЛИ

ЦГАОР

ЦГВИА

ЦГИА

ЧОИДР

- Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы Академии наук СССР.
 — Центральный государственный архив древних актов.
 — Центральный государственный архив литературы и искусства.
 — Центральный государственный архив Октябрьской революции.
 — Центральный государственный военно-исторический архив СССР.
 — Центральный государственный исторический архив СССР.
 — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От редакции	3
Н. Е. Носов. Собор «примирения» 1549 года и вопросы местного управления (на перепутье к земским реформам)	5
Р. Г. Скрынников. Самодержавие и опричнина. (Некоторые итоги политического развития России в период опричнины)	69
В. М. Паноях. Из истории политики царизма в холоньем вопросе в конце XVI века (помещики -- владельцы кабалных холопов)	100
В. И. Корецкий. К истории политики Василия Шуйского по крестьянскому вопросу	110
Л. Н. Семенова. Правительство и рабочий люд Петербурга в первой половине XVIII века	127
Л. Е. Шенелев. Из истории русского акционерного законодательства (закон 1836 г.)	168
В. Г. Чернуха. Правительственная политика и институт мировых посредников	197
Ю. Б. Соловьев. Правительство и политика укрепления классовых позиций дворянства в конце XIX века	239
Б. В. Анапич. Финансовый кризис царизма в 1905--1906 гг.	281
Р. Ш. Ганелли. Политика царизма и американский капитал во время первой мировой войны (конец 1915--начало 1916 г.)	321
В. С. Дякин. К вопросу о «заговоре царизма» накануне Февральской революции	363
Список сокращений	400

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА

*Утверждено к печати
Институтом истории Академии
наук СССР*

Редактор издательства Г. П. Цифринович
Художник М. И. Разумевич
Технический редактор М. И. Кондратьева
Корректоры Л. М. Бова, Ш. А. Иванова
и А. X. Салманова

Сдано в набор 28/XII 1966 г. Подписано к печати 9/III 1967 г. РИСО АН СССР № 75^б-99В.
Формат бумаги 60 × 90^{1/16}. Бум. л. 12^{1/4}.
Печ. л. 25^{1/4} = 25,25 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 27,95.
Над. № 3211. Тип. зак. № 9. М-24633. Тираж 3600. Бумага типографская № 2.

Цена 1 р. 85 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1
1-й тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34,
9 линия, д. 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ

Абсолютизм в России. XVII—XVIII вв. Сборник статей к 70-летию со дня рождения и 45-летию научной и педагогической деятельности Б. В. Кафенгауза. 1964. 520 стр. Цена 1 р. 91 к.

Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI вв.

Том 2. 1958. 727 стр. Цена 1 р.

Том 3. 1964. 688 стр. Цена 3 р. 85 к.

Буганов В. И. Московское восстание 1662 г. 1964. 136 стр. Цена 43 к.

Волков С. И. Крестьяне дворцовых владений Подмоскovie в середине XVIII в. (30-е—70-е гг.). 1959. 263 стр. Цена 30 к.

Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII—XVII вв. Труды Ленинградского отделения института истории. Вып. 2. 1960. 497 стр. Цена 50 к.

Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники. Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в. 1958. 498 стр. Цена 50 к.

Исследования по истории феодально-крепостнической России. 1964. 210 стр. Цена 73 к.

Клокман Ю. Р. Очерки социально-экономической истории городов Северо-Западной России в середине XVIII в. 1960. 223 стр. Цена 81 к.

Об особенностях империализма в России. 1963. 438 стр. Цена 1 р. 95 к.

Заказы на книги издательства «Наука» направляйте в магазины конторы «Академкнига»

Адреса магазинов:

Москва, В-463, Мичуринский пр., 12, «Академкнига»,
магазин «Книга — почтой»;

Ленинград, Д-120, Литейный пр., 57, «Академкнига»,
магазин «Книга — почтой»

Заказы выполняются наложенным платежом